46364

იუ. ანჩაბაძე ნ.ვოლკოვა

ძველი თბილისი

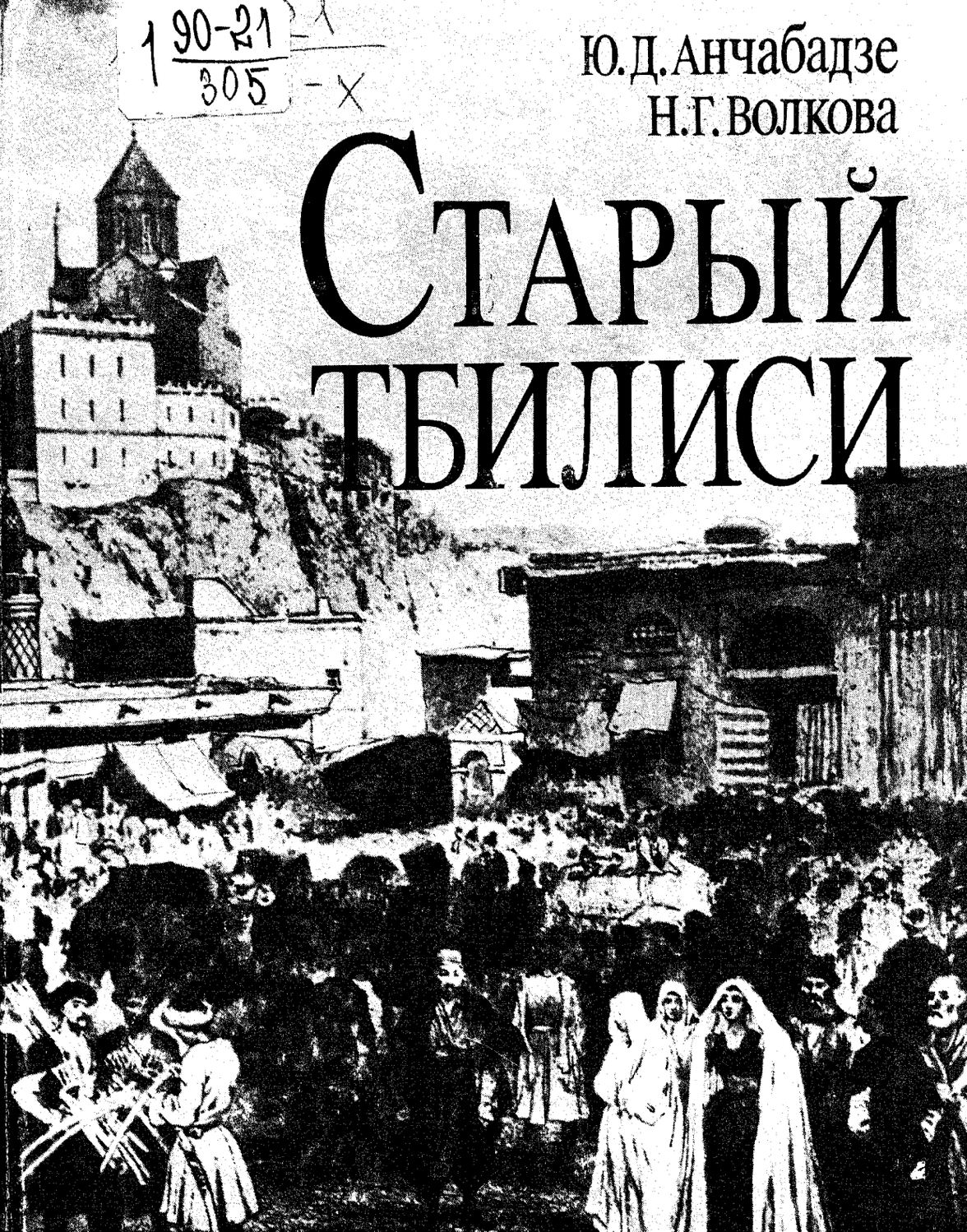
1 р. 90 к.

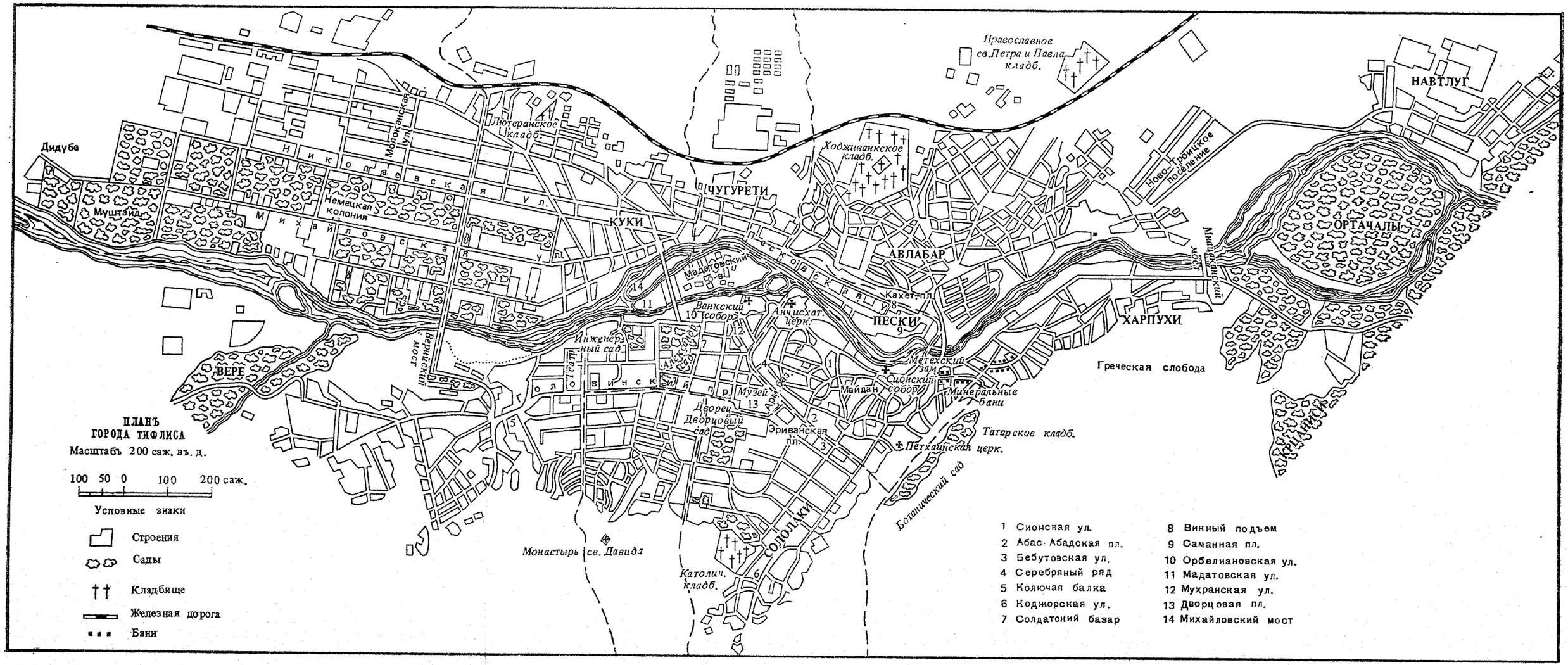
Ю.Д.Анчабадзе Н.Г.Волкова СТАРЫЙ ТБИЛИСИ

1 90-21/305

Ю.Д.Анчабадзе
Н.Г.Волкова

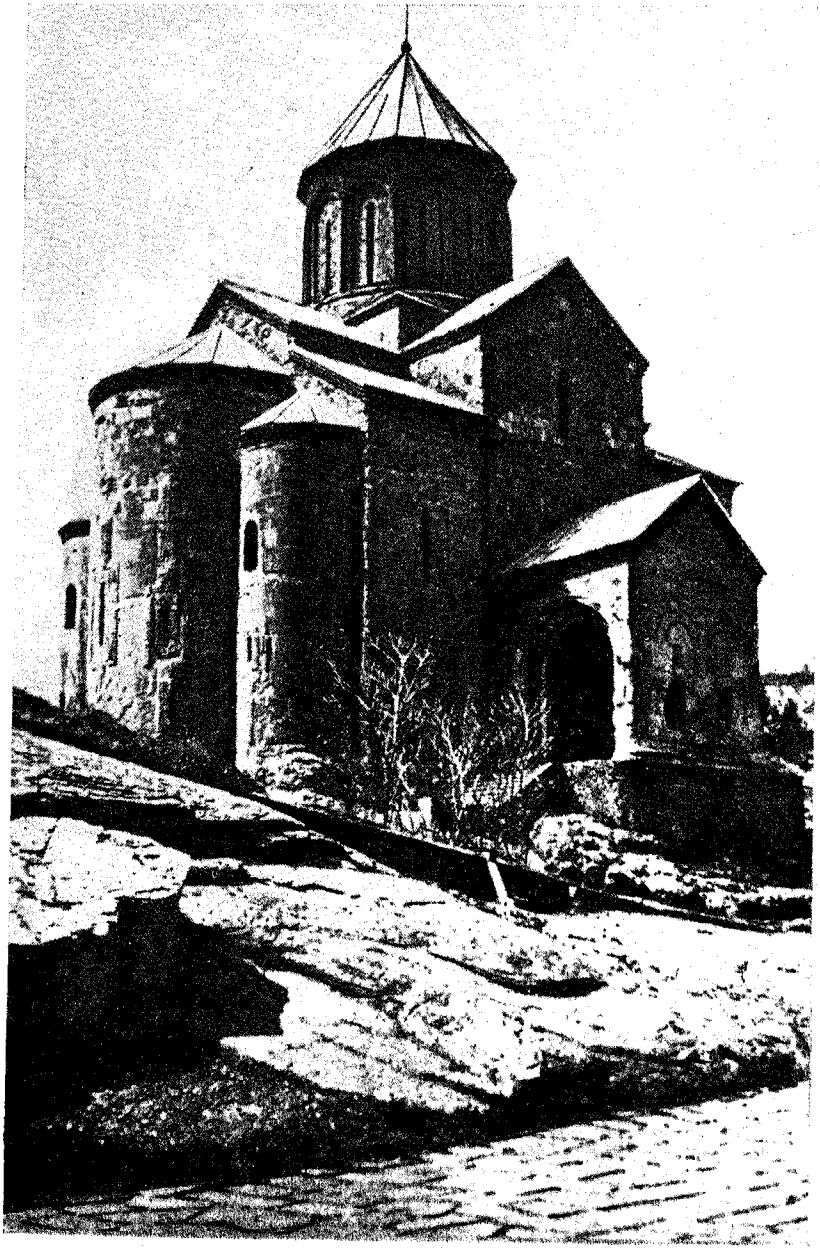
Старый Тбилиси





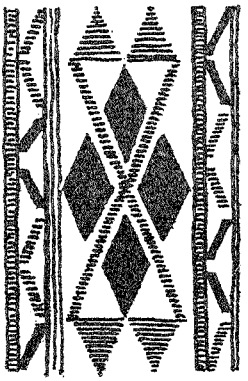
КАРТА г. ТБИЛИСИ 1880-х годов.

В основу положена карта из книги «Тифлис и его окрестности». Тифлис, 1896.



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Ю. Д. Анчабадзе
Н. Г. Волкова



Старый Тбилиси

Город и горожане в XIX веке

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. А. АРУТЮНОВ

МОСКВА НАУКА 1990

ББК 63.5(2)
А74

Рецензенты:
Кандидаты исторических наук
О. Р. Будина, Ю. И. Зверева

Государственная
библиотека
СССР
им. В. И. Ленина
1990

Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г.

А74 Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX в.— М., Наука. 1990.— 272 с.

ISBN 5-02-009979-1

Авторы раскрывают перед читателем панораму более чем вековой истории жизни города — от присоединения Грузии к России (1801 г.) до конца XIX в. Тбилиси всегда был многонациональным, а начиная с XIX в. представляет собой настоящий конгломерат народов, языков, религий. Авторы дают подробную характеристику каждой из национальных общин Тбилиси: особенности городской семьи и семейной обрядности, хозяйственный быт, городские праздники и увеселения. Уникальные фотографии, помещенные в книге, запечатлели уголки и сценки старого Тбилиси.

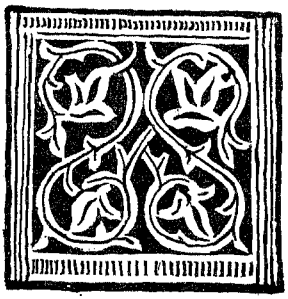
Для историков, этнографов, искусствоведов, краеведов и широкого круга читателей.

А $\frac{0505000000-361}{042(02)-90}$ — 106—90—I полуг.

ББК 63.5 (2)

ISBN 5-02-009979-1

© Ю. Д. Анчабадзе, Н. Г. Волкова, 1990 г.



ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга была задумана авторами уже давно. Причины, побудившие нас обратиться к изучению этнографии старого Тбилиси, не во всем могут быть четко определены. Вообще порой бывает очень трудно проследить за направлением исследовательского интереса, объяснить, почему из массы возможных для изучения фактов и материалов для исследователя особенно притягательным и интересным оказывается именно этот сюжет, именно этот аспект проблемы, этот ракурс исторической действительности. Ведь нередко первоначальная увлеченность темой носит во многом личный характер. Так, часто приезжая в Тбилиси на протяжении многих лет, мы с радостью и восхищением наблюдали за виртуозной работой грузинских архитекторов и реставраторов, бережно воссоздававших из небытия уголок старого города. Среди шумного потока современной жизни он стал как бы тихим островком прошлого, сохранив для нас образы уже ушедшей жизни.

История Тбилиси насчитывает более 15 веков. Ее суровые и героические вехи многократно отражены на лике города. Грозные руины Нарикала, неприступный страж Метехи, древний Сиони, Лурджи Монастери — все они безмолвные свидетели прошедших эпох, отшумевших битв, всего долгого — счастливого и горького — пути родного города.

Но та жизнь, памятником которой стали возрожденные улочки старого города, кипела еще совсем недавно. Здесь всюду видны ее осязаемые реалии: дома, в которых еще продолжают жить люди, стертые булыжники мостовых, старые фонари, льющие блеклый свет в темноту южной ночи. Кажется, сам воздух напоен ароматом другого времени, другой эпохи.

Но что мы знаем о старом Тбилиси, что нам известно о его жителях, их нравах и обычаях, привычках и обыкновениях? Одним словом, каков он был, так сказать, этнографический Тбилиси? Увы, оказалось, что старый Тбилиси еще не привлек в должной мере внимания исследователей. В библиографическом море кавказоведения удалось обнаружить лишь немногим более десятка нужных работ. Правда, выпав из поля зрения этнографов, Старому городу повезло в другом: он давно стал объектом поэтического ви́дения. Со времен Пиросмани художники и поэты рассказывают нам о старом Тбилиси, о его улочках, домах, резных бал-

конах, о красавицах из Ортачала, веселых и бесшабашных кинто. Художественно-поэтический образ старого Тбилиси сейчас тоже превратился в наше знание — специфическое, уникальное, субъективное, но без которого, вероятно, трудно понять исторические реалии недавнего прошлого города на Куре.

На сегодняшний день в этнографическом кавказоведении создалась парадоксальная ситуация — практически полное отсутствие специальных монографических исследований по этнографии города. Без сомнения, это явилось следствием долго господствовавшего в нашей науке ущербного представления о безэтничности городского быта, о неизбежном размывании традиционной культуры в урбанизированной среде, которая, таким образом, представлялась лишенной специфических черт, составляющи предметную зону этнографии.

Характерно, что это представление никем не было постулировано или обосновано, никогда не предпринимались попытки его теоретического доказательства. Тем не менее отрицательные установки этнографов на изучение городского быта стойко удерживались, вследствие чего профессиональные интересы исследователей, как и подвижническая собирательская деятельность многочисленных любителей «живой старины», сыгравших, как известно, огромную роль в развитии нашей науки, замыкались исключительно в пределах изучения и описания сельской культуры.

Выпадение города из исследовательского поля этнографии было вполне закономерным. При всем разнообразии спектра воззрений на предмет и объект этнографической науки, сформулированных как на самых ранних, так и на последующих этапах ее развития, в своей концептуальной части они в одинаковой степени были ориентированы на изучение архаических, пережиточных форм культуры, законсервировавшихся остатков предшествующих эпох социально-экономического развития. При такой постановке исследовательских задач этнографы естественным образом обращались к бытовому укладу сельского населения, находя здесь обширный материал для соответствующих изысканий. Немалую роль в формировании отмеченной ориентации этнографических исследований сыграли идеи европейского романтизма, получившие в начале XIX в. широкое распространение в России, с их акцентированным вниманием к фольклору, народному искусству, вообще национальной традиции в ее естественном бытовании. Мощный импульс этнографическим исследованиям дало народническое движение, однако идеологически оно опять-таки замыкало их на изучении бытового уклада крестьянского населения. В этих условиях полиэтничный город представлялся полным антиподом деревне, а культурно-бытовые традиции горожан — космополитизированными, оторванными от своей этнической основы. В соответствии с этим отсутствовали и побудительные мотивы для занятия этнографией города.

Однако подобные установки господствовали отнюдь не безраздельно. Хотя редко, но попытки охватить этнографическими исследованиями город предпринимались. В частности, в 1840-х годах подобная попытка была предпринята группой сотрудников Отделения этнографии Русского географического общества, разработавших и разославших на места программу для сбора этнографических сведений; ответы на эту программу

составляют сейчас ценнейший источниковедческий фонд для изучения русского города середины XIX в.[1] Вторая попытка относится уже к самому концу минувшего столетия и связана с именем В. Н. Тенишева, который также разработал программу для сбора этнографической информации по бытовой культуре города [2]. Однако эти единичные попытки не привели тогда к более серьезному и планомерному изучению города и общая ориентированность этнографических работ на изучение исключительно сельской культуры осталась прежней.

Таким образом, этнография города находится в стадии становления в качестве самостоятельного научного направления. Понадобилось как теоретическое утверждение принципа, по которому все население индустриально развитых стран, а следовательно, и его урбанизированная часть, является полноправным объектом этнографического изучения [3], так и обоснование включенности города в контекст народной культуры и осознание того большого вклада, который внесло городское население в ее развитие [4]. Эти тенденции стали особенно заметны в 1960-х годах, когда явственно обозначился интерес специалистов не к статике этнических ситуаций, а к динамическим процессам этнокультурного развития. В этом отношении город с его полиэтничностью, активным взаимодействием и взаимовлиянием разных этнических традиций, со спецификой урбанизированного образа жизни представлял для этнографа особый интерес.

Этнографическое изучение города началось с современности. Появился ряд интересных исследований, посвященных быту рабочих, составляющих, как известно, значительную часть городского населения [5]. Впоследствии проблематика исследований по этнографии современного города неизменно расширялась, охватывая как конкретные сферы и компоненты быта городского населения, так и общие этнокультурные проблемы, связанные с урбанизационными процессами.

Параллельно с изучением современного городского быта стали разворачиваться исследования по традиционной этнографии города; к настоящему времени мы уже располагаем рядом первоклассных работ, которые условно можно разделить на две группы. К первой относятся исследования, в которых традиции городского быта анализируются на материале группы городов [6], ко второй — исследования, построенные на материале одного города, как правило, крупного урбанизированного центра, игравшего значительную роль в политической, экономической, культурной жизни своего времени [7]. Предлагаемая читателям работа относится к этой группе. Авторы поставили задачей провести комплексное этнографическое исследование Тбилиси в хронологических рамках XIX — начала XX в. Такая постановка исследовательских задач потребовала анализа более частных проблем, которые, по мнению авторов, составляют в данном случае главный познавательный интерес. Так, необходимой предпосылкой исследования стало воссоздание основных этапов этнического и этносоциального развития Тбилиси. Для этого потребовалось реконструировать динамику этнического состава городского населения, его демографические показатели, соотношение социальных и этноконфессиональных групп.

Одной из важных задач исследования было воссоздание общего облика бытовой культуры тбилисцев и ее главных составляющих — хозяйства, жилища, одежды, пищи и их последовательного изменения за хронологический период, охваченный исследованием. В работе рассмотрены также семейный и общественный быт с сопутствующей им обрядово-идеологической сферой.

Одной из принципиальных проблем, к рассмотрению которой логически подводил исследуемый материал,— это многообразные этнические и этнокультурные процессы, протекавшие в Тбилиси в XIX — начале XX в., сложность которых многократно увеличивалась этнической, социальной и конфессиональной мозаичностью городского населения.

Авторы постарались в максимальной степени учесть работы предшественников. Различные аспекты этнодемографического развития Тбилиси были затронуты в трудах К. Д. Антадзе, Ш. А. Месхиа, Ш. Чхетия. Некоторые особенности этнических процессов среди населения Тбилиси рассмотрены в статье Т. А. Очиаури [8]. Большим вниманием исследователей пользовался хозяйственный быт жителей Тбилиси, прежде всего структура и организация городского ремесленного производства. Из дореволюционных работ следует указать на обстоятельные исследования С. А. Егиазарова и Ю. Ахвердова, которые рассмотрели многие аспекты функционирования амкарств — цехов, объединявших ремесленников одной специализации. Исследования тбилисского ремесла были продолжены в советской историографии. Крупным достижением в этой области стали труды Ш. А. Месхиа, рассмотревшего проблему в контексте социально-экономического развития городов феодальной Грузии. Из новейших исследований нужно назвать Н. Абесадзе, которая продолжила изучение амкарских организаций старого Тбилиси. Один из элементов традиционного хозяйственного быта населения Тбилиси — огородничество в ближайшей к городу округе — изучил Дж. Сонгулашвили [9].

Материальная культура городского населения изучена крайне недостаточно. Можно назвать ряд работ, в которых содержатся отдельные упоминания либо более или менее развернутые сюжеты, связанные с интересующей нас темой. В работе Н. А. Гватуа, посвященной грузинскому женскому костюму XIX — начала XX в., имеется материал по костюму тбилисских горожанок. Традиционный тип тбилисского жилища дарбази рассматривался в небольшой статье Н. Чубинашвили и фундаментальной монографии Л. Сумбадзе. Важный в этнографическом отношении материал содержится в книгах В. М. Беридзе, посвященных архитектуре старого Тбилиси [10].

В литературе получили отражение и некоторые другие аспекты бытовой культуры горожан. В. Дж. Итонишвили описал свадебные обычаи грузинского населения города. Н. А. Гватуа обратила внимание на роль бань в общественной жизни тбилисцев. Специфической сфере духовной культуры старого Тбилиси — городской поэзии посвятил свое исследование Г. Н. Шакулашвили. Г. Ш. Гоциридзе описал некоторые аспекты праздничного быта мусульманского населения Тбилиси [11].

Этим немногочисленным списком, к сожалению, исчерпывается библиография специальных работ, имеющих отношение к изучению бытовой культуры старого Тбилиси.

Однако нельзя не упомянуть об одной замечательной книге, автор которой на исходе первого двадцатилетия XX в. с любовью сумел воссоздать уходящую атмосферу старой тбилисской жизни. Это «Литературная богема старого Тбилиси», принадлежащая перу грузинского поэта Иосифа Гришашвили [12]. Содержащая огромное количество исторических фактов, тонко подмеченных этнографических наблюдений, это не исследование в строгом смысле слова, а скорее удивительный по искренности поэтический гимн любимому городу и его жителям. Порой даже тщательно подобранные беспристрастные архивные свидетельства бывают бессильны приоткрыть исследователю живую ткань бытовой повседневности прошедших столетий. И, видимо, только художественная интуиция поэта оказалась способной домыслить то, что в 1920-х годах еще смутно теплилось в воспоминаниях очевидцев, что еще можно было наблюдать в неразрушенных островках старого городского быта. В этом смысле книга И. Гришашвили останется лучшим из всего, что было или будет когда-либо написано о старом Тбилиси.

* * *

Наше исследование написано на материалах различных источников. Прежде всего это архивные материалы, собиравшиеся авторами в архивохранилищах Тбилиси, Москвы, Баку. Наиболее разнообразные и ценные документы по интересующей нас проблеме были выявлены в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР *. В частности, для реконструкции этнического и этносоциального состава населения Тбилиси были привлечены многообразные статистические материалы. Местная администрация всегда придавала большое значение учету населения и старалась по мере возможности иметь точную информацию о количестве жителей Тбилиси, их распределении по этническим, конфессиональным и социальным группам, о рождаемости, смертности, количестве заключенных браков и других показателях, которые объединялись в официальной документации несколько расплывчатой формулировкой «Движение населения».

Такого рода сведения почерпнуты в ежегодных отчетах тбилисской администрации, направлявшихся в вышестоящие инстанции. Здесь содержатся основные данные по этнодемографическому, конфессиональному и социальному составу населения Тбилиси. Большой материал был получен при анализе камеральных описаний населения Тбилиси, многократно проводившихся с 1803 г. по 1870-е годы. Осуществлявшиеся по одинаковой методике, данные камеральных описаний во многом сопоставимы и дают основную информацию по этническому, конфессиональному и социальному составу населения Тбилиси. По этим же аспектам анализировались многочисленные документы, отложившиеся в делах Тбилисского статистического комитета.

Незаменимым источником для реконструкции процесса формирования этнического состава населения Тбилиси оказались многочисленные документы по причислению новопереселенцев к составу городских жи-

---

* Считаем своим приятным долгом выразить благодарность заведующей читальным залом ЦГИА ГССР Х. С. Цхведадзе за помощь и консультации в процессе нашей работы.

телей. Материалы этого рода позволяют дать более детальную характеристику этнического состава населения Тбилиси, уточнить места выхода групп мигрантов и ответить на вопрос, представители каких локальных групп соответствующих этносов приняли участие в формировании национальных общин Тбилиси.

Ценнейшие сведения содержатся в посемейных списках населения Тбилиси, составленных в 1886 г. в рамках мероприятий по подготовке введения в Закавказье воинской повинности. Сводные материалы, извлеченные из посемейных списков, были опубликованы в 1890-е годы. Однако огромная масса интереснейшей информации осталась вне поля зрения публикатора, что побудило авторов обратиться к первичному материалу, отложившемуся в фондах ЦГИА ГССР.

Естественно, что в работе были использованы материалы переписей населения Тбилиси. Две из них проводились по инициативе местной администрации — в 1864/65 г. и в 1876 г., одна прошла в рамках Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Изучение семьи также велось преимущественно на основании анализа архивных материалов. Значительную информацию дали камеральные описания и посемейные списки жителей Тбилиси 1886 г., которые позволили реконструировать численность, родственный, поколенный и половозрастной состав семьи, определить динамику брачного возраста, межнациональной брачности.

Признавая важность для этнографических исследований статистических материалов XIX в., следует вместе с тем отметить и некоторую ограниченность этих исторических источников. Далеко не всегда, к сожалению, они в полной мере могут представить этнический состав населения Тбилиси. Главным образом сказанное относится к «мусульманской» группе тбилисцев, поскольку они записывались либо по конфессиональному признаку (мусульмане, шииты, сунниты), либо как «русскоподданные», «персидскоподданные», «турецкоподданные», либо значительная часть этой группы обозначалась весьма расплывчатым этнонимом «татары». Этим именем обычно назывались самые разные этнические группы Тбилиси: азербайджанцы, казанские татары, кумыки. Следует отметить также расширенное и нечеткое употребление в статистических материалах этнонима «лезгины», которым обозначались все народы Дагестана, а не только собственно лезгины

Укажем еще один недостаток дореволюционной статистики — это в иных случаях замена этнической принадлежности группы ее конфессиональной принадлежностью. Поэтому в некоторых документах XIX в. в качестве этнической группы выделялись, например, шииты, католики. Армяно-католики чаще всего фиксировались отдельно от армян григорианского вероисповедания. Нельзя не отметить также, что армяно-католики включали не только армян, но и грузин.

Недостаток дореволюционной статистики делает сложным анализ не только этнического состава населения, но и структуры семьи, уровня брачности и т. д. у всех этнических групп Тбилиси до 1866 г., а у местных мусульман и позднее. Так, в камеральных описаниях до конца 1860-х годов в списках семей поименно даны только мужчины, женщины же обозначены лишь общим числом. Это лишает нас возможности понять

целый ряд демографических аспектов и особенностей тбилисской семьи для названного периода: родственный и поколенный состав, брачный возраст, детность и т. д. В дальнейшем, правда, в документальных материалах пореформенного времени данные о женщинах в посемейных списках не ограничиваются только констатацией их общей численности, а включают множество позиций, важных для характеристики структуры семьи. Однако данная ситуация была характерна только для христианского населения Тбилиси. В камеральных описаниях первой половины XIX в. в списках семей местных мусульман поименно учитывались только мужчины, в дальнейшем стали указывать также общее число женщин в семье. Все это лишает нас возможности полноценно представить структуру семьи азербайджанцев, персов, казанских татар. Иногда такого рода сведения дают косвенные данные, содержащиеся в различных документах.

Фактически невозможно (за редким исключением) по этническим группам восстановить естественный прирост, поскольку рождаемость и смертность населения Тбилиси регулярно не учитывались. К тому же в большинстве эти данные давались в конфессиональном разрезе: православные, т. е. грузины, русские, осетины, греки и др., шииты (азербайджанцы, персы), сунниты (дагестанцы, казанские татары, частично азербайджанцы), католики (армяне, грузины, поляки, французы и т. д.).

Следует отметить еще один существенный недостаток статистических материалов прошлого века. Итоги переписей, проводившихся в Тбилиси, несопоставимы по всем позициям. Например, данные по социальному составу в переписи 1876 г. не соответствовали этим же данным в переписях 1864 и 1897 гг. То же самое нужно сказать в отношении этнического состава населения. Если в основе переписей 1864 и 1876 гг., как и посемейных списков 1886 г., по этому вопросу учитывались два признака: национальность и родной («домашний») язык, то в переписи 1897 г., как известно, учитывался только один признак — родной язык, что делает не сопоставимыми названные переписи в отношении этнического состава населения, а также его языковой компетенции.

В ряде случаев архивный материал дал важную информацию по различным аспектам бытовой культуры старого Тбилиси. Планы домов, отложившиеся в делах Тбилисской строительной комиссии, позволяют представить основные типы жилища, бытовавшие в городе на протяжении XIX в. Такие специфические документы, как списки погибшего при стихийных бедствиях имущества жителей Тбилиси, списки приданого, дают информацию об одежде, утвари и других предметах домашнего обихода, имевших распространение в разных этнических и социальных группах тбилисского населения, о степени проникновения в традиционный быт предметов европейского происхождения, что в конечном счете свидетельствует о происходивших интенсивных культурно-бытовых процессах.

Однако для изучения последних гораздо большее значение имели литературные источники. Прежде всего это многочисленные публикации XIX — начала XX в., в которых нашли отражение различные стороны бытовой культуры тбилисцев за исследуемый период. Эти публикации частью выходили отдельным изданием, но в большинстве своем оказались

разбросанными по многочисленным повременным и периодическим изданиям прошлого — начала текущего столетия. Особенно полезной для нас оказалась информация тбилисских газет, которые, ориентируясь на интересы своих читателей, всегда уделяли внимание этнографическим материалам.

Использованные нами литературные публикации различны по жанру: от полубеллетристических повествований до работ научно-популярного характера, а также по глубине, осмыслению описываемых явлений. Однако в любом случае они представляли для нас первостепенный интерес как свидетельства современников и очевидцев, воочию наблюдавших быт горожан. Из достаточно обильной литературы, в которой нашла отражение этнография старого Тбилиси, назовем наиболее ценные работы. Это разносторонние очерки Г. И. Басхарова, зарисовки тбилисского быта 1840-х годов С. Кишмишева, серия статей о традиционных тбилисских праздниках Е. В. Вердеревского и Е. Т.-А., статьи В. Дановского о социально-профессиональных группах старого Тбилиси [13].

Информация многочисленных тбилисских газет — «Кавказ», «Новое обозрение», «Тифлисские новости», «Тифлисские ведомости», «Тифлисский листок», «Закавказский вестник» и др.— дала исследованию чрезвычайно интересный материал. Ежедневно, из номера в номер печатавшиеся сообщения городской хроники запечатлели бытовую повседневность тбилисских улиц, донесли до нас разнообразную информацию по многим аспектам этнографической действительности Тбилиси того времени. Часто газетная хроника содержит сведения по тем сторонам бытовой культуры, данные о которых отсутствуют в других источниках.

Наконец, третью категорию источников настоящего исследования составили изобразительные материалы. Это прежде всего документальные фотографии, источниковедческие возможности которых, на наш взгляд, еще недооценены. Авторы активно работали с богатейшим фотонаследием известных тбилисских мастеров Д. Ермакова и А. Роинова (Роинашвили), создавших своими работами иллюстрированную летопись города. На фотографиях Д. Ермакова и А. Роинова запечатлено все многообразие этнографической действительности того времени: типы горожан, виды города, уличные сценки. Фотографии дают ценнейший материал по одежде, жилищу, утвари, в известном смысле отражают городские нравы. Авторы активно используют материалы фотоархивов Государственного музея Грузии АН ГССР, Государственного Исторического музея, ЦГА кинофотодокументов в Тбилиси.

Авторы также обращались к замечательному фотоальбому «Старый Тбилиси», на страницах которого нашло отражение этнографическое разнообразие древнего города [14].

Другой вид изобразительных источников — это картины, гравюры, книжные иллюстрации. Безусловно, они уступают фотографии в документированности и адекватности передачи деталей. Данный вид изобразительных материалов привлекался авторами в качестве источников прежде всего для начала XIX в., когда фотография еще не существовала и изображения тбилисской жизни и быта, запечатленные художником, являлись единственным наглядным свидетельством жизни первых десятилетий XIX в.

В процессе работы над книгой авторы неоднократно обращались также к предметам городского быта прошлого века, хранящимся в музеях Тбилиси и Москвы: в Государственном музее Грузии, Государственном историко-этнографическом музее г. Тбилиси, Государственном музее искусства народов Востока.

* * *

Тбилиси * — один из древнейших городов мира. Многое пришлось ему пережить за свою полуторатысячелетнюю историю: победы и поражения, славу и забвение. Бывали периоды, когда город надолго отторгался врагами от родной земли, когда казалось, что он уже никогда не будет принадлежать грузинской истории. Но древний город был неотделим от Грузии, от ее судьбы и каждый раз, проходя сквозь бури испытаний, возвращался в лоно взрастившей его Отчизны.

Испокон веков грузины называют свою столицу «Калаки» — город. Тбилиси для них просто Город, единственный и неповторимый, прекрасный и молодой. Каждый древний город имеет поэтическую легенду о своем возникновении. Есть такая легенда и у Тбилиси... Однажды некий грузинский царь охотился в дремучих лесах, существовавших когда-то на территории будущей столицы. Охота складывалась удачно. Метким выстрелом из лука царь ранил оленя (по другому варианту — фазана). Однако, бросившись за своим трофеем, царь оказался свидетелем чуда: истекавший кровью олень, припав к бившему из-под земли горячему серному источнику, мгновенно исцелился и в могучем прыжке скрылся в лесной чащобе. Пораженный увиденным, царь повелел заложить на этом месте город...

Легенда не донесла до нас имени царя-основателя, однако в народной памяти эта великая честь принадлежит Вахтангу Горгасалу — одному из самых выдающихся государственных деятелей древней Грузии. Правивший во второй половине V в. н. э., Вахтанг, по летописному свидетельству, возвел на месте Тбилиси укрепленную цитадель, которая стала оборонительным форпостом против персидской экспансии. Выгодное географическое положение города способствовало его быстрому росту. Тбилиси становится крупным торговым центром, здесь успешно развиваются ремесла, растет население. Сын Вахтанга — Дачи переносит сюда из Мцхета свою столицу. При царе Гураме (конец VI в.) город продолжал строиться. Появилось немало светских и культовых сооружений; последние должны были подчеркнуть значение Тбилиси как столицы государства, уже несколько столетий развивавшегося в лоне христианской религии (крещение Грузии состоялось в IV в.). Однако в начале VII в. Тбилиси попадает под власть персов, разместивших в городе свой гарни-

---

* Название Тбилиси происходит от грузинского слова *тпили* — «теплый». В средневековых восточных источниках (арабских, турецких, персидских) город известен под названием Тифлис. В этой же огласовке данный топоним был воспринят русскими. После вхождения Грузии в состав России Тифлис стал официальным наименованием города, продержавшимся до 1936 г. Однако в книге мы предпочли придерживаться исконного имени грузинской столицы, хотя, естественно, что в ряде случаев в тексте употребляется и старое, дореволюционное название города.

зон. В последующие десятилетия Тбилиси видел у своих стен и других завоевателей — византийских легионеров, хазарские полчища; в VIII в. жестокую память о себе оставили арабы. Им удалось отторгнуть Тбилиси от Грузии и сделать его центром вассального эмирата.

Власть арабов продолжалась более двух столетий. Превратив Тбилиси в важнейшую опору своего владычества на Кавказе, завоеватели тем не менее никогда не чувствовали себя здесь достаточно уверенно. Время от времени арабы устраивали против тбилисцев карательные экспедиции, направленные на устрашение населения. Особенно жестокую расправу над жителями города учинил арабский военачальник Буга, взявший в 858 г. город приступом.

Однако арабскому владычеству приходит конец: в середине XI в. грузинский царь Баграт IV силой возвращает Тбилиси и вновь делает город столицей государства. Через несколько десятилетий жителям вновь пришлось отступить перед грозным и жестоким врагом — на этот раз перед турками-сельджуками, захватившими Тбилиси. Но в 1122 г. войска царя Давида IV Строителя освободили город.

В XII—XIII вв. Грузия переживает блистательный период своей истории. Благодаря успешной внутренней и внешней политике Давида IV Строителя и его правнучки царицы Тамар было возведено мощное здание грузинской государственности. Олицетворением силы и блеска державы была ее прекрасная столица. К этому времени Тбилиси стал одним из крупнейших городов Передней Азии, славился как центр ремесел и торговли, средоточие культурных и интеллектуальных сил страны. Население города было полиэтничным: наряду с грузинами, здесь жили армяне, представители мусульманских народов, Тбилиси посещали европейские путешественники.

Однако уже при ближайших преемниках Тамар на долю Тбилиси выпали тяжелейшие испытания. Разделив участь всей страны, город в 1226 г. подвергся разорению войсками хорезмийского султана Джелал-ад-Дина. Это было первое звено в цепи бед, обрушившихся на Грузию и ее столицу. В 1238 г. Тбилиси был захвачен монголами, более чем на столетие установившими здесь свое господство.

Царь Георгий IV Блистательный (1318—1346) останавливает монгольскую экспансию, но недолго наслаждался Тбилиси спокойствием мирной жизни. Полчища Тимура взламывают границы Грузии, и в 1388 г. хромой завоеватель берет столицу приступом. Город подвергся неслыханному разгрому; не успевшие скрыться жители были вырезаны, окрестности лежали в развалинах. Но город возродился. Царь Александр (1414—1442) украсил столицу новыми зданиями, обезопасил крепостными стенами. Однако, как оказалось впоследствии, они не могли спасти Тбилиси от нового разорения. В 1440 г. в Грузию вторгаются персидские войска, которые захватывают и разрушают Тбилиси.

С этого периода начинается более чем двухвековая борьба Грузии с натиском шахской Персии. Это были века предельного напряжения сил. Истекая кровью, грузинский народ героически противостоял жестокой агрессии, отстаивая свою землю, веру и столицу. В течение этого периода Тбилиси несколько раз переходил из рук в руки, причем положение усугублялось турецкими притязаниями: турки усиливали давление на

юго-западные рубежи Грузии и султанским янычарам неоднократно удавалось захватывать город.

Один из наиболее кровавых следов в истории Тбилиси оставил 1616 год. Задумав окончательно расправиться с непокорными грузинами, персидский шах Аббас I подверг страну страшному разорению. Тбилиси был взят, после чего в городе остался сильный персидский гарнизон. Грузинские цари получали престол из шахских рук, отдавая взамен свою веру. Персидское влияние стало проникать во все поры государственного организма, высшее сословие стало подражать персидским вельможам, обращенные в мусульманство цари заводили в своих дворцах порядки персидского двора. Особенно преуспел в этом царь Ростом (1636—1658), но он же способствовал возрождению Тбилиси, отстроил его великолепными зданиями, украсил садами.

Последующие два столетия тбилисской истории также не были спокойными. Извечное соперничество Персии и Турции неоднократно выливалось в ожесточенные столкновения. При этом к захвату Тбилиси в одинаковой степени стремились обе стороны. Казалось, что страданиям и несчастьям его жителей не будет конца. Лишь выдающемуся государственному и военному деятелю, царю объединенного восточногрузинского Картл-Кахетинского царства Ираклию II (1744—1798) удалось на время укрепить границы и обезопасить свою столицу от прямых нападений неприятеля.

Одной из главных целей внешнеполитической деятельности Ираклия II были поиски путей сближения с единоверной Россией. В 1783 г. в крепости Георгиевской на Северном Кавказе был заключен Дружественный договор (Георгиевский трактат), который оформил военный и дипломатический союз двух государств. Обеспокоенный таким поворотом событий грозный властелин Персии Ага-Мохаммедхан решает наказать непокорных грузин. В 1795 г. на Крцанисском поле под Тбилиси произошла битва. Город вновь оказался в руках неприятеля, пережив еще один акт своей трагической истории. В течение пяти дней Тбилиси был погружен в ад. Население было фактически вырезано, остатки бежали в горы, столица была превращена в развалины.

Медленно, тяжело восстанавливался Тбилиси. Застраивались пепелища, возвращались беженцы, возрождались ремесла и торговля. Но на город обрушиваются новые беды: неурожай, эпидемии чумы и холеры. Смерть царя Ираклия II в 1798 г. погружает страну в траур. Новый царь Георгий XII не может положить конец раздорам в многочисленном царском семействе. С его кончиной в декабре 1800 г. столкновения противоборствующих группировок в борьбе за власть еще более усиливаются. Нестабильностью политического положения в Грузии решило воспользоваться царское правительство. Императорским манифестом от 12 сентября 1801 г. оно объявило о низложении грузинского царствующего дома и о присоединении Грузии к Российской империи.

Вслед за этим Восточная Грузия была преобразована в Грузинскую губернию с пятью уездами. Впоследствии на территории Грузии были учреждены три губернии: в восточной части Тифлисская и Телавская, в западной — Кутаисская. В новой социально-политической ситуации Тбилиси не только не потерял былого значения, но со временем, став

административным центром Кавказского края, выдвинулся в ряд крупнейших городов Российской империи. С организацией новой системы управления Грузией в Тбилиси сосредоточились многочисленные учреждения и ведомства. Вся полнота гражданской и военной власти первоначально находилась в руках главноуправляющего; одновременно он возглавлял Верховное Грузинское правительство, членами которого были царские чиновники и выборные представители грузинского дворянства. Городское управление было сосредоточено в руках тбилисского генерал-губернатора, непосредственно подчиненного главноуправляющему.

С 1845 по 1881 г. Тбилиси был столицей Кавказского наместничества, во главе которого стоял царский наместник. После ликвидации наместничества Тбилиси продолжал оставаться центром Кавказа. Здесь находились головные управленческие учреждения, резиденция главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войск Кавказского военного округа.

Государственные реформы, последовавшие вслед за отменой крепостного права (с 1864 г.), коснулись и системы городского управления. Отныне городские дела решались на заседаниях городской думы и управы. Немалую роль в решении специфических вопросов городской жизни играли ремесленная управа, система судебных учреждений, а также духовные ведомства: синодальная контора экзарха Грузии, армяно-григорианская епархиальная контора, суннитский и шиитский губернские меджлисы.

Административно Тбилиси был поделен на полицейские участки, число и границы которых на протяжении XIX в. беспрерывно менялись. Однако в обыденной жизни гораздо большее значение сохраняло деление города на его исторические части: Авлабар, Майдан, Харпухи, Куки, Вере, Ортачалы и др.

Тбилиси быстро рос. Скинув старое обличье типично азиатского города, он за считанные десятилетия обрел респектабельный европейский вид, обзавелся прямыми широкими проспектами, домами новейшей архитектуры, конкой, фуникулером, многими достижениями современного ему коммунального хозяйства. Тбилиси активно рос и как промышленный центр, а с открытием движения по Закавказской железной дороге город стал важным транспортным центром в регионе.

Тбилиси в XIX в. являлся крупнейшим культурным центром, он сыграл выдающуюся роль в развитии грузинской культуры нового времени. В Тбилиси жили известные писатели, публицисты, общественные деятели, представители интеллектуальной элиты нации. Соломон Додашвили, Александр Чавчавадзе, Николоз Бараташвили, Григол Орбелиани, Дмитрий Бакрадзе, великий Илья Чавчавадзе внесли огромный вклад в развитие национальной литературы, осмысление новых исторических задач, вставших перед грузинским народом, в формулирование идей национально-освободительного движения. В Тбилиси издавалась демократическая грузинская пресса, развивались книгопечатание, национальный театр.

Однако Тбилиси во многом суждено было стать средоточием национально-культурной жизни других народов Кавказа. Многие годы здесь жили и творили замечательные армянские писатели Х. Абовян,

Г. Сундукян, крупный этнограф и общественный деятель С. С. Лисициан. В Тбилиси работали известные азербайджанские просветители А. Бакиханов и М.-Ф. Ахундов.

Тбилиси сыграл выдающуюся роль в деле духовного сближения грузинской и русской культур. Соединив свои исторические судьбы, Россия и Грузия скрепили их дружбой и товариществом лучших своих сынов. Пушкин, Грибоедов, Г. Гагарин, Я. Полонский, сосланные на Кавказ декабристы и многие другие русские люди, волею судеб попадая в Тбилиси, с открытым сердцем приобщались к стихии грузинской жизни, обретая здесь музу, любовь и преданных друзей. Именно в Тбилиси начинали свою деятельность великие русские таланты — Шаляпин, Горький...

Тбилиси не был чужд и европейских влияний. Богатый и красивый южный город восхищенные путешественники часто называли «Париж Востока». Однако он навсегда сохранил специфические черты своего старого быта. Стремительные темпы европеизации сосуществовали здесь с естественными импульсами народной жизни, что обусловило яркое своеобразие быта и культуры многонационального населения древнего города на всем протяжении XIX в.

[1] *Рабинович М. Г.* Ответы на программу Русского Географического общества как источник для изучения этнографии города // ОИРЭФА. 1971. Вып. V.

[2] *Рабинович М. Г.* Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (Программа В. Н. Тенишева) // ОИРЭФА. 1968. Вып. IV.

[3] *Токарев С. А.* О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран // СЭ. 1967. № 5; *Покшишевский В. В.* Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // СЭ. 1969. № 5; *Будина О. Р., Шмелева М. Н.* Этнографическое изучение города в СССР // СЭ. 1977. № 6; *Рабинович М. Г., Шмелева М. Н.* К этнографическому изучению города // СЭ. 1981. № 3.

[4] *Рабинович М. Г.* Город и традиционная народная культура // СЭ. 1980. № 4.

[5] *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Проблемы этнографического изучения современного русского города // СЭ. 1964. № 5; *Абесадзе Н., Бериашвили Л.* Некоторые вопросы современного быта и культуры населения Телави // Новый быт и культура рабочих Грузии. Тбилиси, 1965; *Джавахишвили Г. Н.* Быт и культура рабочих Ткибули. Тбилиси, 1971 (обе — на груз. яз.); *Рождественская С. Б.* Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.). М., 1972; *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974 и др.

[6] *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; *Будина О. Р., Шмелева М. Н.* Общественные праздники в современном быту русского городского населения // СЭ. 1979. № 6; *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба у русских горожан в прошлом и настоящем. М., 1980; *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

[7] *Сухарева О. А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962; *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1984; Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982.

[8] *Антадзе К.* Население Грузии в XIX в. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); *Месхиа Ш. А.* Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, 1957; *Чхетия Ш.* Тбилиси в XIX в. Тбилиси, 1942; *Он же.* Армяне в Тбилиси в шестидесятых годах XIX в.// Историко-филолог. журнал АН Арм. ССР. Ереван, 1958. Вып. 3; *Очиаури Т. А.* Этнические процессы в Тбилиси // Мацнэ. 1988. № 2.

[9] *Егиазаров С. А.* Городские цехи. Организация и внутреннее управление закавказских амкарств // ЗКОИРГО. 1891. Вып. 14; *Месхиа Ш. А.* Города...; *Абесадзе И. Н.* Ремесленное производство и быт ремесленников в городах Грузии (вторая половина XIX — начало XX в.). Тбилиси, 1986 (на груз. яз.); *Сонгулашвили Дж.* Огородничество в окрестностях Тбилиси. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

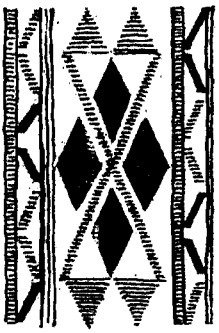
[10] *Гватуа Н. А.* История костюма. Грузинский женский костюм XIX — начала XX в. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.); *Чубинашвили Г. Н.* Крестьянский дарбази в Дигоми // Пламя. Тифлис. 1924; *Сумбадзе Л.* Архитектура народного жилища дарбази. Тбилиси, 1986; *Беридзе В. М.* Архитектура Тбилиси. Т. 1. Тбилиси, 1960; Т. 2. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.); см. также: *Цинцадзе В.* Тбилиси. Архитектура старого города и жилые дома первой половины XIX в. Тбилиси, 1958; *Квирквелия Т. Р.* Архитектура Тбилиси. М., 1985.

[11] *Итонишвили В. Дж.* Некоторые свадебные обычаи старого Тбилиси. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.); *Гватуа Н. А.* Бани старого Тбилиси // Сборник трудов гос. историко-этнограф. музея Тбилиси. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); *Шакулашвили Г. Н.* Из истории поэзии старого Тбилиси. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.); *Гоциридзе Г. Ш.* Мусульманский праздник мохаррам в Тбилиси. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).

[12] *Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. Тифлис, 1928 (на груз. яз.). Русский перевод см.: *Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1977.

[13] Ссылки на литературные источники даются в тексте работы.

[14] Старый Тбилиси. Составитель Герсамиа Т. Тбилиси, 1984.



Глава первая

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ТБИЛИСИ

Специфика формирования и динамика этнического, социального и конфессионального состава населения Тбилиси были тесно связаны с политической и социально-экономической обстановкой в Грузии в конкретный период исторического развития. Изменения этнической и демографической ситуации в Тбилиси, как в зеркале, отражали благоприятные и трагические ситуации в истории города, драматические события, нередко прерывавшие ход его исторического развития. Тбилиси бывал не только полностью разрушен, но во многом заново формировалось его население, которое, естественно, во многом отличалось по своей этносоциальной структуре от прежнего. На процессы формирования населения Тбилиси прямое воздействие оказывали не только особенности исторического развития самой Грузии, но и соседних регионов Кавказа и Передней Азии. Именно в особенностях общекавказской, шире — ближневосточной исторической ситуации находит объяснение, например, постоянный рост численности в Тбилиси армянского населения. Завоевание сельджуками Армении в XIII—XIV вв. дало толчок к массовому переселению тысяч армян, которые в процессе миграций образовали значительный этнический массив в Тбилиси и его окрестностях. В XIV—XVII вв., в период укрепления в Грузии феодальных отношений, все более интенсивными становятся переселения в Тбилиси крестьян — грузин и армян, занимавшихся в городе ремеслом и торговлей [1].

До начала XIX в. Тбилиси — резиденция грузинских царей, политический, административный и экономический центр Картл-Кахетинского царства. После включения в 1801 г. Грузии в административную систему Российской империи Тбилиси становится крупнейшим административным центром Кавказского края. С этого периода отмечен постоянный рост в городе русского населения.

Наконец, большая роль Тбилиси в торгово-экономических связях, как внутренних, так и внешних, в том числе в транзитной торговле Кавказа с Востоком, а в XIX в.— с Россией и Западной Европой, обусловливала наличие в городе прослойки иностранных негоциантов. Впрочем, в иностранную общину входили не только купцы и торговые предприниматели, но и представители других профессий, люди духовного сословия и др. Все эти факторы накладывали отпечаток на этнические и этнокуль-

турные процессы, протекавшие в Тбилиси на протяжении прошлого — начала этого столетия.

В историческом развитии Грузии XIX в. можно выделить два существенно различных этапа, разделенных крестьянской реформой 1864—1871 гг. Последняя существенным образом повлияла на социальную структуру городского населения. До реформы основная его часть состояла из крепостных крестьян, в городе занимавшихся ремеслом и торговлей. Прослойка социально свободных горожан при постоянном ее росте оставалась все же незначительной. Также медленно увеличивалось число живших в Тбилиси представителей привилегированных слоев общества, очень незначительных в первой трети XIX в. Иная социальная ситуация создалась в городе в пореформенное время, когда основной контингент его населения составили лично свободные горожане.

Численность населения

Демографическое развитие Тбилиси в XIX в. отличалось постоянным ростом населения, давшего за столетие многократное увеличение. При этом главная особенность динамики заключалась в значительном превышении механического прироста над естественным, в исключительно высоком уровне иммиграции. Иммиграционный поток был настолько мощным, что полностью нейтрализовал те социально-экономические и социально-политические факторы, которые оказывали неблагоприятное воздействие на демографическую ситуацию в Тбилиси. Правда, в первые десятилетия XIX в. они были еще достаточно сильны и без их учета невозможно понять особенности демографического развития Тбилиси в этот период.

Низкие цифры населения Тбилиси в начале века связаны с последствиями тяжелейшего разгрома, которому подвергся город во время нашествия войск Ага-Мохаммедхана в 1795 г. Город был полностью разрушен, население частично погибло, частично ушло с царем Ираклием II в горы. В результате численность населения Тбилиси в конце XVIII в. резко сократилась. Последствия этой демографической катастрофы сказывались, естественно, и в начале XIX в. Так, в 1803 г. в городе проживали 11,8 тыс. человек. В дальнейшем темпы прироста численности горожан возросли, хотя этот процесс не всегда носил стабильный характер. Более того, бывали периоды, когда население города несколько уменьшалось по сравнению с предыдущими показателями [2]. Впрочем, для XIX в. это уже редкое исключение. Общей тенденцией демографического развития Тбилиси в этот период был стабильный рост числа его жителей.

Колебания численности городского населения отражали неблагоприятные социально-политические события в жизни Грузии. В первые десятилетия XIX в., например, весьма ощутимые людские потери Тбилиси нес в результате лекианоба [3]. Опасность нападений на город вооруженных отрядов дагестанских горцев продолжала сохраняться, создавая в Тбилиси весьма тревожную обстановку. Лекианоба наносила серьезный ущерб городу, многие горожане погибали в стычках с пришельцами либо

уводились ими в плен. Эти факты получили яркое отражение в документальных материалах того времени. Так, в прошении авлабарского жителя Микиртума Аманшелова, поданном властям в 1810 г., говорится, что во время очередного нападения «лезгинского» военного отряда на авлабарских жителей «отец его был убит, а старший брат взят в плен». Аманшелов просил официальные власти «о выпуске одного из содержавшихся здесь (в Тбилиси.— *Авт.*) лезгин для вымена брата своего» [4]. Нападения дагестанцев нарушали нормальный ритм городской жизни. При первых слухах о появлении отрядов горцев жители Тбилиси остерегались далеко отлучаться от городских укреплений; были даже трудности с погребением умерших, так как некоторые кладбища находились за городом, а люди боялись участвовать в похоронных процессиях.

Различные военные действия, имевшие место во многих районах Грузии едва ли не всю первую половину XIX в., активизировали миграционные процессы, способствовали переселению сельских жителей в города. В 1810 г. группа дворян, живших в Тбилиси, писала официальным местным властям: «Мы по вражеской причине сбежали при царях с отеческих поместий и проживали здесь, в Тифлисе. И так как земли наши были разорены, некоторые из нас, благородных, жили, подобно купцам» [5].

Существенное воздействие на динамику численности населения Тбилиси в этот период оказывали эпидемические заболевания. В начале XIX в. на жителей Тбилиси одна за другой обрушились массовые эпидемии чумы, холеры. Вспышки заболеваний имели место в 1802, 1811 и позднее в 1830, 1847, 1857 гг. Особенно сильной и трагической по последствиям была эпидемия чумы 1811 г. Она вызвала в Тбилиси не только большую смертность, но и массовый отлив жителей в окрестные села. В одном из официальных донесений отмечалось, что «жители города Тифлиса, боясь заразительной болезни, выходят из города в предместии оного». Далее властям предписывалось тщательное наблюдение за переселенцами, так как уходить из города разрешалось только дворянам и почетным гражданам. «Что же касается до черного народа, в Тифлисе находящегося,— говорилось в документе,— то оный никак выселяться из города не должен» [6]. Более того, с усилением эпидемии предписывалось из города вообще никого не выпускать. Однако несмотря на официальные запреты, значительная часть жителей в тот страшный год покинула Тбилиси. Когда опасность эпидемии несколько миновала, главноначальствующий на Кавказе маркиз Ф. Паулуччи писал, что видит «крайнюю необходимость позволить городским жителям возвратиться в их дома по случаю приближавшейся зимы... Наконец, приняв в уважение то, что все общество ремесленников, составляющих большую часть г. Тифлиса, приведено в нищету остановкою их работ, я решился по сим важным причинам ввести здешних жителей в их жилище» [7]. Возвращалось в город, однако, не все население, численность которого поэтому в первые три десятилетия XIX в. была очень нестабильной.

Массовые эпидемии поражали и сельские районы Грузии, вызывая активные передвижения местного населения, часть которого оседала в городах Грузии, в частности в Тбилиси. В течение первых двух десятилетий XIX в. от чумы только в Имерети погибло около 33 тыс. человек, около 8 тыс. имеретин переселились в другие места, в том числе в Тби-

лиси. Разразившийся в 1811 и 1812 гг. в Имерети в связи с неурожаем сильнейший голод также вынудил множество крестьян уйти в Восточную Грузию для «снискания себе пропитания». Аналогичные причины — эпидемии, неурожаи, голод — выступали факторами миграций населения и в Восточной Грузии, причем немало мигрантов направлялось в Тбилиси [8].

Несмотря на неблагоприятные факторы, негативно влиявшие на демографическую ситуацию в Тбилиси, население города из года в год увеличивалось. Уже в первые десятилетия XIX в. в Тбилиси стал ощущаться приток мигрантов, который в значительной степени выравнивал демографические потери и, более того, обусловил прогрессивный рост абсолютной численности городского населения.

Растущие нужды городского хозяйства заставляли администрацию лояльно относиться к прибывающему населению и даже предпринимать меры к облегчению их обустройства. В начале XIX в., например, намечалось живших в городе крестьян сделать полноправными жителями Тбилиси и наложить на них подать «соразмерно их состоянию» [9]. Феодалам, имевшим в Тбилиси крестьян, которые занимались ремеслами и торговлей и, как считали городские власти, были нужны городу, взамен предоставлялись казенные крестьяне. Крестьян, жителей Тбилиси, занимавшихся только сельским хозяйством и не владевших каким-либо ремеслом, намечалось переселить из города на прежнее местожительство или куда пожелают их владельцы. Однако в официальных документах первой трети XIX в. постоянно подчеркивалась желательность ненасильственного переселения таких крестьян. «Кажется,— отмечалось в одном из документов,— что большая их часть откажется от своих господ и сделается настоящими городскими жителями. Если же выслать из Тбилиси всех крестьян, то город опустеет» [10].

«Камеральные описания» Тбилиси дают достаточно полное представление о географии исходных пунктов миграции городских новопоселенцев. По данным одного из них, 1824 г., наибольшее число мигрантов составляли выходцы из восточных земель Грузии, особенно из Горийского уезда, затем шли уезды Тифлисский, Телавский, Душетский, Сигнахский. В Тбилиси в это время проживали переселенцы из Западной Грузии — Имерети, Лечхуми, Гурии, т. е. из Кутаисской губ.[11]

Тбилиси притягивал мигрантов далеко за пределами Грузии, из сопредельных районов Закавказья и Северного Кавказа. К 1825 г. в Тбилиси натурализовались выходцы из Восточной Армении — Эривана и Памбака, только из Эчмиадзина в начале XIX в. в город переселились 2,4 тыс. человек, было немало бывших жителей Карабаха, ряда азербайджанских городов и провинций — Казахской дистанции, Ширвана, Нахичеванского ханства, Шеки, Гянджи. В Тбилиси приезжали переселенцы и с севера — из Осетии, г. Моздока, Чечни и Ингушетии.

В середине XIX в. исходные области мигрантов охватывали практически весь Кавказ, многие губернии России и Восточной Украины, а также вилайеты Османской империи (Ахалцихский пашалык — до 1829 г., Эрзерум, Багдад, Баязед, Карс), Персию (Исфаган, Хой и др.) и многие страны Западной Европы. Постоянное нарастание миграционной волны отчетливо прослеживается по спискам переселенцев, причислявшихся

к городскому населению. В течение 1862—1870 гг. к «обществу обывателей» Тбилиси было причислено 912 человек — лиц и семей разной национальности (грузин, армян, русских, выходцев из Западной Европы, евреев). В 1871—1878 гг. к «обществу мокалаков (груз. *мокалаке* — букв. «горожанин») и обывателей» было приписано 923 человека (грузин, армян, азербайджанцев, русских, евреев, немцев и др.). В 1897 г. в Тбилиси постоянно жили более 26 тыс. выходцев из губерний Европейской России и Кавказа. Помимо Грузии (Тифлисская, Телавская, Кутаисская губернии) это Восточная Армения (Эриванская губ.), Азербайджан (Бакинская и Елисаветпольская губернии), Северный Кавказ (Кубанская и Терская области, Ставропольская губ.), Дагестан (Дагестанская обл.), а также Карсская обл.[12]

Миграционные потоки из-за границы особенно увеличивались после внешнеполитических событий. Так, после русско-персидской войны 1828 г. и русско-турецких войн 1829 и 1877—1878 гг. массы населения, частью стихийно, частью в соответствии с пунктами мирных договоров, переселялись в кавказские губернии Российской империи. Оседание новопоселенцев на постоянное местожительство было достаточно длительным процессом. Многие мигранты оказались в конце концов в Тбилиси, который, будучи крупным административным и экономическим центром Кавказского края, притягивал к себе массы переселенцев, не успевших натурализоваться в других местах обширного региона.

Миграции были основным, но не единственным каналом механического прироста населения Тбилиси. В разные периоды по решениям местных властей к городу административно присоединялись близлежащие деревни с их жителями. В 1819 г. к Тбилиси были присоединены с. Харпухи, в 1824 г.— Куки и Чугурети, в 1853 г.— немецкая колония «Тифлис». Наиболее ранние сведения о числе жителей некоторых из этих предместий относятся к 1819 г., когда в с. Харпухи отмечены 33 дыма грузин. В 1825 г. в Куки обитали 183 семьи (544 д. м. п., женщины не зафиксированы), в Чугурети — 113 семей (323 ц. м. п., женщины также не учтены) грузин и армян. В немецкой колонии в 1826 г. жили 178 человек [13].

Общая динамика численности населения Тбилиси в XIX в. представлена в табл. 1. Следует подчеркнуть, что цифры официальной статистики редко соответствуют истинному положению дел. Во-первых, статистические материалы не учитывали военных рядового состава, которые обычно составляли значительный процент населения города. Во-вторых, статистика, естественно, не могла полностью учитывать сезонные колебания тбилисского населения. Ведь помимо постоянного населения в городе всегда находилась масса отходников. Число жителей в Тбилиси в зимнее и летнее время заметно различалось. По однодневной переписи 1865 г. численность населения Тбилиси (без войск) зимой составляла 60,1 тыс. человек, летом того же года — 71,1 тыс. человек, т. е. на 11 тыс. больше. В дальнейшем в отдельные годы эта цифра еще более возрастала. Только из Закавказья — Грузии (Имерети и Мегрелии), Восточной Армении, а также из Осетии, Персии в город ежегодно приходило до 10 тыс. отходников, летом — до 20 тыс. человек. В 1902 г. временнопроживающие в Тбилиси составляли 81,4 тыс. человек, т. е. 43% [14-15].

На фоне высокого механического прироста естественный прирост населения города был незначителен. В 1849 г., например, зафиксировано 4,9 тыс. родившихся, умерло 3,6 тыс. человек, т. е. естественный прирост

Таблица 1. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТБИЛИСИ (в тыс.) *

Годы	Число жителей обоего пола	Годы	Число жителей обоего пола
1811	8,2	1876	104,1
1825	19,7	1897	168,8
1864	60,1	1902	189,3

* Составлена по данным: ЦГВИА ВУА. Ф. 38. Оп. 3/286. Св. 851. Д. 23; ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 2. Д. 36; ССК. Т. VI. Тифлис, 1880; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 69.

составил 1,3 тыс. человек. В 1887 г. в Тбилиси родилось 3 тыс. человек, умерло 2 тыс. человек. Таким образом, естественная прибыль населения равнялась 1 тыс. человек, т. е. 79 человек на 1000 жителей города.

Социальный состав

Значительную долю населения Тбилиси, особенно в первой половине XIX в., составляли крестьяне (груз. *глехи*). По данным первого камерального описания города 1803 г. из 2924 дымов* 2637 (80,9%) были крестьянские. Из 3684 дымов города в 1807 г. крестьянские составляли 2654 (72,0%) [16]. Такая тенденция была характерна для всего дореформенного периода, что объяснялось достаточно сильной миграционной подвижностью крестьянства (и не только грузинского).

При всей заинтересованности администрации в увеличении числа ремесленников и рабочих в городе часто из-за крестьян возникали конфликты, так как многие крестьяне уходили без разрешения своих владельцев. Поэтому городские власти были вынуждены издать распоряжение о возвращении беглых крестьян на прежние места жительства. Однако в большинстве случаев такие приказы не выполнялись и крепостные оставались жить в городе. Часто случалось, что крестьяне обзаводились семьями на новом местожительстве, растили детей. Если же им приходилось возвращаться к своим господам, то часто возвращались только родители, своих детей (как правило, сыновей) они оставляли в Тбилиси, где молодые люди обучались какому-либо ремеслу. Многие феодалы были экономически заинтересованы в своих «городских» крепостных, которые, выплачивая соответствующие государственные налоги, выпол-

* В XIX в. «дым» в Закавказье — основная податная единица. Податным (камеральным) дымом считалась семья, имевшая нераздельное хозяйство и имущество.

няли разного рода повинности в отношении своего господина: доставляли, например, продукты (особенно к большим праздникам), платили определенную денежную сумму и т. п.[17]

Среди владельцев тбилисских крестьян были члены грузинского царского дома. Царица Дареджан, например, в начале XIX в. имела в Тбилиси 162 дыма крестьян, из них 94 оброчных, живших на Авлабаре. Кроме того, в ее владении были 18 домов ремесленников и купцов, 50 домов крепостных мокалаков (о них подробнее см. далее). Крепостных крестьян в Тбилиси имели и другие члены царской фамилии, а также грузинские князья и дворяне — Абашидзе, Орбелиани, Мачабели, Нижарадзе, Мачавариани, Бакрадзе и др. Владельцами крепостных были также представители армянского дворянства и мусульманского привилегированного сословия. В 1825 г. в Тбилиси жили около 4 тыс. крепостных крестьян [18].

Крепостные крестьяне, особенно если у них в селе оставались семьи и они не порывали связи с селом, выполняли в отношении своих господ определенные повинности (перевозка господских грузов, обычай «постоя»: поскольку большинство владельцев не имели в Тбилиси собственных домов, то, бывая в городе, они останавливались в домах своих крепостных). В первые десятилетия XIX в. эти обычаи сохранялись в полной мере.

Помимо крепостных, в Тбилиси проживали крестьяне других категорий — церковные и казенные. Грузинская и армянская церковь была крупным владельцем крепостных. В 1803 г. в совокупности им принадлежали только в Тбилиси 357 дымов церковных крестьян. В 1825 г. численность церковных крестьян в городе составляла 2,1 тыс. человек. По камеральному описанию 1848 г. в числе владельцев крепостных крестьян названы Мцхетский собор, Сионский собор, Манглисская церковь, церковь св. Николая в Имерети, церковь Божьей матери в Имерети, монастыри Давида Гареджийского, св. Нины, Самтависский, Руставский, Марткопский и др. Крепостные крестьяне-армяне принадлежали григорианской церкви (Эчмиадзинскому, Ванкскому, Ахпатскому монастырям, Сурб-Нишанской, Петхаинской и другим церквам) и грузинской православной церкви (Сионскому собору, Руисскому, Мцхетскому, Квавтахевскому и другим монастырям и церквам). Крепостных имела и местная католическая церковь [19].

Казенные (государственные) крестьяне по численности превосходили все остальные категории крестьянского населения Тбилиси. В 1825 г. их число составляло 10,4 тыс. человек. Увеличение численности казенных крестьян во многом происходило за счет вольноотпущенников, по прибытии в Тбилиси причислявшихся к этой категории городских жителей. Прослойка вольноотпущенников в Тбилиси появилась не сразу. По крайней мере, камеральные описания 1803 и 1807 гг. их еще не знают. Но уже в 1820-х годах появление в городе освобожденных владельцами бывших крепостных стало вполне обыденным явлением. Так, «болнисская жителька», крестьянка, вдова Тер-Арутина Ломазова с сыном жила в Тбилиси, «уволена от крестьянства» коллежским секретарем Киндиновым, который в 1820 г. отпустил их на волю. В 1820 г. князь Луарсаб Орбелиани даровал свободу «собственным крестьянам тифлисским, ко-

торые могут иметь жительство в числе казенных крестьян города Тифлиса». В 1827 г. к казенным крестьянам Тбилиси были причислены отпущенные на волю дворянином Симоном Мусерадзевым крестьяне Кайхосро и Татуа Ромазоевы. Оба брата — выходцы из с. Садмели в Раче — находились в Тбилиси на заработках. Вместе с братьями в документе указана женщина, возможно их мать. В 1827 г. к официальным властям в Тбилиси обратился с просьбой о причислении к обществу казенных крестьян еще один имеретинский крестьянин, отпущенный на волю дворянином Гавриилом Коркашвили,— Глохуа Круашвили, 28 лет, живший уже ранее в городе. Официальные власти ответили, что необходимо испросить согласие общества «тифлисских казенных крестьян на принятие его». С Глохуа была его жена 20 лет. Подобные случаи имели место и в дальнейшем. В 1850 г. дровосек Самхарадзе с братьями (шапочник, цирюльник, дровосек), выходцы из Горийского у., вольноотпущенники, были причислены к сословию «казенных обывателей, или граждан 4 части, 1 квартала». Еще один вольноотпущенник Харазишвили с братьями был причислен к обществу казенных крестьян Тбилиси в 1859 г.[20]

Завершая разговор о крестьянском сословии, следует указать, что тбилисская статистика выделяла такую своеобразную категорию, как домашние слуги (груз. *мсахури*), или, как их называли тогдашние официальные документы, дворовые люди. В 1807 г. представителей этой категории отмечено 108 дымов, по переписи же 1864 г. их число составляло тысячу человек [21].

К моменту проведения в Грузии крестьянской реформы (1864—1871 гг.) крестьянство продолжало оставаться самой многочисленной сословной группой тбилисского населения. В 1864 г. из 60,1 тыс. горожан на его долю приходилось 33,7 тыс., т. е. 54%, из них крестьян казенных — 27,5 тыс., церковных — 3,2 тыс., помещичьих — 3 тыс.

Проведение крестьянской реформы решительно изменило социальное положение крестьянства, получившего личную свободу, возможность выбора профессиональной деятельности и, следовательно, перехода в другие сословия тбилисских горожан. Это повлияло на общее количество крестьян в составе городского населения. По переписи 1897 г. их проживало в Тбилиси 54,6 тыс. человек, они занимали вторую позицию в абс. цифрах среди остальных категорий городских жителей. Однако доля крестьян в общей численности населения Тбилиси сократилась по сравнению с 1864 г. до 34,1%. В дальнейшем эта тенденция сохранялась, причем число крестьян — жителей Тбилиси сокращалось не только относительно, но и абсолютно [22].

Уже первые камеральные описания населения Тбилиси зафиксировали в его среде сословие купцов (груз. *вачари*) и ростовщиков (груз. *мевахше*). В 1807 г. они вместе составили 105 дымов. Для тбилисских купцов была характерна сильная дифференциация. В первой трети XIX в. ряд предприимчивых тбилисцев осуществляли торговые операции с Персией, Османской империей, Россией, Западной Европой, владели караван-сараями, лавками, банями. Но преобладали все-таки мелкие торговцы, не владевшие крупным торговым капиталом. По переписи 1864 г. купцов (без объявления гильдий) в Тбилиси проживало 3,2 тыс. человек [23].

Традиционную для Тбилиси прослойку жителей составляли мокалаки. Ее социальная сущность исторически менялась. До середины XVI в. так назывались вообще все свободные горожане — купцы и ремесленники. Постепенно звание мокалака стало приложимо лишь к наиболее состоятельной части населения Тбилиси. «Звание «мокалака» в Тбилиси,— пишет Ш. Месхиа,— превращается в привилегию определенной прослойки населения, что произошло, видимо, на рубеже XVI—XVII вв.» По данным 1825 г. в Тбилиси жило 2,2 тыс. мокалаков [24].

В первой половине XIX в. в сословие мокалаков входили потомственные жители Тбилиси, приближавшиеся по своему социальному положению к дворянству. Не будучи однородным слоем, мокалаки делились на первостепенных и второстепенных. Еще при грузинских царях первостепенными мокалаками были Шадиновы, Абесаломовы, Юзбашевы, Харазовы, Тамамшевы, Татоевы, Измировы, Кишмишевы и др. По «Уложению» царя Вахтанга VI мокалаки, как и другие привилегированные сословия, не подвергались телесным наказаниям. Царская администрация признавала привилегированное социальное положение мокалаков, что выразилось, в частности, в соблюдении ею обычая недопустимости для мокалаков телесных наказаний. Так, в 1809 г. некий губернский секретарь Манденов был приговорен за взятки и другие проступки к наказанию плетьми. Однако, как свидетельствует письмо, направленное высшей местной администрацией в Петербург, Манденов «пред исполнением сего представил свидетельство от князей грузинских о происхождении своем из первых граждан г. Тифлиса, которые по Уложению царя Вахтанга равны в привилегиях с дворянами... Е. В. Всемилостивейше указать соизволил, чтобы впредь первых тифлисских граждан, кои именуются мокалаками, впадших в какое-либо преступление и за то подвергающихся суду, соответственно Уложению царя Вахтанга не подвергать телесному наказанию». За совершенные преступления мокалак, таким образом, отделывался только денежным штрафом. При удовлетворении за кровь (по обычаю кровной мести) первостепенный мокалак по нормам местного обычного права равнялся дворянину второй степени [25].

В начале 1830-х годов по предложению тбилисского военного губернатора был сделан поименный список «тифлисских мокалаков с указанием зажиточности». В списке оказалось 120 человек (глав семей), имевших состояние в одну тысячу и более рублей серебром, 61 человек — по 10 тыс. руб. серебром, 8 человек — по 50 тыс. руб. серебром и «бедные» мокалаки (сумма имущества не обозначена). Наконец, уже в 1850-х годах, в среде тбилисских мокалаков начинают появляться некоренные жители, переселенцы, причисленные к городскому обществу. В 1854 г., например, был причислен Иван Иосифов Фаге, римско-католического вероисповедания, 53 лет, переселенец из Петербурга, по происхождению, видимо, француз, по ремеслу парикмахер; в Тбилиси он содержал кофейню, получил звание мокалака. В 1856 г. звание мокалака получил Х. А. Ливщиц, еврей, 35 лет, занимавшийся мелочной торговлей, мещанин из Бердянска, причисленный к городскому обществу. В 1871 г. к обществу тбилисских граждан был причислен с семьей А. И. Гинзбург, православный; в 1860—1880-е годы в Тбилиси жил мокалак Науменко, русский, имевший свои предприятия и в 1880-е годы возглавивший Ремесленную

управу. В сословие мокалаков причислялись из разных социальных сословий; например, два брата Алалашвили, армяне,— из помещичьих крестьян. По списку мокалаков за 1861 г. в Тбилиси в составе этой социальной категории были армяне, грузины, русские, евреи, немцы, азербайджанцы.

В 1864 г. число мокалаков в Тбилиси составляло 3,7 тыс.[26]

В начале XIX в. представителей дворянского сословия в населении Тбилиси было очень мало. Вахушти Багратиони на своем плане Тбилиси 1735 г. помимо царских покоев обозначил дома и дворцы только четырех крупных княжеско-дворянских грузинских фамилий: Арагвского эристави, Мухран-Батони, Цицишвили, Амилахвари. По свидетельству Ю. Ахвердова, в 1811 г. в Тбилиси жили всего лишь несколько дворянских семей грузин. Грузинская феодальная аристократия предпочитала жить в своих родовых поместьях, лишь временами наезжая в город. В 1830—1840-е годы численность дворян — жителей Тбилиси постепенно возрастает. Часть из них поступает на государственную службу, участвует в управлении Грузией и вообще Кавказским краем, что в ряде случаев требовало обязательного присутствия в столице. В 1827 г. в Тбилиси были сформированы грузинская, армянская и «мусульманская» военные дружины. Это также способствовало появлению в городе большего числа дворянских семей. В 1825 г. в Тбилиси постоянно жили 23 фамилии (719 душ м. п.) князей, в основном грузин, а также армян, с семьями. Среди них в списке, составленном местной администрацией, названы Орбелиани, Багратиони, Тумановы, Аргутинские, Бебутовы, Цициановы, Мачабели, Аматуни и др. Такой же список был составлен по дворянским фамилиям, которых указано 45. В дальнейшем доля лиц, принадлежащих к дворянскому сословию, постоянно увеличивалась. В 1864 г. дворян (потомственных и личных) в городе было 3,7 тыс. человек, в 1876 г.— 13,9 тыс. а в 1897 г. их численность возросла до 25 тыс. человек, что составило 15,6% от общего числа жителей Тбилиси [27].

В XIX в. в городе проживали представители еще одного сословия — духовенства (белое и черное). В 1825 г. его численность была невелика — 0,5 тыс. человек, к 1864 г. она возросла до 0,8 тыс., а в 1897 г.— до 2,4 тыс. человек. В некоторых статистических материалах отдельно даны списки ремесленников — крестьян, занимавшихся ремеслом, представлено военное сословие (в 1864 г. оно составляло 1,3 тыс. человек), отставные солдаты и «солдатские дети» (в 1864 г.— 1,2 тыс. человек). Кроме того, тбилисская статистика выделяла «разночинцев» (в 1864 г.— 1,9 тыс.) [28].

Динамика этнического состава населения

Тбилиси искони формировался и развивался как многонациональный город. На эту особенность обращали внимание все бывавшие в нем и отмечавшие полиэтничность местного населения [29]. Однако соотношение живших в городе народов, этнических и этнографических групп в разные исторические эпохи менялось. Значительная динамика этнического состава города наблюдалась и в XIX в. (табл. 2). Рассмотрим ее по каждому народу в отдельности.

Таблица 2. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ТБИЛИСИ В XIX в.

	1817 г.		1864 г.		1876 г.		1899 г.	
	абс. (тыс.)	%	абс. (тыс.)	%	абс. (тыс.)	%	абс. (тыс.)	%
Грузины [1]	2,8	18,9	14,9	24,9	22,2	24,1	44,9	26,0
Армяне	11,2	75,6	28,5	47,4	37,6	41,0	63,0	36,4
Русские [2]	0,4	2,1	12,3	10,4	19,6	21,3	35,5	21,1
«Татары» [3]	0,3	2,0	1,0	1,5	2,2	2,3	3,0	1,7
Персы	—	—	0,5 [4]	0,8	1,7	1,8	6,1	3,5
Греки	15 чел.	0,1	0,1	0,4	0,4	0,4	1,0	0,5
Поляки	—	—	0,9	1,7	1,6	1,7	4,6	2,6
Немцы	—	—	1,1	1,9	2,0	2,1	2,9	1,6
Французы	—	—	0,2	0,2	0,3	0,3	0,4	0,2
Евреи	—	—	0,4	0,7	1,1	1,2	2,4	1,4
Итальянцы	—	—	0,1	0,1	0,2	0,2	—	—
Осетины	—	—	—	—	0,3	0,3	2,0	1,6
Курды	—	—	—	—	1 чел.	—	0,5	0,2
Турки	—	—	—	—	0,1	0,1	0,3	0,1
Ассирийцы	—	—	—	—	0,2	0,2	1,6	0,9
«Лезгины»	—	—	—	—	37 чел.	0,1	0,4	0,2
Чеченцы	—	—	—	—	6 чел.	—	0,4	0,2
Другие народы	0,1	0,5	3,9 [5]	6,5 [7]	2,0	2,1	3,3	1,9
Всего:	15,0	100	60,1 [6]	100	91,7 [8]	100	172,6	100

ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2141; Ф. 414. Оп. 2. Д. 3; ССК. Т. VI. 1880. С. 60—61.

[1] В списке указаны также 0,2 тыс. католиков без обозначения их этнической принадлежности. Судя по другим документальным данным, вероятнее всего это были грузины-католики и выходцы из западноевропейских стран.

[2] Без воинского контингента и чиновников.

[3] Азербайджанцы и казанские татары.

[4] Летом этого же года их численность составляла 7,2 тыс. человек в связи с приходом сезонных рабочих (из них только 29 женщин).

[5] В том числе эстонцы, чехи, англичане, шведы, швейцарцы, латыши, литовцы, абхазы, черкесы (адыги) и др.

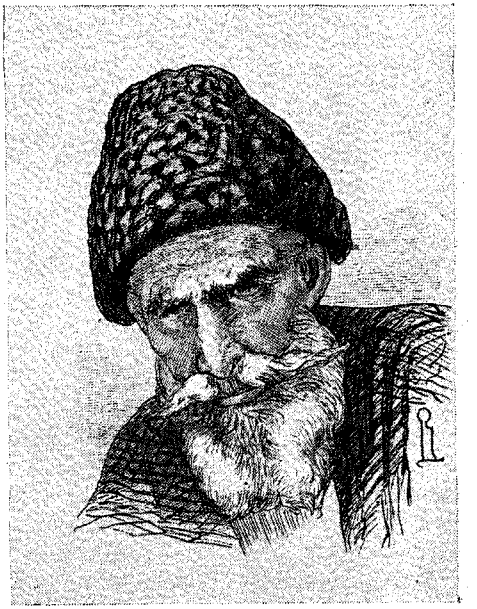
[6] В городе и предместьях жили также 6,8 тыс. военных.

[7] В том числе англичане (24 человека), чехи (32 человека), шведы (27 человек), литовцы (15 человек), латыши (10 человек), румыны (9 человек), швейцарцы (3 человека), мордва и чуваши (8 человек), черкесы (видимо, адыги—7 человек), абхазы (4 человека), сербы (3 человека), удин, а также испанцы, болгары, голландцы и представители других народов.

[8] С военными частями 104,1 тыс. человек.

Грузины. Тяжелейшие испытания, выпавшие на долю Тбилиси в конце XVIII в., в частности разорение, которому подвергся город во время нашествия Ага-Мохаммедхана, привели к резкому сокращению численности грузинского населения. К 1803 г. оно составляло 2,7 тыс. человек (22,6%). В дальнейшем рост грузинского населения происходил

Р и с. 1. ЖИТЕЛИ ТБИЛИСИ: грузины; азербайджанцы; грек и армянин.
Рисунки В. Верещагина 1860-х годов.



неуклонно, однако долгое время темпы прироста были достаточно замедленны.

В 1825 г. численность грузин в Тбилиси составила около 3,5 тыс. человек.

Пополнение грузинской общины города шло за счет миграций из разных регионов Грузии. Статистические материалы, в частности камеральные описания, дают возможность представить региональный состав грузинского населения города. Следует подчеркнуть, что это возможно сделать только для части населения, поскольку так называемые коренные жители, т. е. горожане, являвшиеся таковыми уже в нескольких поколениях и время проживания которых в Тбилиси определено «с давних времен», в документах по местам выхода не различались. Таким образом, исходные районы миграции указывались только для новопоселенцев либо для представителей второго (реже третьего) поколения городских жителей.

Так, из описанных по камеральным данным 1848 г. 135 семей живших в Тбилиси церковных крестьян-грузин наряду с коренными было названо лишь 10 переселенцев, выходцев из селений Цхинвали, Накалакеви, Ертиси Горийского у., Патара-Лило Тифлисского у., из Кахети — из с. Сагареджо и г. Сигнахи. Часть мигрантов обосновалась в Тбилиси во втором поколении, т. е. в город пришли их отцы. Из 161 семьи грузин крепостных крестьян 12 названы как переселенцы во втором поколении. Это выходцы из Горийского у. из селений Хидистави и Хевтубани, Ередва, Чочети и Чала, Плевниси, менее — из Тифлисского у. из селений Кода, Вашловани, Мухрани, Гомарети, Окрокана, Дигоми, из ряда сел Сигнахского и Телавского уездов [30].

Приведенные материалы подчеркивают региональные особенности формирования грузинского населения Тбилиси: большинство мигрантов было из восточных областей Грузии, в основном из Картли (Горийского, Тифлисского, Душетского, Ахалцихского уездов, Тионетского округа), меньше — из Кахети (Сигнахского и Телавского уездов). По переписи 1876 г. основную часть тбилисских грузин составляли выходцы именно из этих историко-этнографических областей — 20,4 тыс. человек. В 1901 г. численность карталинцев и кахетинцев достигла уже 49,3 тыс. человек [31].

Второй миграционный поток шел из районов Западной Грузии. В первой половине века он был весьма незначительным. В 1825 г., например, в городе жили всего 236 имеретин, пришедших в разное время, причем по численности мужчины значительно преобладали над женщинами — 205 против 31. По социальному положению имеретины были в основном крестьянами, в Тбилиси они часто оказывались в результате побега от своих владельцев. В 1821 г., например, на один из запросов официальных властей в отношении таких беглых крестьян князь Бери Палавандов отвечал: «Крестьянину моему Лашху были пожалованы родителями крестьяне Мачаидзевы, трое братьев... которые по случаю имеющегося на них долга бежали в Карталинию в 1818 г. и жили в городе Тифлисе и по воле моей от крестьянина выкупили себя и освободились от крестьянства» [32].

Однако такой удачный финал в судьбе крестьян — их освобождение от крепостной зависимости — имел место далеко не всегда. Чаще всего их судьба складывалась более драматично. Некоторые имеретины были вынуждены, не устроившись, возвращаться обратно, других (таких большинство) возвращали власти принудительно, согласно закону 1804 г. По этому закону в Восточной Грузии (и в Тбилиси) могли оставаться лишь те беглые, которые ушли из Имерети до 1804 г. или имели разрешение (билет) от своего владельца на проживание. Остальные должны были вернуться или их возвращали принудительно. Большинство имеретин, как отмечали местные власти, не хотели возвращаться, имея работу в Восточной Грузии. Этому во многом способствовали также восточногрузинские помещики, «мокалаки, или граждане, и даже церковные и казенные крестьяне, имеющие в своем владении земли и сады. Для них те имеретинские выходцы,— подчеркивалось в официальных документах,— сделались совершенно необходимыми, потому что редкий сад чуть не возделывается имеретином...» По просьбе мегрельского владетельного князя Дадиани в 1835 г. такой же закон был принят в отношении беглых мегрелов, которые немедленно высылались на родину из Восточной Грузии, за исключением лиц, находившихся при помещичьих владениях, в ведомстве казны или церкви. Вполне понятно, что принимаемые властями меры во многом тормозили миграции имеретин и мегрелов [33].

В последующие годы переселения из Западной Грузии постепенно усиливались. Многие из крестьян, названные в одном из списков камерального описания 1862 г., были выходцами из Имерети. Среди них садовник Шарвашидзе, родители которого вышли из Имерети, сапожник Гурабанидзе, родившийся в Тбилиси, но отец которого выходец из Имерети, умерший в Тбилиси в 1853 г.; сам Гурабанидзе был женат «на тиф-

лисской уроженке», отец которой также переселенец из Имерети (умер в Тбилиси в 1849 г.); цирюльник Чубинидзе, давнишний выходец из Имерети, «нанимается в садовники»; сапожник Ломидзе, «тифлисский уроженец», сын давнего выходца из Имерети. Деды и отцы «тифлисских уроженцев» Килосани, Дволадзе, Гургадзе, Гамгонидзе, Майсурадзе, Мачавариани, Хачакадзе, Стуруа, Цабадзе, Барамидзе также переселились из Имерети, преимущественно в 1840—1860-х годах. Некоторые (Габунидзе, Джинджарадзе и др.) пришли в Тбилиси детьми [34].

В 1876 г. число имеретин — постоянных жителей, выходцев из Кутаисской губ., в городе составило 1,1 тыс. человек. В 1886 г. здесь уже проживали 2,9 тыс. имеретин (указаны вместе с рачинцами). Кроме того, сотни выходцев из Имерети и Рачи долгие годы работали в городе, составляя большой контингент среди временнопроживающих и сезонных рабочих. К 1901 г. количество имеретин достигло 5 тыс. человек.

Что касается представителей других этнографических групп грузин, то статистические материалы свидетельствуют, что их доля в населении Тбилиси была не велика. По переписи 1876 г. в Тбилиси жили 81 мегрел, 28 гурийцев, 4 тушина. К 1901 г. возросла численность мегрелов (1,5 тыс.), зафиксированы также горцы — 88 тушин и 40 хевсур [35].

Армяне. Переселения армян в Тбилиси происходили в русле общих миграций этого народа как на Кавказ, так и в Грузию, совершавшихся в XIX в. (особенно в первой половине) и в начале XX в. Основная масса армянских переселенцев в течение всего XIX в. направлялась преимущественно в сельские районы, в городе же их устраивалось сравнительно немного. В разные периоды истории армянского народа миграции армян в Тбилиси осуществлялись с разной интенсивностью и далеко не всегда имели массовый характер. Чаще переселялись одиночки, реже — семьи, еще реже — большие по численности группы. Прожив в городе некоторое время, мигранты причислялись в разные социальные категории горожан.

Армянское население Тбилиси (в 1803 г. 8,7 тыс. человек, т. е. 74,0%) складывалось разновременно. К началу XIX в. часть жителей-армян была переселенцами во втором, третьем и т. д. поколениях, т. е. их отцы, деды и прадеды поселились в Тбилиси. Потомки таких мигрантов в официальных документах именовались «коренными». Камеральные описания дореформенного времени и посемейные списки 1886 г. фиксируют целый ряд таких лиц. Михаил Иосиф Химшиев (середина XIX в.), плотник, вольноотпущенник, родился в Тбилиси, из каких мест вышли родители, не помнит; Ахназаров (1861 г.), тбилисский уроженец, женат на «здешней уроженке», барышник, отец — выходец из Сигнахского у.; Тер-Маритузов родился в Тбилиси, 26 лет, работник у бокальщика, отец из Сигнахского у.; Саркис Иванов Марабашвили, 25 лет, кузнец, «по объявлению его матери, тифлисской уроженки, его отец был выходец из Карабаха, но какого села, не знает». Григорий Хухашвили, 10 лет, отец — давнишний выходец из Эриванской губ., умер в Тбилиси, сам Григорий был усыновлен жителем города [36].

Другую, более значительную по численности группу армянского населения Тбилиси составляли мигранты в первом поколении. Источники прошлого века содержат множество примеров таких переселений, харак-

теризуют судьбы отдельных лиц и целых семей армян, поселявшихся в Тбилиси. В 1803 г. некий Арутин Акопашвили писал в связи со своим переселением в город: «По случаю некоторых обстоятельств... переселился с семейством из Елисаветполя в город Сигнах, а от того через немалое время (6 лет.— *Авт.*) — в предместье города Тифлиса в Авлабар». Коренной житель г. Нухи Погос Халапов (в другом документе Погос Халаф-оглы) в 1823 г. обратился в официальные инстанции с прошением «о зачислении его в тифлисские казенные крестьяне». В 1820 г. с просьбой о причислении в состав «казенных крестьян города Тифлиса» к властям обратились турецкоподданные армяне Осип Мосесов и Алаверд. Таких примеров в документах первой половины XIX в. содержится множество. Два брата Симоновы, 46 и 40 лет, бакальщик и башмачник «по грузинской обуви», детьми около 1810 г. пришли с отцом из Борчалинского участка; лудильщик Саркисов в детстве вышел с родителями из Эриванской губ.[37]

Вся первая половина XIX в. была периодом постоянных миграций армян в Грузию. Частично такие миграции направлялись в Тбилиси. В 1804 г., например, на Авлабаре и в Гаретубани были поселены выходцы из Эривана и Карабаха. В списке эриванских армян названы 74 главы семей (члены семей не отмечены). Общее число поселенных на Авлабаре в 1804 г. армян только по этому списку составило 271 семью (746 мужчин и 720 женщин). В Гаретубани поселились 79 семей крестьян, вышедших из Эривана (собственность Эчмиадзина), 11 семей из Карабаха (собственность князя Бегляра Орбелиани) и т. д. Всего 112 семей (222 мужчины и 218 женщин). В 1805 г. на Авлабаре и в Чугурети обосновались выходцы из области Гехаркуник Восточной Армении, переселившиеся также с семьями. В 1810 г. их было 645 человек. В 1805 г. группа армян в 357 семей, жителей Эриванского ханства, ушла в Грузию, где часть их устроилась в Тбилиси и ближайших селах [38]. Хотя, как видим, в Тбилиси переселялись разные локальные группы армян, однако в первое десятилетие XIX в. наиболее значительной по численности была группа эчмиадзинских крестьян, имевших даже свою церковь св. Георгия, отмеченную на плане Тбилиси 1843 г. и сохранявшуюся в начале XX в.[39]

Нередки были факты, когда армяне переселялись в сельскую местность и лишь впоследствии мигрировали в Тбилиси. Такой случай, в частности, имел место в 1804 г., когда 50 семей из Эриванского ханства переселились в Памбак, откуда с русскими войсками ушли в Тбилиси [40]. Из документов прошлого века известно немало примеров, когда мигранты, несмотря на требования администрации, оставались жить в городе.

Помимо Восточной Армении и Карабаха в Тбилиси армяне переселялись из разных мест Грузии и Азербайджана. Так, жители с. Караван-Сарай, крестьяне Григор Арютинов, Алаверды Мелькумов, Андриас Симонов с семьями самовольно перешли в Тбилиси, где были записаны в «общество вновь переселившихся» в предместье Авлабар. Все эти мигранты были учтены в городе уже в камеральной переписи 1834 г.[41]

Мигрировали также из султанской Турции (Ван, Эрзерум, Диарбекир и др.) и Персии (Тавриз, Салмас, Исфаган и т. д.). Из Ахалцихского пашалыка, например, до 1820 г. в Тбилиси переселились 3 брата Казарашвили, пожелавшие принять российское подданство «с причислением

по городу Тифлису в казенные крестьяне». Согласие местной администрации было дано, и в 1820 г. братья уже жили в Тбилиси [42].

Массовые переселения армян на Кавказ в конце 1820-х — начале 1830-х годов первоначально мало затронули Тбилиси. В 1828 г. в связи с окончанием русско-персидской войны и заключением Туркманчайского мирного договора более 30 тыс. армян получили право перейти в пределы Российской империи, главным образом в Закавказье. Почти все они устроились в районах Восточной Армении. Но со временем отдельные семьи и лица переселялись в Тбилиси. Другая большая миграционная волна армян в Закавказье была связана с русско-турецкой войной 1829 г. и заключением Адрианопольского мирного договора, по которому Ахалцихский пашалык Османской империи (часть исторической Грузии) отходил к Российской империи и как уезд включался в состав Тифлисской губернии. В 1829 г. миграции армян из Порты, весьма массовые, преимущественно направлялись не в Тбилиси, а главным образом в Ахалцихский и Ахалкалакский уезды. Впоследствии миграции отдельных групп армян из Ахалцихского у. в Тбилиси имели место [43].

В Тбилиси переселялись армяне — не только жители сельских мест, но и горожане. В течение 1820—1860 гг. в городе появились выходцы из Душети, Гори, Ахалцихе, Сигнахи, Телави, Эривана, Александрополя, Новобаязета, Шуши, Нахичевана, Елисаветполя, Нухи, Ордубада. Но численность городских армян-переселенцев была невелика [44].

Приведенные материалы дают возможность представить региональный состав армян — жителей Тбилиси, в силу разных условий их исторического развития отличавшихся по своему этнокультурному облику. Одну группу мигрантов составляли жители селений и городов Грузии (Тифлисского, Горийского, Борчалинского, Сигнахского, Ахалцихского, Ахалкалакского уездов, Кутаисской губ., городов Гори, Душети, Сигнахи, Телави), преимущественно давние переселенцы из Армении. Другая группа мигрантов — это выходцы из разных историко-этнографических областей Восточной Армении (Эриванской губ.) — Эчмиадзина, Эривана, Котайка, Гехаркуника, Александрополя, Нахичевана, Гокчинского участка. Среди тбилисских армян зафиксирована группа зоков — выходцы из с. Нижний Агулис Нахичеванского у.[45] В третью группу можно отнести переселенцев из Бакинской и Елисаветпольской губерний — из Карабаха, Нухи, Шуши, Елисаветполя, Шемахи. Значительной по численности была группа переселенцев из Османской империи и Персии. Следует отметить, что работавшие и жившие в Тбилиси «персидскоподданные», в официальных документах XIX в. именовавшиеся персами, при рассмотрении имеющихся данных по этнической принадлежности оказывались армянами. Это подтверждает анализ некоторых из документов и прежде всего прошений тбилисских тулухчей (водовозов), подписи под которыми в большинстве — армянские имена и фамилии. Так, одно из прошений от «общества персиан-тулухчиков — водовозов в гор. Тифлисе» от 1887 г. имеет 49 подписей: 37 составляют армянские имена и фамилии, написанные по-русски, 22 написаны на фарси, однако имена и фамилии и этой группы также армянские. Среди подписавших Акоп Саркисов, Петрос, Вартан Будагов, Баба Саркис-оглы, Георгий Эйвазов и др. В прошении кукийских тулухчей,

подписанном 163 лицами на фарси, имена и фамилии также армянские. В списке же 5-го участка Тбилиси имена только мусульманские: Ахмад, Таги-оглы и лишь часть — армянские: Баба Саркис-оглы, Георгий Эйвазов. В прошении тулухчей 6-го участка, подписанном по-русски, имена мусульманские: Рагим Исмаил-оглы, Карим-оглы, Гасан Гуссейн-оглы и др. Вероятнее всего, данная группа тулухчей была персами. Еще одну группу армян — жителей Тбилиси составили выходцы из разных городов Российской империи, в частности Астрахани, Ново-Нахичевана на Дону и др.[46]

Все отмеченные группы армянских переселенцев обладали этническим и этнокультурным своеобразием, которое сохранялось на первых порах их жизни в Тбилиси.

В пореформенный период интенсивность миграций армян в Тбилиси не ослабла. Наиболее массовый характер они приняли в конце XIX — первые десятилетия XX в., когда из Турции постоянно происходили переселения, вызванные нарастающей политикой геноцида, осуществляемой турецкими властями в отношении христианского населения. Поэтому в десятках документов конца XIX — начала XX в. отмечены факты причисления армян — выходцев из Турции к обществу тбилисских жителей [47].

Различного рода документы — рапорты, прошения, выписки — раскрывают судьбы мигрантов-армян, оказавшихся в Тбилиси [48]. Примечательна судьба одной армянской семьи, переселившейся из Салмана (Персия). В 1828 г. в Тбилиси пришел глава семьи священник Степан Балашов (так в документе) с дочерью; его жена осталась в Персии. Дочь Мария в Тбилиси вышла замуж за русского военного из младших чинов. Когда глава семьи умер, Мария в 1844 г. подала прошение о дозволении переселиться ее матери из Персии в Тбилиси, что и было разрешено [49].

В Тбилиси жили также другие этнические общности. В 1803 г. в городе жила небольшая группа мусульман («татары») — 0,2 тыс. человек (1,9%) — азербайджанцев, персов. В начале 1830-х годов в городе было 187 «татар» — видимо, азербайджанцев [50]. По переписи 1864 г. в Тбилиси насчитывалось около тысячи «татар», однако данная цифра не отражает реальной численности азербайджанцев — жителей Тбилиси, поскольку в городе жили и другие тюркоязычные группы, в том числе казанские татары, турки, которые учитывались вместе с азербайджанцами. Но все-таки большую часть названной группы «татар», видимо, составляли азербайджанцы, часть которых именовалась «коренными», поскольку их предки переселились в Тбилиси два-три поколения тому назад. Камеральные описания дают возможность представить время миграций, исходные районы и таким образом определить этническую принадлежность мигрантов. В камеральном описании 1858 г., например, отмечен чарвадар (погонщик верблюдов), коренной житель, мусульманин, отец которого переселился в Тбилиси из Бакинской губ. Помимо Бакинской губ. азербайджанцы переселялись из Елисаветпольской и Эриванской губ., из городов Нуха, Нахичеван, Ордубад, Эриван.

Следует отметить, что из сельских местностей уходили в город преимущественно одиночки (реже — часть семьи, например отец и сын, еще реже — семья), из городов же переселялись целыми дымами. В середине

XIX в., например, из Эривана переселились два дыма азербайджанцев, из Нахичевани, Нухи и Ордубада — по одному. Вообще миграции азербайджанцев в Тбилиси в первой половине XIX в. не были интенсивными, но все-таки происходили постоянно. Преимущественно за счет миграций и росла численность азербайджанцев — жителей Тбилиси. В 1876 г. в нем жили уже 2,2 тыс. «татар», в основном азербайджанцев, в 1901 г.— 4,5 тыс. человек, небольшую часть этой группы составляли казанские татары [51].

Помимо азербайджанцев, в Тбилиси жили также представители других народов Кавказа, численность которых, за исключением осетин, и во второй половине XIX в. была очень невелика. Осетины переселялись в Тбилиси и его предместья еще в дореформенное время. Группа тагаурцев (29 дымов) в начале XIX в. обосновалась в предместье Тбилиси Дигоми. В посемейных списках 1886 г. названы осетины, переселившиеся в Тбилиси в раннем детстве, т. е. в 1840—1850 гг., и бывшие, как правило, учениками у мастеров-ремесленников. Осетин Бикишвили, например, из с. Тамарашени Горийского у. (уроженец с. Цурта) с детства оказался в Тбилиси, где обучался ремеслу каменщика. Всего в 1886 г. в городе жили около 300 осетин, выходцев преимущественно из Горийского и Душетского уездов Тифлисской губ. К 1899 г. число осетин в Тбилиси возросло до 2 тыс.[52]

Численность других этнических групп, живших в Тбилиси во второй половине XIX в., была очень невелика. Это абхазы, чеченцы, ингуши, кумыки и другие выходцы из Дагестана, в документах и статистических материалах тех лет называемые «лезгинами». Так, в посемейных списках 1886 г. записан абхазский князь Георгий Дмитриевич Шервашидзе, 39 лет, с сыном Дмитрием 5 лет; кумыкский князь из Хасавюрта Темиров, 50 лет; ингуш Ислам Габизов Льянов. Правда, последний в списках отмечен как черкес, выходец из с. Джерах, но приведенные в документе сведения — фамилия и название села — дают полное право считать Льянова ингушом: Джерах, как известно, составляет часть Ингушетии, а Льяновы — одна из известных ингушских фамилий. К 1901 г. численность этих групп по-прежнему была очень невелика. Абхазов в Тбилиси в начале XX в. жило всего 6 человек. Более ощутимые изменения произошли в численности чеченцев. Если в 1886 г. их было всего 5 человек (только мужчины, видимо, ремесленники-отходники), то в 1899 г. число чеченцев возросло до 400 [53].

Приведенные данные характеризуют численность постоянного населения Тбилиси. Численность же горцев (осетин, дагестанцев и др.), временно проживавших в Тбилиси, а также сезонных отходников была выше. В 1901 г., например, у дагестанцев она составляла 2,4 тыс. человек, у осетин — 2,2 тыс. человек [54].

В Тбилиси жили также выходцы из-за границы. Среди постоянных жителей было небольшое число персов. Однако резкое преобладание среди них мужского населения (в 1864 г. 508 мужчин и 21 женщина) дает основание предполагать, что в данной группе преобладали временнопроживавшие, десятилетиями занимавшиеся в городе ремеслом, торговлей, нередко женившиеся на местных жительницах. Только летом 1864 г., например, их насчитывалось 7,2 тыс. человек, среди которых

отмечены лишь 29 женщин. Число персов в Тбилиси быстро росло и к 1876 г. достигло 1,7 тыс. человек, а к 1899 г.— более 6 тыс. человек. Однако основную часть персидского населения города по-прежнему составляли отходники, летом наполнявшие Тбилиси [55].

К группе «татар», как отмечалось, относились не только азербайджанцы, но и казанские татары, нередко также выходцы из Дагестана и турки. Численность этой группы в официальной статистике прошлого века нередко указывалась только в конфессиональном плане. В 1866 г. в Тбилиси было 34 дыма мусульман-суннитов (109 человек), имевших свою мечеть. Через 30 лет, т. е. в 1896 г., в суннитском приходе насчитывалось 107 дымов (0,5 тыс. человек), в 1905 г.— 144 дыма (0,6 тыс. человек). Этнически эта группа не была однородной. В 1860-х годах ее составляли главным образом казанские татары; с 1870-х годов в местной статистике и переписях выделяются турки (в 1876 г.— 0,1 тыс. человек). Выходцы из Дагестана в основном были отходниками, но не постоянными жителями Тбилиси. Перепись 1876 г. отметила 37 «лезгин», т. е. дагестанцев, причем это число составляли только мужчины. В 1899 г. в Тбилиси было зафиксировано помимо отходников 363 жителя-«лезгина». В 1901 г. их число возросло до 667 человек (обоего пола) [56].

Казанские татары (в переписях среди жителей Тбилиси они не выделялись) были выходцами из Кузнецкого у. Саратовской губ., из Темниковского у. Тамбовской губ., из Пензенской губ. Некоторые из этих татар со временем женились на местных мусульманках, в основном азербайджанках. В 1860-х годах часть казанских татар «секты сунни» служила ямщиками на Цалканской почтовой станции Военно-Грузинской дороги [57].

То, что в Тбилиси в начале XIX в. было, хотя и небольшое, греческое население, подтверждается наличием в городе двух греческих церквей. Совершенно ясно, что эти церкви имели своих прихожан и духовенство, однако источники первой половины XIX в. не называют среди жителей Тбилиси греков, если не считать двух кратких упоминаний. Минас Мелчи (не ранее 1824 г.) сообщает, что в городе жили греки, пришедшие из разных мест. Другое документальное свидетельство от 1830 г. содержит указание о греках-каменотесах, работавших в Тбилиси. По данным 1864 г. в Тбилиси жили 119 греков. Кроме того, греки (только мужчины) приходили как сезонные рабочие из Турции. В посемейных списках 1886 г. в Тбилиси отмечены греки с родным армянским языком. Численность греков в 1876 г. возросла лишь до 0,4 тыс. человек, к 1901 г. она составила 1,4 тыс. человек, что было связано с массовыми миграциями из Турции на Кавказ христианского населения, в том числе греческого [58].

Русское население Тбилиси складывалось разновременно. В последней трети XVIII в., с заключением Георгиевского трактата в 1783 г., в городе находились воинские части, некоторые гражданские чины [59]. С превращением Тбилиси в административный центр Кавказского края именно этот контингент русского населения прежде всего увеличился. В городе появились различные гражданские учреждения, учреждения военного управления краем, поэтому здесь жило много русских, находившихся на военной и гражданской службе. Отслужив, некоторые из нижних военных чинов оставались в Тбилиси и его предместьях на постоянное жительство. Так в 1830-х годах возникли поселения Ново-

Троицкое и Пески. Уже в первой половине XIX в. усилился приток из России представителей интеллигенции. Среди них были некоторые из сосланных на Кавказ декабристов — Н. Раевский, А. Бестужев-Марлинский, долгое время в Тбилиси жил в работал редактором «Закавказского вестника» поэт Я. Полонский.

Переселялись также крестьяне из Калужской, Курской, Тамбовской губерний, приходили отходники из разных губерний России. Кроме того, в 1830—1850-е годы в Тбилиси мигрировали небольшие группы русских из разных районов Закавказья, в частности из городов. В 1855—1856 гг., например, переселились 5 дымов из г. Ново-Закаталы. Мигрировали также русские сектанты (в основном молокане), в 1830-х годах в административном порядке поселенные в Грузии (Ахалцихский, Ахалкалакский уезды), Армении (Эриванский, Александропольский уезды), Азербайджане (Шемахинский, Шушинский, Ленкоранский уезды) [60]. Если первоначально сектантам запрещалось жить в городах Закавказья, то со временем ситуация изменилась и сектанты начали поселяться в городах этого края, а также в предместьях Тбилиси. Уже в 1840-х годах молокане, занимавшиеся в основном извозом, и «выкрещенные из молокан» из Шемахи и Шемахинского у., из с. Воскресеновки Александропольского у. и г. Александрополя Эриванской губ., духоборы из Триалетского приставства интенсивно поселялись в предместьях Тбилиси, где они обосновались по левому берегу Куры, образовав поселок Новые Куки (район современного железнодорожного вокзала). В начале XX в. здесь еще сохранялась Молоканская улица (ныне ул. Пиросмани). В 1876 г. численность молокан в Тбилиси составила 1,8 тыс. человек [61].

Переселялись также украинцы — жители Черниговской и Полтавской губерний, которые, как правило, не выделялись в проводившихся в Тбилиси переписях и записывались русскими. Возможно, что такая ситуация частично отражала процесс этнической ассимиляции украинцев, не составлявших в городе компактных групп и постепенно сливавшихся с местным русским населением. По переписи 1876 г. русские, включая украинцев (без войск), в Тбилиси составляли 19,6 тыс. человек. Это были в основном выходцы из Тамбовской, Курской, Воронежской, Калужской, Московской, Киевской, Владимирской, Вятской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Херсонской, Харьковской и других губерний Российской империи. К 1901 г. численность русских в городе возросла до 35,8 тыс. человек, в значительной мере также за счет миграций [62].

Статистика Тбилиси за 1825 г. фиксирует в городе 58 евреев, временнопроживающих. Из документа неясна их этническая принадлежность, но вероятнее всего это были грузинские евреи, поскольку миграции европейских евреев в Тбилиси начались не ранее 1840-х годов. В течение всего XIX в. в город из разных областей Европейской России и прибалтийских губерний происходили переселения евреев. К середине века в Тбилиси жили выходцы из Полтавской, Минской, Витебской, Херсонской, Киевской, Таврической, Гродненской, Виленской губерний. Преимущественно мигрировали семьи, но немало и одиночек. По профессии это были различной специализации ремесленники: портные, шапочники, «эполетчики» и др., а также торговцы мелким товаром. Несмотря на то

что существовал официальный запрет «европейским» евреям жить в городах Закавказья, их миграции происходили интенсивно, поскольку власти все-таки делали исключения для ремесленников, получавших особые разрешения на жительство. Запрет не касался также коренного еврейского населения Кавказа, т. е. грузинских и горских евреев [63].

Помимо выходцев из сельских местностей, в Тбилиси переселялись евреи — жители городов. В 1870-х годах в городе уже жили выходцы из Керчи, Одессы, Очакова, Либавы, Владикавказа, Поти, Кременчуга, Киева, Варшавы. Если в 1864 г. в Тбилиси насчитывалось 0,4 тыс. евреев, то в 1876 г. их численность достигла 1,1 тыс. человек. В 1887 г. «европейские» евреи, жители Тбилиси, подали официальным властям прошение о причислении их к городскому обществу. В результате часть «европейских» евреев, владевших нужными для Тбилиси профессиями, была приписана к городу. В 1901 г. общая численность евреев в Тбилиси составила около 3 тыс. человек [64].

Этнически данная группа (прежде всего по языку и бытовой культуре) не была едина. В ее состав входили грузинские евреи — выходцы из Кутаисской губ. и Ахалцихского у. Тифлисской губ. (численность их была невелика), родным языком которых был грузинский. Основную часть еврейской общины Тбилиси составляли «европейские» евреи, нередко считавшие родным языком русский. Кроме того, в городе жила небольшая группа «курдистанских» евреев, часть которых, видимо, переселилась еще в 1828 г., после русско-персидской войны, вместе с армянами и ассирийцами из Персии, в частности из г. Урмии (современный Резайе) и области Салмас (Шахпур). Родным языком «курдистанских» евреев был новоассирийский. Немногочисленные горские евреи, жившие в Тбилиси, были выходцами из Дагестана, в основном отходниками [65].

Новый взлет активности миграций из Турции падает на первые два десятилетия XX в. Массовые переселения в Закавказье происходили в период первой мировой войны. Не миновали они и Тбилиси, куда устремились группы армян, греков, курдов, ассирийцев. Причиной таких переселений, как и в иные годы, было новое усиление политики национально-религиозного геноцида, осуществляемой турецкими властями против немусульманских народов — жителей Турции. Ассирийцы переселялись из Курдистана, курды-йезиды — из Вана, Карса, Сюрмали [66]. Численность этих этнических групп в начале XX в. значительно возросла. Если в 1886 г. в Тбилиси жили всего 22 ассирийца (только мужчины, видимо, рабочие, ремесленники), то в 1899 г. их число составило 1,6 тыс. человек. Столь же быстро росла численность курдов. В 1886 г. в городе жили только три курда, в 1899 г.— 464 человека [67].

В течение всего XIX в. в Тбилиси поселялись выходцы из стран Западной Европы. Первыми поселенцами (если не считать уже живших в городе трех католических патеров) стали 25 немецких семей, устроенных в 1817—1818 гг. между предместьем Куки и с. Авчала (это из 225 семей немцев, обосновавшихся в Закавказье). Вновь поселенные, выходцы из Вюртембергского княжества, поселившись компактно, образовали колонию «Тифлис», впоследствии вошедшую в состав города. По камеральному описанию 1853 г. в ней жили 56 семей (316 д. об. п.). Кроме колонистов, немцы имелись и в составе населения Тбилиси, куда они причислялись

постоянно. Выходцы из немецких княжеств Баварии, Саксонии, Пруссии, Мекленбурга жили в Тбилиси уже в 1831 г. В пореформенное время в Тбилиси переселялись также немцы из Варшавы. Всего в 1864 г. в городе насчитывалось 1,1 тыс. немцев. Их численность быстро возрастала за счет новых переселенцев и в 1901 г. составила 3,2 тыс. человек [68].

Помимо немцев в городе жили выходцы из других стран Западной Европы. По списку 1831 г. вместе с немцами (не колонистами) их насчитывалось 55 человек. Следует отметить, что в отличие от вюртембергских немцев, переселявшихся семьями, остальные мигрировали в одиночку. Основную часть переселенцев составляли выходцы из Франции, затем шли итальянцы, австрийцы, швейцарцы, англичане, голландцы, поляки. Все они переселились в Тбилиси в течение 1820-х годов. В дальнейшем число выходцев из Западной Европы постоянно возрастало. Причины этого были различными. Так, после подавления польского восстания в 1863 г. в Тбилиси возросла численность поляков за счет сосланных на Кавказ повстанцев. 1876 г. число поляков в городе составило 1,6 тыс. человек. В дальнейшем их численность увеличивалась за счет миграций из Варшавской губ., а также из других губерний и городов Российской империи (например, Воронежа) и к 1901 г. возросла до 5,1 тыс. человек. Продолжались имевшие место и ранее миграции из иных стран Западной Европы. В 1876 г., помимо немцев и поляков, в Тбилиси жили французы (0,3 тыс. чел.), итальянцы (0,2 тыс. чел.), австрийцы (0,1 тыс. чел.), бельгийцы, румыны, датчане, шведы, норвежцы (единицы) [69].

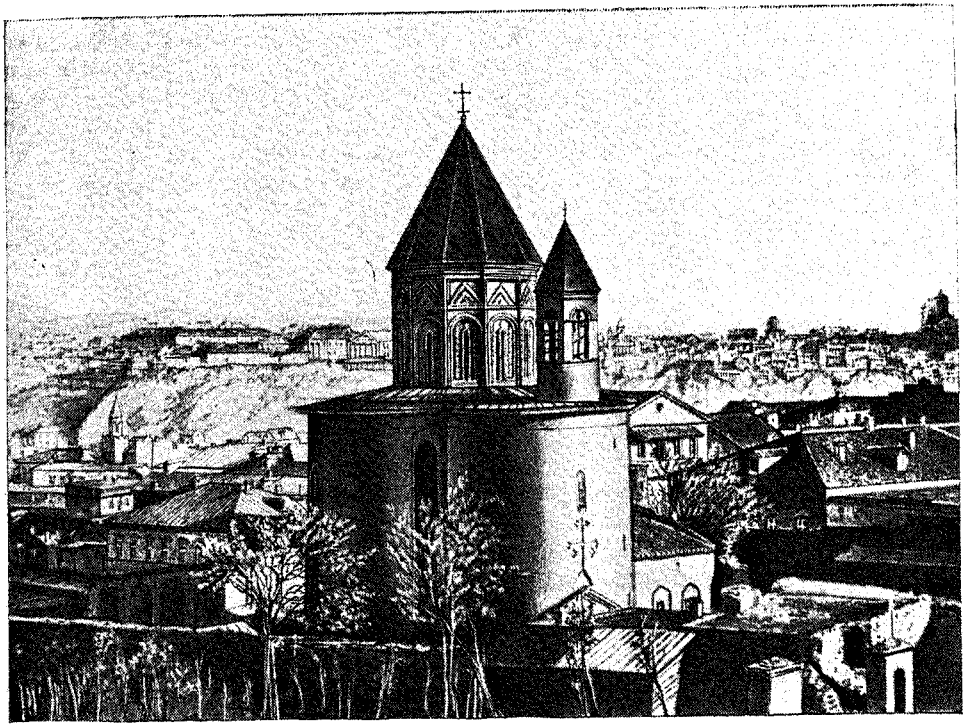
Тбилиси нередко пополнялся временными жителями, причем не только сезонными рабочими. Постоянно в городе появлялись цыгане, располагавшие свой табор в окрестностях Тбилиси. Так, в 1879 г. в городе появились «сербские» цыгане. Их мужчины среди других дел занимались кузнечным и слесарным ремеслами, женщины — ворожбой. Другая группа цыган появилась в городе в следующем, 1880 г. Как писали тбилисские газеты, все они называли себя армянами-переселенцами, «крестились по-армянски, говорили по-армянски и по-татарски». Их главным занятием было попрошайничество [70]. Видимо, это была группа армянских цыган, так называемых «боша», родным языком которых был армянский.

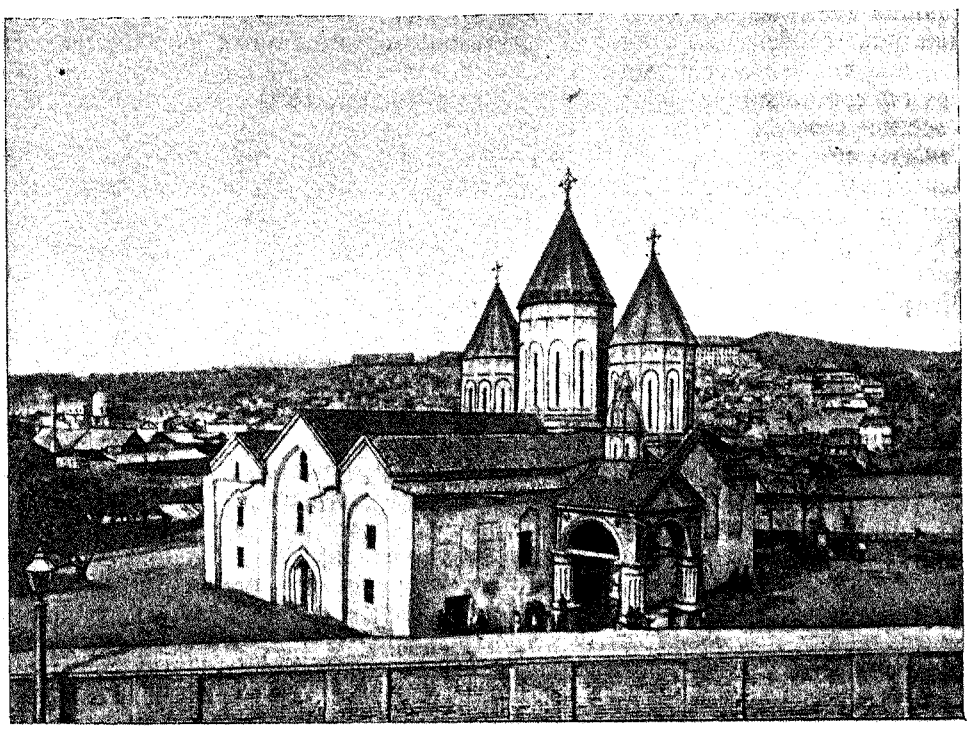
Конфессиональный состав

В первой трети XIX в. население Тбилиси принадлежало в основном к четырем конфессиональным общинам: православной, армяно-григорианской, католической и мусульманской.

Этнический состав православной общины города был довольно сложен. В нее входило прежде всего большинство грузинского населения города, которое по самым ранним статистическим сведениям, относящимся к 1817 г., составляло 3,2 тыс. человек [71]. В православную общину входили также русские, сведения о численности которых за этот период отсутствуют, и греки. Дальнейший рост численности населения Тбилиси привел к росту православной общины города, прежде всего за счет миграций грузин и русских. Если в 1832 г. в городе жили лишь 3,6 тыс. православных, то к 1864 г. эта цифра достигала 26,6 тыс. человек. Перепись

Государственная библиотека ВКП(б) им. В. И. Ленина





1876 г. зафиксировала численное преобладание православных жителей города над представителями других конфессий: последователей православия к этому времени в Тбилиси проживало 52,4 тыс. человек, т. е. 50,4% от общего числа населения [72]. К этому времени значительно сложнее стал этнический состав православной общины города. Наряду с грузинами (22,2 тыс. человек), русскими (19,6 тыс. человек) в нее входили греки (0,4 тыс.), осетины (0,3 тыс.), а также небольшие группы армян [73] (0,1 тыс.), ассирийцев [74] (0,1 тыс.), немцев (44 человека), поляков (26 человек), евреев (22 человека), татар (9 человек), персов (4 человека), принявших православие.

По данным Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. православные жители Тбилиси (с единоверцами) составили 83,7 тыс. человек. Куль-

Рис. 2. ХРАМЫ ТБИЛИСИ: *слева вверху* — грузинская православная церковь. Фотография 1860-х годов; *внизу* — армянский Ванкский собор. Фотография конца XIX в.; *справа* — шиитская мечеть. Рисунок В. Верещагина 1860-х годов.

товые потребности православных жителей Тбилиси обслуживали многочисленные церкви, разбросанные в разных частях города. Языковый барьер, особенно в первые десятилетия XIX в. обусловил стремление прихожан посещать «свои» церкви. В 1825 г., например, в Тбилиси функционировали 12 грузинских церквей, 4 русские и две греческие [75]. Наиболее значительным православным храмом был грузинский Сионский собор Успения Богоматери. Основанный в V в., он неоднократно достраивался в последующие столетия, так как, разделяя судьбу города, страдал от жестокостей завоевателей. Последний и самый тяжелый урон был нанесен Сионскому собору во время бесчинств воинов Ага-Мохаммедхана Каджара: в сентябре 1795 г. были сожжены деревянные хоры и иконостас, от бушевавшего пожара покрылись копотью и сажей древние фрески. Однако Сиони был довольно быстро отстроен заново и уже в 1817 г. предстал в полном великолепии перед Минаем Медичи (глава армяно-католической общины Крыма), посетившим Тбилиси. «Он,— пишет Медичи о Сионском соборе,— обширный и великолепный, разрисован внутри картинами (сюжетами) из Библии» [76].

Греческая православная община имела свои церкви еще в последней четверти XVIII в. На плане Тбилиси 1782 г. обозначены две греческие церкви; они же указаны на планах 1828 и 1843 гг. Однако нужды общины сделали необходимым постройку более просторного храма, который и был освящен в 1858 г. Местная печать откликнулась на это событие рядом корреспонденций, одна из которых была помещена в газете «Кавказ». «К утешению православных греков Тифлиса,— писал корреспондент,— совершено торжественное освящение новоустроенной в предместье города близ Эриванской заставы приходской греческой церкви во имя Святителя и чудотворца Николая. Освящение храма и божественную литургию совершил синодальный член, высокопреосвященный митрополит Исидор с четырьмя греческими архимандритами и двумя протоиереями при многочисленном стечении народа. Мы вполне разделяем радость единоверных братий наших, доселе не имевших особого храма для богослужения на природном своем языке...» [77].

С увеличением численности православной общины росло и количество культовых сооружений. В 1899 г. их было 48, в том числе 18 домовых. При этом нужно отметить, что к концу XIX в. разделение православной паствы по этническому признаку оказалось размытым. В разросшемся Тбилиси верующим удобнее было посещать близлежащий храм, поэтому не редкостью были совместные моления, например грузин и русских, в одних и тех же церквах. Сиони же со временем стал главным храмом для всей православной общины Тбилиси.

В течение всего рассматриваемого периода одной из крупнейших конфессиональных общин Тбилиси была армяно-григорианская. Начало ее формирования в городе относится к XI—XII вв., когда в столице объединенного Грузинского царства появились первые армянские поселения. С тех пор григорианская община регулярно пополнялась как за счет внутреннего воспроизводства, так и вследствие миграционной активности армянского населения и, несмотря на имевшие место демографические колебания, существенным образом формировала конфессиональный фон Тбилиси.

Являясь национальной религией армянского народа, григорианство, таким образом, является этническим определителем: практически все последователи этой конфессии этнически были армянами. Это облегчает в значительной степени проведение соответствующих статистических подсчетов.

По данным 1817 г. в Тбилиси проживали 11,2 тыс. армян, исповедовавших григорианство [78]. Несколько большую цифру дают сведения за 1832 г., зафиксировавшие 16,8 тыс. приверженцев григорианства среди жителей Тбилиси. В дальнейшем эта цифра держалась примерно на том же уровне, подвергаясь естественным демографическим колебаниям: в 1864 г. численность григорианской общины составила 28,1 тыс. человек, и она продолжала играть роль второй по численности конфессиональной общины города. Перепись 1876 г. подтвердила это, указав, что последователи григорианства — 36,6 тыс. человек — составляют 35,2% от общего числа жителей Тбилиси. Перепись 1897 г. вновь продемонстрировала увеличение абсолютной численности григориан: к этому времени их насчитывалось 50,5 тыс. человек [79].

В Тбилиси всегда было много григорианских храмов. Медичи называет в Тбилиси 10 армянских церквей, ранее в городе, как он пишет, их было больше, но все они были разрушены ханом Каджаром. Он упоминает также «Девичью пустынь» — обитель армянских инокинь, т. е. монастырь св. Стефана, находившийся по дороге к Петхаинской церкви [80]. В отчете 1825 г. в Тбилиси зафиксировано 25 армяно-григорианских церквей. Почти три десятилетия спустя в Тбилиси уже 27 церквей с прихожанами армяно-григорианского вероисповедания, а также один монастырь. Эта же цифра зафиксирована в 1899 г.[81]

Третья конфессия, которую в начале XIX в. исповедовала часть жителей Тбилиси, было мусульманство. Правда, последователей ислама первоначально было немного. В 1825 г. их насчитывалось всего 300 человек, большинство которых придерживалось шиитского толка. Культовые нужды мусульман обслуживала существовавшая в городе мечеть [82].

Впоследствии численность мусульман, видимо, колебалась, но в целом никогда не достигала относительно высоких цифр. Так, в 1832 г. в Тбилиси насчитывалось 0,2 тыс. шиитов. Следует сказать, что в Тбилиси проживали и мусульмане — последователи суннитского толка, однако в те годы основную их массу составляли отходники, прибывавшие в Тбилиси лишь на сезонные работы. В дальнейшем численность суннитов несколько возросла, составив весьма заметную часть мусульманской общины города, поэтому уже в 1864 г. наряду с шиитской в Тбилиси имелась и суннитская мечеть. Однако выделить число последователей каждого толка из общей цифры 1,5 тыс. мусульман в 1864 г. по имеющимся в нашем распоряжении материалам не представляется возможным. Лишь данные 1866 г. позволяют назвать цифру приверженцев суннизма — 109 человек, в основном, видимо, казанских татар [83].

Перепись 1876 г. несколько проясняет картину, давая процентное соотношение последователей обоих исламских толков в сравнении с общей численностью тбилисского населения: шииты составляли 3,6%, а сунниты — 0,7%. Но перепись не дает сведений по этническому составу последователей обоих толков. Однако, зная этнический состав городского на-

селения, можно с большой долей вероятности предположить, что из названной цифры в 4,3 тыс. мусульман шиизм исповедовали 3,7 тыс. человек, в том числе персы (1,7 тыс.) и значительная часть азербайджанцев. Последователей суннизма было 0,7 тыс. человек, из них часть «татар», турки, выходцы из Дагестана [84]. Однако, как отмечалось, под этим этнонимом в переписных материалах скрывались две разные этнические группы: казанские татары и азербайджанцы, что снова ставит перед исследователем трудноразрешимую задачу в определении конфессиональной принадлежности данной группы тбилисского населения: если казанские татары были все без исключения суннитами, то азербайджанцы могли быть последователями обоих толков ислама.

По данным переписи 1897 г. число тбилисских мусульман достигло 7,4 тыс. человек. Вообще в динамике численности этой части населения Тбилиси большую роль играли постоянные маятниковые миграции — приход в Тбилиси сезонных рабочих. Особенно это сказалось на численности шиитов, которая с 1896 по 1901 г. снизилась с 6,6 тыс. до 5,9 тыс. человек. Такое уменьшение несомненно произошло за счет маятниковых миграций, так как в эти годы смертность не превышала рождаемости. В целом же численность мусульман к началу XX в. возросла, но главным образом за счет суннитов (2,9 тыс.), преобладающую часть которых составили сезонные отходники [85].

Этнический состав мусульманской общины Тбилиси, таким образом, менялся. К началу XIX в. в нее входила главным образом небольшая группа шиитов — азербайджанцев и персов. Приходившие в Тбилиси отходники из Дагестана (сунниты), Азербайджана (сунниты, шииты) и Персии (шииты) временно пополняли мусульманскую общину города. Во второй половине века основную часть суннитской части мусульманской общины составляли казанские татары, переселившиеся в Тбилиси и жившие здесь постоянно [86].

Четвертая конфессия, которая была распространена в Тбилиси в XIX в.,— это католицизм. Возникновение местной католической общины относится к XVI в. и было следствием активного проникновения в Грузию этого вероучения. Деятельность католических миссионеров, приехавших в Грузию, осуществлялась в ряде городов, в том числе в Тбилиси. Чтобы успешнее обращать в католицизм местное население, католические патеры изучали грузинский и армянский языки, посещали службы в грузинских и армянских церквах. Православное и григорианское духовенство было настроено крайне отрицательно к деятельности католической церкви в пределах Закавказья и постоянно боролось против нее. В своих действиях православная церковь всегда находила поддержку у грузинских царей. Поэтому более успешно распространялся католицизм среди армян, принимавших католическую веру (как и грузины), чтобы избегнуть насильственной исламизации [87].

В Тбилиси католики имели епископскую кафедру с 1393 по 1600 г. С этого года делами тбилисских католиков стали управлять патеры капуцинского ордена, удаленные из Тбилиси в 1755 г.; их храм был обращен в православную церковь. Вернувшись в Тбилиси через 5 лет, в 1760 г., капуцины, не имея костела, вынуждены были совершать службы в частном доме. В 1804 г. усилиями католиков в Тбилиси была построена Успенская

(во имя Успения Богородицы) римско-католическая церковь, богослужение в которой велось на латыни [88]. Патеры капуцинского ордена возглавляли римско-католическую общину Тбилиси до 1844 г. Как отмечали официальные власти Тбилиси, «правительство наше только терпело их (капуцинов.— *Авт.*) за Кавказом, доколе они не оказались вредными и не обратили на себя внимание явным неуважением к государственным законам». В отношении капуцинов отмечалось далее, что они «возбудили негодование местных армяно-католиков до такой степени, что последние просили власти устранения влияния пропагандистов». Капуцинам было предложено или «приобрести все права туземного духовенства», или, приняв подданство, подчиниться «тем государственным узаконениям, коими руководствуется все многочисленное латинское духовенство в империи». Капуцины отказались и в начале 1845 г. отбыли из Грузии [89]. Однако уже в том же году с началом деятельности наместника Кавказа князя М. С. Воронцова по его вызову в Тбилиси вновь прибыли католические священники (уже не капуцины), назначенные в Успенскую римско-католическую церковь и совершавшие службу на латинском языке. С удалением капуцинов из Грузии управление делами католиков Кавказа, в том числе Тбилиси, было поручено Кавказскому визитаторству, находившемуся в подчинении тираспольского епископа [90].

Численность проживавших в начале века в Тбилиси приверженцев католицизма можно вычислить лишь приблизительно. М. Медичи, который сам был католическим священником и поэтому с особым вниманием отнесся к своим единоверцам, скрупулезно подсчитал, что католиков в Тбилиси насчитывалось 40 семей [91]. Цифра эта вполне вероятна, если учесть, что официальные данные по католикам за 1825 г. указывают на 400 душ обоего пола. Численность католиков оставалась такой же в 1832 г., повысившись к 1841 г. до 780 человек, а в 1864 г.— уже до 1,5 тыс. человек. В 1876 г. католики насчитывали 4,7 тыс. человек, т. е. более 4% от общей численности населения Тбилиси, являясь весьма пестрой в этническом отношении общиной. В нее входили армяне (0,9 тыс.), грузины (0,2 тыс.), поляки (1,5 тыс.), французы (0,2 тыс.), айсоры (0,1 тыс.), русские (0,1 тыс.) и др. По данным переписи 1897 г. в Тбилиси проживали 7 тыс. человек римско-католического вероисповедания [92].

Из среды коренных народов наиболее значительную долю лиц, входивших в католическую общину, составляли армяне. Их первоначальное появление в Тбилиси относится, видимо, к 1829 г., когда с окончанием русско-турецкой войны здесь поселилось несколько семей армяно-католиков (ремесленников и торговцев). Исповедовавшие католицизм армяне стали прихожанами католической Успенской церкви наряду с другими иноэтничными своими единоверцами, причем для римско-католиков служба велась тремя патерами-капуцинами, а армяно-католики имели своего священника [93]. Первые более или менее точные данные о численности армяно-католиков относятся, к сожалению, только к 1876 г., когда, как было сказано выше, их проживало в Тбилиси 0,9 тыс. человек. В 1896 г. их стало 7 тыс., а по сведениям начала XX в. численность армян, исповедовавших католицизм, достигла 9,3 тыс. человек. На этом фоне резко выделяется численность армяно-католиков, зафиксированная Первой Всеобщей переписью населения 1897 г., по которой выходит, что в Тбилиси в тот год

проживали всего 62 армяно-католика [94]. Однако вряд ли данная цифра отражает реальное положение вещей. Здесь мы имеем дело не с фактическим уменьшением числа армян, исповедовавших католицизм, а с записью этой группы населения Тбилиси преимущественно как римско-католиков. Возможно также, что переписчики не зафиксировали эту группу тбилисского населения как временнопроживающих и персидскоподданных.

В ряде документов 1880-х годов заметно стремление армяно-католиков к выделению из общекатолической общины Тбилиси. Неоднократно обращались они к городским властям с просьбой отдать им Успенскую церковь. Однако это требование встретило отпор со стороны католического духовенства. Успенская церковь, как они писали в своем ответе, составляет «неприкосновенную собственность коренного населения г. Тифлиса римско-католического исповедания, не может быть ни в коем случае добровольно уступлена... постороннему пришлому населению, называемому армяно-католиками». Как выясняется далее из того же документа, армяно-католическое духовенство (в том числе визитатор-настоятель Петропавловской Кукийской католической церкви прелат Орловский) являлось «противниками и ненавистниками» Успенской церкви и совершавшегося в ней римско-католического богослужения и молитв «на грузинском языке» [95].

В 1883 г. прихожанами тбилисской римско-католической Успенской церкви были 188 семей (732 д. об. п.) — грузин, армян, поляков, французов. Среди них семьи Тумановых, Андронниковых, Бакрадзе, Исарловых, Сааковых, Джамшеровых, Зубаловых, Юзбашевых, Чигиани и др. В этот список не вошли те, у которых только отец или мать принадлежали к католическому вероисповеданию, но дети были уже другого вероисповедания. Таких лиц особым списком названо 21. Кроме названных лиц, в отдельном списке значились еще две группы католиков. Это турецкоподданные, «имеющие армянский обряд» (армяно-католики). По показаниям их устабаши, таких насчитывалось 436 душ обоего пола, все они по профессии были хлебопеками. Другую группу в этом же списке составляли персидскоподданные католики-тулухчи, «имеющие халдейский обряд» (халдео-католики). Таких насчитывалось 600 душ обоего пола [96].

В 1887 г. армяно-католики Тбилиси направили прошение в адрес римско-католических духовных властей в России, в котором содержалась просьба «о дозволении им иметь священника из армяно-католиков, который мог бы служить на армянском языке в католической церкви, что на Армянском базаре» [97]. Однако, судя по другим материалам, эта просьба не была удовлетворена.

Таким образом, тбилисские католики во второй половине XIX в. включали римско-католиков, армяно-католиков и халдео-католиков. Этнически это были армяне, грузины, ассирийцы, выходцы из разных стран Западной Европы и др. В официальной статистике того времени фиксировались только две первые группы. Вероятнее всего, халдео-католики включались в группу армяно-католиков. В 1896 г. по данным тбилисского полицмейстера в городе жили 2,8 тыс. римско-католиков [98].

Помимо названных конфессий в Тбилиси проживало немало представителей других вероисповеданий. Рост численности горожан, в основном за счет пришлого иммигрантского населения, привел к тому, что конфессио-

нальная картина Тбилиси с годами становилась все более пестрой. В 1840-х годах в Тбилиси появились русские молокане. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные не позволяют представить динамику их численности за первые десятилетия. Лишь за 1864 г. у нас имеется цифра проживавших в Тбилиси раскольников — 0,7 тыс. человек. С большой долей вероятности можно сказать, что в основном это были молокане. По переписи 1876 г. тбилисские молокане составили 1,6% от общей численности городского населения. Их численность постоянно росла, и в 1893 г. по официальным данным их число достигло 1,2 тыс. человек (665 мужчин и 635 женщин) [99].

Помимо молокан, в Тбилиси проживали представители других сектантских течений. Так, перепись 1876 г. показала наличие среди населения города прыгунов (54 человека), субботников (49 человек); кроме того, имелись баптисты, но численность их, к сожалению, не обозначена. В дальнейшем названные секты не увеличивались и продолжали оставаться на уровне нескольких десятков человек. В 1883 г., например, прыгунов было зафиксировано 31 человек, баптистов — 39, иудействующих (субботников) — 82 человека [100].

В 1870-х годах среди молокан появились последователи течения «штунд» (штундисты). По донесению чиновника особых поручений Алиханова старшему полицмейстеру Тбилиси от 2 июня 1873 г. к числу последователей этой «ереси» принадлежали Никита и Иван Воронины, Семен Родионов, его брат Исай, Капитон Щербаев, Иван Парошин с сыном Гурием. Все они были молоканами. Никита занимался торговлей, имел собственный дом в Песках, где жили также и другие названные лица. Однако в начале 1870-х годов они начали присоединяться к «вредной секте», за которую, как отмечалось в донесении, «преследует наше правительство. Они так тайно ведут свои дела, что весьма трудно гласным путем открыть все их деяния...» [101]

В городе имелись представители других течений и толков старообрядцев. В 8-м участке, например, на Новоарсенальной улице в доме, принадлежавшем Ивану Дементеву, последователю федосеевской секты, была устроена беспоповская молельня, с иконостасом. Перед ним стояли распятие Спасителя и престол, на котором находилось большого формата евангелие. В этой молельне сектанты — федосеевцы и поморцы в воскресные и праздничные дни совершали свои богослужения. Главными лицами секты были уставщики мещанин Александр Трусов и несколько рядовых русских солдат (фамилии не записаны), следовавшие поморской секте. Отступления от учения поморцев членами этой секты и переход в другую секту жестоко преследовались поморцами [102].

В 1896 г. в Тбилиси было 1,1 тыс. беспоповцев. Кроме них, в городе жили молокане, духоборы и др. Всего по данным тбилисской полиции среди жителей города насчитывалось 2,3 тыс. сектантов [103].

Как выясняется из документальных материалов 1880-х годов, среди немецкого населения Тбилиси имелась группа баптистов, не объединенная в общину. В 1889 г. баптисты обратились к официальным властям с просьбой выдать разрешение на объединение в общину. Видимо, баптистское учение довольно быстро распространялось в городе, причем не только среди немцев, но и русских, так как в официальных документах того времени

выражается беспокойство по поводу успеха нового «заграничного учения баптистского, которые ежедневно обольщают многие простодушные сердца христиан разных религий и ежедневно крестят по несколько человек в р. Куре». Случаи перехода в баптизм были довольно часты и в дальнейшем. В донесении от 1900 г. сообщалось, что около года назад в баптизм перешли крестьянин Пронин (кондуктор тбилисского трамвая) и кубанский казак Кучеров, склонявшие к баптизму и других жителей города. Под их влиянием в баптизм перешли еще 12 человек. Для вновь обращаемых Пронин и Кучеров устраивали у себя на квартире собрания, а затем вели к главному баптисту, богачу Фефелову, обратившему в баптизм Кучерова и Пронина. В присутствии его вновь обращенные должны были разбивать иконы [104].

Распространению баптизма среди русских в 1880-х годах, отмечалось в официальных документах, способствовали богослужения на русском языке, постоянно устраиваемые в немецкой кирхе, которые посещались «весьма многочисленными русскими». Лютеранский пастор Ганзен, хорошо владевший русским языком, каждую среду по вечерам бывал в Куках в каком-то доме, где собирались русские и немецкие баптисты. В официальных документах сообщалось, что тбилисские молокане общались с пастором Гюземаном, который находился в очень близких отношениях «с выдающимся пропагандистом рационалистических ересей... высланным в 1887 г. из Тифлиса Амирханианцем» [105].

В религиозную общину не были объединены субботники (иудействующие), жившие в Песках в Нахаловке. В 1896 г. в городе насчитывалось 187 иудействующих, в 1913 г.— 52 человека. В 1913 г. они обратились к местным властям с ходатайством о разрешении им согласно указу от 17 октября 1906 г. объединиться в общину под названием «община тифлисских субботников». Судя по имеющимся документам, эта просьба была оставлена без ответа. Поэтому совершаемые субботниками различные обрядовые действия, например обрезание (сразу после рождения ребенка), записывались в специальной метрической книге для субботников, имевшейся в Тбилисской городской управе. После обрезания ребенка нарекали христианским именем [106].

В Тбилиси имелась также община ассирийцев-несториан, в которую входили главным образом временнопроживавшие в городе сезонные отходники, остававшиеся здесь месяцами и даже годами. Как выясняется, ассирийцы-несторианцы имели свою церковь и духовного настоятеля. Однако во второй половине XIX в. начался очень активный процесс перехода ассирийцев-несториан в православие. Только лишь в 1898 г. по желанию ассирийцев экзархом Грузии были присоединены к православию 722 человека и настоятелем ассирийской церкви — еще около 30 человек [107].

В 1820-х годах Тбилиси постоянно пополнялся выходцами из разных стран Европы, принадлежавшими к различным направлениям протестантизма — англиканству, лютеранству. Самой большой по численности (помимо общины католиков) была община лютеран-евангелистов, в которую входили не только немцы-колонисты, но и переселенцы из Германии, появившиеся в Тбилиси в другие годы. Духовной главой этой общины был пастор, в колонии имелась лютеранская церковь. Численность в Тбилиси

лютеран-евангелистов росла довольно интенсивно. В 1876 г. она составляла 2,2 тыс. человек, а в конце XIX в. возросла до 3 тыс. [108]

В 1820-х годах среди лютеран-евангелистов появились сектанты хилиасты (всего по Закавказью 362 души об. п.). Часть их была в тбилисской немецкой колонии. Но хилиазм не пустил глубоких корней, быстро начал затухать, а его последователи в основном вернулись в лоно евангелистско-лютеранской церкви [109].

Неуклонно росла в городе численность исповедующих иудаизм. Эта община также не была однородна в этнокультурном и языковом плане, поскольку включала группу грузинских евреев (родной язык грузинский) и «европейских» евреев, родным языком которых преимущественно был русский. Первые включали выходцев из разных мест Грузии, в частности из Западной (Кутаиси, Они) и Южной (Ахалцихе). Имелась также небольшая группа евреев — переселенцев из Курдистана, говоривших на новоассирийском языке [110].

Указанные группы появились в Тбилиси в разное время. Обозначенная на плане Тбилиси 1782 г. под № 44 синагога свидетельствует о наличии в городе в этот период еврейского населения [111]. Вероятнее всего, это были грузинские евреи, поскольку «европейские», ахалцихские и курдистанские евреи начали переселяться в Тбилиси не ранее 1828 г. Численность исповедующих иудаизм была не велика еще в 1840-х годах. В 1843 г. на официальный запрос властей о наличии еврейского населения в Закавказье, синагог и «кагалов» по Тбилиси было названо 105 временнопроживающих евреев, одна молитвенная школа и два раввина, синагоги и «кагалов» не было (возможно, что первая была к тому времени снесена за ветхостью). Со временем численность исповедующих иудаизм росла и в 1886 г. составила 1,6 тыс. человек [112].

Не различаясь конфессионально, еврейское население Тбилиси составляло, как отмечалось, три общины и отдельные синагоги. «Европейские» и грузинские евреи почти до конца XIX в. имели одного раввина из «русских» евреев. Однако в 1895 г. община грузинских евреев ходатайствовала перед местными властями о разрешении иметь им особого раввина. Эта просьба в 1899 г. была удовлетворена. Общиной грузинских евреев на должность раввина был избран Яков Нафталишвили, ранее бывший помощником ахалцихского раввина. В официальных документах того времени отмечалось, что «хотя он и не получил достаточного образования, но хорошо знаком с еврейскими догматами; как заявили избравшие его лица, им нужен раввин, знающий их грузинский язык, с которым достаточно знаком Яков Нафталишвили». Далее в прошении было пояснено, что грузинские евреи не в состоянии платить раввину с «образованным цензом». Однако главная причина заключалась в другом: «русский» раввин не владел грузинским языком и его наставления не были понятны грузинским евреям [113]. В 1896 г. исповедующих иудаизм по официальным данным в Тбилиси было 3,4 тыс. человек [114].

К началу XX в. в Тбилиси действовали 4 синагоги: общества тбилисских евреев на Католической ул., синагога проживающих в Тбилиси ахалцихских евреев, синагога иностранных евреев (так называемых персидских) и синагога, открытая в молитвенной школе, построенной на месте снесенной в 1900 г. синагоги по Арсенальной улице в доме № 15. Послед-

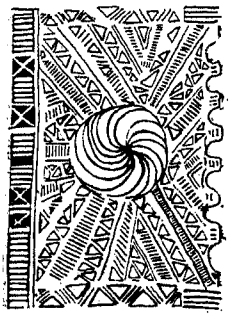
няя существовала около 50 лет и была известна под названием Солдатской [115].

С появлением в Тбилиси курдов, последователей религиозного вероучения йезидов, в городе возникла еще одна конфессия, численно возросшая в течение первых двух десятилетий XX в. до 1,5 тыс. человек.

[1] История Грузии. Тбилиси. 1962; *Месхиа Ш.* Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, 1957. С. 159.
[2] *Цагарели А.* Грамоты и другие исторические документы... XVIII столетия. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1902. С. 106.
[3] Лекианоба (от груз. *леки* — дагестанцы) — военные набеги горских владетелей Дагестана на Грузию в XVIII — начале XIX в.
[4] ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 369. Л. 2.
[5] Там же. Ф. 254. Оп. 2. Д. 923. Л. 41.
[6] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1613. Л. 17 об.; Д. 792. Л. 65.
[7] АКАК. Т. V. Тифлис, 1872. С. 29.
[8] ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 5. Д. 413. Л. 78.
[9] АКАК. Т. IV. Тифлис, 1869. С. 56, 57.
[10] ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 29. Л. 3 об.
[11] ЦГИА АзССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 793. Л. 58—75.
[12] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 69. СПб., 1905. С. 42.
[13] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 2. Д. 395. Л. 10, 16, 25, 43, 45; Ф. 192. Оп. 5. Д. 282; Ф. 16. Оп. 1. Д. 2326. Л. 3—7, 12.
[14–15] Там же. Ф. 414. Оп. 1. Д. 34. Л. 49; Оп. 2. Д. 36. Л. 16 об.
[16] *Какабадзе С.* Перепись Тбилиси в 1803 г. // Исторический вестник. Тбилиси, 1925. С. 27 (на груз. яз.).
[17] *Месхиа Ш.* Города... С. 154.
[18] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2389. Л. 1—53; Д. 857. Л. 1—12; ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 46—47.
[19] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2389.
[20] Там же. Д. 631. Л. 87, 93, 107; Д. 984. Л. 1, 3, 5; Д. 992. Л. 1—7, 35; Оп. 2. Д. 393. Л. 43 об., 101 об.
[21] Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. // ССК. Т. VI. 1880. С. 58, 116.
[22] Первая Всеобщая перепись... С. 41.
[23] Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 102.
[24] *Месхиа Ш.* Города... С. 171; ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 47.
[25] ЦГВИА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4170. Л. 396, 397.
[26] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 2. Д. 396. Л. 7—10; Ф. 192. Оп. 5. Д. 300. Л. 11, 12; Д. 291. Л. 2—49, 314, 634 об.
[27] ЦГВИА. ВУА. Д. 4337. Л. 13; Д. 18481. Л. 57, 58.
[28] Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 58, 116.
[29] *Какабадзе С.* Перепись Тбилиси... С. 27.
[30] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2389. Л. 2—16, 54—75; *Гамрекели В. Н.* Население Восточной Грузии по ведомости 5 апреля 1770 г. // Мацне. Сер. филологии, психологии, экономики... Тбилиси, 1976. № 3. С. 67 (на груз. яз.).
[31] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 2. Д. 22. Л. 294.
[32] Там же. Ф. 254. Оп. 1. Д. 162. Л. 3, 16.
[33] ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 29. Л. 3, 4, 22.
[34] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 2. Д. 395. Л. 15—18.
[35] Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 101.
[36] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 396. Л. 385—610; Оп. 2. Д. 395. Л. 4, 6, 10.
[37] Там же. Ф. 254. Оп. 1. Д. 631. Л. 1; ЦГИА АзССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55. Л. 6 об.; Д. 132. Л. 1, 3.
[38] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 2. Д. 396. Л. 31, 40, 123, 244—384; Д. 395. Л. 20, 27, 28.
[39] ЦГВИА. ВУА. Д. 18480.
[40] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 3. Д. 6566; Ф. 192. Оп. 5. Д. 282.
[41] ЦГИА АзССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 475. Л. 1, 2.

42 ЦГВИА. ВУА. Д. 22663. Л. 12 об.; Присоединение Восточной Армении к России. Сб. документов. Ереван, 1972. С. 307, 397.
43 ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 631.
44 Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6506; Ф. 254. Оп. 2. Д. 396. Л. 46—136.
45 Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2521. Л. 1—8. Ф. 229. Оп. 1. Д. 52. Л. 97.
46 Там же. Ф. 254. Оп. 3. Д. 4304—4330, 6601, 6669, 6673.
47 Там же. Оп. 1. Д. 631. Л. 58, 60.
48 Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1399.
49 *Меликсет-Беков Л. М.* Старый Тифлис по описаниям А. Негри и М. Медичи // Ars. Тифлис, 1918. № 2-3. С. 108; Обозрение Российских владений за Кавказом. Ч. 1. СПб., 1836. Таблица.
50 ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 2. Д. 395. Л. 7, 28, 123, 125, 136.
51 Там же. Л. 7, 28, 97, 123, 125, 136.
52 Там же. Л. 37; Ф. 192. Оп. 5. Д. 413. Л. 12, 286, 305, 306, 310, 324; Д. 311. Л. 8, 72 об.
53 Там же. Оп. 5. Д. 413. Л. 34—35; Д. 311. Л. 139; Д. 313. Л. 68—69.
54 Там же. Ф. 414. Оп. 2. Д. 22. Л. 294.
55 Там же. Д. 36. Л. 11 об.
56 ЦГИА АзССР. Ф. 291. Оп. 2. Д. 670. Л. 26; Ф. 291. Оп. 4. Д. 2420. Л. 3; ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 2. Д. 112. Л. 2.
57 ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 5. Д. 311. Л. 43, 48; ЦГИА АзССР. Ф. 291. Оп. 2. Д. 67. Л. 21; Ф. 289. Оп. 1. Д. 49. Л. 48.
58 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1762. Л. 4; Ф. 192. Оп. 5. Д. 282. Л. 15—16; *Меликсет-Беков Л. М.* Старый Тифлис... С. 110.
59 *Цагарели А.* Грамоты... Т. 1. С. 188.
60 Вопросам расселения и быта русских переселенцев посвящена монография Д. И. Исмаил-заде «Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX — начало XX в.» (М., 1982). Сведений о миграции русских в Тбилиси эта фундаментальная работа не содержит.
61 ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 2. Д. 393. Л. 45, 122, 139; Д. 395. Л. 27; Ф. 16. Оп. 1. Д. 9574. Л. 1; Ф. 254. Оп. 3. Д. 1640. Л. 4—51; Хроника // К. 1868. № 9.
62 ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 2. Д. 22. Л. 294; Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 119—120.
63 ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 5. Д. 311. Л. 5, 110, 117, 118, 123; Ф. 4. Оп. 2. Д. 2495. Л. 75—84.
64 ЦГИА ГССР. Ф. 12. Оп. 11. Д. 396. Л. 8, 69.
65 См.: *Крупник И. И., Куповецкий М. С.* «Лахлухи» — курдистанские евреи в СССР // СЭ. 1988. № 2.
66 *Минорский В. Ф.* Курды. СПб., 1911; *Пашаева Л. Б.* Позитивные и негативные элементы в свадебных обычаях и обрядах курдов Грузии. Тбилиси, 1987. С. 3, 4.
67 ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 2. Д. 2083. Л. 12—36; АКАК. Т. VI. Ч. 1. 1872. С. 150.
68 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4448. Л. 20, 22—25; Ф. 192. Оп. 5. Д. 413.
69 Там же. Ф. 192. Оп. 5. Д. 413. Л. 40.
70 Хроника // К. 1890. № 113.
71 ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 4 об.
72 Обозрение... Ч. 1. С. 186; ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1074. Л. 6, 8.
73 Армяне-урумы, принявшие православие еще в XI в.
74 Ассирийцы были, видимо, последователи халдео-христианского обряда. ЦГВИА. ВУА. Д. 1848. Л. 4 об.
75 *Меликсет-Беков Л. М.* Старый Тифлис... С. 109.
76 Кавказская летопись // К. 1858. № 31.
77 ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 47 об., 60.
78 Обозрение... Ч. 1. С. 186, 188.
79 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1074. Л. 6, 8; Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 104—105.
80 *Меликсет-Беков Л. М.* Старый Тифлис... С. 109, 110, 113.
81 ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 47 об., 60; ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1074. Л. 6, 8.
82 ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 47, 60.
83 Обозрение... Ч. 1. С. 186, 188; ЦГИА АзССР. Ф. 291. Оп. 2. Д. 852. Л. 1.
84 Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 104—107.

85 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 33. Л. 48, 54; Ф. 254. Оп. 5. Д. 43. Л. 12; Статистика // К. 1896. № 88.
86 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8076. Л. 27.
87 *Брегадзе Н. А.* К вопросу об этническом составе населения Грузии в XVII в. // КЭС. VI. 1976. С. 246, 248.
88 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6647. Л. 11 об.
89 ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 134. Л. 1—6 об.
90 ЦГИА ГССР. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 88. Л. 3; Тифлис и его окрестности. Тифлис, 1913. С. 83.
91 *Меликсет-Беков Л. М.* Старый Тифлис... С. 109—110, 113.
92 ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 47 об., 60; Обозрение... Ч. 1. С. 186, 188; ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1074. Л. 6, 8; Ф. 254. Оп. 3. Д. 1640. Л. 17, 19, 24; Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 104, 105.
93 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6647. Л. 11 об.
94 Тифлис по однодневной переписи... 1876 г.; Хроника // К. 1896. № 88; ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 2. Д. 22. Л. 290, 294.
95 ЦГИА ГССР. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 88.
96 Там же. Д. 59. Л. 1; Д. 47. Л. 1—6, Д. 11. Л. 10.
97 Хроника // ТЛ. 1887. № 165.
98 Хроника // К. 1896. № 88.
99 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1074. Л. 6, 8.
100 Хроника // К. 1893. № 225.
101 ЦГИА ГССР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 102. Л. 4 и об.
102 Там же. Д. 2779. Л. 8, 9.
103 Хроника // К. 1896. № 92.
104 ЦГИА ГССР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2779. Л. 40, 58, 67.
105 Там же. Д. 3366. Л. 14 об.
106 Там же. Ф. 192. Оп. 6. Д. 414. Л. 15; Статистика // К. 1896. № 92.
107 Хроника // К. 1898. № 70.
108 ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 10. Л. 165.
109 Хилиазм в Германии был вызван сочинениями вюртембергского прелата Бенгеля и других мистиков.
110 ЦГВИА. ВУА. Д. 395. Л. 67; *Крупник И. И., Куповецкий Л. С.* «Лахлухи»...
111 ЦГВИА. ВУА. Д. 22656.
112 ЦГИА ГССР. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1315. Л. 2, 3.
113 ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 6. Д. 530. Л. 31, 59.
114 Статистика // К. 1896. № 88.
115 ЦГИА ГССР. Ф. 12. Оп. 7. Д. 2688. Л. 1 об., 6 об.; Хроника // К. 1887. № 34.



Глава вторая

ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРОЖАН

Тбилиси всегда был крупным ремесленным центром. Иоанэ Багратиони, описавший ремесленные ряды тбилисских базаров в конце XVIII в., называет мастеров множества профессий [1]. Эти ремесленные ряды указаны и на плане Тбилиси 1782 г. Всего по данным за этот год в городе насчитывалось более 60 видов ремесел [2]. Но к началу XIX в. в ремесленном производстве, как и вообще в социально-экономическом развитии Тбилиси, ощущался заметный спад. В камеральном описании 1804 г. указано не более двух десятков ремесленных профессий, распространенных среди жителей города. Картину явной стагнации экономической жизни столицы дополняют впечатления очевидцев. В это время вся «промышленность» Тбилиси сосредоточивалась на Армянском базаре, где «в жалких лавочках продавали одни только предметы первой необходимости и где привезенная из России стеклянная посуда еще возбуждала удивление простого народа» [3].

Однако в последующие годы с ростом числа горожан, стабилизацией общей политической и экономической обстановки интенсивно растет и число ремесленников. Общее представление о ремесленных профессиях в первой трети XIX в. дает список «мастеровых и промышленников в городе», составленный в 1825 г. (табл. 3).

Как видим, ремесленные профессии были весьма многочисленны и удовлетворяли самые разнообразные потребности горожан. Наиболее часто, практически ежедневно, тбилисцы общались с ремесленниками, обеспечивавшими население пищевыми продуктами. Так, в городе было много пекарен, каждый хлебопек, как правило, владел небольшой пекарней. Последние были двух типов: тонэ (торнэ) и пурнэ, различавшиеся как устройством, так и ассортиментом выпекаемой продукции.

Тонэ — традиционный элемент сельского быта народов Закавказья — длительное время продолжал функционировать и в городских условиях. Печь (собственно тонэ) имела вид ямы, стены которой выкладывали из глиняных брусков. В яме разводили огонь. Когда жар пламени раскалял стенки тонэ, можно было приступать к выпечке. Тесто замешивали в больших деревянных долбленках, которые хранили в помещении пекарни, прикрепив к потолку. Придав куску теста нужную форму, пекарь (в Тбилиси, как правило, это были имеретины) броском прикреплял его к раскаленной стенке тонэ. Готовый хлеб специальным шампуром извлекали

Таблица 3. ЧИСЛЕННОСТЬ РЕМЕСЛЕННИКОВ И ТОРГОВЦЕВ В ТБИЛИСИ В 1825 г.

Мастеровые	Численность	Промышленники	Численность
1. Ткачи	207	Торгующие:	
2. Портные	104	1. Красным товаром [6]	177
3. Сапожники	98	2. Мелким товаром [7]	65
4. Шапошники	79	3. Рыбой	22
5. Садовники [1]	76	4. Мясом	40
6. Кожевники	74	5. Бакальщиков [8]	103
7. Каменщики	71	6. Овсянников [9]	22
8. Шелковники [2]	64	7. Хлебников [10]	42
9. Медники [3]	62	8. Маркитантов [11]	34
10. Плотники	58	9. Вином	96
11. «Серебряки»	55	10. Подводчиков	59
12. Седельники	48		
13. Кузнецы	40	*Всего:*	660
14. Столяры	40		
15. Башмачники	36		
16. Цирюльники	35		
17. Шубники	24		
18. Сабельники	32		
19. Красильщики	22		
20. Горшечники	20		
21. Мельники	17		
22. Веревошники	12		
23. Решетники [4]	8		
24. Живописцы [5]	7		
25. Часовые мастера	4		
26. Ложники	2		
27. Бондари	1		
28. Бриллиантщики	1		
Всего:	1130		

ЦГВИА. ВУА. Д. 18481.

[1] Занимались обработкой и устройством плодово-виноградных садов.

[2] Мастера, изготовлявшие шелковые ткани и тесьму.

[3] Лудильщик и.

[4] Мастера, изготовлявшие традиционные деревянные решетки, которыми закрывали окна.

[5] Объединяли маляров, позднее также обойщиков и красильщиков.

[6] В основном торговцы тканями для одежды.

[7] «Мелкий» товар включал главным образом галантерею, свечи, иногда небольшие предметы из хрусталя.

[8] Бакальщик — содержатель лавки, в которой торговали фруктами, овощами, оливами, кавказскими сырами, топленым и постным маслом, солью, горохом, бобами, рисом.

[9] Торговцы овсом.

[10] Изготовитель и торговец традиционным хлебом.

[11] Содержатели трактиров, харчевен.

из печи. В тонэ выпекали главным образом традиционные виды хлеба — шоти, чурек, лаваши [4].

Пурнэ представляла собой вариант обыкновенной печи. Нехарактерные для грузинского сельского быта, пурнэ получили распространение в Тбилиси с оседанием в городе, вероятно, греческого населения. Пекарями в пурнэ были греки (выходцы из Турции), изредка турки [5].

Продукция пурнэ была разнообразна, но главными ее видами были нетрадиционные, «европейские» хлеба типа караваев, а также различные пирожки, фигурные крендели. Выпечка выставлялась обычно здесь же в пурнэ на специальном прилавке, изделия отличались разнообразием форм и размеров, начиная от огромных круглых или четырехугольных буханок до небольших булочек. Много фигурной выпечки старались делать по праздникам, когда на нее бывал широкий спрос. Пекари изощрялись в ку-

линарных фантазиях, создавая из теста причудливые образы людей, животных, различных предметов [6].

Пекари в пурнэ (пурщики, как их называли) часто пекли хлеб по заказу клиента из его муки. Иногда принимали заказы на приготовление в печи каких-либо блюд, например могли зажарить гуся. Подобного рода заказов бывало много, поэтому пурщики помечали заказ специальной меткой, чтобы не спутать. Работали в пурнэ днем и ночью. Утром ко времени появления первых покупателей свежий хлеб и булочки уже лежали на полках [7].

Помимо хлебопеков в Тбилиси работали мастера кондитерских изделий. Еще в начале 1830-х годов некий француз Антон Матассе имел в Тбилиси свое кондитерское заведение. Однако специализированных кондитерских было немного. В 1876 г., например, хлебопекарен в городе насчитывалось 246, кондитерских же заведений было всего 18 [8].

Специализированные колбасники появились в городе лишь во второй половине XIX в., они никогда не были многочисленны, однако весьма выгодно торговали своей продукцией — европейским нововведением за столами тбилисцев. Хотя вино в подавляющих количествах ввозилось в Тбилиси из Кахети, тем не менее в городе были свои винокуры, перерабатывавшие урожай с виноградников тбилисских предместий; имелись изготовители традиционного сладкого напитка шербета (мешарбате); пивовары поставляли пиво [9].

Небольшая часть жителей Тбилиси занималась рыболовством. Правда, Кура была бедна рыбой, тем не менее тбилисские рыбаки ухитрялись вылавливать сома, лосося, усача. Приспособления для рыбной ловли были самые незатейливые — сети, удочки.

Многие тбилисцы содержали духаны, харчевни, кофейни, где посетителям предлагались готовые блюда и вино. Позднее появились трактиры и чайные, содержавшиеся местными молоканами.

Множество ремесленников было занято изготовлением одежды, обуви, головных уборов, различных аксессуаров костюма. В начале XIX в., судя по камеральным описаниям, в Тбилиси было много ткачей, выделывавших из привозного сырья всевозможные ткани: шелковые («шелковые ткачи»), хлопчатые, шерстяные; работали изготовители холста, бязи; из козьей шерсти ткали ткань для мешков и упряжи для быков; красильщики занимались окраской тканей. В городе были специальные красильни, в которых окрашивали «лезгинское» сукно, в 1825 г. таких мастерских было 13. С распространением более дешевых и качественных тканей фабричного производства чадобность в домотканых материалах отпала, что закономерно привело к исчезновению соответствующей ремесленной специализации, хотя отдельные ее представители встречались еще в 1870-х годах: в 1876 г., например, в Тбилиси было 5 ткачей [10].

Среди тбилисских ремесленников имелись портные, скорняки, шубники, шапошники, сапожники, башмачники и др., иногда существовали более узкие специализации. Портные, например, делились на мастеров «азиатского» и «европейского» платья, имелись специалисты по грузинскому национальному костюму. Мастера по изготовлению обуви делились на «грузинских» и «азиатских» башмачников. Были ремесленники, занимавшиеся изготовлением различного рода дополнений к одежде: позументщики, золотошвеи, ткачи тесьмы, мастера басонных изделий. Работали

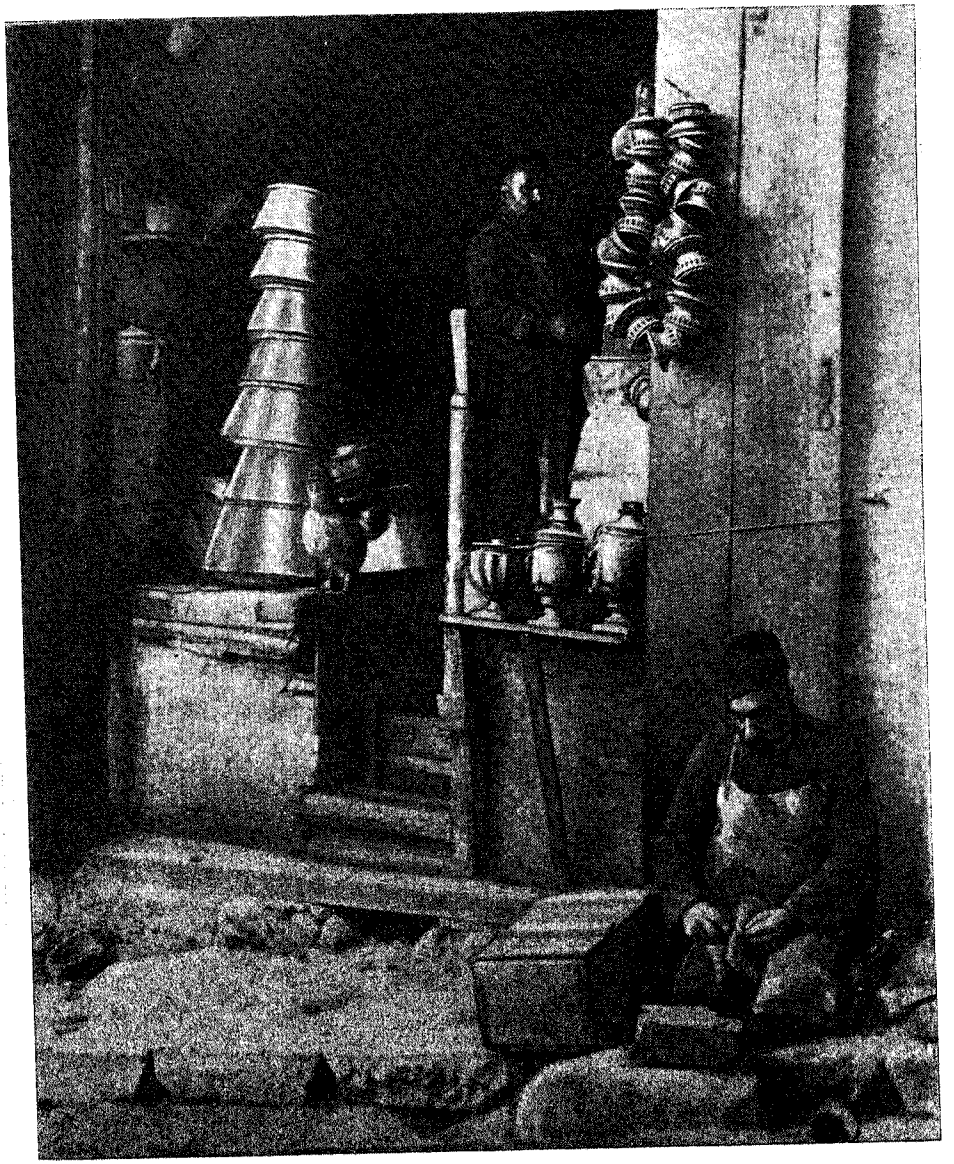
Рис. 3. РЕМЕСЛЕННИКИ И ТОРГОВЦЫ СТАРОГО ТБИЛИСИ:
горшечники; продажа ковров;
Фотографии Д. Ермакова. Конец XIX в.

ремесленники, занимавшиеся вышиванием одежды; были «вышивальщики по сукну». В первой половине XIX в. в Тбилиси еще работали мастера по изготовлению галунов, которыми мужчины украшали свое платье. Однако с распространением европейской одежды эта традиция стала утрачиваться, поэтому и данный промысел постепенно исчез. Об одной тбилисской жи-

Рис 3. (продолжение): лавка фонарщика; мастерская лудильщиков;

тельнице камеральное описание 1848 г. сообщало, что пропитание имеет «занятием рукоделием».

Особую группу ремесленников составляли «серебряки», изготовлявшие из серебра разнообразные женские украшения и предметы быта, «золотых дел мастера», «оружейных дел мастера», сабельники.



Множество мастеров изготовляло разнообразные предметы хозяйственного обихода: это свечники, бондари, колесники, горшечники, гончары, ложечники, мастера по изготовлению бурдюков, сундуков. Были мастера по изготовлению чепраков (покрывало для седла), которые делали из бархата, сукна с золотым или серебряным шитьем, из тонкой шерстяной ма-

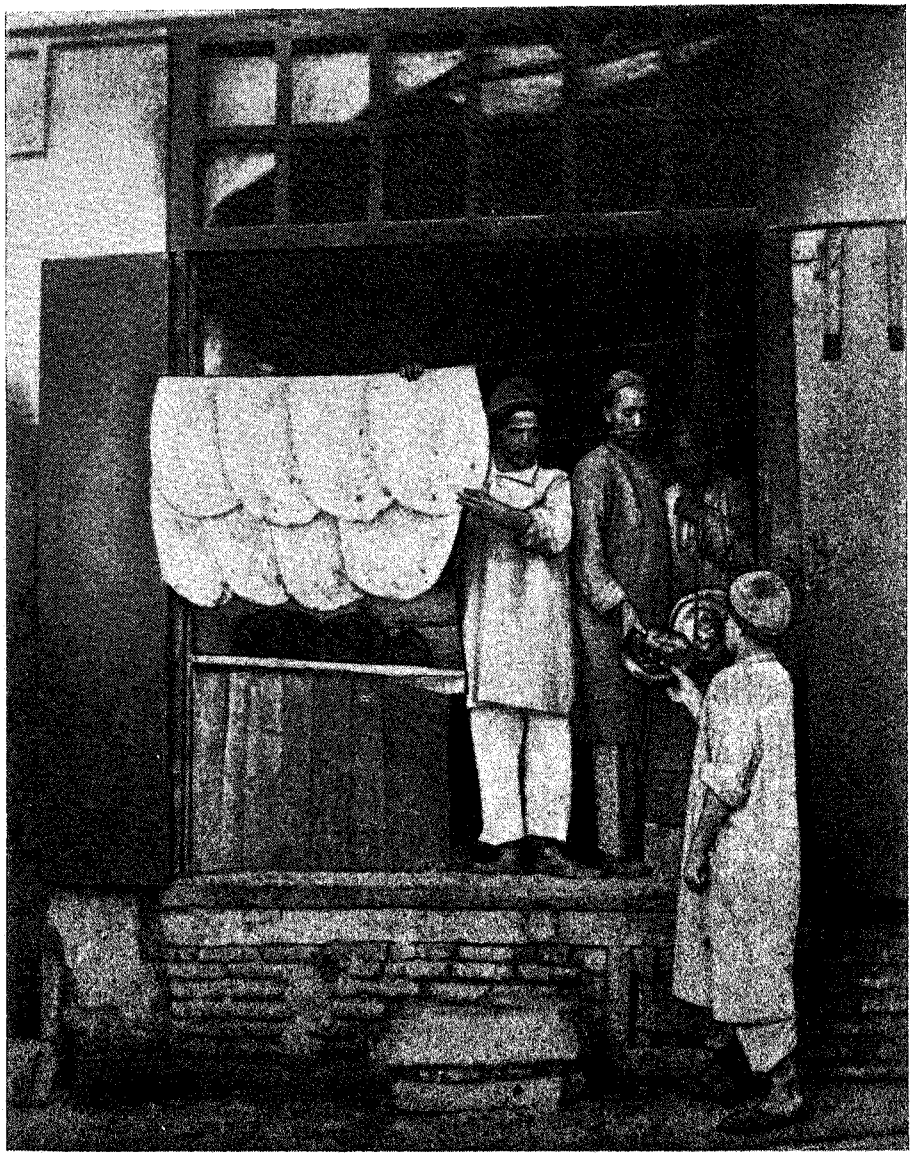


Рис. 3 (окончание): продажа лавашей; продажа винограда и дынь.

терии. Имелись ремесленники по изготовлению одеял, головных платков, традиционных грузинских набивных синих скатертей.

Профессиональные занятия многих тбилисцев были связаны с обслуживанием коммунального хозяйства города. «Ламповщики» следили за состоянием городского освещения, в случае необходимости ремонтировали

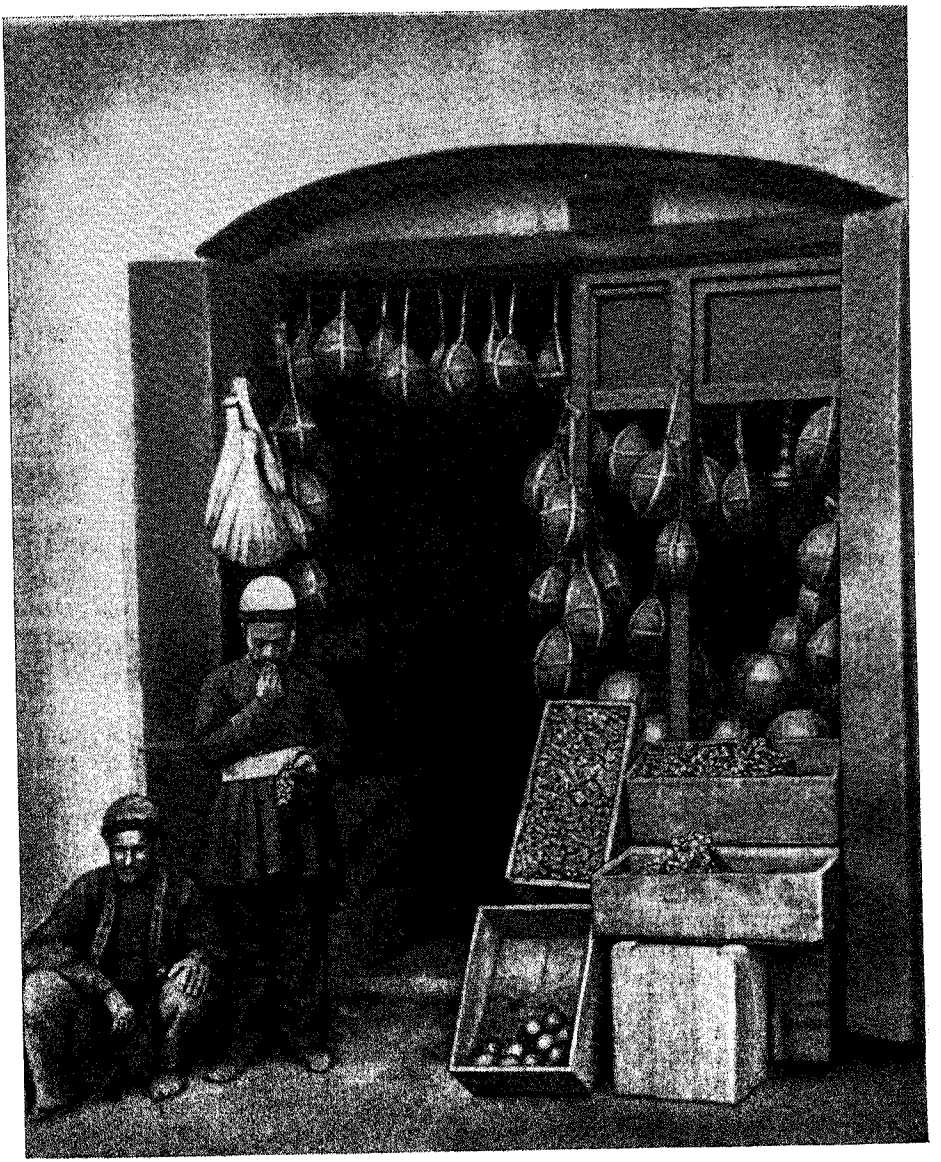


Рис. 4. СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ ГОРОЖАН: кинто с фруктами; кинто — продавец сыра. Фотографии второй половины XIX в.

светильники. Довольно много тбилисцев занималось извозом, содержа к услугам горожан фаэтоны, дрожки, пролетки и другие транспортные средства. Город имел рабочих, обслуживающих водостоки и водопроводы.

Нужды городского строительства, в том числе частного, обслуживали каменщики, столяры, плотники, печники; среди городских ремесленных профессий были газовщики, мельники, конюхи, садовники, огородники. Среди тбилисских ремесленников имелись кожевники, шорники, кузнец, маляры, слесари, специалисты по выжиганию извести, гажи, обжиганию кирпича. Возникли и нетрадиционные профессии, такие, как «часовых дел мастера». Немало тбилисцев занималось поденной работой («простой рабочий», «в услужении»), чем и добывали себе средства к существованию.

Многие жители выполняли разнообразные хозяйственные работы по найму. Таковы, например, пильщики, занимавшиеся распилкой дров. Распилить несколько ароб в день считалось большой удачей, сулившей весьма приличный заработок [11].

Колоритной особенностью старого тбилисского быта были специальные рабочие-носильщики *муша*, нанимавшиеся для переноски тяжестей. С раннего утра муша собирались на тбилисских базарах в ожидании найма. Как правило, спрос бывал большой и уже к полудню десятки из них тащили на себе всевозможные грузы в разные концы города. Это могли быть тюки с базарными покупками, бочки с какой-нибудь жидкостью, мебель.

Экипировка муши была незатейливой: две-три веревки, широкий кожаный ремень и набитая сеном подушка *куртани*. Перевязав груз и взвалив его на спину (на которую предварительно укладывали куртани), муша с готовностью тащил ношу по указанному адресу. Случалось, что муша переносил на себе и людей, что, кстати, в первой половине XIX в. было не таким уж редким явлением. Собираясь выйти из дома в сильный дождь, многие тбилисцы, «чтобы не промочить ноги или не увязнуть в грязи... нанимали мушей и нередко таким образом отправлялись на спине носильщика» [12].

Среди мушей существовало своеобразное разделение труда. Одни из них занимались преимущественно переноской мебели, другие — муки и зерна, третьи работали на вокзале, четвертые нанимались на работу в частные дома и т. д. Довольно строго распределялись и районы деятельности. Муша, работавший, скажем, на одном базаре, не имел права брать клиентов на другом.

Рис. 4 (окончание). Муша — носильщик тяжестей. Рисунок 1880-х годов.

В 1880-х годах в Тбилиси насчитывалось около 2 тыс. мушей. Это были главным образом грузины — выходцы из Рачинского уезда, приезжавшие в Тбилиси на заработки; среди мушей встречались и армяне — недавние мигранты из Нахичеванского уезда Эриванской губернии и областей Персии. Рачинцы появлялись в городе зимой по окончании всех земледельческих работ, обычно группами в 10 человек, чаще всего жителей одного села. К следующему лету половина такой группы возвращалась домой для выполнения необходимых сельскохозяйственных работ, причем они обязательно помогали семьям отходников, остававшихся в Тбилиси. К зиме эти работники возвращались в город. На следующий год также весной другая группа отправлялась домой, вновь возвращаясь к зиме в Тбилиси [13].

Муши — выходцы из одного села составляли своеобразные товарищества. Во главе такого товарищества становился человек, пользовавшийся в своей среде наибольшим авторитетом. Каждый вечер все члены товарищества отдавали ему свой заработок, затем получаемая сумма распределялась поровну между членами объединения. В последней четверти XIX в. такие товарищества сохранялись только среди мушей старшего поколения. Однако дух единства, по впечатлениям современников, среди мушей сохранялся еще долго. Чувство единения, сознания своего товарищества помогало жить в новых условиях. Муши всегда защищали интере-

сы своих товарищей, в случае нужды опекали друг друга, помогали отыскать работу. Обычно муши-земляки жили вместе, зимой нередко устраиваясь в хлебопекарнях, владельцами которых были их же соплеменники; спали муши на досках на земляном полу, подложив под голову куртани.

О силе и выносливости мушей ходили легенды. По рассказам старожилов, один такой силач перенес кузов четырехместной кареты. Знаменитый муша Берика Гиоргобиани, как утверждали, «таскал по Авлабарскому подъему на пари тяжести по 25 пудов» [14]. Впрочем, не меньше рассказов о трагических случаях из жизни мушей, о внезапной смерти носильщика под тяжестью непосильного груза.

Весьма любопытную прослойку среди тбилисских торговцев составляли многочисленные кинто. Выделявшиеся своим внешним видом (они носили черный архалух, подпоясанный серебряным поясом, и широкие шаровары, заправленные в сапоги), кинто постоянно мелькали на тбилисских улицах, базарах, духанах и в городских садах. Среди кинто были духанщики, владельцы продуктовых лавок, но главным образом они промышляли торговлей вразнос продуктами питания. На огромной деревянной чаше-подносе (табахи) кинто раскладывали горы фруктов, овощей, зелени, яйца, рыбу и др. и, водрузив это сооружение себе на голову, отправлялись на работу. Для удобства голову обматывали специальным покрывалом *кинти*, которое удерживало в равновесии тяжелое табахи. Кинто довольно свободно и быстро передвигались со своей ношей, оставляя обе руки свободными. Иногда кинто развозили свой товар на больших тачках, запряженных ослами.

Кинто обычно неистово рекламировал свой товар, громко зазывая к себе покупателей. При этом он нещадно коверкал русские слова, создавая свой собственный рекламный сленг, лишенный порой всякого смысла, но в общем-то достаточно понятный и привлекательный для рядового тбилисского покупателя: «Агурец, агурец, Александре молодец», «черешни, вишни испанцки», «яблок антоновцки», «перцик, перцик, априкос», «смотри сюда, купи што ли» — эти и другие специфические возгласы кинто сотрясали все вокруг.

Завидев, что кто-либо из покупателей проявляет интерес к его товару, кинто тут же снимал с головы табахи или останавливал своего осла и начинал торговаться. При этом кинто был непрочь надуть покупателя, и в этом смысле за ними утвердилась весьма дурная слава. Обмеры и обвесы в соединении с мощным напором на покупателя были главными методами кинто [15].

Кинто промышляли барышничеством. Часто они оптом скупали у сельчан привозимые ими на базар продукты и впоследствии сбывали их по повышенным ценам. Так, в одной из корреспонденций газеты «Кавказ» говорилось о группе кинто, монопольно владевших продажей сыра. Кинто поджидали крестьян уже в окрестностях Тбилиси, перекупали у них товар, причем пикетирование тбилисских предместий было столь тщательным, что, как свидетельствует корреспондент, «ни один сельский производитель из деревень в окрестностях Тифлиса со стороны Авлабара не ускользает от этих хищников и никогда не попадает со своим товаром на тифлисский рынок» [16].

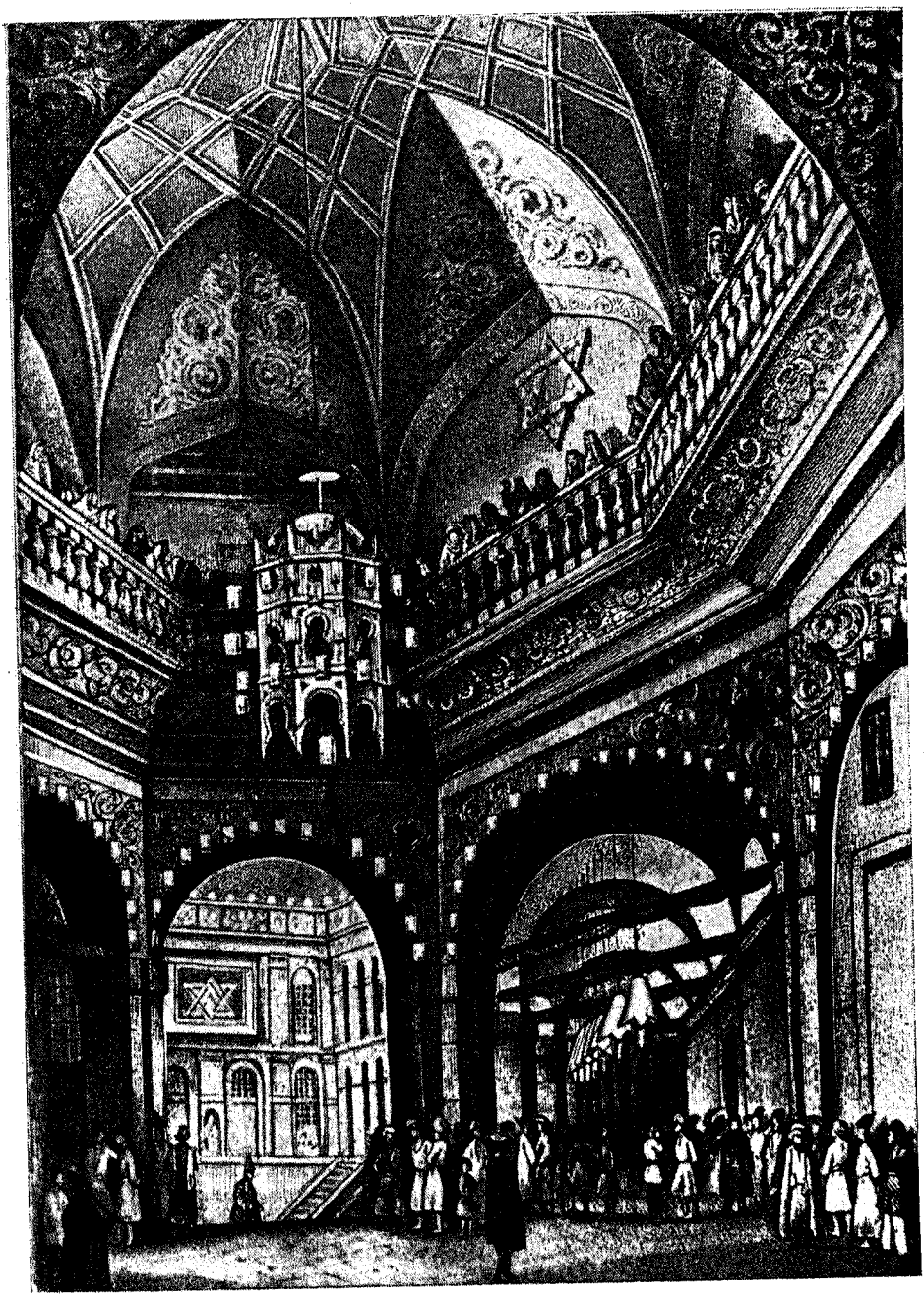


Рис. 5. КАРАВАН-САРАЙ АРЦРУНИ. Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы.

Характерную сцену из жизни тбилисского Солдатского базара воспроизвел корреспондент «Тифлисского листка», описавший процесс перекупки кинто нескольких кадушек масла у приехавших на базар сельчан. «Его (владельца масла.— *Авт.*) окружала целая банда барышников-кинто, свивших на Солдатском базаре прочное гнездо. Одни из них кричали, грозили кулаками, поднося их к зубам, ругали всевозможными словами, насильственно совали в руки деньги; словом, совсем оглушили несчастного» [17].

В бытовом плане кинто представляли довольно резко очерченную социальную группу. Она формировалась из городских низов, из деклассированных элементов, люмпенов и была типичным продуктом городской жизни с ее размыванием традиционного уклада жизни, ослаблением жестких норм социального контроля, характерных для сельской среды.

Очень важную роль в городской жизни играли поставщики воды — *тулухчи* (груз, *метулухчи*), водовозы и пешие разносчики воды в кувшинах. Дефицит воды был настоящим бичом для жителей Тбилиси. Острота этой проблемы в известной мере снималась благодаря деятельности тулухчи, занимавшихся доставкой воды жителям Тбилиси из Куры. Городские власти в черте Тбилиси определили 12 мест по течению Куры, где разрешался забор воды: у Армянского (Ванкского) собора, напротив военных казарм, между Эриванской заставой и домом экзарха; воду кувшинами можно было набирать возле Анчисхатского собора, возле караван-сарая Шадинова и в других местах [18].

Вода набиралась в большие кожаные меха *тулухи* (отсюда и название данной профессии). Навьючив наполненные тулухи на лошадь или осла, водовоз отправлялся к своим клиентам. Опорожнив емкости, тулухчи возвращался к Куре, вновь набирал воду и отправлялся к другим клиентам. Часть водовозов возила воду в бочках, другая группа разносила свой товар в больших глиняных кувшинах грушевидной формы с узкой горловиной.

Бочковая вода ценилась выше, чем из тулухи. Платили обычно наличными, но постоянным клиентам тулухчи доверяли в долг, делая при этом особые зарубки-памятки на специальной бирке. Разница в оплате в какой-то степени определяла и «социальные» зоны обслуживания для тулухчи и водовозов. Вторые имели клиентов среди достаточно обеспеченных слоев городского населения; первые обслуживали его низшие социальные группы.

До 1880-х годов официальной платы за услуги водовозов не существовало, цена воды колебалась в зависимости от расстояния данного дома от Куры. Однако впоследствии постановлением городской управы была установлена единая такса — по 9 коп. за тулухи воды. Впрочем, ее не всегда придерживались, тулухчи могли запросить и больше. Это было причиной многочисленных столкновений между водовозами и их клиентами. В случае возникновения конфликта тулухчи прибегали к испытанному приему — прекращали доставку воды строптивому клиенту, оставляя его в безвыходном положении, так как по существующим в среде тулухчи правилам каждый из них обслуживал определенный участок города и не имел права иметь клиентов на чужой территории. Поэтому клиент не мог переманить какого-нибудь тулухчи из соседнего участка [19].

Между тулухчи и водовозами нередко были столкновения на почве конкуренции, так как каждый старался иметь побольше клиентов. Об одном из таких конфликтов дает представление прошение в Тифлисскую городскую управу некоего Гванцемлидзе, сообщавшего, что ему «давно возит воду тулухчик Петрос одноглазый». Однако «водовоз Абрам Усейноглы, возящий воду в бочках, притесняет моего водовода и силою не допускает, чтобы он возил мне воду». Между тем клиент предпочитал услуги тулухчи, так как они были дешевле [20].

В 1887 г. в связи с устройством в Тбилиси водопровода власти предложили тулухчи прекратить их деятельность, «вековое наше занятие», как писали тулухчи в прошении тбилисскому губернатору, прося отменить это распоряжение [21]. Неясно, было ли это сделано, но во всяком случае тулухчи работали в Тбилиси и в последующие годы. Более того, при несовершенстве городского водопровода их деятельность продолжала играть важную роль в водоснабжении горожан. В 1890 г., например, в Тбилиси было зафиксировано 126 тулухчи, между тем этого числа было, видимо, недостаточно, так как в том же году газета «Кавказ» констатировала, что «недостаток тулухчиков в Тифлисе в последнее время весьма ощутителен: многим обывателям приходится сидеть без воды по двое, а иногда и больше суток» [22].

В городе имелись специальные заготовители льда и снега, продававшие его в духаны, трактиры, рестораны, винные погреба и заводы. Если Кура не замерзала, то заготовители льда привозили его из отдаленных районов. Снег также возили в Тбилиси из дальних окрестностей, поскольку в городе снег выпадал редко. Если же он все-таки сохранялся какое-то время, то специально нанятые рабочие собирали снег на поле за садом Муштаид [23].

Наряду с дипломированными врачами, занимавшимися частной практикой, в Тбилиси было немало других специалистов в области народного врачевания. В камеральных списках подобного рода профессии именовались на разные лады: лекари, «пользующиеся акушерством», «занимающиеся лечением ран», упомянут некий «туземный врач», в 1864 г. в городе было три костоправа, «оспопрививатель». Весьма колоритны были цирюльники, обычно персы, подвизавшиеся, как правило, на майданах. Способ бритья у них был крайне примитивный: плюнув на щеку или макушку своего клиента, цирюльник узким, отточенным ножом начинал соскабливать волосы. Впоследствии в Тбилиси появились парикмахеры. В тбилисских банях содержался штат банщиков и терщиков; имелись мыловары.

В камеральных описаниях встречаются профессии, связанные с «воспитанием в домах юношества партикулярно» (главным образом выходцы из стран Западной Европы), перечислены учителя в гимназиях, «учитель детей», архитектор, «живущий содержанием нахлебников».

Многие тбилисцы находили применение своим артистическим способностям и талантам. Судя по камеральному описанию 1804 г., в городе подвизался некий музыкант Осип Манденов. Имелись мастера «туземных музыкальных инструментов». Вообще музыка занимала в быту тбилисцев большое место, среди городских профессий были зурначи, сазандары, ашуги. В 1876 г., например, в Тбилиси было 48 зурначей (грузины, армяне, «татары», персы) и 2 сазандара [24].

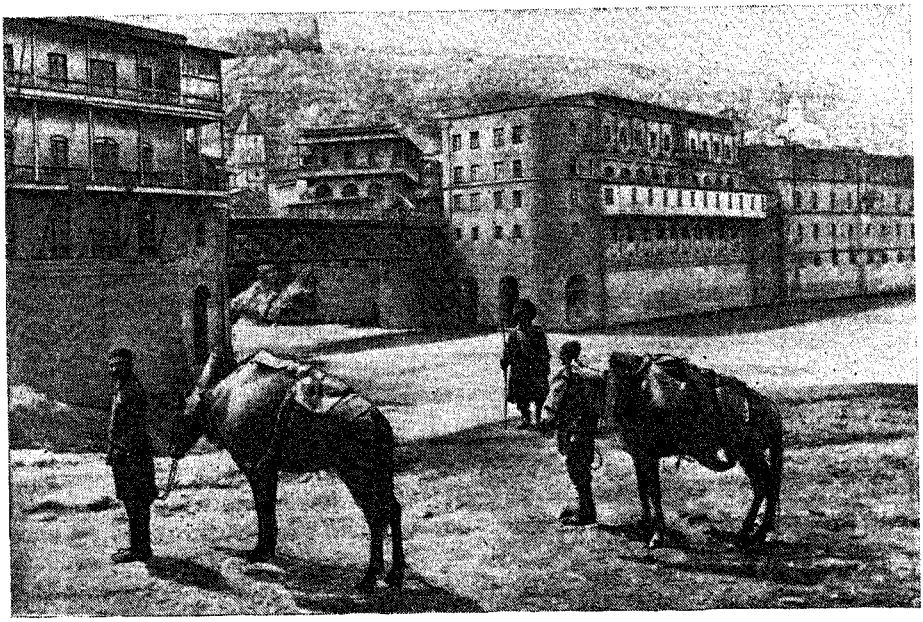
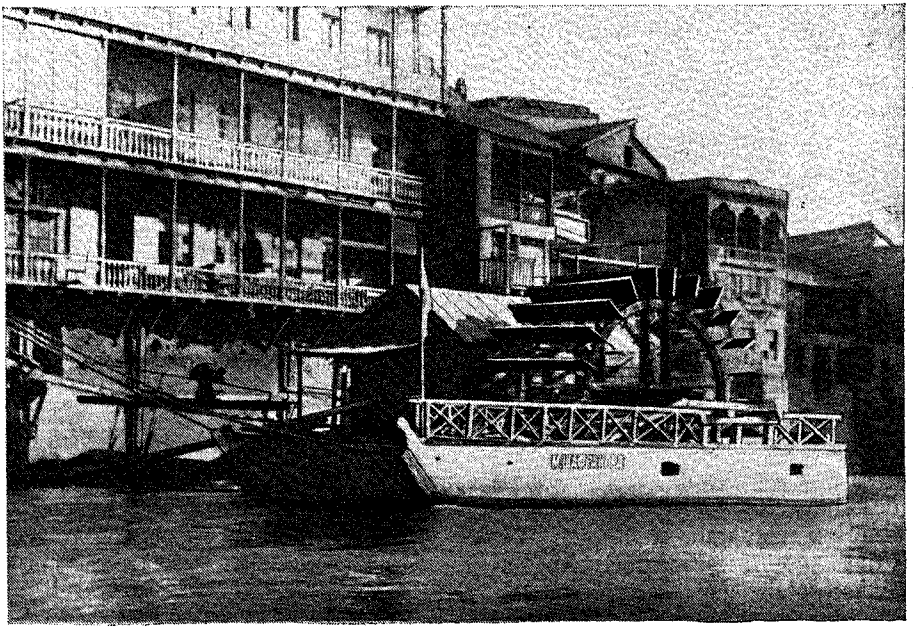


Рис. 6. РЕКА КУРА В ЖИЗНИ ГОРОДА: водовозы-тулухчи; ловли рыбы на бурдюках; плавучие мельницы; ловли рыбы с лодки. Фотографии Д. Ермакова. Конец XIX в.



Уже в 1840-х годах в городе появились первые «фортепьянисты» — учителя игре на рояле. В 1864 г. в Тбилиси было 10 «картинщиков» (живописцев), а также один иконописец; в 1876 г. в городе имелась скульптурная мастерская. К этому времени в городе появились типографии и литографии (3), фотографии (9), мастерские музыкальных инструментов (2) [25].

Очень часто в камеральных описаниях содержатся упоминания о лицах, которые «живут подаянием», «доходами от церкви». В этих случаях мы, вероятно, имеем дело с профессиональными нищими. Среди азербайджанцев — жителей Тбилиси названы чарвадары, т. е. погонщики верблюдов. Имелись поденные рабочие. Грузинские и армянские мальчишки 10—14 лет, по выражению современников,— подобие парижских гаменов, составлявшие приметную черту старого Тбилиси, торговали вразнос холодной водой, а также работали «зазывалами» на Армянском базаре, где их бурная деятельность начиналась уже в 4 часа утра: пронзительными криками они приглашали покупателей в лавки своих хозяев. Вообще всякая лавка в городе имела специальных зазывал. Их роль особенно возрастала в большие праздники и прежде всего под Новый год, отмечавшийся христианским населением города. В эти дни особенно усердно зазывали в лавки бакалейщиков и продавцов сладостей, громко, с прибаутками восхваляя товар своего хозяина [26].

Неизменным спутником развивающегося города была проституция. В Тбилиси было довольно много домов терпимости. Они находились, как правило, в отдаленных частях города; много подобных заведений было, например, на Авчальской улице. Однако немало публичных домов расположилось и на оживленных трассах города. Один из них был открыт даже на Петхаинской улице, ведущей к известной тбилисской церкви. Это событие вызвало гневную реплику газеты «Новое обозрение» [27].

Публичные дома учитывались администрацией, которая в меру сил держала их под контролем. Однако в Тбилиси не меньше процветала нелегальная проституция. Ее прибежищем были различного рода духаны, трактиры и пивные, где обычно содержался штат проституток. Наибольшая концентрация подобного рода заведений была в X участке города, который поэтому пользовался особым вниманием полиции [28]. Немало проституток собиралось по вечерам на наиболее оживленных магистралях города, представительницы древнейшей профессии бывали даже на Головинском проспекте.

Наличие в городе публичных домов, притонов вызывало резкое недовольство жителей. С неоднократными требованиями ликвидировать публичные дома выступали представители мусульманской общины Тбилиси, у которых особое возмущение вызывала концентрация злачных мест в непосредственной близости от мусульманских районов города. В одном из требований было даже сказано, что «если поселившиеся в нашем соседстве забытые Богом женщины... не выселятся из нашей среды, то жилища их нами будут истреблены» [29]. Угроза не была приведена в исполнение, и положение дел оставалось на прежнем уровне.

Ряды тбилисских ремесленников большинства профессий постоянно пополнялись за счет отходников. Часть отходников работала в городе только один сезон (зиму, лето), часть жила здесь в течение многих лет, оставив

на родине семью и доживая в Тбилиси до преклонного возраста. В основном отходниками были муши, пильщики, тулухчи и водовозы, часть оружейников и ювелиров.

Среди этнически разнородной массы отходников наблюдалась своеобразная «этноспециализация» — ориентированность конкретной национальной группы на выполнение определенного вида работ. Греки, например, работали главным образом каменотесами, персы были торговцами «азиатскими товарами», штукатурами, ценились как мастера по изготовлению кирпичей и кладке стен; работали они также водовозами. Эту же работу часто выполняли армяне — выходцы из Персии и записанные в большинстве как персы. Грузины из Имерети (преимущественно из Рачи) занимались различной тяжелой работой; часть их была носильщиками тяжестей — муша. Русские сезонные рабочие считались лучшими печниками, плотниками, столярами, кровельщиками, пильщиками. Европейские евреи работали шапошниками, портными; среди них были ювелиры, жестяных дел мастера; кавказские евреи занимались торговлей «красным товаром» вразнос [30].

Из Персии приходили рабочие, занимавшиеся изготовлением кирпича «азиатской» формы, отходники из Западной Грузии, Армении и Персии выполняли разные сельскохозяйственные работы: обрабатывали сады, виноградники, огороды, пасли скот; из Дагестана постоянно приходили группы ремесленников по металлу, оружейники, лудильщики; осетины из Лехурского ущелья нанимались поварами, лакеями, прислугой, женщины становились кормилицами. Все рабочие, занимавшиеся в Тбилиси добычей гажи, были армяне — выходцы из Казаха и Шамшадила. Они же нанимались в качестве прислуги и на различные подсобные работы.

В середине XIX в. в Тбилиси стали приходить русские торговцы-коробейники, главным образом крестьяне Владимирской губ. Прибыв в Тбилиси, часть их оставалась в городе, часть расходилась по всему Закавказью.

Обычно в великий пост группу коробейников, работавших в Тбилиси, сменяла новая группа, привозившая новый товар, работавшие же ранее отправлялись домой для расчета с хозяевами. Товары коробейников были разнообразны: яркие ситцы, мотки ниток, тесьма, цветные пояса, пряжки для кушаков, украшенные кусочками стекла, прочные и красивые домашние кружева, складные ножи, произведения суздальских художников — изображение «райской птицы», книги, даже полные собрания сочинений. «Синий китайковый или серый домотканый кафтан... летом или зимой, суконная... фуражка, смышленый взгляд и бойкая походка»,— так описывали современники коробейников [31].

В пореформенное время положение отходников значительно ухудшилось. Это коснулось прежде всего дагестанских ремесленников-оружейников, специалистов по металлу, что было связано с общим упадком оружейного промысла и вообще кустарной металлообработки. Массы безземельных горцев, приходившие на заработки в Тбилиси, не всегда могли найти применение своим силам, хотя готовы были работать лишь только за прокорм. Главный наплыв таких отходников отмечался в зимнее время. Зимой 1889 г., как писали местные газеты, некоторые из таких полуголод-

ных бедняков нашли себе приют в оружейных лавках Армянского базара и в Серебряном ряду, «где они жили в тяжелейших условиях» [32].

По социальному составу в дореформенный период в среде ремесленников преобладали крепостные крестьяне (помещичьи и церковные, в начале XIX в. еще и царские, принадлежавшие членам грузинского царского дома); меньшую часть составляли казенные крестьяне. Среди тбилисских ремесленников были распространены разные формы организации труда. Часть работала на заказ определенного лица, часть — поденно. В начале XIX в. известным подрядным местом была Сардар-Абадская площадь, где каждое утро для найма на работу собирались столяры, каменщики и плотники.

В Тбилиси ремесленники располагались на базарах и в гостиных дворах, таким образом процесс производства соединялся с торговлей. Они же занимали значительную часть городских лавок. По данным 1803 г., из 574 тбилисских лавок ремесленникам принадлежали 310; остальные были с «красным товаром» (85), «мелочным товаром» (63), продовольствием (76) и вином (40).

Большая часть изделий местных ремесленников поступала на тбилисские базары, где приобреталась не только местными жителями, но и приезжавшими сюда жителями из других мест Грузии, Кавказа, Персии. Наибольшая часть этой продукции вывозилась в различные места Грузии. Например, в Хони поступали ткани тбилисского производства. Часть продукции закупалась горцами, а также вывозилась в Персию.

Тбилисские ремесленники одной специализации объединялись в своеобразные организации — амкарства, отдаленно напоминавшие средневековые ремесленные цехи. Амкарские организации (от груз. *амкари* — ремесленник) существовали в Тбилиси издавна, сохранив свою жизнеспособность и в XIX в., особенно в дореформенный период. Крупные однопрофессиональные амкарства нередко разделялись на более мелкие корпорации. Например, амкарство портных делилось на амкарства портных грузинского платья, «европейского» платья, «азиатского» платья. Крупными были союзы плотников, кузнецов, которые также делились на несколько амкарств. Можно сказать, что амкарскими союзами были объединены практически все виды профессиональной деятельности горожан. Имелись, например, объединения торговцев мелким товаром, духанщиков, менял, бакальщиков, хозяев харчевен. Особое амкарство составляли торговцы в караван-сарае Тамамшева.

В большинстве амкары одной профессии селились в смежных кварталах. В значительной мере этот обычай сохранялся и в XIX в. Сохранялась во многом и традиционная структура амкарств. Во главе цеха стоял устабаши — глава данного объединения. Устабаши имел право судить членов амкарства, налагать на них взыскание и штрафы за различные провинности. В этих случаях амкару запрещалось продавать, закрывалась его лавка; иногда за провинности амкар мог быть изгнан из союза. Устабаши собирал также казенные подати с подчиненного ему амкарства. Сами устабаши назначали себе помощников (аксакалы), казначея, хранившего амкарскую кассу, и рассыльного (игитбаши) [33]. Устабаши избирался всеми членами амкарства. «Постановление старейших членов амкарства, объявленное устабаши, становилось обязательным для всех амкаров под

страхом денежного штрафа или даже изгнания из амкарства и потери права ремесленного труда»,— пишет С. Эсадзе [34].

Устабаши могли принадлежать к разным социальным слоям общества. В списке тбилисских устабашей 1865 г. названы, в частности, крестьяне: временнообязанный (устабаши амкарства цирюльников), казенный крестьянин (устабаши кузнецов), новопоселившийся (свечники), а также дворянин («бриллианщики»), «отыскивающий дворянство» (портные «европейского» платья), тбилисский гражданин (столяры). Это были лица разной этнической принадлежности — армяне, грузины, азербайджанцы, русские, немцы, что особенно стало характерным для пореформенного времени. В том же списке названы устабаши кузнецов армянин Симон Тер-Оганезов, устабаши столяров русский Тимофей Науменко, устабаши портных «европейского» платья грузин Михаил Котетов, устабаши «татарских харчевников» персидскоподданный Нафтали Аббас-оглы (перс или азербайджанец) и др.

Для различных нужд амкарства создавалась касса. Это были денежные суммы, вносимые ремесленниками и подмастерьями при вступлении в амкарство, различные штрафы, добровольные взносы и т. д. [35]

Каждое амкарство имело свои знамя и значки (вымпелы), выносимые в торжественных случаях. Знамя представляло собой большой кусок ткани, прикрепленный к древку, конец которого был увенчан шаром и наконечником. На знамени имелось изображение святого — покровителя данного ремесла или промысла. Амкарство «азиатских» сапожников, например, имело флаг из синего шелка; на обеих сторонах его было изображение Ильи Пророка — покровителя данного ремесла, на одной из сторон — надпись по-грузински: «Используйте с миром знамя амкаров бахмачей» *. На другой стороне — надпись по-русски: «Знамя азиатских сапожников при старшине Цкалоба Нашинове 1888 г.» На знамени плотников было изображение Ноева ковчега; на знамени кожевников — Богоматери, виноделов — кисти винограда; на некоторых знаменах имелись изображения основных орудий труда данного ремесла.

Знаменосец амкаров носил специальную одежду, которая считалась сакральной; одевал он ее один раз в году — на празднике амкаров, во время которого совершался обряд посвящения подмастерьев в мастера. По истечении установленного мастером срока ученичества два помощника устабаши испытывали учеников в работе. Если испытание проходило благополучно и мастер-хозяин свидетельствовал хорошее поведение ученика, то происходила церемония посвящения ученика в мастера. Каждый из учеников вносил определенную сумму (смотря по состоянию), и на эти деньги в каком-нибудь из многочисленных тбилисских садов амкары устраивали застолье. По окончании застолья амкары шеренгой в 10—15 человек с зажженными свечами, под звуки зурны и веселые возгласы шли по городу, заходя, как писали местные газеты, едва ли не в каждый духан [36].

Амкарства всегда принимали самое живое участие в событиях городской жизни. Если было необходимо, амкарства в полном составе со знаменем и под звуки зурны выходили по призыву администрации на различные общественные работы. Так, в 1870-х годах тбилисские амкары прини-

* Бахмачи — сапожник.

мали участие в строительстве нескольких грузинских и армянских церквей. Каждое амкарство поочередно отрабатывало один день, кто не мог работать, нанимал рабочего. Зурна, игравшая с утра до вечера, была непременным атрибутом этих работ [37].

Амкары обязательно участвовали во всех официальных церемониях, демонстрируя свои знамена и стяги. Такова была традиция. Однако в 1880-х годах городские власти сочли необходимым ее изменить: было предложено сохранить установленный порядок лишь при праздновании Нового года и Пасхи. По всем другим поводам для получения разрешения на участие в церемонии амкары должны были обращаться к голове Ремесленной управы. Он в свою очередь был обязан просить о согласии городского голову. Окончательное же разрешение зависело от гражданского губернатора [38].

Структура амкарства была довольно дробной. До 1866 г., например, сапожники имели семь амкарств, в том числе сапожников «европейской» обуви, «азиатской» обуви, «туфельщиков турецких», «башмачников грузинских», «башмачников персидских», «чинильщиков сапог», поршников; особое амкарство составляли сапожники и башмачники не из коренных народов. «Положение» 1866 г. в значительной мере устранило такую дробность. В один цех были объединены все амкарства сапожников и башмачников, портных «азиатского» платья и «европейского» платья. Существовавшие до 1866 г. самостоятельные амкарства «изготовителей кинжальных и сабельных ножен», мастеров золотой насечки, изготовителей ружейных ложей и замков были объединены в одно амкарство оружейников, к которому по «Положению» могли присоединиться два оружейника не из коренных народов. Имелось также 4 амкарства кузнецов, амкарство изготовителей подков для грузинских сапог, амкарство изготовителей ножей. В 1866 г. все названные амкарства были объединены в цех кузнецов и слесарей. Амкарства изготовителей кирпича и горшечников объединились в одно амкарство горшечников и кирпичников; амкарства «серебряков», «бриллиантщиков», ювелиров, часовых дел мастеров и резчиков печатей объединились в амкарство серебряных и золотых дел мастеров [39].

Но все-таки и после 1866 г. число ремесленных цехов постоянно возрастало. В 1889 г., например, возникло амкарство поваров. В 1890 г. в Тбилиси, где к тому времени насчитывалось до 70 амкарств, создалось объединение точильщиков, ходивших по дворам города и его окрестностям и точивших ножи и ножницы. Все точильщики были русские, выходцы из Пензенской и Костромской губерний, поселившиеся в Тбилиси [40].

Несмотря на целый ряд изменений, происшедших в амкарствах после введения «Положения» 1866 г., общий характер этих ремесленных объединений, многие специфические черты и традиции их сохранялись до конца XIX в. По-прежнему амкары создавали свою кассу, денежные суммы которой использовались для помощи бедным, сиротам, старикам, на свадебные расходы и приготовление приданого для неимущих, при похоронах одиноких и бедняков. В традициях была раздача пищи арестантам и бедным при церквах. Каждое амкарство для этого готовило из риса жидкое блюдо (шилаплави), шашлык из баранины и хлеб, которые посылались арестантам и раздавались беднякам. Амкарство хоронило за свой счет бедняков. Родственники умершего амкара приглашали всех его товарищей по ремес-

лу и на кладбище устраивали поминки. Устабаши амкаров устанавливал очередность участия амкаров своего цеха в похоронных церемониях [41].

Амкарства имели свои традиции и обряды. С наступлением весны ученики приносили своему мастеру букеты фиалок и других полевых цветов. Это символизировало, что наступили длинные дни и учеников необходимо освобождать от вечерней работы. Наоборот, мастера, как только наступала осень, появлялись персики, покупали эти плоды и приносили своим ученикам в знак того, что дни стали короче и надо работать вечерами.

Таким образом, мелкое ремесленное производство было основным видом «местной промышленности» в Тбилиси. Однако наряду с ним уже во второй половине XVIII в. в городе стали возникать предприятия, использовавшие наемный труд нескольких рабочих и принадлежавшие владельцу. Возникновение подобных предприятий (источники XVIII—XIX вв. называют их фабриками и заводами) было несомненно новой ступенью в социально-экономическом развитии Тбилиси. По мнению Ш. Месхиа, такие промыслы, принадлежавшие в основном членам царского дома, появляются в Тбилиси уже во второй половине XVIII в. Это были железоплавильные, медноплавильные, пушечные, гончарные, пороховые заводы, монетный двор. Промыслы всегда сдавались в аренду горожанам и купцам, которые использовали в производстве наемный труд мастеров и рабочих, в основном из свободных, а не из крепостных. Однако в XIX в. мелкое ремесленное производство продолжало играть основную роль в экономике Тбилиси.

В пореформенное время заводская промышленность все еще не играла большой роли в экономике Тбилиси и тем более всей Грузии. Наиболее крупным промышленным предприятием стали мастерские Закавказской железной дороги, в которых в 1887 г. работала тысяча человек. Главное же значение имело мелкое ремесленное производство, тесно связанное со всеми сферами бытовой культуры тбилисцев.

По данным 1864 г., в Тбилиси работало 196 мелких предприятий. Из них 93 занимались производством традиционного (в документах «азиатской» формы) кирпича. Кроме кирпичных заводов, имелись 33 лесопильных, 11 черепичных, 10 кожевенных, 8 табачных, 8 мыловаренных, 6 овчинных. Число других — свечных, пивоваренных, гончарных, по производству посуды, хлопчатобумажных тканей и др.— не превышало одного-пяти [42].

Вообще рост заводского производства в Тбилиси был теснейшим образом связан с общим социально-экономическим развитием города. Так, развернувшееся в 30—50-х годах городское строительство потребовало значительного увеличения производства кирпича, появились заводы по производству черепицы — основного материала для покрытия крыши. Распространение в быту коренного населения некоторых новых продуктов, например макарон, пива, также способствовало появлению соответствующих, хотя и очень небольших, предприятий. В 1887 г., например, было 4 пивоваренных завода, где работали 72 рабочих. Имелись 2 предприятия по выделке кишок для колбас, на которых было занято 15 рабочих. В 1887 г. в Тбилиси работали 5 каретных фабрик с 83 рабочими; возникли спичечная фабрика, на которой был занят 51 рабочий, 12 столярных фабрик (51 рабочий). На некоторых заводах применялся наемный

труд отходников; так, основную рабочую силу на кирпичных заводах составляли отходники из Персии. Большинство предприятий было многонационально, особенно такие, как мастерские ЗКЖД, уже в начале XX в. известные своими революционными традициями. На некоторых, например спичечной фабрике Тер-Асатурова, широко использовался детский труд. На фабрике Адельханова работали женщины разных национальностей: грузинки, армянки, русские [43].

Говоря о хозяйственных занятиях тбилисцев, нельзя забывать о таких их видах, как земледелие и скотоводство, хотя даже в начале XIX в. в общей структуре занятости горожан земледельческий труд имел всего лишь подсобное значение. Поставка продуктов на тбилисские базары осуществлялась главным образом жителями близлежащих селений, тем не менее определенную лепту в снабжении горожан продовольствием вносили и сами тбилисцы. В городе всегда было определенное количество частновладельческих земельных участков, которые использовались под сады и огороды. Размеры их сильно разнились — от небольших придомных отрезков до крупных наделов. Если продукция первых шла в основном на домашние потребности, то урожай, снятый со вторых, мог выгодно сбываться на местных базарах, принося владельцам немалый доход. Наиболее крупные участки принадлежали членам грузинской царской фамилии и знатным тбилисским мокалакам. Как правило, эти участки сдавались в аренду, так что основные производственные операции осуществляли оборотистые арендаторы [44].

Основной массив садов и виноградников находился в юго-западной части города, в Крцаниси и Ортачала, которые в первой половине XIX в. еще считались предместьями Тбилиси. Много частновладельческих участков было расположено также по течению р. Вере. Всего в 1825 г. в городе было 60 садов. Множество садов имелось на территории немецкой колонии, из которых было 8 крупных, где произрастали 6,6 тыс. виноградной лозы и около 1 тыс. плодовых деревьев. В первой трети XIX в. в Тбилиси было 65 больших земельных наделов, а общая площадь, занятая виноградниками, плодовыми насаждениями, огородами, в черте города составляла 50 дес.

Основной массив садовых земель отводили обычно под виноградники, составлявшие нижний ярус посадок. Виноградная лоза, а сортов винограда насчитывалось до 50, обвивала подпорки и перекладины, создавая густой зеленый свод. Верхний ярус сада образовывали плодовые деревья, видовой состав которых был чрезвычайно многообразным: персики, абрикосы, черешня, разные сорта слив, вишня, айва, груша, яблоки, миндаль, унаби (ягода типа кизила), хурма, гранаты, шелковица. В углах сада, где не было посадок винограда, росли ореховые, фиговые и персиковые деревья. В аллеях сада сажали пирамидальные тополя, около дорожек — цветы: розы, пионы. Разведением огородных культур занимались сами горожане. Владельцы садов обычно очень экономно использовали каждый клочок земли, поэтому свободное от винограда и плодовых деревьев место занимали, как правило, грядками овощей.

Полеводство в силу специфики городских условий — отсутствия свободных земельных площадей — было минимальным. Гюльденштедт писал о небольших пахотных участках, располагавшихся в пределах Тби-

лиси по левому берегу Куры. Но часть жителей города, тем более предместий, владевшая или арендовавшая земельные участки вблизи Тбилиси, занималась полеводством более широко. В 1833 г. на 862 дес. крестьянами было посеяно до 1700 четвертей озимой пшеницы [45]. И позднее полеводством занимались жители Авлабара, Куки, Чугурети. Как отмечалось в одном из документов за 1864 г., эти жители — крестьяне, некогда принадлежавшие грузинским царям и платившие особую подать сурсати (хлебная), «пользовались и пользуются значительным количеством пахотной и выгонной земли на востоке от Тифлиса в смежности с предместьем Навтлуги и деревнями Нино и Глдани». Остальное население, по свидетельству городских властей, не имело ни пахотных, ни выгонных земель и было лишено, таким образом, возможности заниматься земледелием и скотоводством.

Основную часть зерна (пшеницу) тбилисцы закупали. Лучшую пшеницу привозили из России. Однако в отдельные годы хорошие урожаи зерна в ближайших к Тбилиси местностях позволяли городу не покупать хлеб.

Для обработки земли, как и везде на равнине в Грузии, употребляли тяжелый плуг гутани, в который впрягали 8—10 пар быков. Сеяли только озимые — пшеницу и ячмень. В сельскохозяйственных работах использовали также бороны (парцхи), влекомые 8—10 парами быков, молотильные доски (кеври); хлеб жали и связывали в снопы. Помол зерна происходил на плавучих мельницах, устроенных на Куре в пределах города. М. Медичи писал о 10 передвижных мельницах, установленных у деревянного моста на Авлабаре и приводившихся в движение течением реки. Такие же мельницы использовались и в конце XIX в. [46]

С включением в городскую черту бывших пригородных деревень увеличивалась площадь хозяйственных угодий. Так, в 1876 г. садово-виноградные участки в Тбилиси составили 20% всей его территории; правда, в данном случае учитывалась земля и под «гульбищными» садами. Тем не менее только виноградники и плодовые сады занимали в Крцаниси 95 дес., в Ортачала — 35 дес., а в немецкой колонии они составляли 60% всей территории. По сведениям за 1887 г., 276 частновладельческих садов с огородами занимали в Тбилиси около 400 дес. Из них в черте города по обоим берегам Куры находилось 19 садов, в Крцаниси и Ортачалах — 128, в Тбилисской немецкой колонии и Дидубе — 103, за Авлабаром и в Навтлуги — 60 [47].

В последующие годы территория земельных участков в городе стала быстро сокращаться. К 1892 г. она составила 269 дес., на которых было расположено 289 частновладельческих сада. Урожай, впрочем, они давали значительный. Так, в этот год было собрано и продано 4 тыс. пудов винограда; 2,6 тыс. пудов яблок; 2,5 тыс. пудов вишен; 1,9 тыс. пудов груш; 1,7 тыс. пудов черешен; 1,9 тыс. пудов слив; 1,2 тыс. пудов орехов; 1,2 тыс. пудов персиков. По данным за 1899 г., площадь под земельными участками составила 271 дес., сбор овощей и фруктов достиг 105 тыс. пудов [48].

Собранные фрукты потребляли не только свежими (в таком виде их сохраняли даже зимой в больших глиняных кувшинах в специальных ямах), но и сухими, которые заготовляли впрок. Для этого их сушили на солнце на крыше или в пурнэ; сухие фрукты нанизывали на прутья, подвешива-

ли и таким образом сохраняли долгое время. Из фруктов тбилисцы приготовляли соки, сладкие сиропы, варили варенье [49].

Важное место в питании тбилисцев занимали всевозможные овощи и травы, поэтому огородничество было достаточно развитым подсобным занятием горожан. Однако спрос в основном удовлетворялся за счет поставок из близлежащих селений и предместий, где эта отрасль хозяйства получила наибольшее развитие (Крцаниси, Дигоми, Дидубе, Чугурети, Багеби, Глдани, Авчала). Здесь в первой трети XIX в. разводили капусту, салат, эстрагон, тархун, шпинат, кресс-салат (цицмати), базилик, сельдерей, петрушку, щавель, домашнюю мяту, огурцы, помидоры, баклажаны, перцы, редьку, редис, морковь, свеклу, лук, чеснок. Особенно славился глданский тархун, который продавали ранней весной по высокой цене.

Интересна история распространения культуры картофеля. В начале XIX в. это была редкостная экзотика, продававшаяся по рублю серебром за фунт. Первыми в Тбилиси картофель начали разводить немцы, основавшие в 1817—1818 гг. в окрестностях города колонию; картофелеводством усиленно занимались также русские, активно употреблявшие его в пищу. В грузинских и армянских хозяйствах картофель стал внедряться с 1830-х годов [50].

Владельцами огородов применялась такая система посадок, при которой в течение года можно было снимать до трех урожаев. Огородные участки создавались на склонах гор, на равнине, в пойме реки и даже в болотистой местности. На склонах гор для этого специально устраивали террасы, разбивавшиеся на грядки; внешние края террас укрепляли каменной кладкой. На заболоченных участках растительность выкорчевывали и выжигали, проводили оросительные канавы и затем почву обрабатывали под огород. В Дигоми, Земо Авчала, Багеби использовали поливные земли [51].

Земледельческие занятия в Тбилиси осложнялись местными природно-климатическими условиями, делавшими возможным в этом районе только поливное земледелие, что требовало создания оросительных систем. Однако последнее было затруднено не только из-за больших затрат, но и особенностями местного рельефа и речной системы. Слабое развитие земледелия в Тбилиси, в частности огородничества, приводило к повышению цен на овощи и зелень. На это неоднократно обращали внимание современники. «Если бы долина на левом берегу Куры, прилегающая к Тифлису,— писал один из них,— достаточно снабжена была водой, то это неудобство скоро бы отвратилось, ибо она могла бы в изобилии давать плоды, овощи и зелень; при том же и самый зной климата чрез разведение садов был бы несколько умерен» [52].

Для орошения садов, огородов и пахотных участков в Тбилиси и его предместьях устраивались небольшие каналы (в документах их обычно называли канавами), соединявшиеся порой в более крупные водные артерии. По свидетельству Гюльденштедта, сады в Тбилиси орошались водой из Куры, которая пускалась по небольшим протокам. Там, где было необходимо, воду доставляли с помощью специальных водоподъемных устройств. Так орошались, например, орточальские сады, к которым вода из Куры поднималась при помощи специальных механизмов. Водонапор-

ные машины использовались и для подачи воды из р. Вере в каналы, подведенные к верийским садам. Кукийские, дидубийские и немецкие сады орошались водой, поступавшей по каналам из р. Арагви [53].

В начале XIX в. большое значение для водного хозяйства Тбилиси имел Сололакский канал, орошавший множество участков в Сололаки, Гаретубани и других частях города на правом берегу Куры. Канал питался родниковой водой источников с Коджорских гор. Его пропускная способность обеспечивала подачу воды на участки в течение 168 часов в неделю, причем распределение воды, осуществлявшееся при помощи специальных устройств, строго контролировалось. Так, дочь царя Ираклия II царевна Тэклэ имела право пользоваться водой для полива своих садов 30 часов в неделю, царевич Давид — 20 часов в неделю, царица Мария и царевич Юлон, сады которых находились за Банными воротами,— 6 часов в неделю, сады близ дома главнокомандующего — 24 часа в неделю, Сеидабадские сады — 20 часов в неделю, сады Сионского собора — 4 часа в неделю, частные сады в Гаретубани — 26 часов в неделю, сад князя Иосифа Меликова — 52 часа в неделю, сады внутри города, князя Ивана Орбелиани и князя Мухранского — по 12 часов в неделю, сады генерал-майора Ахвердова и князя Чавчавадзе — по 6 часов в неделю, Аптечный сад — 3 часа в неделю и т. д. Пользование сололакской водой было чрезвычайно дорого: один час стоил 1 руб. серебром. В сухое и жаркое время года воды, поступавшей из Сололакского канала, оказывалось недостаточно. Поэтому старались создавать запасы влаги, используя для этого специальные бассейны. Излишки же сливались в Гаретубанский канал, протекавший через Эриванскую площадь, а оттуда в Куру [54].

В 1815 г. пропускная способность Сололакского оросительного канала из-за завалов сильно снизилась. В конце марта этого года, т. е. в наиболее удобное для отключения воды время, власти предложили отремонтировать канал, используя для этого средства, собранные с хозяев-водопользователей. Для ремонта канала были приглашены мастера-греки, окончившие все работы по расчистке канала в июне того же года [55].

Кроме Гаретубанского и Сололакского каналов, в первой трети XIX в. в Тбилиси были устроены другие крупные каналы: Спасский на Авлабаре, Сеидабадский на правом берегу Куры. Он отмечен на плане города 1800 г. рядом с сеидабадскими садами: «Ров водяной для пущания по садов воды». Через некоторые большие каналы были устроены каменные мосты. Строительство оросительных каналов осуществлялось в Тбилиси и в дальнейшем. В 10 верстах выше города из Куры был проведен канал, орошавший земли двух немецких колоний — Тифлис и Александердорф, а также «гульбищного» сада Муштаид [56].

Плохие пастбища в окрестностях Тбилиси не способствовали развитию здесь скотоводства, которое всегда имело минимальное значение в хозяйстве горожан. В годовом отчете по Грузии за 1824 г. вполне определенно отмечалось, что «здешние жители (тбилисцы.— *Авт.*) вообще овцеводством не занимаются, как равно и выделыванием чего-нибудь из овечьей шерсти». В то же время авторы отчета скрупулезно подсчитали количество горожан, которые все же имели отношение к этому занятию. «Скотоводством из числа тифлисских жителей,— читаем мы далее,— занимаются 35 человек» [57]. И все же в 1830-х годах в Тбилиси насчитывалось более 3 тыс.

овец, коз и голов крупного рогатого скота. Для транспортных нужд в городе, особенно в первой половине века, всегда содержали лошадей. В 1830-е годы в хозяйствах тбилисцев насчитывалось до 800 голов этих животных. Особенно ценились кабардинские породы, а также скакуны, пригонявшиеся из донских станиц, из Карабаха и Персии. Верховая лошадь хорошей породы стоила дорого — до 400 руб. серебром. Более тяжеловесные породы лошадей для извоза пригоняли из России. Помимо них в хозяйстве тбилисцев имелось более двух тысяч ослов, лошаков, также использовавшихся для транспортировки грузов [58].

С ростом численности населения Тбилиси в последующие годы связано и относительное увеличение количества содержащегося в городе скота. Так, по данным 1864 г. в Тбилиси и его предместьях горожане имели 4,3 тыс. овец, около 3,4 тыс. свиней, 0,2 тыс. коз, 4,1 тыс. голов крупного рогатого скота, 1,4 тыс. лошадей, 0,5 тыс. мулов и ослов. Однако по-прежнему скотоводство играло лишь подсобную роль в структуре занятости горожан, что было обусловлено отсутствием в окрестностях Тбилиси достаточного количества пригодных пастбищ. Тучные пастбища встречались лишь на расстоянии 10 верст от города — около Манглиси, Белого Ключа, где население держало хороший молочный скот и продавало много молочных продуктов на базарах Тбилиси [59].

Сам же город был лишен столь благоприятных условий, а многие более или менее пригодные для пастбищ места в окрестностях Тбилиси находились в частной собственности, так что их приходилось арендовать. При этом, например, в 1860-х годах пастухи, нанимаемые горожанами для пастьбы скота, сами договаривались с владельцами пастбищ об условиях пастьбы скота на этих землях и затем взыскивали с горожан плату за каждую выпасаемую скотину: за корову и быка — по 10 коп., за лошадь — 15 коп., за любую мелкую скотину — по 5 коп. за лето. Лишь небольшая часть жителей Тбилиси в эти годы имела свои выгоны, располагавшиеся на восток от города, рядом с Навтлуги, селениями Глдани и Нинощминда [60].

Положение с городскими пастбищами несколько улучшилось, когда в 1870-х годах Тбилиси были отведены новые выгонные земли в районе Куки (1101 дес.), Дидубе (около 70 дес.), Навтлуги (более 280 дес.), на Авлабаре (2306 дес.), 2-е Навтлуги (более 1800 дес.). Правда, эти места были безлесны, безводны, с весьма плохой травой, однако возможности городского скотоводческого хозяйства несколько расширились [61].

Получаемая продукция использовалась в основном в домашнем хозяйстве горожан в качестве важного подспорья в питании. Однако, занимаясь скотоводством, многие тбилисцы были ориентированы на рынок. Так, молочным хозяйством успешно занимались жители немецкой колонии, поставлявшие в город каждодневно свежие сливки, масло. Русские (молокане) также держали в своем хозяйстве много коров молочного направления. Молоко поставляли летом расположенным в городе воинским частям, выносили на базары, делали из него масло. Круглый год продавали в Тбилиси молоко также русские жители с. Ольгинское, находившегося в 8 верстах от города. На базарах Тбилиси сбывались и мясные продукты (баранина, говядина), пригонялись также отары (приплод). Особенно много барашков покупали горожане перед Пасхой [62].

Из других подсобных отраслей, игравших незначительную роль в хозяйстве города, следует назвать рыболовство и охоту. Рыболов назван, в частности, среди казенных крестьян 1804 г. И в дальнейшем эта профессия сохранялась, хотя и была редкой. В черте города рыбу ловили мало, поскольку для этого в XIX в. были весьма неподходящие условия. Небольшая ловля велась около Мцхета. Основная же масса потребляемой тбилисцами рыбы доставлялась из Азербайджана, где ее ловлей занимались в низовьях Куры, а также из области Борчало (здесь ее ловили в р. Храми, отсюда название рыбы *храмули*). Для продажи рыбы на тбилисских базарах были устроены специальные рыбные ряды [63].

Охота для тбилисцев скорее была формой развлечения, но в какой-то мере служила также подспорьем в хозяйстве. Во всяком случае, в первой половине XIX в. многие тбилисцы занимались охотой, стреляли дичь в окрестностях города [64].

Город постоянно испытывал потребность в самых разнообразных товарах. Естественно, что даже многоотраслевое тбилисское ремесло не могло полностью удовлетворить этот спрос, поэтому в Тбилиси ежедневно прибывали огромные массы товаров, которые немедленно поступали в торговый оборот. Товары везли с севера — из Центральной России, стран Западной Европы, с юга — из Персии, Турции; прочные торговые связи имелись с областями Кавказского региона — Дагестаном, Северным Кавказом, Арменией, Азербайджаном. Наконец, активное поступление товаров было из близлежащих деревень. Каждый из этих товарных потоков имел свои особенности, сформировавшийся видовой состав.

Так, ближайшая к Тбилиси округа снабжала город в основном продуктами питания. Уже с раннего утра на многочисленных арбах, повозках или навьюченных домашних животных жители ближайших сел везли на городские базары овощи, фрукты, зелень, яйца, гусей, индеек, мед, баранину и говядину. К праздникам из ближайших окрестностей привозили поросят, много дичи, пригоняли сотни барашков. Важнейшими продуктами, доставляемыми на тбилисские базары в основном из ближайшей округи, были молочные, в частности сыры. Сыры привозили торговцы из ближайших к городу азербайджанских селений области Борчало, продавая сыр пудами; везли его также из Осетии, Тушети. Из молочных продуктов привозили молоко, мацони, масло, сливки. Поставщиками этих продуктов были жители не только грузинских, армянских, осетинских селений, но и ближайших к Тбилиси русского села Ольгинское и немецкой колонии «Тифлис».

Продукты питания в Тбилиси привозили и из более отдаленных мест. Из Горийского и Душетского уездов поставляли зерновые, лобио, горох, орехи, сыр, домашнюю птицу, из Кахети — главным образом вино, из Имерети — мед, балыки, каштаны, которые ввозили также из Дагестана. Из Армении (Эриванская губ.) привозили зерновые — злаковые и рис. Разнообразные продукты питания везли на продажу из районов Азербайджана (Бакинской и Елисаветпольской губерний). Большой объем поставок приходился на рыбные продукты — свежую рыбу, балыки, икру; из Азербайджана привозили также рис, бахчевые культуры — дыни и арбузы, пряности, в частности шафран. Гокчайскую форель привозили из Эриванской губ. Яйца везли из Цалки (Грузия) и Ново-Баязедского округа.

(Восточная Армения). Ряд продуктов питания ввозили из России, в основном это были «экзоты» — чай, сахар, кофе, макароны; ввозили также вина — французские и донские, водку. Примерно тот же состав был и у товаров, поступавших из Западной Европы,— чай, сахар, вина, сыры, консервы. Традиционные торговые связи с Турцией также находили отражение на тбилисских базарах. Из продуктов питания в Тбилиси поставляли мед, кофе, лимоны, маслины, «пряные коренья», ввозили табак и розовое масло. Из Персии доставляли сухие фрукты [65].

Особым предметом ввозной торговли являлась соль. Ее привозили из Персии и Турции, но особенно из Эриванской губ., где ее добывали в Кульпинском озере. Кульпинскую соль брусками доставляли на верблюдах и арбах и продавали на Татарском майдане. В 1861 г. от местных властей последовало запрещение торговать солью на Майдане и было определено новое место — Абас-Абадская площадь. Однако здесь, как отмечалось в документах, было неудобно, не имелось лавок, духанов, харчевен, вокруг были жилые дома. Поэтому торговцы солью просили разрешить им вновь продавать ее на Татарском майдане, в чем им все-таки было отказано. Со временем в Тбилиси был учрежден специальный магазин по торговле солью, находившийся в ведении Закавказской казенной палаты и переданный «в откупное содержание» тбилисскому жителю Мехти-беку Ага-Гусейн-оглы. Соль в магазин поставлялась из Кульпинского озера [66].

Как было сказано, изготовление одежды было одной из самых распространенных ремесленных специализаций в Тбилиси, поэтому спрос на нее удовлетворялся в основном за счет внутреннего производства. Однако в XIX в. ткани были главным образом привозными. Разнообразные шелковые ткани доставлялись из Имерети и Азербайджана — Джаро-Белокан и Илису; из Бакинской и Елисаветпольской губерний поступали знаменитые сорта шелка — дараи, канаус, мова. Незначительное количество фабричного шелка поступало также из России. Хлопчатобумажные ткани («хлопчатая бумага») ввозили из Азербайджана и Восточной Армении. Из Персии доставляли шелковые ткани, ситцы, коленкор, парчу «цветочную», бархат, «бумагу хлопчатую». Ситцы, бархат, полотно и нанки поступали из России; нанки везли также из Турции. Оттуда же поступали кисея, коленкор, бархат. Из Имерети, Дагестана, Азербайджана в Тбилиси привозили много холста. Выгодно продавалось в Тбилиси сукно. Особенно ценились так называемые лезгинские сукна домашнего производства, которые везли из Дагестана, Азербайджана, Джаро-Белокан. Сукно поставляли также из России и Турции [67].

Постоянным предметом импорта были знаменитые дагестанские бурки. С Северного Кавказа привозили черкески (в документах — чекмени). Наконец, было привозным подавляющее большинство принадлежностей европейского туалета. Из Западной Европы в тбилисские магазины поступали готовое платье, обувь, белье, разнообразные шерстяные и бумажные изделия. Из других предметов импорта назовем выделанные овчины, которые привозили из Имерети, сафьян, доставлявшийся из России, меха — из Армении и Азербайджана [68].

Привозными были многие предметы бытовой утвари, домашнего интерьера и обихода. Большими партиями завозились, например, ковры.

Они поступали из Азербайджана и Персии, в частности из Тебриза. Из Персии везли верблюжьи войлоки, которыми менее состоятельные тбилисцы застилали пол в своих жилищах. В Тбилиси продавалось много привозной посуды. Более дешевая медная поступала из Азербайджана, а также из России (фабричная); из Турции доставляли весьма популярные у горожан большие медные котлы, блюда, тарелки. Более дорогую фаянсовую, фарфоровую и стеклянную посуду, хрусталь везли из России и Западной Европы. Из Западной Европы ввозились также всевозможная мебель, обои. Жители близких к Тбилиси селений — армянского Дагет-Хачин и греческого Цинцкаро — поставляли в Тбилиси вязаные переметные сумки (хурджини), паласы, гладкие ковры (пардаги), мешки (томреби) [69].

Наконец, следует сказать и о некоторых других товарах, которые поступали в тбилисскую торговлю и находили применение в хозяйстве горожан. Так, из Баку через Елисаветполь привозили «полосовое железо». За один только 1822 г. в Тбилиси доставили до 1000 ароб такого железа. Из России привозили серебряные, медные и железные изделия, галантерейные мелочи, духи, стеариновые и сальные свечи, краски. Краски доставляли также из Персии, в том числе «чернильные орешки» для окрашивания тканей. Торговали сосновым лесом, который сплавляли из Боржомских лесов и Горийского уезда. Греки — жители Цинцкаро продавали в Тбилиси обтесанные каменные плиты. Воск везли из Имерети, Северного Кавказа, Турции, из Азербайджана — рыбий клей, из Турции — инструменты для столярных работ, серпы, квасцы, с Северного Кавказа пригоняли на продажу лошадей. Иногда торговали и самыми неожиданными товарами. В рапорте тбилисской городской полиции, направленном грузинскому гражданскому губернатору в 1833 г., сообщалось о привозе в Тбилиси «противонравственных» картин. «Вы предписать изволили полиции иметь наблюдение: дабы по г. Тифлису не продавались бы такие картины, которые содержат предметы, противные правилам чистой нравственности и служат поводом к соблазну и нарушению благочиния...» [70]

Тбилисские торговые предприниматели достаточно активно вели дела за пределами Грузии. Еще в начале XIX в. они стали посещать самую крупную тогда в России Макарьевскую ярмарку. Торговые контакты с Россией стали постоянными и развивались по нарастающей, так что в 1860-х годах тбилисские торговцы совершали крупные операции на всех известных русских ярмарках — Нижегородской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Курской [71].

Розничная и оптовая торговля в Тбилиси происходила в лавках на базарах, где они тянулись рядами, причем каждый ряд имел какую-то одну специализацию. Так, имелись ряды шубников, сапожников, шапошников, «серебряков», рыбные, фруктовые и др.; более крупная оптовая торговля производилась в караван-сараях. В новом Тбилиси начали появляться иные торговые заведения — магазины, в основном с европейскими товарами. В дальнейшем такая система торговли во многом сохранялась без изменений, но число торговых заведений, главным образом магазинов, возросло. В 1876 г. оно достигло 2,4 тыс. [72]

[1] *Багратиони Иоанн.* Калмасоба. Тбилиси, 1941. С. 125.
[2] ЦГВИА СССР. ВУА. Д. 77656.
[3] Общественные увеселения в Тифлисе // К. 1846. № 2.
[4] *Бакрадзе Д.* Духан и пурне // К. 1881. № 19-20.
[5] Хроника // ТЛ. 1888. № 41.
[6] *Бакрадзе Д.* Духан и пурне; Хроника // К. 1853. № 1; 1887. № 2.
[7] Хроника // К. Иллюстр. приложение. 1903. № 42.
[8] Тифлис по однодневной переписи 25 марта 1876 г. // ССК. 1880. Т. VI.
[9] Там же. Все сведения о ремесленной специализации в Тбилиси основаны на материалах камеральных описаний Тбилиси за 1804, 1848, 1873 гг. См. ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2389. Л. 74; Оп. 2. Д. 395. Л. 2388б; Ф. 192. Оп. 5. Д. 314; Ф. 16. Оп. 1. Д. 4448. Л. 20—35; См. также: ЦГВИА СССР. ВУА. Д. 18481. Л. 51, 52, 95. В дальнейшем ссылки даются только на иные источники.
[10] Тифлис по однодневной переписи... С. 95.
[11] *Дановский В.* Тифлисские городские типы. Мхерхави (пильщик) // К. 1902. № 286.
[12] Очерки Тифлиса // РХЛ. 1853. № 5.
[13] Хроника // К. 1884. № 87.
[14] Майдан в Тифлисе // РХЛ. 1853. № 29; Посторонний наблюдатель // К. 1884. № 87.
[15] *Дановский В.* Тифлисские городские типы. Кинто // К. 1902. № 333.
[16] Хроника // К. 1892. № 114.
[17] Хроника // ТЛ. 1891. № 156.
[18] Хроника // ТВ. 1877. № 19.
[19] ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1475. Л. 7.
[20] ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 6. Д. 185. Л. 34—35 об.
[21] ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1475. Л. 7; Ф. 17. Оп. 1. Д. 2521. Л. 1 об., 2.
[22] Хроника // К. 1890. № 3.
[23] Хроника // К. 1887. № 3.
[24] Тифлис по однодневной переписи... С. 213.
[25] Там же. С. 205.
[26] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 74; *Вердеревский Е. А.* От Зауралья до Закавказья (письма с дороги) // К. 1885. № 6; *Романов И.* Новый год у грузин // К. 1846. № 3.
[27] Хроника // НО. 1887. № 1304.
[28] ЦГИА ГССР. Ф. 12. Оп. 11. Д. 162.
[29] Хроника // Возрождение. 1905. № 20.
[30] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 10. Л. 194—195.
[31] *Дункель-Веллинг Н.* Коробочники на Кавказе // К. 1853. № 48.
[32] Хроника // К. 1889. № 334.
[33] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6185. Л. 1, 2; *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса. СПб., 1882. С. 67; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1871. С. 185; *Месхиа Ш.* Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, 1958. С. 386.
[34] ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 5. Д. 413. Л. 439.
[35] ЦГИА ГССР. Ф. 9. Д. 2765. Л. 15—17.
[36] *Джалабадзе Г.* Амкарские знамена // МЭГ. XII—XIII. 1963; *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса. С. 70; Хроника // К. 1896. № 301.
[37] ЦГИА ГССР. Ф. 1438. Д. 180. Л. 1, 7; *Басхаров Г.* Письма из Тифлиса. С. 71.
[38] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6185. Л. 7.
[39] Там же. Л. 78—80.
[40] Хроника // К. 1889. № 342; 1890. № 339.
[41] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6185. Л. 7; *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса. С. 71.
[42] *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса. С. 72; Хроника // ТЛ. 1888. № 3.
[43] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 34. Л. 46, 47; Хроника // ТЛ. 1887. № 256; *Гватуа Н. А.* История костюма. Грузинский женский костюм XIX — начала XX в. Тбилиси, 1967. С. 128. Табл. 44 (на груз. яз.).
[44] ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 47 об.; Обозрение Российских владений за Кавказом. Ч. 1. СПб., 1836. С. 148, 149, 301; Очерки тифлисской флоры // К. 1855. № 17.
[45] Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествий академика И.-А. Гильденштедта. СПб., 1809. С. 183; Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 216.
[46] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 2. Д. 3. Л. 515; Документы по истории Грузии. Сер. 2.

Т. 1. Ч. 2. Тбилиси, 1960. С. 38, 69, 110; ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 47 об.; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. V. Тифлис, 1885. С. 235, 237.

47 Садоводство в Тифлисе за 1892 г. // К. 1893. № 169; Хроника // К. 1896. № 85; Тифлис по однодневной переписи... С. 150.

48 ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 2. Д. 3. Л. 12, 13, 515 об.

49 *Павлиашвили Д. С.* Плодоводство в Восточной Грузии (по этнографическим данным). Тбилиси, 1962. С. 182 (на груз. яз.).

50 *Зубов П.* Шесть писем о Грузии и Кавказе. М., 1834. С. 97.

51 Материалы для изучения экономического быта... Т. V. С. 252; *Сонгулашвили Д. М.* Огородничество в окрестностях Тбилиси. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1960. С. 8, 17, 19.

52 Материалы для изучения экономического быта... Т. V. С. 251; Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 155.

53 ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 34. Л. 12 об.; Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 71, 72; Географическое и статистическое описание Грузии. С. 183.

54 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1762. Л. 22; ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 45 об.; Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 165.

55 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1762. Л. 4.

56 ЦГВИА. ВУА. Д. 22660. Л. 2; Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 194; Материалы для изучения экономического быта... Т. V. С. 188.

57 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3272. Л. 143 об.

58 Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 156, 157.

59 ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1074. Л. 8; Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 97, 98.

60 ЦГИА ГССР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 7792. Л. 16.

61 ЦГИА АзССР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 205. Л. 1 об.; Тифлис по однодневной переписи... С. 145.

62 Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 295.

63 ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 74. Л. 20; Оп. 2. Д. 395. Л. 70; Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 261—262.

64 Воспоминания о Тифлисе и его окрестностях // Вестник РГО. Кн. V. СПб., 1855. С. 70.

65 Материалы для изучения экономического быта... Т. V. С. 3; Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 63; *О. К.* Очерки Тифлиса // К. 1846. № 9.

66 ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2269. Л. 8, 9; Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 95.

67 ЦГВИА СССР. ВУА. Д. 389. Л. 43, 95; Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 249, 263; Хроника // ТЛ. 1887. № 187.

68 ЦГВИА СССР. ВУА. Д. 389. Л. 95; Хроника // ТЛ. 1887. № 187.

69 Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 298; Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 263; Материалы для изучения экономического быта... Т. V. С. 246.

70 ЦГИА АзССР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 95. Л. 1; ЦГВИА СССР. ВУА. Д. 389. Л. 95 об.; ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4811. Л. 3.

71 Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 249.

72 Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 63, 298; ЦГВИА СССР. ВУА. Д. 18481. Л. 44, 47.

Глава третья

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Внешний вид города

Есть ли связь между внешним обликом местности и привычками, характером, нравом ее обитателей? Вряд ли можно ответить решительно «да» и привести рациональное объяснение этой зависимости. Однако не покидает мысль, что есть какие-то глубинные соприкосновения, неосязаемые нити, которые связывают человека и окружающий его природный и предметный мир. Если Тбилиси был бы другим, не таким, каким его создала природа, время и исторические перипетии его 1500-летнего развития, возможно, и книга по его этнографии была бы во многом другой.

Своеобразие облика Тбилиси во многом объясняется его местоположением. Часть города находится в котловине, окруженной с трех сторон невысокими хребтами и возвышенностями, другая часть расположилась на склонах гор Мтацминда, Таборис-мта, Сололакского хребта и низких отрогах. Основной водной артерией, являющейся к тому же важнейшим естественным элементом городской планировки, была р. Кура (груз. Мтквари), рассекавшая Тбилиси на две части. Кроме того, в черте города протекали ее притоки Вере, Цавкисисцкали и др.

Внешний облик и планировка Тбилиси на рубеже XVIII—XIX вв. были типичны для многих восточных феодальных городов с их беспорядочной плотной застройкой вокруг цитадели — резиденции царя или крупного феодального владетеля, со сложившейся системой оборонительных сооружений. Основными элементами последних в Тбилиси были Метехи на левом берегу Куры и на правом возвышавшаяся над городом древняя тбилисская цитадель (груз. *цихе*) Нарикала, окруженная кольцом крепостных стен. В кольце стен находился и собственно город — Кала. Каменной стеной были обнесены также Метехи и Авлабар. Стены имели башни. На плане Тбилиси 1800 г. в Нарикала их отмечены две — Тавризская и Царьградская (Стамбульская). В первой трети XIX в. сохранялись крепостные ворота: Ганджинские, Коджорские (Верхние, Цавкисские), Мухранские (Нижние, груз. Цклискари — «водные ворота»), Дигомские, Авлабарские и др.; в цихе вели крепостные ворота. В сумерках ворота запирались, при них постоянно находилась стража. В течение первой половины XIX в. городские стены, башни и ворота постепенно исчезли, часть их разрушилась, часть была разобрана для нужд нового строительства. Но названия некоторых ворот, например Банных, еще сохранились и в начале XX в. [1]

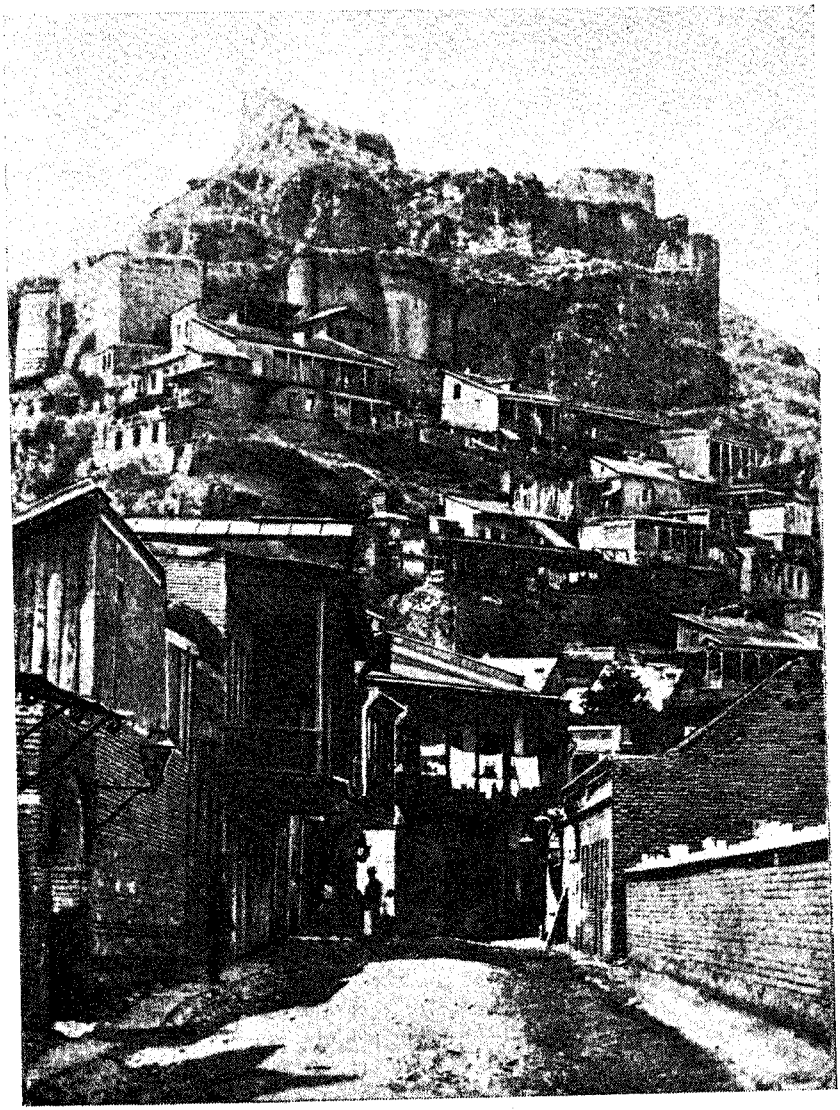


Рис. 7. ЧАСТЬ СТАРОГО ГОРОДА. Вверху древняя цитадель Нарикала. Фотография конца XIX в.

Социально-экономическая стагнация, охватившая Грузию в XVII—XVIII вв., не могла не отразиться на Тбилиси. К началу XIX в. территория города сильно сократилась. По сведениям И.-А. Гюльденштедта, в 70-х годах XVIII в. Тбилиси занимал в окружности около трех верст. Основными частями города в этот период были: на правом берегу Куры Кала, то, что позднее будет известно как Старый город, Сеидабад — район минеральных источников, вытекавших из горы Табори, и устроенных здесь

минеральных бань и Исани (Нисани), Авлабар на левом берегу Куры непосредственно за Метехи. Кроме того, имелось несколько предместий, которые в недалеком будущем слились с Тбилиси. Это Гаретубани (груз., букв. «внешний квартал») — один из районов будущей новой застройки, Харпухи по правобережью Куры, Куки, Чугурети на левом берегу. Шуа базари (груз., букв. «срединный базар»; район ул. Леселидзе) делил Кала на две части — верхнюю и нижнюю. Верхняя — Крепостной квартал, где жила городская аристократия; нижняя — рабат (посад), населенный ремесленниками и торговцами. Основное население Сеидабада составляли мелкие ремесленники и торговцы [2].

Кала, Сеидабад и Авлабар состояли из кварталов (груз. *убани*), включавших одну или несколько улиц. Наименования убани нередко отражали особенности хозяйственной деятельности местного населения, местоположение квартала, этническую или религиозную принадлежность его жителей и т. п. В конце XVIII — начале XIX в. были известны, например, кварталы златокузнецов, красильщиков, ткачей, кварталы Банный, Сеидабадский, т. е. некогда заселенный сеидами (привилегированная группа мусульманского духовенства), Сионский, Анчисхатский, Ванкский — по названию грузинского кафедрального собора Сиони, грузинской церкви Анчисхати, армянского Ванкского собора; имелись Нижний и Верхний кварталы, кварталы, названные по фамилиям знатных жителей, например Орбелиани, Мухран-Батони и т. д. Возникали также целые слободы-кварталы, заселенные представителями одного народа. Не ранее 1830-х годов образовалась, например, Молоканская слобода на Песках, по Екатерининскому, Цалкинскому и Ахпатскому переулкам располагалась греческая слобода [3].

Исторически Тбилиси, следуя рельефу местности, строился по склонам гор террасами. Дома в городе располагались уступами, скученно, плотно примыкая друг к другу, что создавало большую плотность застройки. Современники подчеркивали, что в Старом городе, «не касаясь мостовой, а поднимаясь только и опускаясь с одной крыши на другую, можно было обойти целый квартал и открыть себе вход в любой дом». Начавшееся в первые десятилетия XIX в. строительство резко изменило размеры и конфигурацию города. Уже в конце 1820-х годов территория Тбилиси составила 9 верст в окружности, а вдоль Куры городская застройка протянулась на две версты. К этому времени бывшие предместья — Гаретубани (часть площади им. Ленина и начала проспекта Руставели), Харпухи, Куки, Чугурети — вошли в черту города, хотя все они и в 1830-е годы сохраняли прежний сельский вид. В 1840-х годах уже были поселения Ново-Троицкое, Пески, где селились русские, Навтлуг [4].

По контрасту со старой частью города специфический, европеизированный внешний облик принимали районы новой застройки. Эта часть возводилась на пустых землях и имела планировку, типичную для любого европейского города. Улицы — широкие, прямые, нередко с тротуарами, уже в первые десятилетия XIX в. частью замощенные, с постройками общеевропейской архитектуры. Первыми застраивались районы Эриванской площади (ныне площадь им. Ленина) и Головинского проспекта (проспект Руставели). Эриванская площадь в 1830-е годы стала центром нового города. Здесь находились здания штаба, гимназии, полиции и несколько

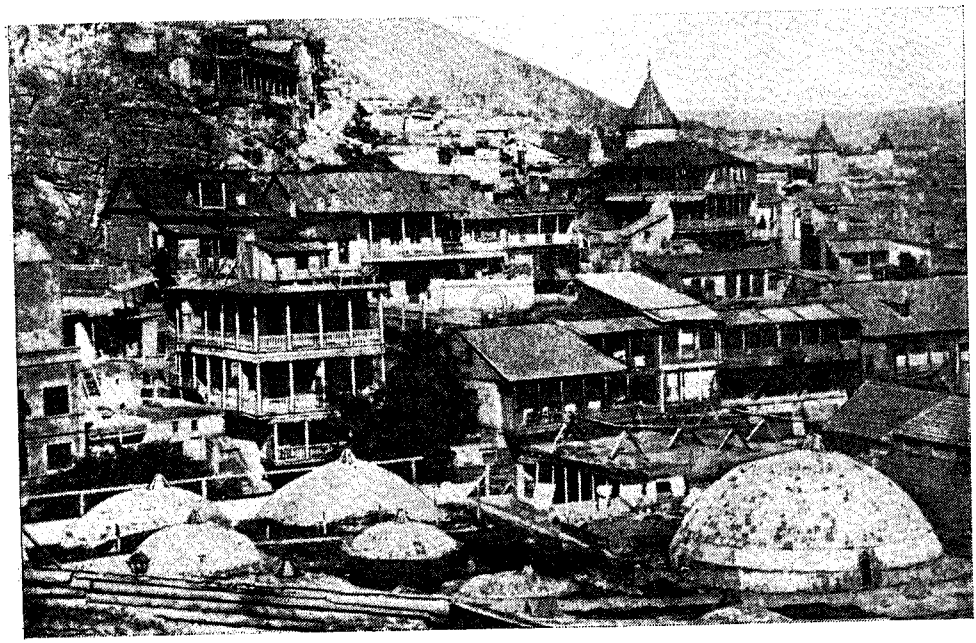


Рис. 8. СТАРЫЙ ТБИЛИСИ В РАЙОНЕ МИНЕРАЛЬНЫХ БАНЬ.
Фотография второй половины XIX в.

домов европейской архитектуры. Но все-таки и к началу 1840-х годов в значительной части эта площадь представляла пустырь, прорезанный оврагами, через которые для пешеходов были проложены деревянные мостки. Только со строительством в 1845 г. караван-сарая Тамамшева площадь приняла более благоустроенный вид [5].

Головинский проспект в 1830-е годы имел лишь несколько новых зданий европейской архитектуры, но постепенно благоустраивался и в 1840-х годах, в период правления наместника на Кавказе князя М. С. Воронцова, стал наиболее европеизированной частью Тбилиси. Однако и в новом городе имелось еще немало пустырей, разделявших улицы. Некоторые улицы, как Арсенальная, Саперная, Артиллерийская, представляли собой слободы, выстроенные солдатами. В районе Колючей балки и Московской заставы (отсюда начинался Головинский проспект), еще не застроенных, находились лишь несколько мелких кирпичных заводов. Совсем не было застроено предместье Вере. На склонах горы Мтацминда по направлению к храму св. Давида имелось с десяток традиционных полуподземных жилищ (груз. *мицури сахли*). Дорог здесь фактически не было, и пройти наверх можно было с трудом даже днем, тем более ночью, когда идущий рисковал попасть в свето-дымовое отверстие в крыше дома и оказаться внутри, упав с высоты примерно в две сажени. Со временем дорога к храму была устроена, а склоны горы застроены новыми домами.

Ход застройки Тбилиси постоянно контролировался представителями кавказской администрации. В частности, еще в начале XIX в. энергичный

главнокомандующий на Кавказе князь П. Д. Цицианов начал принимать активные меры для предотвращения беспорядочной застройки города. В свойственной ему резкой манере он писал в 1810 г. тогдашнему тбилисскому коменданту князю Саакадзе: «Так как построение домов в Тифлисе производится без всякого порядка и наблюдения о нестеснении улиц, то предписываю... впредь оных строить не позволять без особого моего утверждения и ныне строющимся подать ведомость для личного моего осмотра» [6]. Со временем был создан «Комитет по приведению города Тифлиса в лучшее состояние», в 1832 г. преобразованный в «Тифлисскую губернскую строительную комиссию», которая определяла правила застройки города, рассматривала проекты и без разрешения которой нельзя было осуществлять строительство домов. Городские власти предписывали не производить «ни малейшей починки, ни постройки вновь» без разрешения комиссии [7].

Несмотря на развернувшееся строительство, в 1830-е годы, как отмечали современники, «Тифлис не только по наружности, но и по характеру народной жизни принадлежал к числу городов самородного азиатского типа...» Планировка Старого города, хотя и менялась, но весьма медленно. В 1829—1830 гг., например, в первом квартале старого Тбилиси в связи с необходимостью некоторого расширения тесных улиц начался снос мицури сахли (в документах — «ветхих саклей») с выплатой их владельцам оценочной суммы и выделением для постройки новых земельных участков в других местах, преимущественно на Авлабаре. Как было отмечено городскими властями, ощущался недостаток рабочих, необходимых для строительства. Поэтому по просьбе грузинского гражданского губернатора в Тбилиси в 1829 г., по окончании русско-турецкой войны, для выполнения таких работ из 1500 пленных турок в городе было оставлено 300 человек [8].

Наиболее интенсивно строительство города велось в 1840—1860-е годы, что первоначально было связано с успешной деятельностью наместника на Кавказе князя М. С. Воронцова. К 70-м годам Сололаки и вся часть города от Эриванской площади до местности Вере по правую сторону Куры и от Метехи до сада Муштаид по левому берегу имели прямые широкие улицы, застроенные в основном домами нового типа. Самой широкой улицей был Головинский проспект (20 сажен), а самой длинной — Михайловская улица, тянувшаяся на 1130 сажен.

Что касается Старого города, то его не затронули столь радикальные изменения. Старый Тбилиси многие десятилетия мало менялся в своей планировке. В нем по-прежнему были очень узкие улицы, правда, некоторые из них, по воспоминаниям современников, уже были расширены и здесь могли разъехаться 3 экипажа или 2 нагруженные арбы. Но и в 1880-х годах еще сохранялись улицы не более 4,5 аршин шириной, как, к примеру, Красильная. Постепенно и в старой части начали появляться довольно правильно спланированные улицы, хотя специфика планировки Старого города в основном сохранялась. Именно здесь, в старом Тбилиси, возник своеобразный «полуевропейский» — «полуазиатский» архитектурный стиль жилища, характерный прежде всего для Тбилиси. Постепенно дома этого типа сменили в Старом городе традиционные формы домов.

Перестраивались такие районы Старого города, как Авлабар. «На Авлабаре,— отмечалось в одном из официальных документов 1860 г.,—

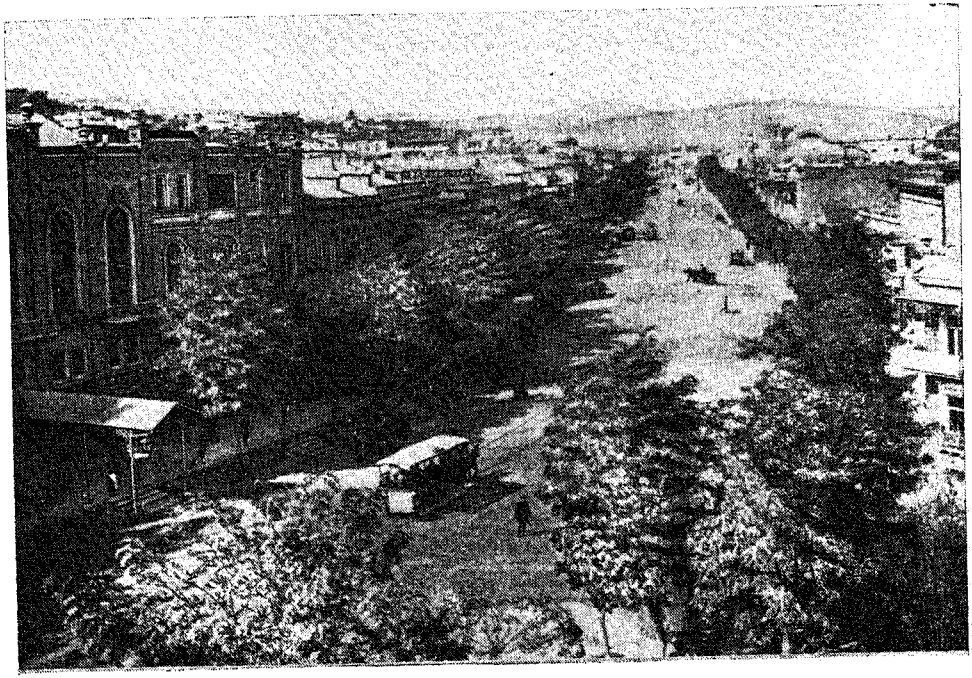


Рис. 9. НОВЫЙ ТБИЛИСИ: Головинский проспект; Эриванская площадь. Фотографии Д. Ермакова. Конец XIX в.

существуют две площади, расположенные так близко одна от другой, что не будет и 100 сажен расстояния. Первая из них... по удобству почтовой дороги, пролегающей со всех сторон мест Кавказа и Дагестана, занята торговлей, а другая служила только для гражданской казни преступников и лежит в настоящее время в пусте...» Как говорится далее в документе, старший полицмейстер Тбилиси князь Лорис-Меликов отменил устройство эшафота на этой площади (которая находилась почти в центре Авлабара). Власти предложили освободившуюся площадь разделить на участки (часть земли принадлежала казне, часть — князьям Бебутовым) и продавать разным лицам для застройки [9].

Резервы для дальнейшего роста города имелись и в близлежащих предместьях. В 1870-х годах еще не были заселены предместья Вере и Ортачалы, где находились богатые сады и лишь несколько духанов. Новые кварталы возникали на пустынных окраинах города и в конце XIX в. Так, недалеко от железнодорожного вокзала образовался поселок, заселенный преимущественно рабочими и известный среди тбилисцев под названием «Нахаловка». Такое название этой местности, отмечали городские власти, дали несколько человек — «захватчиков городской земли». По просьбе домовладельцев — жителей Нахаловки в городской управе неоднократно ставился вопрос о переименовании этого поселка. Было предложено несколько вариантов: одни предлагали грузинизированное название Надзаладеви, другие — назвать «Иверская» в честь иконы Иверской божьей матери, во имя которой в этой местности был сооружен храм, третьи — «Завокзалие». В 1912 г. городская дума приняла решение о переименовании поселка в Завокзалие [10]. Однако это название среди тбилисцев не прижилось, и соответствующий район города в обыденной речи горожан продолжал именоваться Нахаловкой. Кроме названных предместий, в Тбилиси входили небольшая Молоканская слобода на Песках и Ново-Троицкое поселение, образованное отставными нижними чинами, приписанными к городу; Навтлуг, населенный военными, немецкая колония «Тифлис» и перестроенное в 1850-х годах предместье Куки.

Одной из важнейших составных частей города являются площади. В Тбилиси они издавна играли большую роль в политической и экономической жизни его жителей, всегда были центрами общественной жизни, местами проведения праздников и досуга. В конце XVIII — начале XIX в. в Тбилиси были две главные площади: Царская (груз. Батонис моэидани) и Крепостная (Нижняя, Татарская — груз. Татарис моэидани, в районе современной площади Горгасала). На правом берегу Куры за городскими стенами находилась еще одна площадь — Кабахи, которую французский путешественник XVII в. Шарден называет Военной. Каждая из этих площадей выполняла разные социальные функции. На Царской площади в праздничные дни или по особому приглашению грузинского царя собирались князья и дворяне. Крепостная площадь составляла центральную часть базара, т. е. выполняла главным образом производственную и торговую функции. Площадь Кабахи предназначалась для различных соревнований, состязаний, увеселений, в том числе конных ристалищ (кабахи), конной игры в мяч (груз. *цхенбурти*), кулачных боев, здесь устраивались также петушиные бои, бои баранов и верблюдов. Эта площадь сохранялась до 1820-х годов, когда часть ее была застроена, а часть занял Александ-

ровский сад [11]. Площади Тбилиси были также своего рода городскими клубами, где обсуждались разнообразные новости. Такая особенность тбилисской жизни получила отражение в обиходном названии расположенной перед домом грузинского гражданского губернатора Губернаторской площади (место соединения пл. им. Ленина и проспекта Руставели), которую именовали Салакбо (груз. «место для разговоров»).

В 1828 г. в Тбилиси насчитывалось 16 площадей, из них на плане десять указаны «в первой части города». Это Губернаторская, Николаевская, Эриванская, Сардар-Абадская и др. Эриванская площадь была как бы границей старого и нового Тбилиси. За ней начинался Старый город с его извилистыми улицами, лавками, базарами. Во второй части города находились Елисаветпольская, Базарная, Кахетинская (около въезда с Кахетинской дороги на Авлабар), Военная, Сенная, Конная площади. Некоторые из новых площадей стали значительными центрами торговли, ремесленного производства, традиционными местами сбора отходников и рабочих, нанимавшихся на сезонные и временные работы. Но хотя число площадей в Тбилиси росло, современники отмечают, что и в первой половине XIX в. большинство их по своему внешнему виду вряд ли могли называться настоящими площадями [12].

Еще более традиционный вид имели тбилисские улицы — узкие, извилистые, немощеные. К началу XIX в. они по существу не изменились и не были пригодны для передвижения какого-либо транспорта, кроме верховых; грязь, пыль, нечистоты, выливавшиеся прямо на улицы, создавали в части города антисанитарные условия, способствовали массовым эпидемиям. «Улицы,— писалось в одном из официальных документов в 1829 г.,— вообще по всему городу до такой степени искривлены, столь обезображены и так тесны... что весьма много таких, где двум экипажам никакой возможности разъехаться» [13].

По плану 1828 г. в Тбилиси уже было 124 названия площадей, улиц и переулков. Значительная часть их возникла буквально в первые два десятилетия XIX в. В числе улиц первой части города названы Московская, Арцруневская, Эриванская новая, Бебутова (между домами князей Бебутовых), Тавризская, Католическая, Греческая (около греческой Иерусалимской церкви), Шелковая — от Греческой между лавками до поворота к Сионскому собору, Соборная, Немецкая, Губернаторская (от Губернаторской площади к Гостиному двору), Котельная (через Котельный ряд до шубных лавок), Армянская — мимо шубных лавок через Армянский гостиный ряд, Серебряная — между лавками «серебряков» до дома княгини Варвары Цициановой, Гаретубанская. В первой части Тбилиси располагались также улицы Георгиевская, Арсенальная, Ванкская, Мыльная, Успенская кривая, Аптекарская и др. Кроме того, было 18 переулков: Темный, Кривой, Анчисхатский, Глухой, Кожевенный, Эчмиадзинский и др. Во второй части города находились улицы Грузинская, Елисаветпольская, Банная, Метехская, Авлабарская, Татарская, которая шла с Базарной площади около татарских лавок до Нового моста, Кахетинская — от Метехской улицы между новыми Авлабарскими лавками до Кахетинской площади; Царевнина улица проходила от Кахетинской улицы [14].

Улицы Тбилиси всегда были оживлены и многолюдны. Тбилисец на улице работал, торговал, отдыхал, гулял, общался, нередко спал. Эта традиция во многом переносилась и на вновь возникавшие улицы и площади, становившиеся местами работы, отдыха и общения тбилисцев. Символом нового Тбилиси стал Головинский проспект. Вымощенный каменными плитами, с аллеями из душистой белой акации, освещенный газовыми фонарями, этот проспект был одним из главных мест гулянья и отдыха горожан. Здесь открылся оперный театр, находились дворец наместника, множество модных магазинов с европейскими товарами. Все напоминало Европу. И все-таки, как вспоминают современники, разноязыкая толпа, яркая и шумная, напоминала, что здесь Кавказ. Не менее популярной у тбилисцев была Михайловская улица (ныне проспект Давида Строителя) по левобережью Куры, протянувшаяся по территории бывшей немецкой колонии «Тифлис». Михайловская улица была весьма благоустроена, с домами «европейской» архитектуры, со множеством фруктовых увеселительных садов. Сюда вечерами в поисках прохлады обычно собирались тбилисцы, не уехавшие из города на время летней жары.

Вообще сады — виноградно-плодовые, с цветниками и небольшими огородами — составляли органическую часть города. В 1828 г. в городе было 53 сада. Сады как бы объединяли производственную сферу жизни тбилисцев, их занятия сельскохозяйственным трудом и сферу общественно-бытовую, поскольку сады являлись любимым местом отдыха, развлечений и общения. Сады, наконец, составляли важный элемент архитектурного облика города, придавая ему неповторимый колорит, особенно в период цветения.

Наиболее крупными были Ботанический казенный сад, находившийся в старой части города выше Сеидабада и ранее принадлежавший грузинским царям, Инженерный сад, также принадлежавший ранее грузинским царям, Александровский сад (ныне им. Коммунаров) возник на площади Кабахи. С 1820 г. часть площади начала застраиваться, а на большей ее территории наместником князем Барятинским в 1859 г. был устроен сад. В конце Михайловской улицы располагался сад Муштаид (современный парк им. С. Орджоникидзе), создание которого связано с именем переселившегося в Тбилиси в 1829 г. из Персии известного шиитского деятеля муштаида Ага-Мир-Фет-Саида. Охотно посещались и другие увеселительные сады, имевшие буфеты, пивные, музыкальные эстрады. Популярен был также Зимний сад на Дворцовой улице [15].

Среди частных садов лучшими считались Ортачальские (Ортачала), принадлежавшие крупным тбилисским предпринимателям второй половины XIX в. Адельханову, Мирзоеву и др. Не менее популярными были Сололакские, Крцинисские сады, сады в районе Навтлугских лугов. В новом Тбилиси постоянно устраивали сады и скверы. В 1885 г. на Семинарской площади, служившей местом стоянки возов с дровами, был устроен Пушкинский сквер. В 1886 г. был создан общественный Эриванский сквер, с дорожками и скамейками [16].

Огромную роль в жизни Тбилиси играли базары. К 1800 г. в городе было три основных базара: два на правом берегу Куры — у Царской площади и Татарский майдан, один на левом берегу у Метехи. Кроме того, имелись менее значительные базары Верхний и Нижний, а также базары,

которые специализировались на производстве и продаже какого-либо одного предмета или сельскохозяйственного продукта: например, Арбузный майдан, Сапожный ряд (груз. Харазхана), Мануфактурный ряд (груз. Базазхана), Ватный ряд (груз. Бамбахана), ряды, где работали оружейники, шапошники, кожевники (груз. Дабахана) и др. На плане Тбилиси 1828 г. в первой части города названы торговый ряд на Эриванской площади, Армянский гостиный ряд, Шубный, Котельный ряды, ряды «серебряков», «рыбные ряды», указаны мелочные лавки, «татарские лавки», лавки по продаже съестных припасов. Кроме того, на Эриванской площади показан «Мелочной базар»; по воскресеньям работали подрядное место на Сардар-Абадской площади и Немецкий базар [17].

В 1887 г. в Тбилиси отмечены четыре базара: на Авлабаре, Солдатский (так называемый Русский базар), Татарский майдан и Верийский базар, недавно открытый городскими властями, но не пользовавшийся большой популярностью у местного населения. Значение базара в жизни Тбилиси сохранялось и в дальнейшем, однако наряду с этими традиционными местами торговой деятельности все большую роль играли новые торговые центры — разнообразные магазины и лавки, торговавшие нетрадиционными товарами.

Центром торговой жизни Тбилиси был Татарский майдан. В 1880-х годах майдан представлял сравнительно небольшую площадь (до 273 кв. сажен), куда сходились улицы и переулки от Авлабара, Банных ворот, Старого города, Навтлуги, Гаретубани. Сюда выходили ряды Обжорный, Винный, Шапочные, вблизи тянулся Ватный ряд, где торговали шерстью, ватой, нитками, парчой. Через майдан пролегали почтовый тракт, дорога в серные бани, летом здесь тбилисцы проезжали к Ортачальским и Крцанисским садам. На майдане располагалось множество лавок, которые предлагали покупателям все, что было необходимо человеку, жившему в Тбилиси в прошлом столетии. В одежном ряду можно было купить на любой вкус платье, в шапочном — головной убор, у серебряков — полный комплект оружия и украшений. В специальных лавках торговали разнообразной посудой — медной, стеклянной, фаянсовой, фарфоровой, были лавки с коврами, паласами, мафрашами *, чувалами, лавки с «красным» товаром «европейского» и «азиатского» производства. Особую часть майдана занимали фруктовые лавки (бакали), представлявшие собой воплощенное съестное изобилие. Они заполнялись горами фруктов и овощей: арбузами, дынями, яблоками, грушами, айвой, персиками, черешней, абрикосами, виноградом (зимой продавали вяленый), гранатами, капустой, луком, редисом, морковью. Продавали также маслины и разнообразную зелень: пастернак, лук-порей, цицмати, киндзу, перец. При этом продавцы изощрялись, стараясь придать своим лавкам красочный и вычурный вид. Для этого яркие фрукты в виде высоких пирамид раскладывались на огромных деревянных подносах, в качестве украшений развешивались гирлянды красного перца.

В воспоминаниях современников Татарский майдан предстает как одно из наиболее колоритных мест Тбилиси. «Очутившись в этих местах,—

* Большая сумка из ковровой ткани, в основном для хранения и перевозки одежды и различных бытовых предметов.

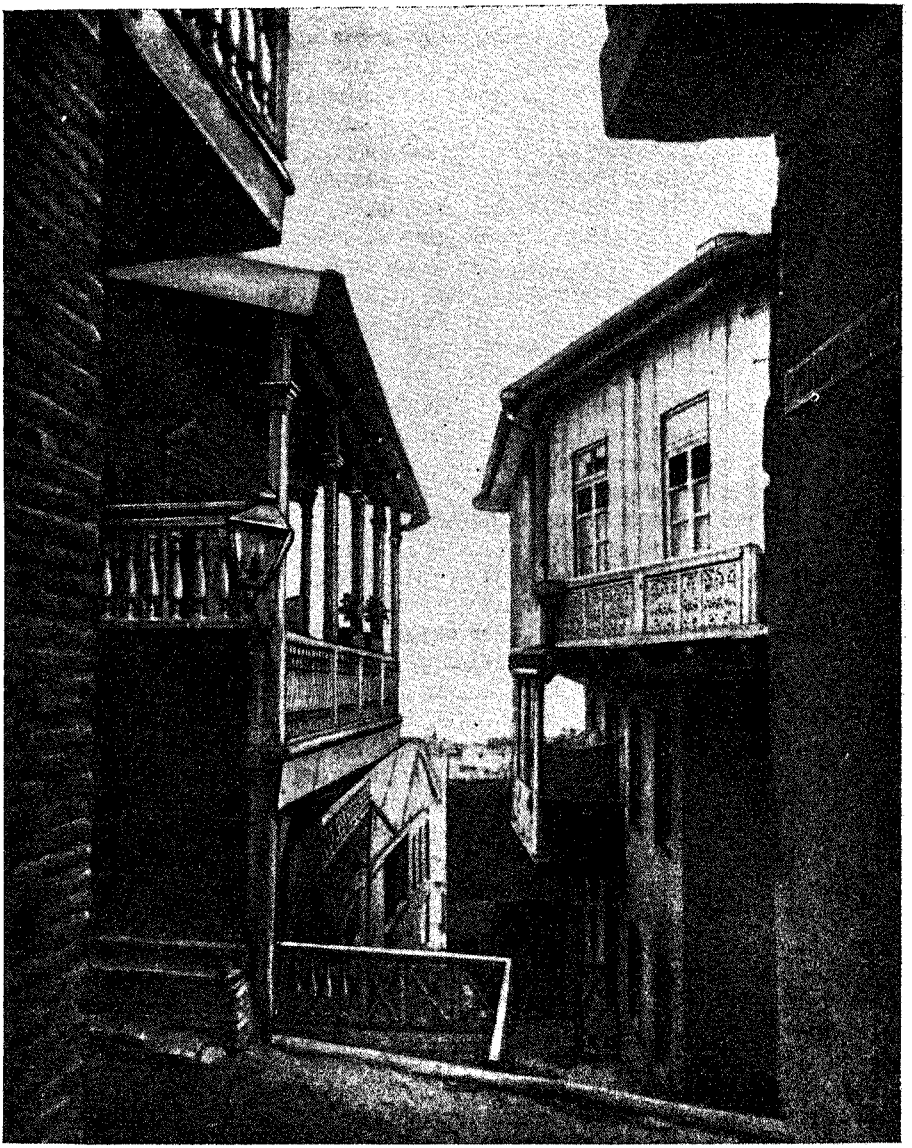
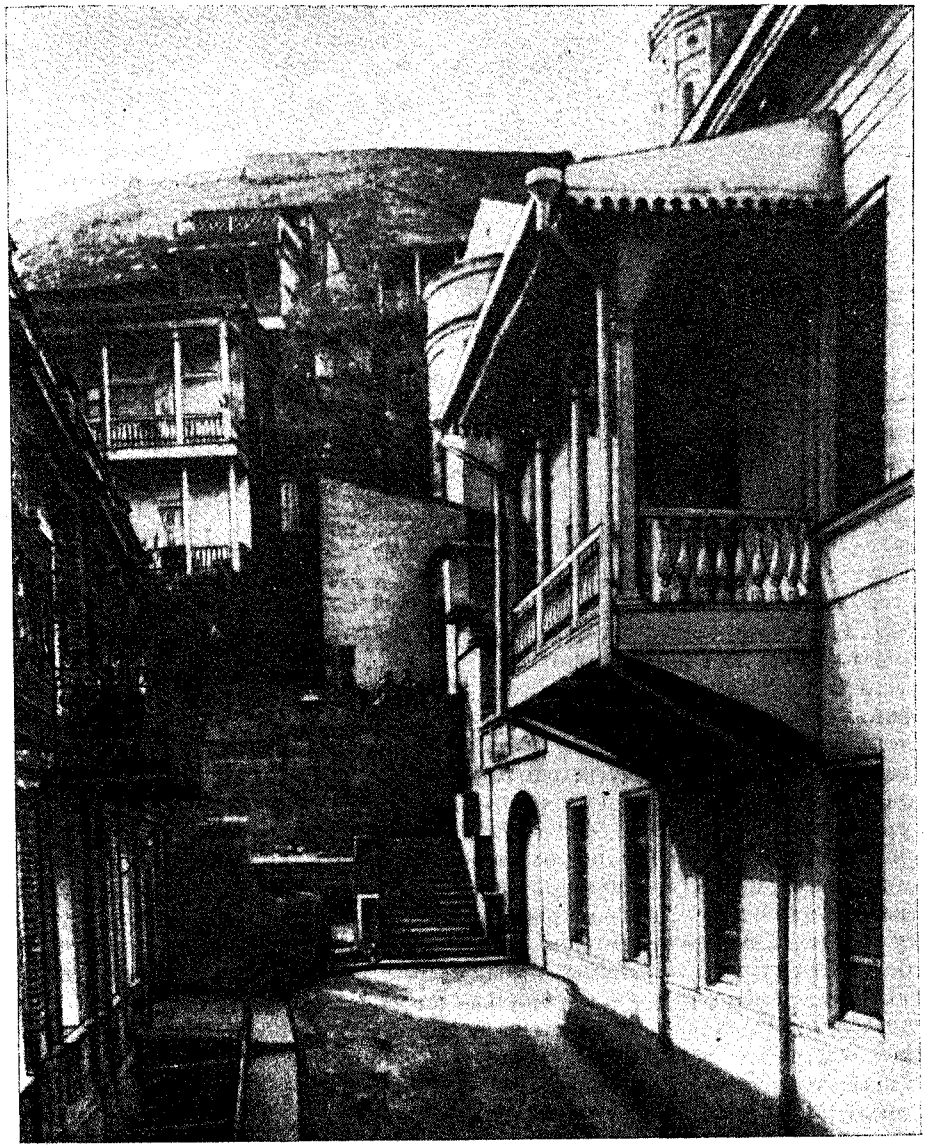


Рис. 10. СТАРЫЙ ТБИЛИСИ: Успенский тупик; Нетхаинская улица и подъем. Фотографии второй половины XIX в.

писал один из них,— вы сразу даже и не поймете, что́ такое происходит вокруг вас, над вами и под вами. Это какая-то каша из людей и животных, бараньих шапок и бритых голов, фесок и картузов, женщин и мужчин, лошадей и ослов, верблюдов и собак, стариков и молодых... И все это кри-



чит, стучит, смеется, бранится, толкается, поет, работает и потрясает на разные тона и голоса знойный недвижный воздух» [18].

Майдан жил и работал по своим обычаям, выработанным веками. Раньше всех, с рассветом сюда приходили сезонные рабочие, нанимавшиеся на строительные, земляные, садоводческие работы. Затем появлялись вереницы ослов, навьюченных корзинами с зеленью, фруктами, овощами. Через некоторое время на площадь въезжали арбы, запряженные буй-

волами, на которых везли бруски соли, мешки с нухинским рисом, луком, сыром, кислое молоко, конопляное масло. Постоянно слышались возгласы торговцев, на разных языках призывавшие покупателей: «Чуреки горячи, кто хочет рыбы, свежая! Сюда пожалуй, на цицмат, хороший...!». На Майдане собирались муши, которых можно было нанять для выполнения различных работ на самые разные сроки.

К вечеру Татарский майдан несколько успокаивался, в духанах и лавках зажигали свечи, воткнутые в чашки с лобио или просом, они одновременно освещали и площадь. Зимой горели мангалы, а в медных чашках зажигали щепу, искусно сложенную небольшой пирамидой. Около 10 часов вечера Майдан еще работал. Потом лавки закрывались, свечи гасли и все расходились. На следующий день с раннего утра Майдан жил той же бурной жизнью. В 80-х годах XIX в. Майдан считался наиболее посещаемым базаром. По примерным подсчетам здесь бывало в день до 20 тыс. человек. Следует сказать, что сюда приходили не только ради покупок. Тбилисские базары, а Майдан в особенности, были своего рода общественными центрами, где можно было обменяться новостями, узнать о новейших событиях. «Рамбавиа?» («Что нового?») — был первый вопрос посетителя любого тбилисского базара. Поступавшая отсюда информация заменяла многим горожанам газету или другие источники информации [19].

Не менее известным был Армянский базар (район ул. Леселидзе), расположенный на правом берегу Куры вблизи Сионского собора. По воспоминаниям современников, Армянский базар (как и Татарский майдан) отражал «общую физиономию города». В 1840-х годах Армянский базар объединял несколько узких и кривых улиц со множеством лавок и мастерских. Как и на всех тбилисских базарах, лавки здесь не имели передней стены, и таким образом весь трудовой процесс совершался на глазах посетителей. К середине XIX в. здесь появились первые фешенебельные магазины, например в 1845 г. в «Темных» рядах магазин «Кавказского кустарного производства» Иосифа Берутчева.

Солдатский базар (современный базар на Колхозной площади) находился также на правом берегу Куры. В будни здесь торговали продуктами, в том числе овощами. По воскресеньям это была своего рода ярмарка разнообразных изделий солдат местного гарнизона, привозивших на продажу мебель, одежду, обувь, белье, множество мелких бытовых предметов. Вокруг Солдатского базара располагались мастерские жестянщиков, бондарей, лудильщиков и других ремесленников. По воскресеньям из Мангиси, Белого Ключа, Каменной речки и иных окрестных поселений нижние воинские чины везли на Солдатский базар продукты. Местные мастера — грузины и армяне — также торговали здесь мебелью собственного производства. Зимой под Новый год на Солдатском базаре продавали елки и молодые сосенки [20].

В Тбилиси были и другие базары. На Сардар-Абадской площади торговали зерном, овощами и лошадьми. Здесь также собирались для найма рабочие — столяры, каменщики, плотники, приходившие сюда в поисках работы. Другим местом, где происходил найм на работу, была небольшая Кахетинская площадь на Авлабаре, имевшая до 17 духанов, трактиров и винных погребов. Здесь собирались юноши 12—18 лет для найма в прислуги [21].

Торговым центром Тбилиси была также Эриванская площадь, где располагались торговые и гостиные ряды. Каждый день на Эриванскую площадь привозили на продажу дрова и сено; по воскресеньям здесь собирался мелочный базар. В городе имелись и небольшие базары. Так, в субботу жители сел, ближайших к предместьям Куки и Чугурети, собирались на площади, находившейся между этими предместьями, и продавали разнообразные съестные припасы; остальное распродавалось на следующий день на Солдатском базаре. На Песках, заселенных преимущественно молоканами, торговали лошадьми, рыбой, привозимой молоканами, и фуражом. На Базарной и Александровской площадях собирались извозчики. По левобережью Куры находился Сенной базар, куда каждое утро вьюками на ослах, лошадях, арбами везли сено, солому, зерно, плитами — кульпинскую соль, из Кахети — вино, дрова и уголь [22].

Базары, таким образом, на протяжении всего XIX в. выполняли в жизни Тбилиси несколько важных функций. На базарах совершались торговые операции — от оптовых до розничных. Здесь же производилась масса разнообразных бытовых предметов. Базары были также своеобразными общественными центрами, местом общения представителей разных социальных и этнических групп, взаимодействия разных традиционных культур. Базары являлись и своего рода художественными центрами, где в лавках и около них демонстрировалось все многообразие художественных изделий, создаваемых мастерами разных этнокультурных традиций.

Другими важными центрами хозяйственной и общественной жизни Тбилиси были караван-сараи — здания в 2—3 этажа, с большим внутренним крытым двором. По периметру стен шли деревянные галереи, куда выходили двери многочисленных помещений, сдававшихся владельцами караван-сараев в аренду. Арендаторами в основном были представители торгового сословия, которые использовали помещение по своему усмотрению: устраивали в них торговые лавки, склады готовой продукции, ремесленные мастерские, где работали и в зимнее время, обогревая помещение горящим мангалом. Караван-сараи выполняли также роль гостиниц и постоялых дворов. Для богатых купцов в караван-сараях устраивались богато обставленные комнаты, в которых полы и стены украшались персидскими коврами, вдоль стен тянулись тахты с подушками удлиненной формы (мутаки), постели устраивали на полу на нескольких пуховых тюфяках, одеялами служили шелковые перины. В караван-сараях заключали торговые сделки, понижали или повышали цены на товары, обсуждали конъюнктуру рынка. Специальные лица за небольшую плату могли написать прошение, здесь всегда находились «таинственные советники лиц, приезжавших в Тифлис по разным делам, и непримиримые судьи и прорицатели решений присутственных мест» [23].

В 1800 г. в Тбилиси имелись следующие караван-сараи: царский, мелика *, Тбилели, Бежана. По плану 1828 г. караван-сараев было шесть: Арцруни (возле Сионского собора), царевнин (против караван-сарая Арцруни), преосвященного Нерсеса (напротив Армянского училища), князя Бебутова, караван-сараи Питоева и Аслана Чарвадарова.

---

* Традиционная должность в старом городском управлении Тбилиси.

Самым известным из них был построенный в 1818 г. караван-сарай Арцруни — большое трехэтажное здание в Оружейном ряду около Сионского собора. В верхнем этаже его имелись 33 жилые комнаты, в среднем — 25 лавок и магазинов с товарами «европейского» и «азиатского» производства, продававшимися оптом и в розницу, в нижнем этаже — подвалы: 24 малых и один большой, в которых складывались товары; здесь же нанимали помещения для работы 11 мастеров «азиатской» одежды и обуви. Во дворе караван-сарая имелся бассейн. Против караван-сарая Арцруни находился царевнин караван-сарай, построенный в давние времена. В нем были 62 жилые комнаты, 30 лавок с товарами, два подвала; 13 мастеров нанимали здесь помещения для работы. В этом караван-сарае торговали в основном товарами «азиатского» производства и сахаром; продажа «европейских» товаров была незначительна [24].

В 1840-х годах в Тбилиси на Эриванской площади был построен по тем временам самый крупный и наиболее благоустроенный караван-сарай, принадлежавший почетному мокалаку Тамамшеву. Это было здание в несколько этажей, в двух из них размещались 130 магазинов и лавок по продаже «европейских» и «азиатских» товаров, буфеты, мастерские, склады. Во втором этаже стараниями наместника князя М. С. Воронцова был устроен театр. Караван-сараи функционировали в Тбилиси и в пореформенное время. В 1864 г. их насчитывалось четырнадцать. Однако постепенно с появлением магазинов, гостиниц, ресторанов, трактиров, постоялых дворов караван-сараи перестали играть в быту тбилисцев прежнюю роль и число их стало уменьшаться [25].

Зато число лавок в Тбилиси неуклонно возрастало. Лавки (груз. *дукани*) продолжали оставаться главным местом торговли и ремесленного производства. Большинство лавок были одновременно местом изготовления и продажи какого-либо бытового предмета. Существовала довольно узкая специализация: так, были лавки-мастерские фонарщиков, лудильщиков, оружейников, ювелиров и т. д., на базаре работали портные. Были лавки только торговые, а также по изготовлению и продаже еды. Дукани различались размерами и устройством. Языков, живший в Тбилиси в 1780-х годах, описал каменные лавки со сводами «под одну крышу, а свет сверху». Большинство лавок было устроено просто: в них имелось лишь одно небольшое помещение без передней стены. Таким образом, вся жизнь и труд ремесленника в течение всего дня протекали на глазах посетителей базара. На ночь передняя стена закладывалась деревянными щитами. Обязательной принадлежностью мастерской и лавки в зимнее время был мангал для обогрева и приготовления пищи. На плане Тбилиси 1828 г. обозначено 1264 лавки, из них только три казенных; в 1876 г. число лавок возросло до 2416 [26].

Большую роль в быту тбилисцев играли духаны — место, где можно было не только получить еду и вино, но и пообщаться, услышать сазандара, ашуга или хотя бы зурнача. Популярны были широко известные не только тбилисцам духаны «Не уезжай, голубчик мой», «Белый духан», находившийся недалеко от Дигомского моста при въезде в Тбилиси со стороны Военно-Грузинской дороги. Духаны были традиционными для Грузии заведениями. Но в Тбилиси имелись и другие своеобразные центры, сочетавшие функции потребления и общественно-увеселительную. Из

Турции и Персии вошла в быт горожан кавахана (кофейня) с ашугами и сазандарами. Наиболее известной во второй половине XIX в. была кофейня «Саят-Нова». Русские открывали в городе чайные и закусочные. Популярны были, например, чайная «Родина», закусочная «Гамлет», в которой, по воспоминаниям И. Гришашвили, собиралась «литературная богема» Тбилиси, устраивались поэтические состязания.

Духаны и другие такого же рода заведения обычно украшались зеленью, их владельцы старались заиметь яркие вывески, которые нередко являлись оригинальным творчеством местных художников-самоучек. Именно с вывесок и реклам для тбилисских духанов начал свой путь Нико Пиросмани. Вместе с тем все большее значение приобретали городские новомодные магазины. «Да помилуйте,— писал один из тбилисских хроникеров,— как не веселиться в таком городе, где все найдешь... в таком городе, где смешались в одну пеструю картину театры, собранья, банкиры... французские моды... Блестящие витрины магазинов поражают такой баснословной роскошью детских игрушек, дамских нарядов и других изящных безделушек, какой даже и тифлисские жители до сих пор не видели, хотя Париж издавна снабжает их своими произведениями...» [27].

Данные 1898 г. показывают рост числа торговых заведений, а также изменение их характера. В одном только третьем участке города (в него входили Головинский проспект, Эриванская площадь, улицы Дворцовая, Мадатовская, Барятинская, Инженерная и др.) было 432 таких заведения (включая гостиницы). В их числе традиционные «азиатские» портняжные мастерские, духаны, мастерские красильные, башмачные, шапошные, лавки по продаже зелени, фруктов, овощей, рыбы. Но появились и новые магазины: по продаже готового мужского и женского платья, готовой обуви, головных уборов, белья, тканей, ковров, паласов, одеял, ювелирных изделий, имелись специальные модные магазины (в частности, галантерейные), магазины по продаже часов, швейных машинок, канцелярских товаров, магазин восковых фигур, фортепьянные мастерские, парикмахерские, косметические; из продуктовых — колбасные магазины, молочных продуктов, чайные заведения, пивные. Один из таких широко известных в конце XIX — начале XX в. магазинов был «Персидский и кавказский магазин» Г. М. Ахшарумова и Г. С. Джанинова, размещавшийся на Эриванской площади под гостиницей «Кавказ» [28].

Производственно-потребительская зона города включала также мельницы на плаву, которых на плане 1828 г. указано 17. В середине XIX в. часть мельниц находилась в Чугурети. Здесь ими, в частности, владели «с давнего времени» Георгий Эликашвили и Давид Багдасаров. Постройка нового моста и отвод воды из этих мест отрицательно сказывались на работе мельниц. Поэтому оба мельника просили разрешения построить мельницы в другой части города — на Песках. Разрешение властей последовало, однако с условием, что мельницы не займут прибрежной полосы, а будут полностью устроены «на плаву».

Кроме названных районов, водяные мельницы работали также в Куках. В пределах города находились и другие сельскохозяйственные постройки: мякинники, гумна, а также специальные места для просушивания пшеницы (например, в Куках, где они принадлежали казенным крестьянам). Имелись также небольшие предприятия по обработке сельскохо-

зяйственной продукции. Так, в 1844 г. тбилисский гражданин Алексей Шадинов обратился к властям с просьбой об отводе ему земли в Куках для постройки «масляного завода для делания кунжутного масла». Строительство было разрешено в другом месте также на берегу Куры. В городе действовали различные мелкие промысловые предприятия, которых в 1828 г. было 49. Среди них преобладали кирпичные, имелись также гончарные, кожевенные, пивоваренные, красильни [29].

Наиболее известными зданиями светской архитектуры в городе в начале XIX в. были Метехский замок, Сачино — дворец царицы Дареджан, знаменитые тбилисские серные бани с куполами, украшенные цветными изразцами (отсюда их название *чрели абано* — груз., букв. «пестрые бани»), монетный двор, имелись общественные дома амкаров. Серные минеральные бани, составлявшие собственность членов грузинской царской фамилии, князей, крупных купцов, занимали весь Банный квартал. Среди них наиболее известными были Ираклиевские, Мирзоевские, Орбелиановские, Бебутовские с их знаменитыми массажистами-терщиками, особыми приемами мытья и массажа. Традиционные бани строились из камня, имели сводчатые перекрытия со световыми отверстиями, из тесаного камня были сделаны бассейны. В 1860-х годах появились русские бани [30].

Важнейшую часть города составляли культовые здания — церкви, соборы, мечети, монастыри, нередко наиболее древние и знаменитые памятники города. Это кафедральный собор Сиони, начало строительства которого относят к V в., Спасский Анчисхатский собор (VI в.), Квашветская (Георгиевская) церковь, Мтацминдская св. Давида церковь, Метехская церковь и многие другие. Всего на плане Тбилиси 1828 г. названы 11 грузинских церквей. Имелись также русско-православные и греческо-православные храмы. Среди армянских культовых сооружений — Ванкский собор, Сурбнишанская, Могнинская, Петхаинская церкви и т. д. (всего на плане 1828 г. названы 10 армянских церквей). В городе была также одна мечеть «Алиевой секты» (т. е. шиитская) с минаретом, в которой насчитывалось 187 прихожан мужского пола. Мечеть была построена в 1606 г. по приказу шаха Аббаса I. На Католической улице помещалась армяно-католическая церковь, построенная в конце XVIII в. [31]

В 1864 г. в Тбилиси было 70 церквей и соборов православных и григорианских, римско-католическая, две лютеранские церкви, две синагоги и две мечети — Большая шиитская у Нижне-Майданского моста и Малая суннитская у Ботанического сада. В дальнейшем были построены костел в Куках на Николаевской улице и евангелическая церковь на Баронской улице [32].

Плоские крыши традиционных домов, оштукатуренные гажей и окрашенные в золотисто-желтые, зеленые, голубые, «кизиловые» тона, шатровые кровли церквей, белые круглые купола минеральных бань, минареты, сады создавали своеобразный яркий облик Тбилиси. Однако со временем этот облик стал терять старые черты. Прежде всего изменения затронули новую часть Тбилиси. Здесь быстро начали появляться здания административного и культурно-общественного назначения, облик которых резко отличался от привычных дарбази, мицури сахли, караван-сараев. В первое же десятилетие XIX в. были возведены здания корпусного штаба, уездного училища, казенной аптеки, «магнитной обсерватории», армянской духов-

ной семинарии; в 1844 г. было построено одно из самых красивейших зданий Тбилиси — дворец наместника на Головинском проспекте.

Неотъемлемой частью Тбилиси были мосты, устроенные через Куру, ее притоки, некоторые оросительные каналы и овраги. На плане города 1843 г. обозначено 12 мостов, из них 3 каменных (Авлабарский, Николаевский и Инженерный временный); остальные (Мухранский, Саперный, Чугуретский и др.) были деревянные. С благоустройством Тбилиси мосты совершенствовались, число их росло. В 1848—1853 гг. был построен Новый Кукийский мост (ныне мост им. К. Маркса), в 1850 г.— Мнацакановский мост, в 1852 г.— фундаментальный Михайловский мост. В 1887 г. в городе насчитывалось 10 мостов, в основном железных и каменных [33].

Составной частью городской инфраструктуры являются кладбища. В Тбилиси в 1864 г. их было девять, в том числе три православных, три григорианских, одно католическое, одно лютеранское и одно мусульманское. При интенсивной застройке города все кладбища оказались в наиболее заселенных районах. Поэтому городские власти неоднократно поднимали вопрос о перенесении их за черту города. В 1877 г. предполагалось закрыть и перенести на новое место православное Иверское кладбище на Вере, армянские на Авлабаре и Вере, католическое в Сололаках, немецкое в Куках, православное на Авлабаре около Петропавловской церкви, мусульманское за Ботаническим садом. Городское управление предложило для устройства новых кладбищ местность за Навтлугом вдоль Кахетинского почтового тракта. Старые же кладбища предлагалось закрыть и запретить на них погребение. Решено было оставить на старом месте лишь мусульманское ввиду местоположения на горе, отделяющей его от города. Новые кладбища должны были устраиваться каждой из религиозных общин за свой счет, что вызывало значительные затруднения ввиду бедности некоторых из них и невозможности осуществить это сложное дело. Однако бо́льшая часть намечавшихся работ по перенесению кладбищ так и не была осуществлена. В первое десятилетие XX в. в Тбилиси с переселением турецкоподданных курдов-йезидов в Навтлуге появилось курдское кладбище. Здесь же, в Навтлуге, находилось еврейское кладбище, на котором был отведен участок для погребения субботников [34].

Тбилиси располагался вдоль Куры, вода из которой, как из ее притоков и ручьев, составляла для населения города основной фонд водопользования. Доставка воды в дома осуществлялась водовозами. Небольшая часть привилегированного населения уже в первой половине XIX в. получала воду из закрытых водопроводов. Городские власти, особенно в пореформенное время, пытались регулировать доставку воды тулухчами и цены на нее, устанавливая определенную таксу. Однако тулухчи не соблюдали установленных цен и брали не 15 коп. (как по таксе), а значительно выше — по 40 коп. Поэтому бедные горожане обычно не имели возможности оплачивать доставку воды тулухчами и носили ее сами в ведрах [35].

До 1887 г. по водопроводу вода поступала не более чем на 10 улиц города. Но в том же году был осуществлен проект подвода родниковой воды от с. Авчала и из Куры выше сада Мушгаид, где река не была загрязнена. В некоторых частях города были устроены городские краны, у которых происходила продажа воды ведрами. И хотя это было значительно дешевле, чем доставка ее водовозами, население не привыкло к такому

нововведению и брало воду из кранов неохотно, предпочитая доставку воды тулухчами из Куры. Многие горожане уверяли, что водопроводная вода вредно действует на желудок, негодна для стирки и плоха для заварки чая, поскольку содержит много извести [36].

Несмотря на устройство водопровода, население Тбилиси, даже пользуясь им, все равно зависело в доставке воды от тулухчи. Это особенно сильно проявлялось в зимнее время, когда рабочий люд, ремесленники, уходившие на работу с рассветом, не успевали принести из городских кранов воды. Поэтому тулухчи запрашивали обычно тройную цену за доставку воды зимой. Летом горожанам было несколько легче, поскольку они сами успевали принести воды из крана до ухода на работу [37].

В 1887 г. Тбилисской врачебной управой после обследования воды в р. Куре были определены специальные места, где разрешалось брать воду из реки: у Муштаидского спуска, у спуска у Обсерватории и у северо-восточного угла Мадатовского острова. 14 сентября 1887 г. в Тбилиси начали работать городские водоразборные краны, по которым подавалась авчальская вода. В этот же день закрыли спуски к Куре, откуда тулухчи долгие годы брали воду. В знак протеста тулухчи прекратили на некоторое время доставку воды в дома тбилисцев, тем более цены на нее были установлены городскими властями довольно дешевые. Но уже к вечеру того же дня работа тулухчей, возивших воду теперь из городских кранов, возобновилась [38].

Часть поступавшей в Тбилиси воды использовалась для орошения садов, причем большая доля доставалась привилегированной верхушке населения. Орошались сады князей, дворян, крупных купцов, церквей и мечетей. Вода подводилась также на некоторые площади Тбилиси, где были устроены водоемы для запасов воды. В иных случаях уже из водоемов вода направлялась по канавам для орошения садов. Воду подвели к казенным минеральным баням, к местным заводам.

Постоянного ночного освещения в Тбилиси в начале XIX в. не было. Правда, в лавках, мастерских и духанах к вечеру зажигали свечи, которые вставляли в чашки с лобио или изюмом, плошки с нефтью. Поскольку передняя стена в лавках и мастерских отсутствовала, то таким образом множество светильников, расположенных в лавках, освещало улицу или базарную площадь. Однако остальные части города никакого освещения не имели. Во время свадеб, которые происходили в позднее время, улица освещалась факелами и фонарями. Фонарь, как и бичи (мальчик), несший его, был обязателен во время выходов богатой горожанки на улицы вечернего Тбилиси. Мужчины чаще носили фонари сами [39].

Город менялся в праздники, когда его улицы и площади освещались факелами, праздничной иллюминацией из фонарей и ярко горевших смоляных бочек. Так было, например, во время торжеств в честь Георгиевского трактата, каждогодно во время праздника св. Давида, когда смоляные бочки зажигались на горе Мтацминда. Кроме того, по гребню горы расставляли горящие плошки, что издали создавало особенно яркое впечатление [40].

К 1860-м годам в городе были устроены уличные фонари, причем часть уже не на деревянных, как ранее, а на чугунных столбах. Центральная часть города, особенно Головинский проспект, получила довольно яркое

освещение. Но в целом по городу число фонарей было явно недостаточно. За исправность городских фонарей отвечали фонарщики. Интересна «Ведомость с показанием числа уличным фонарям, чугунным новым и старым столбам, а равно и деревянным, с местонахождением их и у кого из фонарщиков имеются на руках». По этой ведомости в Тбилиси работали 15 фонарщиков, русские. Судя по другим документам, в Тбилиси были также «ламповщики», не учтенные в этой ведомости. Каждая небольшая группа фонарщиков обслуживала определенную часть города. Больше всего — девять — их было в первой части, три фонарщика работали во второй части города, лишь один фонарщик обслуживал третью часть и два — четвертую часть Тбилиси. В городе преобладали фонари на деревянных столбах (их было 193), установленные ранее, но имелись 26 на чугунных старых столбах и 69 на чугунных новых столбах, установленные по Головинскому проспекту [41]. Для освещения использовали нефть.

Уже в 80-е годы XIX в. Тбилиси вступил в век электричества. Правда, в это время электрическое освещение было устроено главным образом в некоторых административных и общественных зданиях города. Но к началу XX в. электричество появилось во многих районах Тбилиси. Одна из путешественниц, побывавшая в городе в 1912 г., пишет, что город уже издали ярко светился тысячами электрических огней. Однако в домах многих тбилисцев, особенно трудового люда, еще сохранялось керосиновое освещение. Для парадной иллюминации города, как и ранее, традиционно использовали смоляные бочки, которые устанавливали на горе св. Давида [42].

До 1840-х годов улицы Тбилиси в основном не были мощены. В 1849 г. начались работы по осушению некоторых улиц города, для чего специально были устроены деревянные водостоки. Была замощена булыжным камнем мостовая на Почтовой улице. Однако многие районы города и в начале XX в. оставались немощеными. Так, жители Греческой слободки в 1911 г. обратились в тбилисскую городскую управу с просьбой о благоустройстве их территории: устройстве сквера, улучшении освещения, проведения в их слободку канализации и водопровода, устройстве электрического освещения, а также замощении улиц и переулков [43].

Значительные изменения инфраструктуры Тбилиси, происшедшие еще в дореформенное время, отражают статистические данные за 60-е годы. В 1864 г. город занимал 243,125 кв. сажен под постройками и 243,750 кв. сажен под садами, не считая земли под улицами и площадями. В Тбилиси насчитывалось 134 улицы, 61 переулок, 17 площадей, 2 бульвара. Имелись вымощенные улицы, были устроены тротуары, на некоторых центральных улицах сделаны стоки для воды. В городе насчитывалось 9048 частных жилых зданий, 482 церковных и монастырских здания, в том числе 67 культовых (церквей, соборов, мечетей и т. п.), 102 казенных и 3 общественных здания; 2867 лавок (из них 267 церковных и монастырских, остальные — частные), 14 караван-сараев, 24 нежилых помещения (склады, магазины), театр, 3 аптеки, 12 полицейских будок, 192 завода, в том числе 93 кирпичных, 5 гостиниц, 41 трактир, 441 духан, 96 харчевен, 71 винных складов и винных подвалов, 7 фонтанов (в них содержались запасы воды), 4 публичных сада, 37 бань, в том числе 30 русских, 306 фонарей [44].

Дальнейший рост Тбилиси показывают данные официальной статисти-

ки за 1911 г. К этому времени город занимал более 2589 дес., в нем было 1120 улиц, 23 площади, большей частью шоссированных и мощеных, тротуары были каменные, частью асфальтированные. На этой территории располагалось около 17 тыс. жилых каменных строений, 77 дес. было занято городскими садами, скверами и бульварами. Город освещали свыше 4 тыс. уличных фонарей (электрических, газовых, керосиновых), городской водопровод подавал на нужды жителей в сутки до 700 тыс. ведер воды и лишь в немногих участках города жители пользовались водой из Куры; в части Тбилиси была устроена канализация. Имелись 22 кладбища, 4 главных базара — Авлабарский, Солдатский, Майдан, Верийский, 3 монастыря — 2 армянских и один православный женский (подворье св. Нины). В городе было 23 средних учебных заведения (14 мужских и 9 женских), одни вечерние курсы, 9 библиотек, 3 читальни, общество трезвости, 420 харчевен и постоялых дворов, 2 тюрьмы, 280 фабрик и заводов с 4431 рабочими, театры, научные общества, типографии, издательства газет и журналов [45].

Жилище

Побывавшие в Тбилиси во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Гюльденштедт, Языков, Негри и другие путешественники дают общее представление о характере городского жилища в это время. На первый взгляд оно было однотипным: с плоской крышей, покрытой утрамбованным слоем земли, дома тбилисцев как бы врезались в склоны окружающих гор, почти сливаясь с ними. Гюльденштедт писал о домах из кирпича или камня в один этаж, высотой в 15 футов, имевших камины. Языков, побывавший в Тбилиси несколькими годами позже Гюльденштедта, упоминает каменные дома, на которых «сверх потолков крыш не бывает. Женщины имеют обыкновение на потолках в хорошее время сидеть; есть изрядные дома наподобие замка, и в покоях довольно чисто, по большей части покои деревом убраны, а полы устланы коврами; печей нет, а везде камины» [46].

Эти две характеристики свидетельствуют о двух типах жилища — дарбази и мицури сахли, распространенных в Тбилиси в те годы. Данные сведения уточняются материалами Негри, побывавшего в составе персидского посольства А. П. Ермолова в Тбилиси проездом в 1817 г. Негри пишет, что часть домов в городе имела свод, посередине которого устраивалось отверстие для света. В таких домах были обширные и хорошие комнаты. Несколько мрачное из-за малого освещения, это жилище имело свои достоинства, так как летом в нем было прохладно. Однако в очень жаркое время каменное жилище настолько раскалялось, что в доме невозможно было спать. Поэтому летом в дарбази пол постоянно и обильно поливали водой [47].

Дарбази — один из древнейших типов грузинского народного жилища, распространенный в Картли и Кахети. По основным конструктивным особенностям он практически полностью совпадал с армянским глхатуном и азербайджанским карадамом, являясь таким образом вариантом традиционного закавказского жилища [48]. Сельский дарбази изучен в грузи-

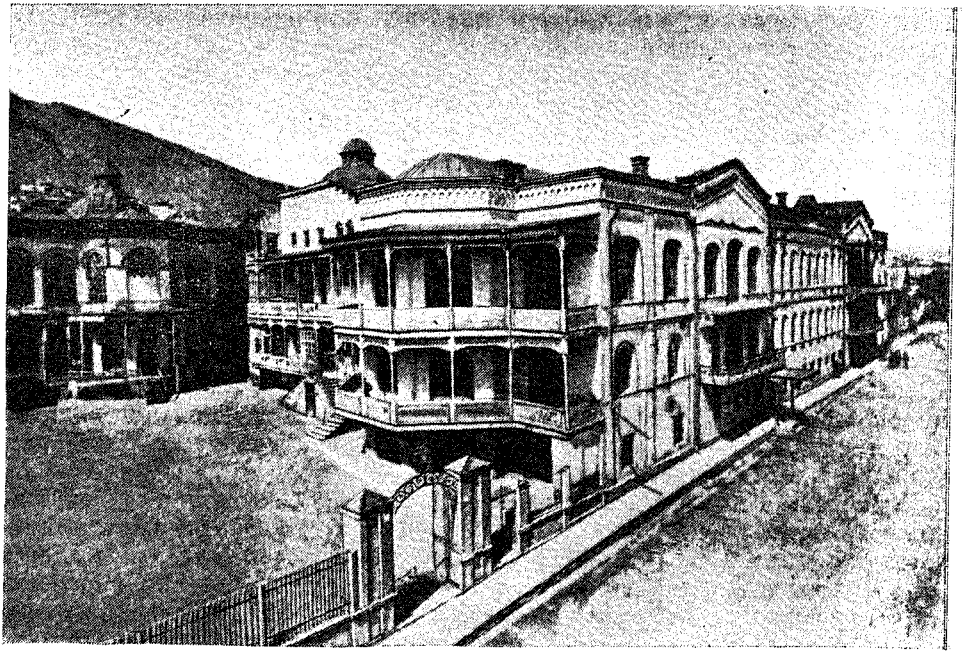
новедческой литературе достаточно хорошо, чего, к сожалению, нельзя сказать о его городском, в частности тбилисском, варианте, сведения о котором в литературе ограничиваются лишь краткой публикацией Г. Н. Чубинашвили, содержащей также ценные зарисовки Н. Северова, и материалами, имеющимися в работах архитектора Л. Сумбадзе. Основываясь на этих и других известных нам источниках, можно с уверенностью сказать, что тбилисский дарбази мало чем отличался от жилища этого же типа, распространенного в сельской местности, который, как было сказано, подробно и основательно описан в специальной литературе.

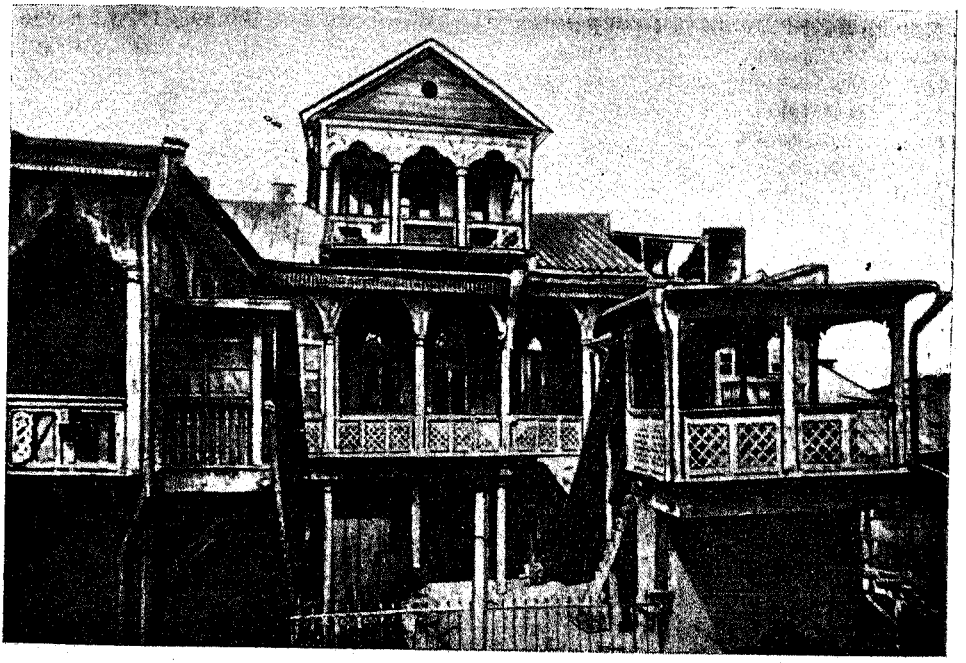
При возведении дарбази всегда использовали естественный рельеф местности, так как главное помещение— собственно дарбази — как бы врезалось в пологий склон, из которого для этого специально изымали грунт. Три стены дарбази выкладывали кирпичом. По углам помещения были опорные деревянные столбы; на них укладывали деревянные перекладины, служившие основанием свода *гвиргвини* (груз., букв. «венец»). Большой опорный столб *дедабодзи* (груз., букв. «мать-столб»), находившийся посередине дарбази, считался священным и традиционно являлся местом выполнения различных ритуалов. В верхней части столб расширялся и был украшен богатой резьбой.

Важнейшим моментом постройки дарбази было возведение ступенчато-венцеобразного свода, который выкладывали из бревен или хорошо обтесанных брусьев. В центре свода устраивали отверстие (груз. *эрдо*), через которое в помещение проникал свет и выходил дым от очага. С наружной стороны деревянный настил покрывали толстым, хорошо утрамбованным слоем земли. По традиции под эрдо перед дедабодзи от входа располагался открытый очаг *кера*, вокруг которого вечерами собиралась вся семья. Судя по воспоминаниям современников, в первой половине XIX в. в тбилисских дарбази устраивали не открытый очаг, а пристенные камины *(бухари)*, бывшие в дарбази основным источником тепла.

Пол в дарбази делали кирпичным или из каменных плит. Большое внимание уделялось задней (западной) стене помещения, находившейся против входа, устроенного с восточной стороны. На высоте около 1 м от пола в задней стене располагались глубокие сводчатые ниши для посуды. Сводчатые ниши с дверцами (груз. *цало*) устраивали также в боковых стенах дарбази; в дневное время в них складывали постели. В небольших углублениях, сделанных в стенах, хранились различные домашние вещи, вдоль стен тянулись полки, на которых располагались мелкие предметы обихода [49].

Жилое помещение — собственно дарбази — было одно, его размеры составляли более 70 кв. м, общие же размеры с подсобными помещениями варьировали от 90 до 150 кв. м. Внутреннее пространство жилого дарбази опорными столбами делилось на три отделения: среднее с гвиргвини и два боковых с горизонтальными перекрытиями. Хозяйственные помещения в тбилисском дарбази не составляли с ним единого целого, а были размещены вблизи: *сатонэ* — помещение для выпечки хлеба с печью тонэ, *марани* — помещение для приготовления и хранения вина; в доме обязательно устраивали подвалы. Л. Сумбадзе, реконструировавший тбилисский дарбази, указывает, что рядом с жилым помещением на глубине 5 м имелся подвал с кирпичным сводом, откуда в жилое помещение можно было



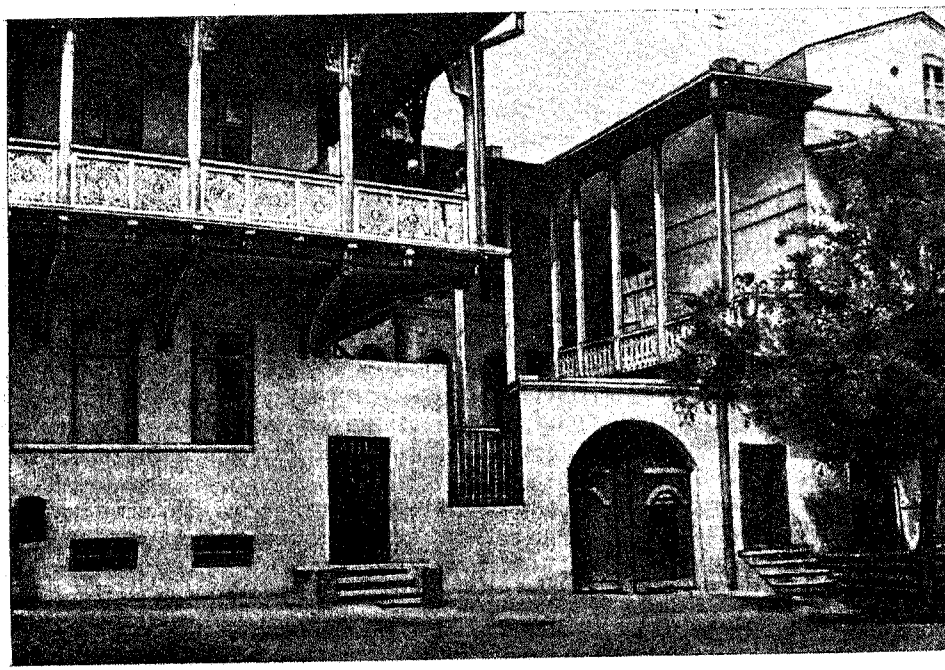


попасть по лестнице. Дверь из коридора выводила в своеобразную переднюю *(дерепани)*, устроенную по фасаду дарбази на уровне земли. Такой портик имел навес с земляным настилом, который поддерживался деревянными столбами с резьбой, но менее богатой, чем на дедабодзи. В одной из боковых стен дерепани был устроен камин. Портик обычно выполнял функцию летнего помещения [50].

Тбилисский дарбази был наполовину углублен в землю, что являлось рациональной традицией грузинского домостроительства, выработанной веками и объясняемой сильными изменениями температур, характерными для этих мест. Углубленность в землю способствовала тому, что летом в дарбази температура была примерно на 12° ниже, чем снаружи, зимой же, наоборот, на несколько градусов выше [51]. Рациональность дарбази привлекала внимание еще в XIX в. А. С. Грибоедов в своей записке, написанной в 1828 г. в связи с новой застройкой Тбилиси, подчеркивал преимущества дарбази в местных климатических условиях [52].

Основным типом жилища, в котором проживали малоимущие слои тбилисцев, было мицури сахли, в документах XIX в. называемое «землянками». Такой дом в один этаж имел плоскую кровлю, часть жилища находилась ниже уровня земли, в доме чаще всего была одна комната с камином. В отличие от дарбази в мицури сахли с фасадной части устраивали окна,

Рис. 11. ТИПЫ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ: новые элементы в домостроительстве; дом на Мухранской улице, с открытым двором; дом на Абас-Абадской площади. Фотографии второй половины XIX в.



так как такой дом не имел свето-дымового отверстия эрдо, а небольшое отверстие в крыше для выхода дыма не могло дать достаточного освещения. Окна заклеивали промасленной бумагой или затягивали бычьим пузырем. Как и дарбази, мицури сахли строили у склона горы, а с фасада оно имело портик дерепани. В середине XIX в. в Тбилиси еще сохранялись довольно архаического типа мицури сахли с открытым очагом *кера*. Такой дом имел три стены из камня, четвертой стеной служил склон горы, в которую дом как бы врезался; жилище наполовину находилось в земле, имело плоскую земляную кровлю с дымовым отверстием. По фасаду около входа было устроено по одному окну, затянутому промасленной бумагой. А. Гакстгаузен описал внутренний вид этого дома: «Комнаты эти имеют вид очень бедный, посреди... маленький очаг, над ним в крыше отверстие для выпуска дыма; с одной стороны хранилище для расстилания постелей... с другой — ящик для хранения хлеба и других припасов (кидобани). Только «бадзе» (дедабодзи.— *Авт.*) украшены резьбой» [53]. Таким образом, жилище мицури сахли сохраняло какие-то черты дарбази: плоская земляная кровля, дерепани, дедабодзи, исчезнувший в других формах местного жилища, хотя был утрачен основной, характерный для дарбази признак — гвиргвини со свето-дымовым отверстием.

Видимо, мицури сахли упоминает А. Негри, описавший одноэтажные дома, четырехугольные в плане, с плоской кровлей, довольно мрачные внутри, так как в них поступало мало света; в стенах были сделаны несколько отверстий, заменявших окна. Такие дома лишь едва поднимались над уровнем земли, поскольку основная их часть была углублена в землю. Видимо, мицури сахли, почти сливавшиеся с поверхностью земли, в Тбилиси начала XIX в. преобладали. В этом плане интересно замечание одного бытописателя, подчеркивающего это своеобразие города того времени. «Раньше жилища,— писал он в 1840-х годах,— едва отделялись от земли, и любитель прогулок без затруднения и вреда мог обойти весь город по крышам» [54].

Мицури сахли было сравнительно простым по конструкции жилищем, не требовавшим каких-либо особых материалов для его постройки, значительно менее сложным по технике строительства, чем дарбази. Одной из забот хозяина дома было устройство плоской земляной кровли, которую следовало хорошо утрамбовать. Более состоятельные нанимали для этой цели желающих подработать, обычно человек десять, которые утаптывали земляной настил кровли ногами. Современники 40-х годов описали это своеобразное зрелище: десять человек грузин в бурках, заложив руки за спину, покачиваясь, пели песни и медленно прохаживались по крыше. Так продолжалось в течение нескольких часов. Другой еще более распространенный способ утрамбовки земляного покрытия — с помощью специального каменного цилиндрической формы катка, с которым работал сам хозяин.

Плоские земляные кровли сохранялись в городе долго. Во всяком случае, и в 1860-х годах в старой части Тбилиси их имелось немало. Плоские земляные кровли заменяли для жителей дворы, которых в старом Тбилиси, в сущности, не было. На крыше семья, соседи собирались для отдыха, девушки иной раз устраивали танцы, здесь общались в праздники или вечером в будние дни; летом на крыше спали. «Кому придет охота,— писал один

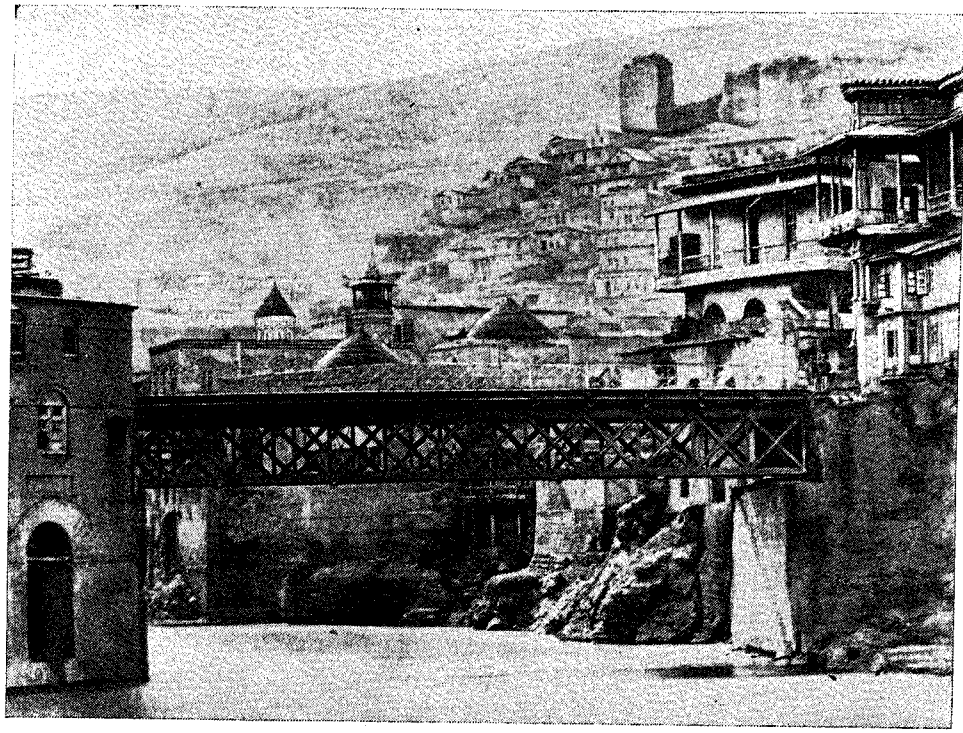


Рис. 12. АВЛАБАРСКИЙ МОСТ. Фотография Д. Ермакова. Конец XIX в.

из современников,— в лунную ночь побродить по переулкам Авлабара и Чугурет, тот может увидеть, как на плоских крышах сакель этих предместий спят туземцы, отбросив вместе с одеялом все предосторожности от простуды» [55]. О широком распространении в Тбилиси мицури сахли позволяют судить и некоторые архивные материалы. Поселившиеся в начале прошлого века в Авлабаре и Гаретубани армянские крестьяне построили именно такой тип жилища. На Авлабаре 281 семья переселенцев устроила 281 «землянку», поселившиеся на Гаретубани 110 семей армян, как отмечается в документе, построили 110 «землянок» [56].

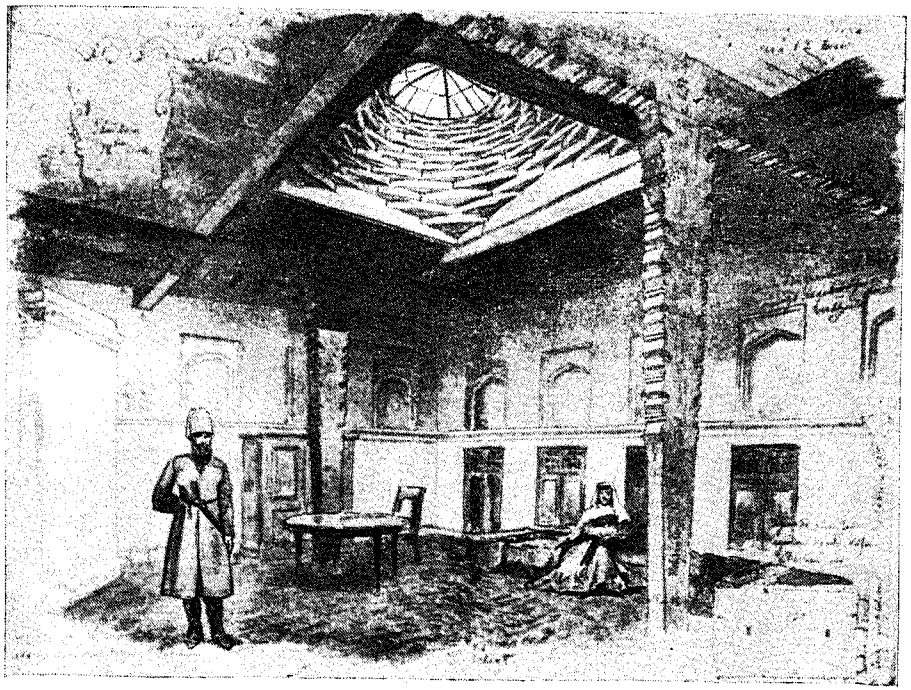
О характере традиционной застройки в Тбилиси в первые десятилетия XIX в. дают представления другие материалы. В одном из документов — прошении тбилисского гражданина Татуга Парсегова от 3 февраля 1862 г. говорится следующее: «С давних времен имею я в 3 части г. Тифлиса, на Авлабаре, каменный одноэтажный дом с землей, служащей двором, купленный предками моими по купчей крепости, писанной от 18 июня 1800 года от Лорели Ростомашвили, и покупка утверждена за предками же моими царицей Мариам...» Как выясняется из документа далее, часть данного земельного участка власти решили передать другому лицу. В связи с этим Татуга Парсегов писал, что «отнятие у меня, бедного старика, этой земли поставит меня с семейством в бедственное положение, ибо, оставивши дом

без двора, невозможно будет жить в нем, и я вынужден буду оставить его вовсе и жить с семейством в чужих домах по найму». Дом Парсегова на Авлабаре, как он описан в документах, представлял один из характерных типов тбилисского жилища того времени. Передняя стена его была сложена из сырцового кирпича, остальные три стены являлись стенами соседних домов; дом имел плоскую земляную кровлю [57].

Приведенные документы важны точной датировкой изложенных в них фактов: 1800 г. датируется получение участка земли на Авлабаре предками Парсегова и строительство на нем дома, сохранившего до 1862 г. свой изначальный вид. Во многом такое жилище повторяло рассмотренные мицури сахли, и все-таки характер его устройства был несколько иным. Главное отличие его состояло в том, что этот тип жилища представлял наземную постройку, кровля же, как и у мицури сахли, была плоской, с земляным настилом. Такой дом *(баниани сахли)* чаще всего строили из сырцового кирпича. Подобное жилище в XIX в. отмечено во многих кварталах Тбилиси и в его предместьях [58].

В связи с застройкой города в 1829—1830 гг. в первом квартале первой части местными властями были описаны имевшиеся здесь жилища. Как выясняется из документов, это были дома (в документах «грузинские сакли»), в которых жили казенные и церковные крестьяне. Большая часть таких домов имела одну — две, редко — три — четыре комнаты. Хозяйственные помещения в документах не обозначены. Возможно, что они не выделялись в жилище, а хозяйственные площади занимали часть жилой, как это всегда было в сельских жилищах такого типа, где, например, место для мелкого рогатого скота отделялось от жилой части плетеной перегородкой. В документе обозначено количество земли, занимаемой каждым из домов, что дает возможность представить размеры «землянок». Например, дом из одной комнаты имел в длину 4,5 «косовых сажен» [59], в поперечнике — 4 «косовых саженей»; дом из двух комнат — в длину 5,5 «косовых сажен», в поперечнике — 10 «косовых сажен»; дом в три комнаты занимал участок в 6 «косовых сажен» в длину и 7 косовых сажен в поперечнике и т. д. Как видим, площадь этих домов была невелика. В плане такое жилище приближалось к прямоугольнику или квадрату. В описанных домах не названо (за редким исключением) никаких других помещений, кроме комнат. В одном случае при доме обозначена лавка, в другом доме из четырех комнат, принадлежавшем, видимо, состоятельному казенному крестьянину, указана конюшня. Этот дом в длину имел 13 «косовых сажен», в поперечнике — 10 и был оценен в 300 руб. серебром, в отличие от большинства других, оцененных значительно дешевле (120—80 руб. серебром) [60].

Вновь поселявшиеся в Тбилиси крестьяне, не имевшие в городе земли, строили временные жилища из сырцового кирпича (скорее всего, баниани сахли), очень небольшие по размерам, площадью не более пяти квадратных сажен. Но по получении в собственность земельного участка они строили уже дома нового типа, возводимые по указанию местных властей по определенному плану. Таких прошений об отводе земель и разрешении построить дом в 1840-х годах встречается множество. Одно из них, казенного крестьянина Асатура Нарынова, содержит просьбу об отводе ему на Авлабаре земли, где он имеет временный из сырцового кирпича дом



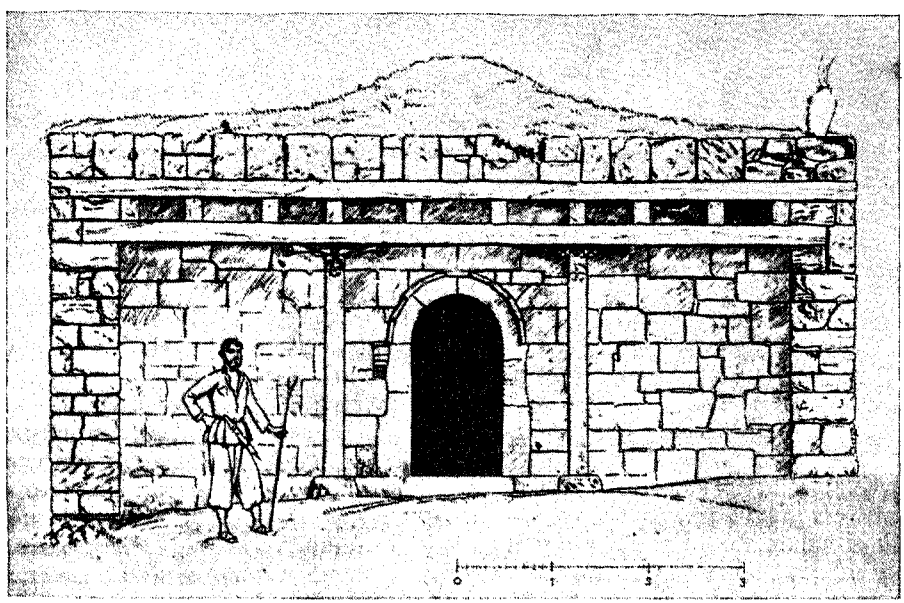


Рис. 13. ДАРГАЗИ: внутренний вид дарбази семьи Пораки швили. Рисунок К. Цаара. 1903 г. внешний вид дарбази в Дигоми. Рисунок С. Северова. 1920-е годы.

размером не более 5 кв. сажен, выстроенный на пустопорожней казенной земле. Асатур Нарынов, как он пишет, по переселении в Тбилиси был причислен к городу, но не имел никакой земли для жительства со своим семейством. Поэтому он обращается к властям с просьбой об отводе ему земли на Авлабаре, необходимой для постройки дома. В деле имеется план участка и обозначены находящиеся на нем постройки: конюшня крестьянина Ковалева; дом с двором армянского священника Тер-Казарова; пустопорожние казенные земли, просимые Асатуром под постройку; земля мокалака, «на коей существует ему принадлежащая землянка»; еще земля мокалаков Ишкановых, на которой «слесарня линейного батальона»; место со строениями авлабарских жителей Казахеловых и т. п. Асатуру Нарынову для постройки дома был предоставлен другой участок, также на Авлабаре [61].

Борьба местной администрации против строительства в Тбилиси мицури сахли началась буквально в первое десятилетие XIX в. В постановлении 1810 г. говорилось: «Не строить домов в земле, но на горизонте оной, чрез что не будет безобразия и здоровье для жизни обывателей; принудить жителей негодные сакли перенести и построить по плану города...; при раздаче мест новых отводить столько, чтобы между домами были сады или дворы, как для безопасности, так и для лучшего воздуха, и притом наблюдать, чтобы во всяком доме были устроены нужные места» [62]. Однако еще в 1820-х годах властям приходилось издавать аналогичные указы о запрещении строительства в Тбилиси мицури сахли с плоскими кровлями. Но это касалось старой части города. В новой же уже в первое десятилетие XIX в. быстро начали появляться дома европейской архитектуры различных стилей: позднего «русского» классицизма, «русского» ампира и др. Такими домами застраивались Головинский проспект, Эриванская площадь, Михайловская улица. В стиле «русского классицизма», например, в начале XIX в. был выстроен дом Мирзоева (угол улиц Судебной и Давидовской). Правда, к началу 1830-х годов частных домов, выстроенных в «европейском» стиле, было еще очень немного, и среди них преобладали главным образом казенные заведения (штаб, Армянское училище, Тифлисская гимназия и др.). Но все-таки новые дома строили и коренные жители, например богатые купцы, торговавшие с Западной Европой и начинавшие, по выражению современников, «применяться к европейскому образу жизни»[63].

В процессе развития тбилисского жилища баниани сахли и мицури сахли все больше теряли связь с традиционными формами. Плоская земляная кровля заменялась двускатной (в источниках ее называют шатровой), появились чердаки, дом стал двухэтажным, в нем обязателен был камин, увеличились размеры окон, в которые со временем стали вставлять стекло, появились деревянные полы. В таких домах стали делать крытую галерею, ставшую важным элементом нового дома. В качестве основного покрытия кровли стали использовать преимущественно черепицу. В небольшом числе такие дома появились еще в конце XVIII в. В 70-х годах XVIII в. их отметил Гюльденштедт. Это были наземные кирпичные постройки на глиняном растворе, около 15 футов высотой, еще сохранявшие плоскую кровлю; в комнатах были камины, окна, заклеенные промасленной бумагой [64].

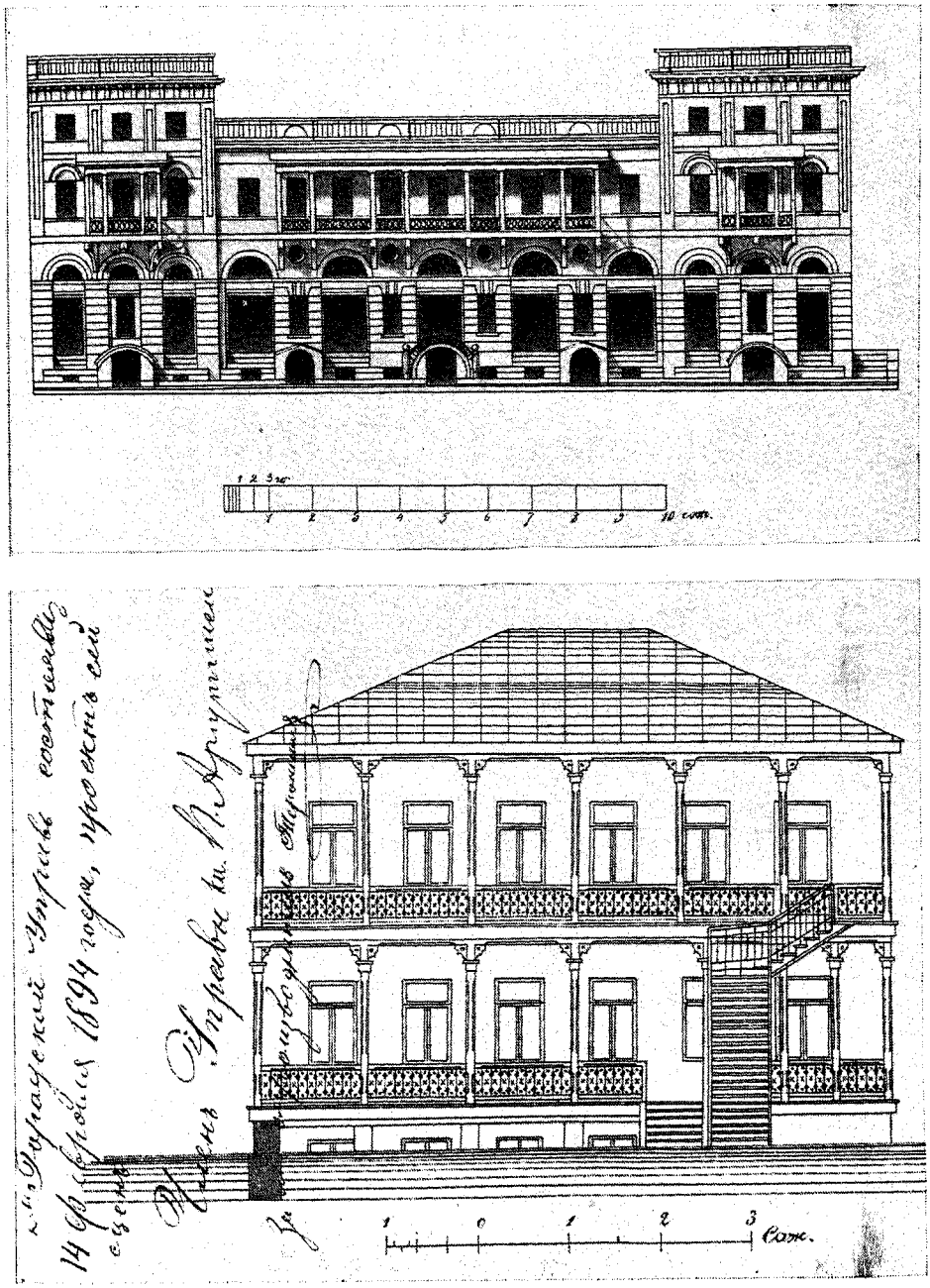


Рис. 14. ФАСАДЫ НОВОЙ ЗАСТРОЙКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Дом с галереей и с плоской земляной кровлей, по воспоминаниям бытописателей первой половины XIX в., представлял следующее. От небольших ворот до самого дома тянулась крытая очень низкая галерея-коридор, по которой можно было пройти, лишь несколько пригнувшись. Передней в доме не было, и, отворив дверь (она завешивалась войлоком), посетитель сразу попадал в жилую, очень большую, часто единственную комнату. Комната имела земляной или кирпичный пол, пристенный камин, в стенах — шкафы цало, вдоль стен тянулись тахты, покрытые коврами. Под домом находился подвал для хранения разных продуктов, а летом также воды. При доме имелся небольшой двор, иногда выложенный булыжником, со стороны улицы вся усадьба огораживалась забором. Ворота всегда были деревянные, двустворчатые, вместо звонка — молоточек [65].

Со временем над «землянкой» стали надстраивать второй этаж, который становился жилым, первый же предназначался для хозяйственных нужд. На втором этаже пристраивали крытую галерею, к которой перешли некоторые социальные функции плоской кровли. Именно галерея стала основным местом отдыха членов семьи, пришедших в гости соседей и друзей. Хозяйственную функцию плоской кровли начал выполнять появившийся чердак: его использовали для сушки фруктов, бобов и в других хозяйственных целях.

Такой тип дома с галереей, с плоской, а затем с двускатной кровлей широко распространился в Тбилиси в первой половине XIX в. Его последующее развитие шло в направлении модернизации: возрастала этажность, увеличивались размеры окон, появилось оконное стекло вместо промасленной бумаги и деревянных решеток, возросло число помещений в доме, изменился интерьер (появилась мебель «европейского» типа) и т. д.

Трансформация мицури сахли и баниани сахли в дом с галереей дает пример удачного сочетания традиций и новаций. Подобные жилища, например по описаниям 1830-х годов, представляли постройки в один-три этажа, сделанные из кирпича или камня, с плоской земляной кровлей или с двускатной кровлей с черепичным покрытием, с легкой галереей, которая опоясывала дом по второму этажу. Дом имел множество дверей и застекленных окон; интерьер во многом сохранял традиционность, т. е. не был еще загружен мебелью: в комнате были камин, тахта, ковры, мутаки, в стенах — шкафы цало. Однако в интерьере уже появились и новые элементы, как, например, стенная печь, которую устраивали на втором этаже; на первом же сохранялся камин [66].

В большинстве строившихся в Тбилиси в первой половине XIX в. домов предусматривалась галерея, иногда даже две: одна с фасада, другая вдоль комнат со стороны двора. Большинство галерей делали с арками, навес поддерживали тонкие колонны, галерею опоясывали перила. Все деревянные части галереи обычно украшались резьбой и окрашивались в приятные тона: голубой, золотистый, зеленый и др. Галерея играла настолько важную роль в жизни тбилисцев, что ее площадь нередко превышала площадь комнат [67]. Галерея была, по выражению Евлахова, «непременной принадлежностью каждого порядочного дома в Тифлисе». Она, особенно вечером, становилась местом отдыха семьи, и прежде всего женщин, наблюдавших отсюда за жизнью улицы. Галерея, кроме того, выполняла еще одну очень важную функцию: защищая комнаты от прямых

лучей солнца, она тем самым несколько смягчала летнюю жару. Галереи и в дальнейшем составляли примечательную особенность нового, полутрадиционного дома. Само жилище в течение XIX в. постоянно модернизировалось. Оно стало многокомнатным, причем комнаты в нем располагались анфиладой; вход был с галереи, а деревянная лестница находилась с наружной стороны дома. Со стороны двора дом имел еще одну галерею и деревянную лестницу. Хотя такие дома стали появляться в Тбилиси с 40-х годов XIX в., эпизодически они были известны уже в начале века. Таков был, например, дом царевича Давида, выстроенный в Гаретубани в 1801—1802 гг. Жилые комнаты в нем располагались анфиладой, с фасада находилась галерея [68].

Во вновь строившихся полутрадиционных жилищах обращает внимание еще одна особенность — это большая площадь, занимаемая окнами и дверьми. По описаниям современников, такие дома имели вид каменной постройки с множеством окон и дверей, как бы прорезывавших стены дома и занимавших большую площадь.

В течение первой половины XIX в. дарбази довольно быстро исчезло из городского быта. Известны лишь редкие факты постройки такого типа жилища в некоторых предместьях города, например в Дигоми. Эти дарбази были просты по конструкции, имели одно помещение, наполовину углубленное в землю [69]. В новых условиях дарбази больше воспринималось как остаток «любезной старины», как олицетворение своей исконной культуры, но реальная необходимость в таком жилище в сущности уже отпала. Его огромная площадь, столь необходимая для большого семейного коллектива, естественно, уже была не нужна малочисленной семье. В Тбилиси в XIX в. преобладала немногочисленная двухпоколенная семья. Мигранты же, переселявшиеся нередко без семей, зачастую были не в состоянии обеспечить себя самым простейшим жилищем, каким для них на первых порах становилась «землянка» мицури сахли.

Особенности застройки города в 1840-х годах отражают некоторые архивные материалы, в частности отчеты «Комиссии для разграничения и устройства предместий Тифлиса» за 1860-е годы, а также многочисленные прошения разных лиц о постройке новых домов, подписанные архитекторами, без визы которых фасады зданий не утверждались. За 1861 г., например, были утверждены следующие прошения: казенного крестьянина-грузина на постройку каменного двухэтажного дома на Авлабаре, церковных крестьян — трех братьев-грузин на постройку каменного в один этаж, с подвалом дома на Авлабаре против Николаевской церкви, казенных крестьян — четырех братьев-армян на постройку двух каменных двухэтажных флигелей на Авлабаре, «тифлисского гражданина» на постройку двухэтажного каменного дома в Куках, молоканина на постройку каменного одноэтажного дома в Молоканской слободке и др.[70]

Из приведенных документальных материалов видно, что строились одно-двухэтажные дома, каменные, иногда с подвалом. Строительство было довольно активным. Из 25 рассмотренных администрацией только за несколько месяцев 1861 г. заявлений к постройке были утверждены следующие дома (все каменные): одноэтажных — 14, в полтора этажа — 2, остальные в два этажа; пять домов из 25 имели подвалы. В дальнейшем, как удается проследить по документальным данным, дом с подвалом стал

преобладающим вариантом постройки. Редкий дом имел отдельную кухню. Надворный советник Яков Караев, например, в предместье Новые Куки строил каменный одноэтажный дом и «при нем кухня». Иногда при домах устраивали лавки. Таким был каменный двухэтажный дом, имевший и подвалы, принадлежавший титулярному советнику Александру Исарлову в предместье Куки. В новых районах некоторые дома имели дворы, которые огораживались забором [71].

Многие из вновь возводимых домов строились на Авлабаре. Только из 25 домов, рассмотренных в документе за 1861 г., на Авлабаре было выстроено 15, в Куках — 8 (в том числе три в Новых Куках), один — в Навтлуге, один — в немецкой колонии. Таким образом, приведенный материал дает основание утверждать, что однотипные дома возводились в Тбилиси лицами разной этнической и социальной принадлежности, различия проявлялись лишь в размерах постройки.

Сохранившиеся в архивах планы строившихся в пореформенное время «европейских» домов дают возможность составить о них представление. Это были одно-двух-трехэтажные каменные или кирпичные дома, с подвалом, галереями, двускатной кровлей (преимущественно черепичной), с большим числом помещений и окон. Приведем несколько конкретных примеров, относящихся к застройке 1865 г. План (фасад и разрез) постройки двухэтажного дома «на собственной земле вдовы, тифлисской гражданки Наталии Аствадцатуровой, состоящей в 1 части... Тифлиса по Нагорной улице». Рядом с ее домом находились дома двух мокалаков и двух граждан города. Подпись владелицы под планом по-грузински. Дом двухэтажный кирпичный; помещение нижнего этажа имеет 6 окон, вход украшен аркой; на втором этаже 8 окон. В доме два балкона — на первом и втором этажах в торцевой стене; кровля двускатная. Второй этаж по фасаду украшен различными архитектурными деталями. По плану второго этажа (плана первого этажа в деле нет) в нем находилось 9 помещений. Другой дом — трехэтажный, каменный, с подвалом — «тифлисского гражданина Исаака Амирбекова на собственной земле, состоящей в 4 части 2 квартала Тифлиса... на Михайловской улице внутри двора». По фасаду на каждом из этажей дом имел пять окон и крытую галерею, опиравшуюся на пять столбов; кровля двускатная. Второй и третий этажи, планы которых имеются в деле, имели по два помещения [72].

Каменный двухэтажный дом с подвалом строил «тифлисский житель Арутин Акопов на церковной земле в первой части г. Тифлиса на Лабораторной улице». Нижний этаж украшали арки и колонны; на втором этаже по фасаду — четыре окна, по всему фасаду устроена крытая галерея; кровля двускатная. Примером наиболее богатых построек этого времени может служить трехэтажный каменный дом губернского секретаря Мирзы Мустафы Ахундова «на собственной земле во 2 части 4 квартала г. Тифлиса по Воронцовскому и Глухому переулкам». Окна второго и третьего этажей оформлены арками, дом обильно украшен различными архитектурными деталями [73].

Вообще трехэтажные каменные дома с подвалами в среде состоятельной части горожан были нередки. Фасады всех трех этажей имели галереи, множество окон, кровля была двускатной под черепицей, обязательно была ограда с воротами [74].

Менее состоятельные жители Тбилиси, как отмечалось, нередко надстраивали новый дом над старой традиционной «землянкой». Один из примеров такого соединения традиционного и нового дает постройка (1865 г.) Алексея Минадзева на Второй Нагорной улице. В нижнем этаже, т. е. в старом доме («сакля» в документе), имелось одно помещение; в верхнем — два помещения, с фасада была пристроена галерея, по фасаду шли три окна. Внизу с фасада был сделан вход, по бокам которого, как в традиционном мицури сахли, имелось по одному окну.

В архивах сохранилось множество прошений мигрантов, причисленных к городу, об отводе им земли для постройки дома. Одно из таких прошений относится к 1840 г. Прапорщик Абамеликов обращается к властям с просьбой об отводе ему участка земли в Куках. «Не имея в городе Тифлисе ни собственного дома, ни пустопорожнего места для постройки, где бы я мог поселиться с семейством, я желаю на казенной пустопорожней земле, состоящей в предместии Куках... по улице Немецкой колонии выстроить по фасаду двухэтажный каменный дом с флигелями, который будет служить к большому украшению города». В случае сноса бывших в том районе «землянок» Абамеликов был готов оплатить эти строения по установленной оценщиком стоимости. В этих местах, как видно из документа, в «землянках» жили церковный крестьянин Гогия Китуашвили, крестьяне князя Туманова (рядом жили четыре брата), церковный крестьянин Игнатий Храмслишвили и еще ряд семей церковных и казенных крестьян. Все они в свою очередь обратились к властям за разрешением построить новые дома на месте сносимых землянок [75].

Насколько быстро застраивался город новыми домами, говорят, в частности, следующие данные. В 1846 г., например, в нем было построено 40 каменных зданий, в 1847 г.— 34 каменных дома, в том числе 17 двухэтажных, в 1848 г. было построено 45 домов и лавок [76].

Частично новые жилища строились под давлением городских властей. «Комитет о приведении г. Тифлиса в лучшее устройство» в представлениях на имя тбилисского военного губернатора Стрекалова неоднократно отмечал наличие в Тбилиси «множества ветхих саклей» [77]. Многочисленные случаи обвалов таких обветшалых жилищ нередко приводили к гибели целых семей. Комитет указывал городской полиции осматривать ветхие строения и грозящие разрушением немедленно сносить. Комиссия обеспечивала владельца снесенного жилища чертежами нового дома, оплачивала по оценке стоимость старого жилища [78].

Несмотря на интенсивную застройку, в городе еще имелось немало ветхих, в том числе с земляной кровлей, домов. В 1890-х годах местные газеты писали, что беспрерывные дожди наделали немало бед в городе, особенно владельцам домов с земляной кровлей, которых еще много в «азиатской» части города, на Авлабаре, на Вере. О случаях обвала старых ветхих домов неоднократно сообщалось в отчетах тбилисского губернатора. В одном из отчетов за 1894 г. сообщалось о ряде обвалов, например дома князя Орбелиани, дома у Михайловского моста, в котором помещалась портняжная мастерская местного офицерского экономического общества, флигеля с сараем на Песковской улице. «В предупреждение подобных случаев обвалов,— отмечено в отчете,— уже отживших свой век строений наряду с существованием в городе значительного числа вообще ветхих

старинных построек приняты энергичные меры и усилен технический надзор» [79].

Снос старых, ветхих домов начался в Тбилиси еще в 30-е годы XIX в. и происходил постоянно. За выполнением таких акций следила городская полиция. В прошении, направленном в Комитет по устройству г. Тбилиси казенным крестьянином Петрусом Тер-Арутиновым 23 апреля 1835 г., говорится: «Квартальный надзиратель Шаншиев объявил мне, чтоб я непременно приступил ныне же к разламыванию старого дома по случаю совершенной ветхости оного, состоящего в 1 части в 2 квартале. Почему покорнейше прошу оный Комитет выдать мне на постройку нового дома об одном этаже с погребом фаса (фасада.— *Авт.*)». В 80-х годах газета «Кавказ» неоднократно обращала внимание на аварийное состояние строений в Винном ряду, который в те годы представлял «вид какой-то руины. Находящиеся по обеим сторонам его дома с лавками старинной постройки и даже с плоскими крышами пришли в негодность и грозят рухнуть» [80].

В Сололаках и Колючей балке находились дома беднейшей части населения из отставных нижних чинов и разного рабочего люда. Сильное наводнение, последовавшее в ночь с 28 на 29 августа 1857 г. в результате грозы и небывалого ливня и града, принесло немало бед жителям этого района. Были уничтожены до основания несколько домов, хозяйственных служб, сады, унесено имущество, погибли 18 человек [81].

Для строительства новых домов в Тбилиси использовали камень или плоский традиционный грузинский кирпич; для скрепления применяли различные растворы: глину, гажу, цемент. Со временем вместо плоского кирпича начали использовать обычный кирпич, производство которого было налажено в городе. Поверхность домов покрывали раствором и гажей и ярко окрашивали. К улице дом (чаще двухэтажный) всегда стоял фасадом, который в первой половине XIX в. обычно был решен в стиле позднего «русского» классицизма: имел три массивные колонны, окна и двери обрамлялись небольшими арками. Большинство домов в пореформенное время имело сводчатые подвалы. В них хранили разнообразные домашние предметы и запасы продуктов, летом сохраняли в прохладе запасы воды. В иное время подвалы, как вспоминают бытописатели, служили даже убежищем от зноя. В подвалах устраивали также ледники, которые зимой заполняли льдом. Хозяйственные помещения размещались в торце дома, обращенном во двор. Кроме того, иногда хозяйственные помещения располагались во дворе, хотя усадьбы в черте города (даже в его новой части) были невелики. Но все-таки большинство домов имели фруктовые сады, огороды, небольшие дворы, в которых хозяева устраивали конюшни, сараи, «буйволятники» — помещения для крупного рогатого скота; иногда во дворах строили кухни, двух- и даже трехэтажные флигели. Вся усадьба обносилась досчатым или кирпичным забором с воротами. В 1848 г. жителями Тбилиси было построено 11 одноэтажных и 25 двухэтажных домов, в 1849 г.— 10 одноэтажных и 10 двухэтажных. Все дома были только каменные, число окон по фасаду составляло от трех до семи [82].

Эта же строительная традиция прослеживается в Тбилиси в пореформенное время. Многочисленные объявления 70—80-х годов о распродаже домов дают некоторый материал для характеристики дома и усадьбы

тбилисцев в эти годы. Дома были каменные, в один-, два-, три- и даже четыре этажа, с подвальными помещениями на сводах, в некоторых имелись ледники. При домах устраивались «огородные места», сад «виноградно-фруктовый», на земельных участках во дворах нередко размещались двухтрехэтажные флигели (иногда с мезонином), досчатые сараи, конюшни, пекарни (тонэ), колодцы, иногда «буйволятники». Например, некий А. С. Бурдулов продавал одноэтажный каменный дом с мезонином, два «буйволятника» и участок земли в 60 кв. сажен; при доме был духан. Георгий и Соломон Шабуровы продавали двухэтажный дом с подвалом, трехэтажный флигель, пекарню, конюшню и сад с землей в 714 кв. сажен, «виноградный сад» с марани и землей (63 сажени длины и 10 сажен ширины). При домах бывали лавки [83].

В пореформенное время новый дом с галереей занял ведущее место в домостроительстве в Тбилиси. Только в 1864 г. в городе было построено 113 новых каменных частных домов с галереями, что почти втрое превышало данные за 1863 г. Всего же в 1864 г. в Тбилиси было около 9 тыс. каменных жилых домов (лишь 72 деревянных). В начале XX в. в городе начали строить доходные дома — нередко четырехэтажные каменные, квартиры в которых сдавали в наем. Хотя специальные доходные дома появились в Тбилиси примерно к концу XIX в., факты найма квартир известны гораздо раньше — в первой половине XIX в. Местные газеты второй половины XIX — начала XX в. полны объявлений о сдаче домов и отдельных квартир в наем. В качестве примера приведем одно из таких объявлений в газете «Кавказ» за 1875 г. В наем отдавался дом на Садовой улице, в котором было «10 чистых комнат (т. е. помещений для хозяев.— *Авт.*), 4 «людских», подвалы, пурнэ, большой двор с «полусадиком, постоянная речная вода для питья» [84].

Обстановка в традиционном доме тбилисца — ремесленника, мелкого торговца — в первой трети XIX в. мало в чем отличалась от таковой в сельском доме: широкая низкая деревянная тахта около одной из стен заменяла стол, кровать, диван. На ней, поджав ноги, сидели, отдыхали члены семьи, женщины делали домашние работы, здесь же спали, а накрыв часть тахты скатертью — обедали. Зимой на тахте устраивали отопительное сооружение *кюрси*, вокруг которого в холодное время года грелась семья. В более состоятельных домах имелась иная, кроме тахты, мебель: низкие скамеечки, маленькие низкие столики для трапезы *(супра)*. Традиционной мебелью в богатых дарбази были деревянные, нередко резные диваны, трехногие резные кресла для старшего, покрытые резьбой лари *(кидобани)* для хранения зерна и иных продуктов; в комнате стояли большие кувшины для воды, плетеные корзины для хранения продуктов. Обязательной принадлежностью традиционного жилища (за исключением самых бедных семей) были ковры, которые покрывали тахту; на пол клали войлок, а затем ковер, в менее состоятельных семьях пол покрывали только войлоком. На тахте во множестве лежали подушки и мутаки (подушки цилиндрической формы, набитые шерстью). В каждом доме была традиционная деревянная колыбель *(аквани)*. В некоторых домах на стенах висели картины, выполненные маслом,— «произведения здешних природных живописцев, коих искусство наследственно передается от отца к сыну», а также лубочные гравюры [85].

С распространением к середине XIX в. «европейской» мебели в домах тбилисцев появились шкафы, комоды, диваны, столы, в том числе ломберные, стулья, канапе, шифоньеры, комнатные зеркала, «русские» сундуки из белой жести, астраханские сундуки. С распространением в Тбилиси домов нового типа, имевших застекленные окна, в быт вошли занавеси. Но традиционная мебель все-таки сохранялась. Это были деревянные сундуки, в которых хранили одежду, в частности приданое девушки, ящики для рукоделия, «шкафчики для хранения хлеба». В. Верещагин, побывавший в Тбилиси в начале 1860-х годов, пишет о традиционном трехногом резном кресле для главы семьи, которое было у него в квартире. Однако, эпизодически сохранившись в качестве элемента обстановки тбилисского дома, кресло для старшего уже безвозвратно утеряло свою главную социальную функцию как место главы большой семьи. Долгое время в быту сохранялась также традиционная тахта, в бедных семьях и в начале XX в. нередко бывшая основным элементом домашней обстановки [86]. Вся традиционная мебель — тахта, скамеечки, столик *супра* — была низкой. По мнению Л. Сумбадзе, это было вполне рационально. В жилищах с открытым очагом — мангал, кюрси и т. д., где часть дыма оставалась в помещении, люди, стараясь уберечь глаза от дыма, располагались ближе к уровню пола. Отсюда, по выражению Л. Сумбадзе, возникал «пониженный горизонт бытовой деятельности местного населения» [87].

Интенсивный процесс европеизации бытовой культуры тбилисцев отразился и на внутреннем убранстве жилища, хотя главным образом в более состоятельных семьях. Во всяком случае, в списках имущества, погибшего при наводнении 1857 г., назван целый ряд нетрадиционных вещей в составе костюма армян и грузин, но ни одной нетрадиционной вещи из мебели. Лишь в русских семьях названа мебель «европейского» типа, сделанная из сосны. В одной семье это два стола, две кровати, три стула, стенное зеркало, в другой семье — два шкафа, комод, диван, стол, три стула. В наиболее состоятельных тбилисских домах «европейская» мебель начала заменять традиционную еще в 1830-х годах. Вместо тахты появились канапе, кресла, стулья, комнаты украсились бронзовыми люстрами, часами. Но все-таки это были единичные примеры. В основном проникновение европейской мебели началось несколько позже. Лишь в пореформенное время в домах стали появляться диваны, высокие столы, комоды [88].

К началу XX в. нетрадиционная мебель полностью вытеснила традиционную. Комнаты обставлялись венскими стульями, комодами, фанерованными шкафами, «высокими» столами разных размеров, кушетками. В этом плане интересны списки погибшего при ливнях имущества, датированные 1910 г. Например, в семье Тер-Геворкяна в одной комнате имелись стол, венские стулья, табуретка, в спальне — фанерованная мебель, ковры; ковер был также в другой комнате, где стояла люлька, фанерованный комод, посудный шкаф, раскладной стол, 6 венских стульев, круглый малый стол, швейная машинка «зингер», столовая лампа под абажуром, «европейская корзинка» для складывания белья. В грузинской семье в списке названы «гардеробный шкаф», фанерованный комод, посудный шкаф, круглый стол, венский стул, кушетка обитая, туалетный стол, 3 табуретки, корзина «европейская» для белья, этажерка с книгами, стенное зеркало, 4 шерстяных матраса, пуховые подушки, 4 одеяла на вате,

постельное белье. В армянской семье в списке погибших вещей перечислены ковер, стол перед диваном, обеденный стол, шкаф, комод, железная кровать, посудный шкаф с посудой, книги русских и армянских авторов, утюги, ковры, три круглых чайных столика, кушетка с покрывалом, комод ореховый, шкаф, шкаф простой для посуды, подушки пуховые. Таким образом, даже приведенные материалы показывают, что обстановка жилища в конце XIX — начале XX в. приняла европейский характер. Однако при этом в быту устойчиво сохранялись некоторые традиционные предметы — ковры, люльки, мутаки и др.[89]

В каждом доме помимо мебели имелись различные постельные принадлежности — перины, перьевые тюфяки, хлопчатобумажные одеяла. По спискам погибших вещей во время наводнения 1857 г. это простыни, пуховые подушки, наволочки коленкоровые, узлы вышитые шелковые и коленкоровые, в которых хранились различные носильные вещи (таковых в доме бывало по несколько штук). Имущество русской семьи включало ситцевые одеяла, простыни, шерстяные тюфяки, холщовые простыни, перьевые подушки, ситцевые наволочки [90].

Отопительная система в домах тбилисцев была различной. В дарбази устраивали пристенный камин *бухари* (редко открытый очаг *кера*). Камин строили из кирпича, верхняя часть его была выполнена в виде арки. Чаще всего бухари размещали в задней половине помещения у боковой стены. Кера располагался в центре дарбази или мицури сахли под свето-дымовым отверстием *эрдо*. Для устройства кера в земляном полу делали небольшое углубление, в которое клали каменную плиту. На ней устанавливали специальную металлическую подставку для дров. Над очагом свешивалась надочажная цепь (ее закрепляли на потолочной балке) для подвешивания медного котла, в котором готовили пищу [91]. Кроме кера и бухари было широко распространено переносное отопительное устройство *мангал (манкана, макали)*. В состоятельных домах это была медная, обычно фигурная жаровня, у бедных роль мангала выполняла простая глиняная чаша, которую наполняли горящими углями. В холодное время года погреться у мангала собиралась вся семья. Мангал был также обязательной принадлежностью любой мастерской и лавки, где жар мангала не только обогревал, но на нем готовили шашлык, мангал служил также горном для плавки в мастерской «серебряка» [92].

Кроме мангала, в любом тбилисском доме имелось кюрси [93] — особое сооружение для обогрева в холодное время года. Его устраивали в виде большого деревянного ящика, в который ставили горящий мангал. Все сооружение покрывали одеялами и паласами. В зимнее время кюрси ставили на тахту, вокруг садилась семья, причем ноги прятались под одеяла. К началу XX в. в домах тбилисцев появились керосинки. Однако в бедных семьях нередки были мангалы, по-прежнему топившиеся углем. В 1880-х годах в некоторых домах для отопления и приготовления пищи стали использовать железные печи. Отапливали древесным углем, дровами, а в пореформенное время — и нефтью. Особенно много потребляли тбилисцы дров и угля. Только за 1864 г., например, было использовано 140 тыс. вьюков угля и 40 тыс. саженей дров [94].

В первой половине XIX в. жилище тбилисца освещали сальные, реже стеариновые свечи, ставившиеся в подсвечники. В бедных домах для

освещения использовали плошки, в которых горело сало, а позднее — нефть. В пореформенное время основным топливом для освещения стал фотоген (фотонафтил) — особая жидкость, добываемая из нефти. Однако свечи по-прежнему имели широкое применение. Только за 1865 г. тбилисцами для освещения было использовано до 10 тыс. пудов стеариновых и до 25 пудов сальных свечей, до 10 тыс. пудов фотонафтила. Постепенно в быт стал входить керосин, который использовали для освещения в керосиновой лампе и в керосинках для приготовления пищи. К 1880-м годам относятся первые попытки газового освещения. Правда, в те годы оно еще не получило широкого распространения и его использование ограничивалось лишь официальными городскими учреждениями. Газовое освещение было устроено, например, в Тифлисской городской думе. В эти же годы в городе появилось электрическое освещение, сеть которого, однако, охватывала лишь состоятельные дома и кварталы. В жилищах бедняков для освещения и в начале XX в. нередко использовали фотоген [95].

Одежда горожан

Одежда оказалась той сферой бытовой культуры тбилисцев, которая на протяжении XIX столетия претерпела весьма значительные изменения. Основная направленность этих изменений — европеизация костюма, постепенное вытеснение его традиционных комплексов общеевропейскими стандартами того времени. Этот процесс, растянувшийся более чем на столетие, не был однолинейным. В разных этнических, половозрастных, социальных и профессиональных группах населения он протекал по-разному, с разной степенью быстроты и интенсивности. С описания традиционной одежды жителей Тбилиси, фиксируемой за исследуемый период, мы и начнем настоящий раздел.

В начале XIX в. в городе было довольно много мастерских, занимавшихся производством тканей, так что потребность в материале для пошива одежды частично удовлетворялась тбилисскими ткачами. В то же время уже в первые десятилетия века в довольно значительном объеме ткани импортировались. Из Персии ввозили шелк, атлас, парчу, коленкор, бархат; из России — ситцы, чесучу, шелковые и шерстяные ткани, бархат; из Западной Европы — шелк, ситцы; из Индии — шелк. Всего в Тбилиси ввозилось более 20 видов различных тканей. На тбилисские базары поступали также ткани из менее отдаленных мест, в частности из Дагестана, откуда привозили так называемые лезгинские сукна, находившие применение при изготовлении мужской верхней одежды. С Востока доставляли тонкий сафьян, который шел на изготовление дорогой обуви [96].

Что же касается пошива одежды, то он был практически полностью сосредоточен в самом городе. Насчитывалось несколько десятков амкарств, ориентированных исключительно на изготовление традиционного костюма. С распространением в Тбилиси европейских стандартов одежды число амкарских специализаций еще более возросло. Среди портных, в частности, появились мастера по изготовлению «европейской» одежды; другая часть амкаров продолжала работать по пошиву грузинского и «азиатского» платья. Такое же деление было и среди мастеров обуви, часть которых специализировалась только на традиционной грузинской обуви [97].

Рис. 15. ГРУЗИНКА В ТРАДИЦИОННОМ ПОКРЫВАЛЕ «ЧАДРИ».
Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы.

Одежду не только шили, но также привозили на продажу готовой, как, например, дагестанцы, которые поставляли в Тбилиси бурки, шерстяные чохи (черкески), овчинные папахи, обувь. Некоторые виды традиционной обуви (в документах она названа «турецкой») ввозили греки и армяне из Турции, из Цалки и из г. Ахалцихе (Южная Грузия), из г. Александро-

поля (совр. Ленинакан). Традиционной женской одеждой (за исключением некоторых видов обуви) на базарах не торговали, поэтому ее либо изготовляли в домашних условиях, либо шили на заказ у специальных мастериц. Мастерам заказывали также детали головного убора. В дореформенный период только европейский женский костюм являлся предметом торговли в специальных магазинах [98].

Полиэтничность города получила зримое отражение в традиционной одежде тбилисцев. Определяющее влияние на специфику традиционного костюма грузинской части городского населения оказала географическая расположенность Тбилиси в срединной части Картли. Основу грузинского населения города составили картлийцы, так как именно из Картли вытекал основной миграционный поток, пополнявший грузинскую общину города. С картлийской сельской культурой сохранялись тесные связи горожан и в дальнейшем, поэтому неудивительно, что среди тбилисцев-грузин получил распространение картлийский вариант общегрузинского костюма. В первые три десятилетия XIX в. он был практически идентичен сельскому.

Основными элементами одежды грузинок Тбилиси были рубаха, штаны, платье, верхняя одежда, головной убор, обувь. Нательная одежда состояла из длинной рубахи *(перанги)* с рукавами до запястий и длинных до щиколотки штанов *(шеидиши)*. Перанги и шеидиши, смотря по достатку, шили из холста, бумажной или шелковой ткани, коленкора и по возможности старались украсить. Грудь рубахи обычно вышивали, низ штанов расшивали шелком, золотыми нитками, отделывали галуном. Орнамент вышивки был, как правило, растительным, дополнительным элементом были изображения рыб и птиц.

В первой половине XIX в. грузинки носили также ахалухи — недлинную распашную одежду, которую, смотря по достатку, шили из шелка на шелковой подкладке или из ситца. Женщины привилегированных сословий имели ахалухи из дорогих привозных тканей — шелка и атласа ярко-красного, зеленого цветов, цвета «фиалки»; часто ахалух украшали каймой, расшитой золотыми нитками.

Платье (*картули каба*, букв. «грузинское платье») было длинным, сильно приталенным, с плотно облегающим лифом, который застегивался на скрытые крючки и петли. Лиф имел глубокий вырез, закрывавшийся шелковой вставкой (груз. *гулиспири*), обычно отличной по цвету от платья, нередко ярко-красной. Знатные грузинки имели гулиспири с золотым шитьем. Пояс (груз. *сарткели*) делали из шелковой ткани, бархата, шелковой или муаровой ленты; широкие концы пояса, богато расшитые золотом или шелком, спереди спускались почти до пола. Знатные грузинки носили златотканые пояса, из тончайшей белой или красной шерстяной ткани, из вышитого сафьяна. Длинные рукава картули каба были цельные, но прежде, по свидетельству О. Евецкого, их делали разрезными, немного сшивая лишь в верхней части. Под такой разрезной рукав обязательно надевали внутренний рукав (груз. *куртманджи*). Представительницы привилегированных сословий шили картули каба из дорогих, чаще привозных шелковых тканей, из атласа ярко-красного, желтого, белого, голубого, синего, зеленого цветов, цвета «бадриджан», т. е. «баклажан». Лиф платья отделывали бисером, золотой тесьмой, жемчугом.

Состоятельные женщины носили *катиби* — верхнюю одежду длиной до колен, которую шили из яркого бархата или шелка (красного, малинового, реже белого) на меховой или простеганной на вате шелковой подкладке. Катиби обязательно имела меховую опушку, рукава были разрезными. Катиби застегивалась на талии спереди на золотые или серебряные крючки. Кроме катиби, в гардероб представительниц привилегированного сословия входила шуба *(курки)* — выходная, более нарядная, и на каждый день. Шубы шили на дорогих мехах, покрывали чаще всего бархатом, украшали драгоценными камнями — красными яхонтами, бирюзой, жемчугом, рубинами.

Рис. 16. ГРУЗИНКА В ШУСТАКИ. Рисунок начала XIX в.

Предметом особой заботы тбилисских грузинок был головной убор *(тавхурва)*. Он состоял из картонного ободка *(чихта)* по размеру головы, обтянутого тканью, и тонкого валика из ваты *(копи)*, покрытого шелковой тканью. Головная повязка *(тавсакрави)* — узкая полоска из бархата, гладкого или расшитого шелком, золотом, серебром, жемчугом, белой шерстью с тиснением в виде листьев — прикреплялась к чихта. Под чихта особым образом надевали вуаль *(лечаки)*. Престижным считались лечаки из тончайшей марли, тюлевые, атласные, из блондовых кружев. Однако в дело шла и бумажная ткань, которую по краям обшивали кружевом. Молодые женщины носили также лечаки, вышитые золотыми и шелковыми нитями; в начале XIX в. были приняты не только белые, но и ярко-красные вуали. Старухи и женщины в трауре надевали лечаки без кружев. Один конец вуали свободно спускался по спине, закрывая косы, другим концом замужние женщины закрывали шею. Лечаки прикрепляли к валику специальной булавкой со стеклянными или жемчужными головками, а в центре головной повязки сверкала налобная драгоценная булавка [99].

Отдельные элементы тавхурва менялись очень быстро, буквально в течение двух-трех десятилетий. Так, в начале XIX в. грузинка носила не чихта, а довольно высокую шапочку *шустаки*, которую делали из нескольких слоев проклеенной бумаги или хлопчатобумажной ткани. Шустаки обвязывали головной повязкой тавсакрави. Поэтому в 1830-х годах чихта первоначально была довольно высока, но постепенно ее размеры уменьшились. Во второй половине XIX в. распространилась низкая чихта.

Выходя из дома, грузинки накидывали поверх головного убора шел-

Рис. 17. ГРУЗИНКИ В ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЕ. Фотографии второй половины XIX в.

ковый платок *(багдади)*, который, как и лечаки, прикрепляли к чихта налобной булавкой. Концы багдади под подбородком завязывали узлом. Богатые грузинки имели возможность приобрести головные платки дамасской работы. Наконец, завершающей деталью одежды тбилисской горожанки в первой половине XIX в. было большое коленкоровое покрывало белого цвета — *чадри (аджига)*, в которое женщина закутывалась с головы до ног, оставляя открытым только лицо, иногда — только глаза. Размеры чадри отражали социальные различия. У женщин из привилегированной верхушки оно обычно было больше, чем у представительниц низших социальных групп, что особенно наглядно проявлялось, когда госпожа и служанка шли рядом [100].

Необходимо отметить существование у грузинок специальной одежды для бани, состоявшей из рубашки без рукавов, халата, банной обуви *коши* (у состоятельных инкрустированной перламутром), покрывала *пута*, которое богатые делали из шелковой ткани в полоску или в клетку, а бедные обычно шили из хлопчатобумажной ткани.

Знатные женщины имели специальный костюм для верховой езды, в состав которого помимо платья и покрывала для головы входили украшенные драгоценными камнями сапоги, плащ от дождя из яркой, чаще красной ткани. К седлу полагалась вышитая подушка.

Женская обувь была довольно разнообразна. Горожанки носили *коши* — туфли на высоком каблуке с загнутым вверх носком, без задников (вероятно, персидское заимствование). Коши делали из яркого бархата, вышивали золотом. Принадлежностью гардероба более состоятельных женщин были *плости* — домашняя кожаная вышитая обувь. Бедные горожанки чаще носили своеобразные лапти из грубой кожи *(каламани)*. Всякая обувь надевалась с вязаными шерстяными, хлопчатобумажными или шелковыми носками *(циндеби)* [101].

Разнообразные были золотые украшения, любимые тбилисскими женщинами. Знатные и состоятельные грузинки носили ожерелья, кольца, серьги, браслеты, броши, кулоны, цепочки. Бывали целые гарнитуры золотых украшений, включавшие диадему, серьги, браслеты, пекторали. В их изготовлении мастера использовали бирюзу, изумруды, рубины, жемчуг, расписную эмаль (финифть). Из драгоценных камней, помимо названных, наиболее употребительны были яхонт, бриллианты. Широко приняты были четки из мелкого красного коралла, гишера, янтаря; для головных уборов использовали налобные булавки — золотые с жемчугом, рубинами, алмазами, обязательно носили небольшие нательные крестики, украшенные драгоценными камнями.

Традиционная прическа грузинки состояла из нескольких кос и коротких локонов *(кави)*, закрывавших виски; девушки носили только косы. Широко использовалась косметика. А. Негри, например, отмечал большое пристрастие грузинок к косметике, которые румянили лицо, красили брови. Об этой же традиции писал О. Евецкий: грузинки белили и румянили лицо, чернили брови и волосы; ногти, а часто и ладони красили хной. Интересно, что в 1830-е годы еще не исчез обычай раскрашивать лицо, видимо ранее широко бытовавший у грузин: женщины на щеках и лбу краской обозначали точки [102].

Костюм грузина-тбилисца в начале XIX в. состоял из нижней рубахи *(перанги)*, сшитой из ситца, шелка, холста, белого, синего, красного цветов, нижних штанов *(шеидиши)*, верхних широких штанов *(шарвали)*, сделанных чаще из черного ластика или сукна черного или гранатового цветов. Верхней довольно короткой одеждой служил архалук *(ахалухи)*, который шили из черного сатина или ластика, для зимы его делали стеганым на вате. Поверх ахалуха надевали чоху (черкеску). Ахалух имел стоячий ворот и на груди застегивался на мелкие пуговицы из шнура или на крючки. Поверх ахалуха надевали шерстяную чоху (ее шили преимущественно из тканей темных тонов) длиной ниже колен. На груди чоха имела большой вырез, оставлявший открытым ахалух. Спинка чохи была отрезной, от талии вниз шли бантовые складки; рукава были разрезными и застегивались только у запястья или их откидывали назад за спину. На груди по бокам располагались газырницы — специальные карманчики для газырей. Со временем газырницы стали чисто декоративным элементом мужской одежды. Во время работы, трапезы, во время верховой езды полы чохи закладывали за спину. Состоятельные обшивали грудь чохи узорчатым галуном, узким сутажем и шелковой тесьмой украшали швы и нижние полы чохи. Верхнюю одежду подпоясывали узким наборным серебряным поясом с пряжкой; к поясу подвешивали кинжал. Подпоясывались также кушаками из шерстяной ткани.

Рис. 18. ГРУЗИНКИ В ПОЛУТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЕ.
Фотографии второй половины XIX в.

Гардероб представителей привилегированных сословий был более разнообразен и имел престижную социальную символику. Последняя проявлялась не только в более дорогих тканях, наличии украшений, но и в специфическом наборе элементов одежды, которые обычно носили только лица дворянского, княжеского происхождения. Так, в качестве верхней одежды им служила *каба*, которую обычно шили из плотного шелка; она отличалась по покрою от «простонародной» чохи. Рукав каба слегка суживался книзу, большая часть его была разрезной, лишь внизу (примерно на одну четверть) рукав зашивали. Такие рукава имели в основном декоративное значение, чаще всего их закидывали за спину или перекидывали через противоположное плечо. Каба обшивали черным шелковым шнуром, из которого делали также пуговицы для застежки на груди и у запястья. Под каба носили глухой ахалух с небольшим стоячим воротником, с застежкой на мелких пуговицах, сшитый из черного или темно-синего шелка [103].

Парадной одеждой исключительно князей и дворян была *куладжа* — короткое верхнее платье из яркого бархата, опушенное мехом, иногда обшитое галуном. Куладжу грузины носили поверх шелкового ахалуха и шелковых, довольно широких штанов. При куладже обязательными были кинжал или сабля и определенный головной убор — высокая каракулевая папаха. Полагалась также особая обувь — *картули чвинтиани пехсацмели* (груз., букв. «грузинская обувь с острым носком»). Такую обувь делали из мягкой кожи (нередко белого цвета) на высоком каблуке

со шнуровкой или застежкой из множества мелких пуговиц и резко загнутым носком. В зимнее время состоятельные горожане надевали шубу *(курки)*, вышитую золотом или серебром. Общераспространенной одеждой в непогоду была войлочная бурка *(набади)*. Головным убором служила высокая остроконечная из черной овчины папаха, у состоятельных она была сделана из дорогого каракуля. Носили также небольшую шапочку круглой формы, сделанную из коричневого войлока *(куди)*, которую не принято было снимать даже дома [104].

Мужская обувь, как и женская, была разнообразна и во многом сходна. Носили башмаки на высоком каблуке без задника *(коши)*, мягкую обувь без каблука *(мести)*, *цаги* — сапоги из мягкой кожи, украшенные драгоценными камнями, что было доступно только знатным и богатым. Бедняки чаще всего носили каламани, которые надевали с вязаными носками. Широкие штаны, собранные сзади на икрах в складки, заправляли в черные шерстяные или сафьяновые ноговицы *(пачичеби)*, которые плотно обтягивали ноги. Ноговицы носили с вязаными белыми шерстяными носками. Беднейшая часть населения в теплое время года ходила босиком.

Обязательным элементом мужского костюма многих тбилисцев были четки, более крупные, чем у женщин, гишеровые или янтарные. Но

Рис. 19. ТРАДИЦИОННАЯ МУЖСКАЯ ОДЕЖДА: князь Аргутинский-Долгоруков в парадном костюме; дворянин, выходец из Имерети. Фотографии Д. Ермакова. Вторая половина XIX в.

главным украшением мужской одежды было оружие, прежде всего кинжал, который носили на узком кожаном поясе с серебряным набором. Комплекс одежды без оружия считался неполным, поэтому даже представители неимущих классов непременно старались приобрести хотя бы кинжал, по возможности богато отделанный, с красивым черневым или гравированным орнаментом. Грузинские дворяне и князья в торжественных случаях носили на себе целый арсенал: помимо кинжала — шашку, саблю и пистолет. Следует отметить, что названные элементы костюма служили не только в качестве украшения, но применялись порой по своему прямому назначению. Во всяком случае, тбилисские оружейники еще в 30-х годах XIX в. имели значительные выгоды от продажи своих изделий, «ибо каждый из жителей имел оружие» [105].

Хотя, как было сказано, среди мигрантов основным был приток населения из Восточной Грузии, что обусловило преобладание у горожан картлийского варианта общегрузинской одежды, тем не менее выходцы из других историко-этнографических областей Грузии вносили своим костюмом живое разнообразие в данную сферу материальной культуры.

В частности, имеретины, особенно в первые десятилетия XIX в., продолжали носить традиционный костюм, состоявший из чохи, ахалуха и довольно широких шелковых штанов *шарвали*. Имеретина можно было узнать прежде всего по специфическому головному убору *папанаки*, представлявшему собой круглый или квадратный кусочек плотного сукна темного цвета. Папанаки бывали настолько малого размера, что едва прикрывали макушку. Чтобы они не сползали с головы, папанаки завязывали под подбородком шерстяными шнурами. Папанаки украшали тесьмой, а у состоятельных владельцев — дорогим галуном. Принадлежностью имеретинского костюма в Тбилиси был также башлык, специфический способ повязывания которого сразу же указывал на западногрузинское происхождение человека [106].

Прически тбилисских грузин также являлись показателем принадлежности к разным историко-этнографическим областям Грузии. Большинство мужчин брило головы, оставляя иногда на макушке хохол, что было характерно для восточногрузинской традиции. Имеретины же носили свою прическу — очень пышные, распушенные волосы, окаймлявшие голову наподобие шапки. Обе группы грузинского мужского населения города носили бороду и усы, которые красили хной [107].

Для грузинского костюма первой половины XIX в. была характерна большая яркость цветовой гаммы. Одежду предпочитали шить из тканей красного, малинового, зеленого, желтого, фиолетового, синего цветов. Возможно, что красному цвету вообще приписывали магическое значение. При изготовлении, например, женских перанги и шеидиши предпочитали ткани именно красного цвета.

Цветовая символика отличала и ритуальную одежду грузин. Черный цвет был знаком скорби и траура. По смерти кого-либо из членов семьи близкие и домочадцы облачались в черные одежды, постоянно нося их в течение установленного обычаем срока. Ритуальным значением обладал также белый цвет. Белые одеяния носили лица, давшие какому-либо святому обет во исполнение желания. Эту ритуальную одежду иногда носили год, снимая ее лишь в определенный обетом срок, как правило, в день

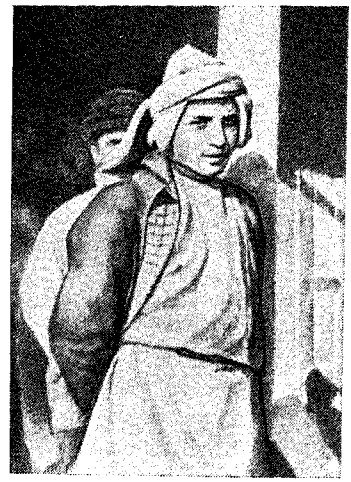


Рис. 20. НА УЛИЦАХ ТБИЛИСИ: традиции и новации в одежде горожан; юноша в башлыке. Фотографии конца XIX в.

какого-либо большого храмового праздника, чаще всего в честь святого [108].

Весьма неоднородной была одежда армянского населения Тбилиси. Коренные жители города, являвшиеся тбилисцами уже далеко не в первом поколении, подверглись значительной ассимиляции со стороны грузинской культуры в этой сфере материального быта. Одежда данной части армян практически ничем не отличалась от грузинской, причем наибольшие совпадения обнаруживала женская одежда. Армянки носили то же длинное картули каба с глубоким вырезом на груди, прикрывавшимся богато расшитой вставкой гулиспири. Платье подпоясывали шелковым поясом; его широкие передние концы, спускавшиеся до подола, служили важным украшением всего наряда, так как были богато расшиты растительным узором. Состоятельные армянки имели ярких цветов бархатные катиби и шубки. Головной убор тбилисских армянок, как и грузинок, был составным: чихта-копи, бархатное вышитое шелком и золотыми нитками тавсакрави, треугольная тюлевая, шелковая или же бумажная, обшитая тюлевым кружевом, вуаль *(лечак)*, нередко вышитая. Один из углов вуали спускался по спине, другой — пропускался под подбородком и справа прикреплялся специальной головной булавкой к чихта. В первой половине XIX в. армянки, как и грузинки, закутывались с головы до ног в большое белое покрывало. На ногах носили коши. Волосы заплетали в косы, которые закрывались вуалью; вдоль висков ниспадали два тугих локона. Тбилисские армянки любили украшать себя золотыми с драгоценными камнями кольцами, ожерельями, браслетами. В большом ходу была косметика: женщины белились, румянились, чернили брови и ресницы [109].

Комплекс армянской мужской одежды включал нижние рубаху и штаны, верхние широкие шерстяные штаны, довольно длинный, доходивший до колен архалук (сатиновый, шелковый, холщовый), который от ворота до талии наглухо застегивался на мелкие пуговицы. Поверх его носили длинную, присобранную в талии шерстяную темного цвета чоху, с узким кожаным или наборным серебряным поясом. Обувь составляли сапоги, обычные или с загнутым вверх носком, кожаные лапти, надевавшиеся с ноговицами и вязаными шерстяными носками. Армянское высшее сословие предпочитало парадный грузинский костюм: куладжу и картули чвинтиани пехсацмели [110].

Более поздние армянские переселенцы, натурализовавшиеся в Тбилиси в конце XVIII — первой трети XIX в., принесли с собой одежду, характерную для мест их первоначального расселения. Так, мигранты из Эривана (историко-этнографическая область Айрарат), обосновавшиеся в первое десятилетие XIX в. на Авлабаре, некоторое время носили костюмы, характерные именно для этого региона Армении. Особенностью их женской одежды был передник, который делали из двух узких кусков шелковой ткани, украшая богатым растительным орнаментом, вышитым золотыми нитками. В комплекс одежды этой группы армянских мигрантов входили также шуба *(курк)*, которую шили из синего бархата, оторачивая края мехом лисицы [111].

Мы не располагаем сведениями, позволявшими бы с достоверностью констатировать специфические комплексы одежды других групп армянских мигрантов, в частности выходцев из Восточной Армении, Персии, Турции. Однако вероятнее всего, что некоторое время после переселения в Тбилиси они носили одежду, традиционную для мест их первоначального проживания. Армяне — выходцы из Турции, поселившиеся в 1829—1830 гг. в Ахалцихском уезде, надевали свою традиционную одежду, которую какое-то время сохраняли, уже переселившись в Тбилиси.

Костюм тбилисских азербайджанцев имел свою специфику. Мужчины носили архалух, подпоясанный желтым кушаком (этот цвет был предпочтительным), даже в жаркое время накидывали бурку, а на голову надевали огромную конической формы папаху из рыжеватой овчины. Приезжавшие в Тбилиси борчалинские азербайджанки кутались в характерную для них клетчатую чадру. Представительницы социальных верхов азербайджанцев — жителей Тбилиси имели богатый костюм. Он состоял из широкой в сборку длинной юбки, короткого архалуха и верхней распашной одежды с разрезными рукавами, сшитой из бархата и украшенной галуном. Своеобразным был головной убор в виде шапочки, имевшей золотые цепочки с подвесками *(бога залты)*, которые протягивались под подбородком от одного виска к другому.

Костюм тбилисских греков включал короткую куртку, синие шальвары, подпоясанные широким кушаком; головным убором служили небольшая пестрая чалма или красный фес [112].

Помимо постоянного населения, каждый год в Тбилиси приходило множество сезонных рабочих, в одежде которых обычно сохранялись этноспецифические черты.

Отходники-дагестанцы, судя по зарисовкам Г. Гагарина, в первой половине XIX в. носили короткую, присобранную у талии черкеску, подпо-

ясанную наборным серебряным поясом. На голове красовалась шапка с низкой матерчатой тульей, отороченной мехом. Однако в конце XIX в. дагестанцам, жившим или часто бывавшим в Тбилиси, уже не был чужд общетбилисский комплекс чохи-ахалухи, иногда и с европейскими нововведениями, когда традиционные шальвары нередко заменялись обыкновенными брюками, а овчинные папахи — картузами.

Персы носили архалух, шальвары, низкие войлочные шапочки или остроконечные папахи из черной короткошерстной овчины. Их богатые соотечественники демонстрировали свою зажиточность тем, что надевали на себя один на другой несколько архалухов, а поверх них — *аба*, широкую длинную накидку из тонкой шерстяной ткани. Архалух обычно подпоясывали кашмирской шалью. Головным убором у состоятельных персов служила высокая овчинная папаха, обувью — коши (чаще зеленого цвета), которые надевались с вязаными носками. Как правило, коши бывали несколько меньшего размера, чем ступня, поэтому часть пятки немного свисала. Перса на улицах Тбилиси можно было узнать еще по одной примечательной детали: их борода, усы и ногти на руках были обязательно окрашены в огненно-рыжий цвет [113].

Правда, эту же традицию крашения хной соблюдали персидские евреи. Мужчины красили бороды, а женщины и девочки — волосы, ноги и даже зубы. Одежда остальных этнографических групп евреев в основном отражала бытовые стандарты мест их первоначального обитания. По наблюдениям современников, одежда проживавших в Тбилиси горских евреев была сходна с дагестанским комплексом. В отношении грузинских евреек отмечалось, что они носили «грузинское платье» и грузинский головной убор. В качестве довольно поздних особенностей костюма этой группы евреев только указывалось, что «женщины закутаны в чудесные пестрые шали», а мужчины носят остроконечные папахи из овчины [114].

Специфичной одеждой среди русского населения Тбилиси (для основной части которого был характерен «европейский» костюм) выделялись молокане. Мужчины носили суконные поддевки, сапоги, на голове — картузы; женщины — юбки и кофты.

У некоторых групп городского населения, занятых определенным трудом, сложился специфический комплекс одежды. Одеть соответствующую одежду мог только человек, причастный к данной профессии и получивший в этом качестве признание своей группы. Наиболее яркий пример профессиональной одежды представлял собой костюм тбилисских кинто: архалух, подпоясанный массивным серебряным поясом с крупной пряжкой, широкие черные шаровары, заправленные в сапоги. Отличительной особенностью одежды кинто было отсутствие чохи. Головной убор кинто претерпел в течение XIX в. значительные изменения. В начале века они носили высокую конусообразную папаху из черной овчины, причем на ее навершие пришивался кусочек красного шелка, напоминавший стручок красного перца. Впоследствии этот головной убор сменился шапкой типа картуза. Кинто любили модничать и часто изменяли детали своего костюма. Носили, например, сапоги гармошкой, особым шиком считалась золотая цепь от часов, спускавшаяся из внутреннего кармана архалуха [115].

Своеобразный костюм носили карачохели — особое сообщество горожан-ремесленников. Вся их одежда — чоха, архалух, шаровары, папаха —

Рис. 21. АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ ТБИЛИСИ: представительница привилегированного сословия в традиционном костюме. Фотография Д. Ермакова. Конец XIX в.;

обязательно были черного цвета (отсюда название *карачохели* — груз., букв. «носящий черную чоху»). Края шерстяной чохи обшивали позументом, наглухо застегнутый архалух (его шили из черного сатина или атласа) на талии имел множество сборок и подпоясывался серебряным наборным поясом; черные шерстяные шаровары, книзу широкие, закладывались в сапоги с загнутым вверх носком. Инкрустированная серебром трубка, расшитый золотом кисет, пестрый платок, заложенный за пояс, лихо заломленная на голове островерхая овчинная папаха — приметные черты внешнего облика карачохели. Этот тип горожанина с годами исчезал. «И в наши дни,— пишет И. Гришашвили,— хоть не встретишь ты человека в черной чохе, дух его жив: только приглядись к людям, пойми, кто чем живет» [116].

Рис. 21 (окончание): шиитское духовное лицо. Фотография конца XIX в.

С 30-х годов XIX в. начался процесс трансформации традиционного костюма, что было связано с общей европеизацией бытовой культуры города. Впрочем, появление новаций в одежде тбилисцев отмечалось еще в конце XVIII в., о чем наглядно свидетельствуют списки приданого, которые подробнейшим образом перечисляют предметы, даваемые за невестой. В одном из них (1790 г.) наряду с традиционным головным убором названы женские шляпы, а из одежды — юбки *(иупка)*, русские шали *(русули шали)*, упомянуты также зонты. В приданом девушки из царской фамилии (1791 г.) была тальма «цвета фиалки» на белом каракорумском меху, украшенная коваными золотыми листьями, т. е. одежда «европейского» типа. В списках приданого (1827 г.) двух княгинь, жительниц Тбилиси, названы «капоти» и перчатки [117]. Правда, перечисленные предметы, возможно, не всегда находились в активном употреблении у своих владелиц. Нередко они присутствовали в составе приданого лишь в качестве престижных иностранных товаров, покупка которых была под силу только весьма состоятельным. Действительно, анализ списков приданого однозначно свидетельствует, что европеизация одежды началась в первую очередь в слоях привилегированной верхушки населения Тбилиси, так как синхронные им записи приданого других социальных слоев содержат упоминания только традиционных элементов одежды.

Наиболее быстрыми темпами изменялся женский костюм привилегированной части населения. Так, судя по материалам, жительницы Тбилиси

прежде всего обратили внимание на европейскую обувь, которой стали отдавать предпочтение перед традиционной. А. Гакстгаузен, посетивший Тбилиси в середине прошлого века, писал: «Теперь европейская обувь между высшим сословием употребляется без исключения и даже очень распространена между средним» [118]. В пореформенное время европейская обувь полностью вытеснила традиционную, причем в высших слоях тбилисские женщины носили очень дорогую обувь из шевро, лайки, атласа.

Вслед за обувью стали меняться и другие традиционные элементы женского костюма. С годами полностью изменилась нательная одежда. Перанги стала короче, без рукавов и впоследствии вместе с шеидиши полностью вышли из употребления, вытесненные европейским бельем, нижними юбками, ночными кофтами, лифчиками.

Заметную эволюцию претерпело картули каба. Прежде всего изменился способ ношения платья, которое стали надевать на кринолин. Такое платье называлось *хабарда*. Изменились также некоторые конструктивные детали. При сохранении сарткели и гулиспири на груди появилась модная шнуровка; стали делать вшивные рукава. Вместе с тем уже в самом начале второй половины XIX в. грузинки и армянки Тбилиси начали носить платья французского и немецкого производства, которые в изобилии поставляли в магазины предприимчивые торговцы, почувствовавшие новую конъюнктуру. К 80-м годам XIX в. платья европейских фасонов стали преобладающими в городской среде. С ними вошли в употребление и такие атрибуты западной моды того времени, как корсеты, которые были необходимы, например, в платьях фасона «принцесс», распространившихся в Тбилиси в конце 1880-х годов. В это время уже исчезло платье хабарда, поскольку кринолины вышли из моды, и картули каба приняло свой традиционный вид [119].

Существенные изменения претерпела верхняя одежда. Чадри, в которые некогда закутывались тбилисские женщины, были постепенно заменены широким шелковым платком багдади, накидывавшимся на голову и плечи. Впоследствии и багдади вышел из употребления, разделив участь катиби, которые оказались вытесненными модными пальто, пелеринами *(мосас хамеби)*, тальмами *(толома)* и другими элементами европейского костюма, становившегося отныне повседневной одеждой тбилисских женщин [120].

Последней традиционной деталью одежды, которую продолжали сохранять горожанки, был головной убор тавхурва. Оказавшийся весьма стабильным элементом, он долгое время сочетался с различными вариантами европеизированного костюма, хотя и не избежал некоторых экстравагантных новаций. В конце 1860-х годов, например, на тавсакрави вместо традиционной вышивки домашней работы появились вышитые орнаменты, иногда даже целые рисунки, взятые со страниц модных парижских журналов. Впрочем, большого распространения эти поползновения тбилисских модниц не имели и в целом тавхурва полностью сохранял свою традиционность. Вместе с тем все большее распространение получали европейские шляпы, а также некоторые другие аксессуары нового костюма: перчатки, часы, воспринимавшиеся как престижное украшение. Постепенно менялась прическа: вместо нескольких кос стали заплетать две, удлинились локоны [121].

Мужская одежда грузин и армян также постепенно европеизировалась, хотя по сравнению с женской основной ее комплекс сохранялся в повседневном употреблении более продолжительное время. Тем не менее и здесь мундир, сюртук, пальто, шляпа и трость сменили кабу, куладжу, чохи, ахалухи, папаху и шашку [122].

Впрочем, процесс европеизации обоих традиционных костюмных комплексов был достаточно длительным. Первоначально старые и новые вещи просто соседствовали друг с другом. Детали европейского туалета становились все более желанными и престижными, но и традиционная одежда продолжала функционировать, что создавало единый симбиозный комплекс. Например, традиционные шарвали нередко заменялись «общеевропейскими» брюками, а овчинные папахи — картузами.

Достаточно яркое представление о сосуществовании в гардеробе рядовых тбилисцев элементов одежды, принадлежавших к разным традициям, дает одна специфическая категория архивных документов. Это списки погибшего при наводнениях имущества, которые подавались пострадавшими владельцами тбилисской администрации. Так, в списке, поданном грузинской дворянкой вдовой Анастасией Сакварелидзевой (Сакварелидзе) после наводнения 1857 г. подавляющее большинство поименованных предметов относится к традиционному одежному комплексу, однако наряду с ними названы типичные европейские нововведения: «3 дамских зонтика» и «золотые часы с золотой цепочкой» [123].

Из списка, поданного неким поручиком Аствацатуровым, также явствует, что его семья после наводнения 1857 г. лишилась многих нужных вещей из мужского и женского гардероба. Сам поручик остался без брюк, трех картузов, трех галстуков и сюртучной пары — все вещи явно европейского происхождения; в то же время вода унесла из дома три папахи. Пропавшие вещи его жены включали: «азиатское» верхнее платье; бархатный катиби малинового цвета, подбитый мехом (оценивался в 150 руб.). «К оной,— отмечено в документе,— вышитый по-туземному жемчужный нашейник с золотыми пуговицами» ценой в 200 руб.; рубашки: три коленкоровых, три холщовых и красных холщовых; «исподнее женское платье» (8); ахалухи: три шелковых и три ситцевых; бархатная малиновая шубка, подбитая шелком (ценой в 80 руб.); золотые часы с жемчужной цепочкой; пара алмазных больших серег (в 120 руб.); кольца: два бриллиантовых, два алмазных, три яхонтовых, три бирюзовых, два простых золотых; 12 налобников (тавсакрави) женских разных, вышитых шелком и золотом (цена 60 руб.), «азиатские» вуали, т. е. лечаки: шесть вышитых и шесть простых (60 руб.); 12 кушаков разных (сарткели); 12 разных нагрудников (гулиспири); 12 пар чулок; 4 пары башмаков; шелковый бурнус, две тальмы шерстяные; «клок» шелковый; салоп с меховым воротником; перчатки кожаные и шелковые (4 пары); гишеровые мелкие четки. Все носильные вещи хранились в «узлах шелковых и коленкоровых вышитых», которых указано в списке двенадцать [124].

Элементы европейской и традиционной одежды соседствовали друг с другом не только в комодах и сундуках, но и в повседневном употреблении. Особенно это было характерно для середины века, когда активно проникавшие в быт элементы европейского костюма мирно сочетались с комплексом традиционного наряда. Л. Вышеславцев, воздыхавший о постепенном

и счезновении столь пленившей его восточной экзотики в одежде тбилисцев, с крайним неудовлетворением писал, что во время всеобщего разнообразия и анархии вкусов многие носят «вместо папахов — картузы всяких фасонов, белые галстухи и манишки, под чадрою видим платье, сшитое по европейской моде, или обратно: европейский сюртук и папах, широкие персидские шальвары и прюнелевые ботинки» [125]. Такие же риторические восклицания рассыпали в своих записках и другие бытописатели Тбилиси этого переломного периода.

Исчезновение традиционных элементов одежды из повседневного быта не сопровождалось их элиминацией из сферы духовного восприятия. Более того, по мере углубления нивелировки данной сферы материальной культуры некоторые элементы старой одежды стали приобретать знаковое, престижное содержание. Куладжа, картули чвинтиани пехсацмели и другие элементы наряда представителей высшего класса бережно сохранялись в семьях как зримый символ этнической принадлежности, напоминание об отошедшем в прошлое старинном быте. Многие тбилисцы находили большое удовольствие запечатлеться в традиционном наряде перед камерой фотоаппарата. Однако, покидая фотоателье, большинство посетителей тут же переодевались в европейский костюм, ставший многофункциональным и привычным.

Продажа соответствующих товаров в Тбилиси была поставлена широко. В городских газетах ежедневно публиковались объявления, рекламировавшие товары известных модных магазинов. Особенно славились заведения Станислава и Гавриила Чарахчиановых, где продавались чулки (фильдекосовые, бумажные, шелковые, шерстяные), корсеты, перчатки, кружева, биссерные отделки, мужские шляпы и другие модные парижские товары. В пореформенное время в городе имелись магазины готового платья, готовой обуви, модного белья, а также специальные лавки и навесы для продажи простонародного белья. Дамы из привилегированного общества имели возможность заказывать свои туалеты у портных. Одним из популярных дамских портных был тифлисский гражданин Павел Гамкрелидзе, открывший в 1875 г. на Гановской улице швейный магазин, где можно было заказать шубки, салопы, муфты и многое другое. Кроме модных портных, в городе имелись «домашние» швеи, нанимавшиеся для работы в семьи.

В то же время на Татарском майдане по-прежнему постоянно работали «азиатские» портняжные и обувные мастерские для еще довольно многочисленных клиентов. Последние состояли из ремесленников, мелких торговцев, заезжих сельчан и других представителей низших социальных прослоек. Таким образом, несмотря на значительные преобразования бытовой культуры тбилисцев, процесс европеизации их одежды оставался незавершенным вплоть до конца первого двадцатилетия XX в.

Пища

Подсобное хозяйство играло весьма незначительную роль в хозяйстве жителей Тбилиси, поэтому поступление продуктов питания в дома горожан осуществлялось главным образом через базар и торговые лавки.

Значительное место в питании тбилисцев занимали изделия из зерновых продуктов, главнейшим из которых был хлеб. Хлеб — лаваши, шоти — выпекался в основном из пшеничной муки, в меньшем количестве — из просяной и ячменной. Хлеб для повседневного употребления пекли дома, но часто обходились покупным. Купить его можно было либо у специальных торговцев, расхаживавших со своим товаром по базару и городским улицам, либо в самих пекарнях (тонэ и пурнэ), предлагавших клиентам разнообразные изделия. При этом, как отмечалось выше, тонэ специализировались на выпечке традиционных видов хлеба, а пурнэ — на «европейских».

Пшеничный хлеб был довольно дорог, поэтому его потребление было показателем зажиточного состояния. В беднейших слоях населения был распространен хлеб из ячменной муки, выпекавшийся в пурнэ. Просяной хлеб также был в употреблении, но в крайне незначительных размерах, причем готовился исключительно в качестве лакомства: из просяной муки делали сладковатые булки, весьма популярные среди женского грузино-армянского населения города. В основном сдобу выпекали из пшеничной муки. Наиболее популярными ее видами были *назуки* и *када* (последняя изготовлялась из слоеного теста) [126].

Зерновые продукты употреблялись также на изготовление целого ряда традиционных блюд. Особенно это было характерно для системы питания тбилисских армян. Так, из поджаренной молотой пшеницы приготовлялась каша *папа*, в которую во время еды добавляли растительное масло. Готовили *ховиц* — жидкую пшеничную кашу, вареную с маслом и луком. Род каши представляла собой *ориса*: пшеничные зерна сначала вымачивали, очищали от кожуры и затем долго варили с маслом, кусочками говядины, индюшатины или курятины. Излюбленным блюдом был также *аганц* — крупно молотые поджаренные пшеничные зерна.

Со второй половины века в Тбилиси начала распространяться такая новинка, как макароны. Воспринимавшиеся поначалу как экзотика, их готовили редко и подавали в качестве диковинного экстраординарного блюда на самых престижных трапезах в кругах высшего сословия города. Однако быстрое проникновение привозных макаронных изделий на тбилисский рынок лишило их высокого престижного значения, в то же время в дальнейшем этот продукт не закрепился в пищевом рационе местного населения.

Такой зерновой продукт, как рис, получил распространение в качестве основного компонента плова. В одинаковой мере широко распространенный среди христианского и мусульманского населения Тбилиси, он приготовлялся с мясом баранины и луком. Разновидность плова — *катнэплави* готовили армяне. Его делали довольно жидким, на молоке, посыпали мелким сахаром, корицей и шафраном.

Уже в 1850-х годах в питании тбилисцев были распространены каши из гречневой крупы [127].

Помимо зернового, другим важным компонентом системы питания тбилисцев было мясо. На тбилисские базары поступали разнообразные виды мяса. Здесь можно было купить мясо крупного и мелкого рогатого скота: баранину, говядину, телятину, козлятину, мясо буйвола, а также свинину. Наиболее распространенными сортами мяса были баранина и говядина. Их

потребление было примерно равным и, по данным на 1860-е годы, достигало 150 тыс. пудов в год. На тбилисских базарах всегда продавалось много птицы — индейки, утки, гуси, куры [128].

Мясо употреблялось как в отварном, так и в жареном виде. Отварная баранина считалась повседневным блюдом. Для приготовления шашлыка (груз. *мцвади*) баранину обжаривали над жаровней. Шашлык был одним из наиболее любимых и популярных блюд, однако круг его потребления ограничивался мужскими компаниями. Часто, как повседневное, готовилось другое популярное блюдо — *хаши*: бычачьи или овечьи ножки, желудок и внутренности варились вместе до получения густого варева. Среди значительной части населения города распространенными блюдами были *чихиртма* — куски куриного мяса, приготовленные с большим количеством лука, всевозможных специй и кислых слив, *бозбаш* — суп из баранины, *каурма* — особым образом приготовленное мясо. Немецкие колонисты ввели в пищевой рацион тбилисцев колбасы; в немецких лавках можно было также купить ветчину. Уже в середине века оба эти продукта воспринимались как обыденные, хотя и не очень распространенные в среде коренного населения [129].

Значительное место в пищевом рационе тбилисцев занимали молоко и молочные продукты. Главным молочным продуктом являлся сыр. Его присутствие на столе всегда считалось строго обязательным, причем данное обыкновение соблюдалось в любой социальной среде и при любом застолье, за исключением, естественно, специфических ритуальных трапез.

Сыры, поступавшие на тбилисские базары, были кавказских сортов, изготовлявшиеся по традиционной технологии. Главными поставщиками этой продукции были осетины, затем жители близлежащих азербайджанских деревень и тушины, привозившие свой сыр, правда, в незначительном количестве; сыр продавали также борчалинцы. Тбилисцы закупали сыры обычно весьма активно и часто впрок, так что почти во всех тбилисских семьях был определенный запас сыра. Если сыр оказывался суховат, то его перед употреблением вымачивали в теплой воде. В пореформенное время в привилегированных слоях тбилисского общества получили распространение европейские сорта сыра, которые поставлялись, в частности, в известный своими высококачественными продуктами «Швейцарский магазин» [130].

В пище тбилисцев немалое место занимало собственное молоко, которое пили и из которого приготовляли различные блюда. Самым популярным было кислое молоко (груз. *мацони*; арм. *мацун*), которое ели иногда с толченым чесноком. Приготовляли также *домхали* (груз) или *спас* (арм.) — скисленное обезжиренное молоко с добавкой пшеничных зерен. Тбилисцы употребляли в пищу также сметану, творог; из молока буйволиц путем кипячения получали весьма ценившиеся сливки *(каймак)*.

Чрезвычайно разнообразными были сорта масла, получаемого из коровьего, овечьего, буйволиного молока. Кроме того, было в ходу растительное масло, приготовляемое из разных видов семян (подсолнечника, кунжута и др.). Растительные масла в общем балансе потребления занимали несколько большее место, чем животные. В 1860-х годах, например, в Тбилиси разошлось до 50 тыс. пудов растительного масла против 40 тыс. пудов масел животного происхождения [131].

Из бобовых культур в пище тбилисцев наиболее распространенной была фасоль *(лобио)*. Из нее варили густую похлебку, которую ели с зеленью; готовили также «грузинский» горох [132].

Определенное место в питании тбилисцев занимала рыба, которая во второй половине века была уже в основном привозным продуктом. В Тбилиси доставлялись, в частности, свежая храмули, сом и ряд других видов рыб. Однако наибольшей популярностью пользовалась геокчайская форель, ежедневно подвозившаяся на тбилисские базары из Азербайджана. В жаркие дни ее, правда, не удавалось сохранить, поэтому рыбные ряды были постоянно в поле зрения санитарной инспекции города [133].

Помимо свежей, тбилисцы ели рыбу, уже прошедшую соответствующую обработку: соленую, вяленую, копченую. Однако по сравнению с мясом рыбу потребляли гораздо меньше: в 1860-х годах — всего до 25 тыс. пудов [134]. Рыба имела своего основного покупателя — это был бедный тбилисский люд. Икра также находила применение в рационе питания тбилисцев [135].

Важным компонентом системы питания являлись овощи, зелень, фрукты. В пищу шли капуста, редис, огурцы, лук, чеснок, свекла, морковь, баклажаны, тыква. Потребление картофеля в первую половину XIX в. было минимальным и первоначально ограничивалось главным образом русским и немецким населением города. Со временем, однако, этот продукт широко вошел в быт коренного населения.

Особое место в этом ряду занимали арбузы и дыни. В системе питания тбилисцев данные продукты присутствовали прежде всего в качестве чрезвычайно популярного лакомства. Однако для представителей низших социальных слоев городского населения арбуз и дыня с хлебом часто являлись обыденной трапезой.

Огромную роль в пищевом рационе тбилисцев играла зелень: петрушка, тархун (эстрагон), черемша, киндза, свинтри, шпинат, дандури, щавель, цицмати (кресс-салат), мята, базилик, регани, джонджоли, капорцы, спаржа и др. Зелень, как и сыр, пользовалась исключительной предпочтительностью и по возможности присутствовала при каждой трапезе. У низших социальных групп зелень в сочетании с сыром и хлебом вообще могли выступать в качестве повседневной будничной пищи, считавшейся вполне достаточной и удовлетворявшей элементарные витальные потребности.

Зелень потреблялась прежде всего в сыром виде в качестве дополнения к любому блюду, причем своеобразной чертой тбилисской кухни было то, что по сложившейся традиции зелень поглощалась в огромных количествах. «Перед каким-нибудь мушою, собравшимся пообедать,— писал на страницах газеты «Кавказ» некий наблюдатель тбилисского быта,— воздвигается иногда на деревянном блюде целая зеленая гора, смотришь, через четверть часа гора исчезла, а муша, довольный своим обедом... снова бодрый и крепкий, идет носить тяжести» [136]. Эта газетная зарисовка дает верное представление о широкой распространенности зелени как пищевого компонента в питании всех социальных слоев населения Тбилиси. Немалую роль в этом сыграла, конечно, доступность ее как товара.

Помимо потребления зелени в свежем виде были распространены различные приемы ее кулинарной обработки, иногда довольно сложные. В этом случае зелень выступала уже в качестве самостоятельного блюда.

Так, тбилисцы очень любили молодые побеги черемши, отваренные в воде, а затем заправленные маслом и уксусом; одновременно это блюдо считалось надежным средством от цинги. Помимо пищевой, лечебной ценностью обладали также вареные листья свинтри, употреблявшиеся против золотухи. Распространенным видом кулинарной обработки зелени было ее маринование, квашение. Есть, например, сведения, что в первой половине XIX в. ту же черемшу квасили, мариновали капусту и огурцы [137].

Значительное место в системе питания занимали фрукты. Они во множестве свозились на тбилисские базары, поэтому в рационе горожан могли быть яблоки, груши, алыча, персики, абрикосы, черешня, виноград, вишня, сливы, айва; ели ягоды: крыжовник, смородину, землянику. Тбилисцы потребляли также много орехов (грецких, фундук, китайских), миндаля, которые являлись излюбленным лакомством, а также использовались в качестве важного ингридиента во множестве блюд. Многие фрукты проходили соответствующую обработку, что позволяло их длительное время хранить и использовать в пищу по мере необходимости. Так, был распространен сушеный виноград *(кишмиш)*; сушили также кизил.

В тбилисской кухне широкое применение находили ароматические специи, травы, маслины. Помимо вышеназванных видов съедобных трав, высоко ценились корица и шафран. Они привозились на тбилисские базары издалека, стоили дорого, поэтому их употребление носило в определенной степени престижный характер. Более обыденными приправами были виноградный уксус, приготовлявшийся из белого и красного вина, а также уксус, сделанный из эстрагона [138].

Традиционной сладостью в питании тбилисцев был мед. Его употребляли в «чистом» виде, а также в качестве главного или важного компонента многих видов лакомств. Очень популярными, например, были *гозинаки* — сваренные в меду орехи, *алвахази* — густо перетопленный мед с различными вкусовыми добавками. Армяне готовили также *цандил* — вареные пшеничные зерна с медом, изюмом и миндалем. В XIX в. широкое распространение получил покупной сахар, который стал важным пищевым компонентом. Сахар покупали в разном виде: колотым, песком, «головками» [139].

Среди напитков основное место в повседневном употреблении занимали молоко, чай, имевшиеся в городе кофейни предлагали своим посетителям кофе. В привилегированных слоях жителей города кофе приготовляли также дома. Еще в первой трети XIX в. в составе приданого знатных невест нередкими были кофейные серебряные и медные приборы, специальные сковороды для поджаривания кофейных зерен. В отличие от кофе напиток *махохи* употребляли большинство горожан. Напиток готовили следующим образом. Пшеничные отруби растирали в горячей воде, туда же добавлялось немного кислого теста, после чего заготовку оставляли на несколько дней. По прошествии нужного срока закисшую жидкость отцеживали и сливали в кувшин. Помешивая ее деревянной лопаточкой, женщины обычно нашептывали имена знакомых им лиц, отличавшихся дурным, сварливым характером; считалось, что от этого содержимое кувшина скиснет еще быстрее. Махохи пили подогретым, добавляя туда истолченый чеснок и мелко нарубленный лук-порей.

Из алкогольных напитков были распространены вино и водка. Вина в Тбилиси пили очень много. В самом городе его производили немного,

поэтому потребляли в основном покупное вино, доставлявшееся в Тбилиси из Кахети. Вино было непременным элементом любой трапезы. Самый обыденный прием пищи обязательно включал вино. Наличие в продаже разных сортов вина, в том числе дешевых, делало этот продукт доступным для представителей любых социальных прослоек города. Водка не была повседневным напитком. Ее пили изредка, причем только за праздничным, экстраординарным столом. Стопку водки могли преподнести неожиданному, но почетному гостю, например во время традиционных новогодних визитов. Но вообще этот напиток большого распространения в грузино-армянской среде не получил. Еще одним алкогольным напитком, потреблявшимся горожанами, было пиво. В 1860-х годах, например, в списках ремесленных профессий указывается немалое число пивоваров, сбывавших свою продукцию в многочисленные пивные либо торговавших ею сами [140].

Особый пласт в системе питания тбилисцев составляла ритуальная пища. Она также была достаточно разнообразной и готовилась с применением многочисленных продуктов. В ритуальной пище можно различить два вида. Одни блюда готовились лишь один раз в году. Они были четко соотнесены с определенным праздником или обрядом, считались его непременной составной частью, поэтому появление данных блюд в другое время года, по какому-либо другому случаю совершенно исключалось. В то же время некоторые блюда повседневного питания, которые в обыденной обстановке не воспринимались в качестве ритуальных, ситуационно могли становиться таковыми либо принимать некоторые черты экстраординарности, потому что в ряде случаев их присутствие за праздничной трапезой считалось желательным, а иногда и строго обязательным.

Немало ритуальных блюд готовилось из зерновых продуктов. На Новый год, например, в грузинских и армянских семьях обязательно пекли *басила* — большой каравай хлеба с изображением человеческой фигуры посередине. Этот хлеб посвящался св. Василию, день которого отмечался церковью 1 января. Кроме того, на Новый год выпекали специальные фигурные сладкие хлебцы, символизировавшие основные занятия домочадцев. Так, искусные хозяйки могли изобразить книгу, топор, ножницы, пяльцы, иголки и другие предметы. При этом было необходимо, чтобы хлебцы высоко поднялись в печи. Если какой-нибудь ненароком опадал, то это предвещало серьезную неприятность для члена семьи, которому данный хлебец предназначался.

На масленицу считалось обязательным иметь в доме печеные сладости, в частности *назуки* и *каду*. Причем грузинки начинали печь непременно в четверг сырной недели, который совпадал с днем празднования грузинской православной церковью памяти св. Шио. Поэтому масленичные сладости назывались у них *шиос-када*, т. е. када св. Шио. У армянского населения города масленичными блюдами считались каши. В эти дни непременно готовились такие блюда обыденного питания, как папа, ориса, ховиц, которые таким образом приобретали ритуализованное значение. На масленицу и грузины, и армяне непременно старались иметь за праздничным столом *шилаплави* [141].

Во время праздника св. Саркиса (Сурб-Саркис), отмечавшегося в третью субботу, предшествовавшую великому посту, армяне обязательно готовили аганц. Приготовление этого незамысловатого блюда, представляв-

шего, как было сказано, поджаренную крупномолотую пшеницу, было связано с древней легендой. Саркис был бесстрашным воином, защищавшим христиан от врагов-иноверцев. В дальних походах он питался лишь поджаренной пшеницей, которую мать клала сыну, зная, что у Саркиса, полностью отдававшегося борьбе, не будет времени на потребление другой пищи. Освобожденных христианских пленников Саркис также кормил пшеничными зернами; об этом и напоминал аганц, который в день праздника кушали в каждом армянском доме [142].

Много ритуальных блюд готовили из мяса. Наиболее предпочтительным видом мяса, употреблявшимся для ритуального поедания, была баранина. На пасху, например, баранина считалась строго обязательной, поэтому уже в последние дни великого поста в христианских кварталах города со всех сторон раздавалось блеяние предназначенных на заклание животных. В богатых тбилисских домах жареного барашка на пасху могли подать целиком. Ритуальное заклание баранов было непременным элементом многочисленных храмовых праздников, во время которых для паломников устраивали застолье.

Баранина была ритуальным мясом и у мусульман. Празднование Курбан-байрама, например, сопровождалось обязательным принесением в жертву баранов. При этом мясо жертвенного животного раздавали беднейшим соплеменникам, которые могли в этот день вкусить отборные блюда. В качестве ритуального мяса у христиан выступала и свинина, которая была обязательной на послекрещенском разговлении. Наиболее престижной частью при этом считалась голова животного. Употребление для ритуальных целей мяса быка в Тбилиси встречалось крайне редко, что объясняется, вероятно, трудностью содержания этих животных в городских условиях.

Среди напитков ритуальную роль в известных ситуациях играло вино, а у мусульман — шербет, который в торжественных случаях подносился особо почетным гостям. Например, по заведенному среди тбилисских шиитов обыкновению, в дни крупных мусульманских праздников депутация общины города являлась с поздравлениями в резиденцию персидского консула. От имени последнего членам депутации непременно выносили чаши с шербетом. Ритуальное значение имел махохи. Его готовили только в дни великого поста, причем хозяйка старалась так подгадать, чтобы число приготовлений было нечетным [143].

В определенных ситуациях ритуальное значение обретали некоторые виды фруктов. Яблоко, например, являлось обязательным подарком во время взаимных посещений на новогодние праздники. Аналогичное значение приобретали сладости; считалось, что присутствие их на праздничном столе должно обеспечить счастье и благополучие семьи. На Новый год, например, грузинские и армянские семьи обязательно варили гозинаки — грецкие орехи или миндаль в меду. Гозинаки раскладывали на тарелки и рассылали друзьям и знакомым, ими потчевали гостей, пришедших в дом. Сладости обязательно пекли и приготовляли в мусульманских семьях на Новруз-байрам — мусульманский Новый год (обычно весной). В дни празднования Новруз-байрама в мусульманских домах угощались *набати* — изображения небесных светил, животных, разных предметов, изготовленные из сахара, а также *пашликом* — особым лакомством, пред-

ставлявшим собой длинные нити, приготовленные из смеси сахара, сыра и масла, обложенные крашеными яйцами [144].

Изложенная выше система питания тбилисцев, естественно, отражает лишь общую, в известной мере идеальную модель. В конкретных случаях система питания сильно варьировала, будучи зависимой от ряда природных, этнических, социальных и этнокультурных факторов, которые самым непосредственным образом влияли на особенности пищевого рациона тбилисцев. Прежде всего в питании тбилисцев наблюдались сезонные колебания. В первую очередь они касались фруктово-овощного компонента, который был достаточно обилен и разнообразен в летнее время и заметно оскудевал в зимнее, хотя никогда полностью не исчезал.

Известное ограничение на пищу христианского населения города накладывали соблюдаемые посты, когда из употребления исключались мясо и скоромные продукты, рыба. Ревностные верующие в эти дни не принимали горячей пищи, отказывались от еды, приготовленной даже на постном масле. Дети, естественно, не исключались из общего обыкновения, взрослые бдительно следили, чтобы с их стороны не последовало нарушения запрета. Только в первый день поста для детей допускалось небольшое смягчение табу, им разрешалось доесть немногие остатки скоромной пищи, причем сделать это они должны были где-нибудь в углу, в укромном месте, не попадаясь на глаза взрослым. Другим обыкновением первого постного дня была раздача остатков скоромной пищи бедным мусульманам, которые иногда специально обходили с этой целью христианские дворы [145]. В пост обычными блюдами были вареное лобио, которое ели с хлебом, зелень и фрукты.

Система питания имела определенные социальные различия. В высших социальных слоях пища всегда бывала более разнообразной, состояла из большего набора блюд, включала много компонентов. На ней меньше сказывались сезонные колебания, так как даже в зимний период состоятельные тбилисцы имели на столе фрукты и овощи, которые по высоким ценам покупали на городских базарах.

Что касается представителей низших социальных слоев, то повседневную, будничную их пищу составляли зачастую только хлеб, сыр и зелень. Эти три компонента были основой питания большинства тбилисцев. Такая пища считалась вполне достаточной, удовлетворявшей элементарные жизненные потребности.

Таким образом, будничная пища тбилисцев была проста и неприхотлива, по воскресеньям она становилась несколько разнообразнее. В эти дни возрастала продажа мяса на базарах [146], следовательно, в домах готовились какие-то мясные блюда. Особенно обильным был праздничный стол, когда поедание мяса считалось строго обязательным. Праздничный ассортимент непременно включал какое-нибудь традиционное мясное блюдо. Поэтому можно сказать, что социальные различия в системе питания тбилисцев проявлялись не столько в конкретном наборе блюд или используемых продуктов, сколько в их количественных и качественных характеристиках.

В будни тбилисцы ограничивались, как правило, двухразовым приемом пищи — в утренние и вечерние часы, обходясь большей частью минимумом потребляемых блюд. Этот режим нарушали экстраординарные

застолья, происходившие по самым различным поводам. Вообще трапезы можно подразделить на обыденные, праздничные и ритуальные.

Обыденные трапезы — это повседневный прием пищи, лишенный какого бы то ни было знакового содержания и служивший единственно для удовлетворения витальных потребностей человеческого организма. Праздничные трапезы выходили за рамки обыденности. Как правило, они носили общественный характер и в любом случае имели выраженную престижность. Весьма престижными трапезами были, например, *ригис-пури* (груз., букв. «соль-хлеб») — обычай, по которому члены определенного амкарства периодически собирались вместе для приятного времяпрепровождения. Участие в очередном ригис-пури подтверждало важные социальные гарантии индивида, его полную инкорпорацию в группе, признание соответствующего статуса и роли в ее функционировании, поэтому приглашением на данную трапезу очень дорожили.

Менее престижный характер носили трапезы, устраивавшиеся в теплое время года на лоне природы, в загородных тбилисских садах. Сюда приезжали по воскресным дням семьями либо дружескими компаниями, проводя под густой тенью фруктовых деревьев весь день, порой до позднего вечера. Выезд на отдых в Крцаниси или Ортачала был для большинства тбилисцев весьма желанным, по-своему престижным действием, которым старались не пренебрегать. Обед являлся непременной составной частью этих пикников, его стремились сделать по возможности обильным и богатым. Такой же характер престижности носили чисто светские трапезы во время многочисленных храмовых праздников. В эти дни в церковных пределах и на всей прилегающей территории собирались огромные массы богомольцев, которые в определенное время рассаживались группами, приступая к угощению.

Известной престижностью обладали и публичные трапезы, устраивавшиеся в банях, когда после принятия ванны и омовения посетители принимались за еду. Участниками банных трапез были в основном женщины, которые вместе с бельем и купальными принадлежностями приносили с собой и пищу. Обилие и разнообразие блюд свидетельствовало о социальном статусе и положении участниц банного застолья.

К праздничным трапезам можно отнести также застолья, стихийно возникавшие в духанах, трактирах и других подобного рода заведениях, где частенько располагались дружеские компании. Подобные застолья имели меньшую престижность, однако к бытовым трапезам их отнести нельзя. В любом случае членов стихийно возникшей группы пирующих объединяли определенные социальные связи: взаимное знакомство, общность социального положения, личностных ориентаций и интересов и т. д. Публичность трапезы обусловливала соблюдение определенных норм традиционного застольного этикета, в конкретных ситуациях, возможно, и в усеченных вариантах, тем не менее придававших данному застолью неординарный характер.

Всегда неординарный характер имели ритуальные трапезы. Они были обычно связаны с какими-нибудь событиями семейной жизни, которые по сложившейся традиции однозначно требовали устройства публичного угощения (трапезы свадебные, поминальные, родинные и др.), либо посвящались той или иной календарной дате праздничного годового цикла.

Ритуальный стол обычно состоял из определенного набора блюд, считавшихся в этот день желательными или строго обязательными, а их приготовление и потребление сопровождалось соответствующими нормами традиционного этикета.

Трапезы могли происходить как внутри жилого помещения, так и вне его. В теплое время года, например, семья часто собиралась на крыше собственного дома; здесь же проводились обычно все ритуально-престижные трапезы. Участники трапезы располагались на полу либо, если дело происходило в одном из загородных садов, прямо на земле на раскладывавшихся коврах или войлоках. Сидели кружком, поджав под себя ноги. Традиционный этикет позволял пирующим находиться в папахах; рукава чохи для удобства откидывались назад. Столовых приборов в европейском понимании слова не было, за исключением многообразной утвари для винопития. Блюда раскладывались на виноградных листьях либо на хлебе шоти, который одновременно выполнял роль салфетки; ложки и вилки у большинства горожан не были в употреблении (особенно в первой половине XIX в.), так что ели руками, но нож у мужчин всегда находился в кармане или в особых ножнах.

Соблюдалась очередность смены блюд, особенно во время праздничных и ритуальных трапез. Застолье начиналось с закусок: сыр, хлеб, овощи, зелень, иногда могли подать рыбу (тешка, балык). Затем переходили к жидким блюдам типа бозбаш, после чего наступала очередь мясных — чихиртма, долма, просто куски отварной говядины, а также овощных, обладавших большой вкусовой привлекательностью (лобио, бадриджаны). Непременной принадлежностью мужского застолья был шашлык, который жарили и подавали на стол несколько раз. Появление перед пирующими блюда с пловом знаменовало заключительную часть трапезы. На десерт подавали фрукты и кислое молоко (мацони; мацун). Трапеза время от времени прерывалась тостами, сопровождавшимися винными возлияниями [147], причем наполнял стаканы или турьи рога специальный кравчий, который ходил позади гостей и подливал им по порядку из серебряного ковша (груз. *азарпеша*) вино.

Застольный этикет был строго регламентирован, хотя и варьировал в весьма широких пределах, определяемых видом трапезы, составом участников, характером ситуационно возникших социальных связей в группе и т. д. Главную роль в застолье играл специально избираемый человек — основной распорядитель пиршества (*тулумбаш*; употреблялись также термины *тамада*, *пирвели дардимани*). Избрание тулумбаша носило достаточно церемониальный характер: все присутствующие должны были высказать одобрение названной кандидатуре, желание видеть руководителем трапезы именно данное лицо. После завершения процедуры выборов все должны были выпить за тулумбаша, который сразу брал «бразды правления» в свои руки. Как правило, тулумбашем становился наиболее уважаемый из присутствующих, обладавший к тому же соответствующим опытом проведения застолий, знавший традиционные этикет и обычаи. Если застолье происходило в доме, то тамадой становился обычно хозяин дома.

Тулумбаш держал под своим контролем все течение застолья. Он следил за порядком, направлял беседу, подавал темы для разговоров, сам активно в них участвовал. При этом речь тулумбаша должна была

искриться остроумием, весельем; ценилось его меткое слово, удачное сравнение, кстати приведенный пример, случай из жизни, народная пословица или тонкий каламбур.

Важнейшей прерогативой тулумбаша являлось установление очередности и тематики произносимых тостов. За исключением первого тоста, который, как было сказано, произносился в честь тулумбаша, все последующие тосты исходили от него и провозглашались, смотря по обстоятельствам конкретного застолья. Произнеся тост, тулумбаш опорожнял свой сосуд с вином, после чего мог предложить кому-либо из присутствующих продолжить тост, обращаясь к данному лицу со словами «алаверды». Избранник должен был ответить благодарственной формулой «яхши йол» и дать свою импровизацию на тему, предложенную в тосте тулумбаша. После соответствующего «алаверды» тост мог продолжить следующий участник трапезы и т. д. После каждого тоста раздавался ритуальный возглас «Мравалжамиер» (груз. Да здравствует!).

Вино полагалось выпивать без остатка, причем контроль за соблюдением этого правила и пресечение попыток его нарушения составляли важную прерогативу тамады. На нарушителей налагался штраф в виде дополнительной порции вина. Иногда в уже достаточно подгулявшей компании, когда жесткость этикетных норм несколько смягчалась, недопитые остатки выливали на голову «провинившегося». Трапеза прерывалась песнями и танцами, причем танцующие избирали сценой для хореографических па накрытый «стол», «искусно лавируя носками сапог между тарелок и бутылок» [148].

Традиционным местом, где можно было наскоро перекусить либо основательно засесть за праздничной пирушкой, были духаны. Помещение духана не имело внешней стены, так что посетители могли войти внутрь прямо с улицы; на ночь же помещение духана огораживалось щитами из специально сколоченных досок. Немало подобных духанов имелось на Эриванской площади (потом их закрыли). Трактиров и всякого рода питейных заведений в Тбилиси было превеликое множество. По свидетельству газеты «Кавказ», в 1887 г. в Тбилиси функционировал 151 духан [149].

Владельцы духанов напрягали всю свою фантазию, чтобы попышнее и поцветистее назвать свое заведение. Во многих случаях это им удавалось, и на вывесках можно было прочитать завлекающие и манящие слова: «Не уезжай, голубчик мой», «Гамлет», «Белый духан» (запечатленный кистью Пиросмани) и др. Однако если названия духанов сильно разнились, то внутренний вид их на удивление мало отличался один от другого. Деревянная стойка, за которой располагался хозяин заведения, была обычно уставлена различными блюдами. Обычное «меню» составляли вареные куски говядины, свинины, курицы, сыр, яйца, масло, вареное лобио, чуреки, всевозможная зелень и фрукты, которые закупались духанщиком по мере их поступления на тбилисские базары. В постные дни ассортимент менялся: мясные блюда исчезали [150].

При каждом подобном заведении имелся глубокий погреб, где в бурдюках либо в бочках хозяин хранил свои винные запасы. Любому посетителю, присевшему за стол, хозяин первым делом выставлял кувшин кахетинского, после чего подавал кушания. В духанах торговали также водкой.

Хотя в духанах подавали в основном блюда и продукты традиционной

тбилисской кухни, тем не менее именно в этих заведениях со временем стали предлагать посетителям котлеты, воспринятые от русских; здесь же можно было получить ботвинью и окрошку. В данном случае духанщики ориентировались на русских посетителей, хотя, возможно, новые блюда пользовались популярностью и в местной среде.

Полностью европеизированный ассортимент блюд, а также алкогольных напитков можно было найти в ресторанах. Рестораны появились в Тбилиси в середине XIX в. и уже к концу столетия их было множество. Владельцы тбилисских ресторанов ориентировались на европейские стандарты не только в меню, но и в общем антураже и аксессуарах своих заведений. В наиболее дорогих и фешенебельных ресторанах обязательно играл оркестр, порой весьма необычный (например, в известном тбилисском ресторане «Южане» посетителей развлекал «румынский оркестр»). В залах ресторанов посетителей обслуживали официанты (причем владелец ресторана «Южане» объявил в газетной рекламе, что «официанты на чай не получают»). В не менее популярном ресторане «Аннона» с румынским оркестром выступали исполнительницы цыганских романсов. Рекламируя свое заведение, владелец ресторана широко оповещал тбилисскую публику о первоклассной кухне своего заведения, в которой постоянно бывали раки, устрицы севастопольские, сибирские рябчики, «котлеты из московской телятины». В некоторых ресторанах («Сан-Суси», «В Сокольниках», в саде Муштаид) постоянно подавали блины [151].

В Тбилиси было много чайных, значительную часть которых содержали молокане. Ассортимент подаваемых здесь блюд был не особенно богат. К чаю предлагалось обычно лишь несколько видов выпечки, порой же, кроме стакана кипятка, здесь вообще ничего не было. В Тбилиси существовали уличные торговцы чаем (преимущественно персы), которые продавали этот напиток вразнос из традиционных кувшинов с узким носиком (актафа). Они торговали в окраинных районах города, заселенных беднейшими слоями тбилисских жителей.

Транспорт

Одним из важнейших условий нормального функционирования городского хозяйства является хорошо налаженная транспортная система. Последняя складывается из двух составляющих. Первая — транспортные магистрали: дороги, улицы, мосты и т. д., по которым осуществляется перевозка грузов и людей. Важное значение имеют здесь состояние городских магистралей, их способность беспрепятственно пропускать грузопассажирские потоки, а также оптимальная соотнесенность их с основными объектами городской инфраструктуры. Вторая составляющая транспортной системы — это совокупность способов и средств перемещения людей и грузов. Естественно, что эффективность функционирования транспортной системы прямо зависит от качественного уровня обеих ее составляющих.

Описание внутренних транспортных магистралей Тбилиси, а также общий анализ их топографии был дан в первом разделе настоящей главы. Однако нужно учитывать, что в хозяйственной жизни Тбилиси XIX в.,

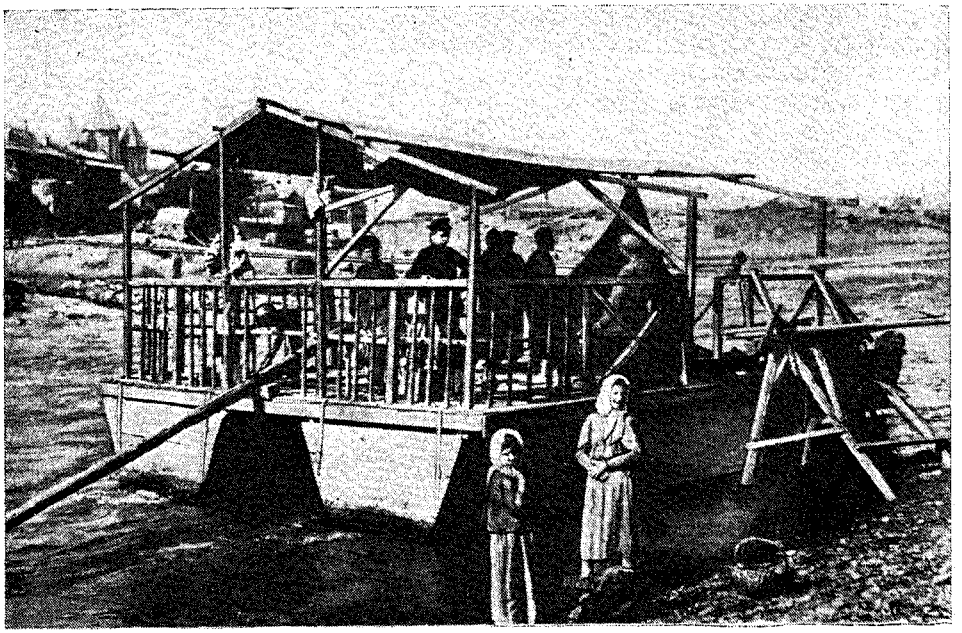


Рис. 22. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ТРАНСПОРТ: паром через Куру; перевозка дров на ослах; арба с бурдюками; на постоялом дворе.
Фотографии второй половины XIX в.

важного административного центра Кавказа, одного из крупных городов Российской империи, немалое значение имели внешние пути сообщения.

Тбилиси был важнейшим перевалочным пунктом, через который пролегали магистральные торговые пути из Закавказья, Персии и Турции на Северный Кавказ и далее в Центральную Россию и в Западную Европу. Огромное значение имела историческая Военно-Грузинская дорога, начинавшаяся у северных предместий города и через Крестовый перевал, сбегавшая на северокавказскую равнину. Из Тбилиси на запад пролегали пути к портам Черного моря, на восток — в Кахети и далее в Азербайджан, на юго-восток — в Армению и Персию [152].

Сухопутные пути для Тбилиси были основными торговыми магистралями. Речное судоходство в силу горного характера местных рек не было развито. Кура в районе Тбилиси не была судоходна и использовалась только для сплава строевого леса из Боржомского ущелья, которого совсем не имелось в окрестностях города. Но частично Кура выполняла торговые функции: ниже Самухских порогов, в месте впадения в нее рек Иори и Алазани, Кура становилась судоходной вплоть до впадения в Каспийское море. Плавание по этой части Куры совершалось на судах местной конструкции — так называемых киржимах, большей частью принадлежавших жителям области Сальяны в Азербайджане. Это были суда, оснащенные парусом, имевшие примерно шесть человек команды и способные к перевозке больших грузов. На таких судах обычно доставляли рыбу и икру. В течение 17—20 дней киржимы плыли вверх по Куре до Мингечаура, откуда товары уже по суше караванами перевозили в Тбилиси. Обратный путь по течению реки был короче и занимал всего 3 дня [153].

Важную роль в интенсификации торгово-обменных связей города сыграло открытие в 1872 и 1883 гг. отдельных участков Закавказской железной дороги, связавшей Тбилиси удобным и быстрым средством сообщения с Баку, Поти, Батуми, другими важнейшими пунктами Закавказья. Помимо магистральных путей к Тбилиси сходилось множество дорог местного значения — аробных, гужевых, вьючных, а также пеших троп, соединявших город с близлежащими селениями и городами.

Способы перемещения людей и грузов в Тбилиси были весьма разнообразны. Как и другие сферы материальной культуры, они претерпели за обозреваемый нами период значительные изменения и в начале XX в. представляли разительный контраст по сравнению с первыми десятилетиями прошлого столетия.

Для перевозки грузов в Тбилиси использовали прежде всего вьючных животных: ослов, мулов, лошаков, лошадей, буйволов, быков, катеров, верблюдов. Самыми популярными из них были ослы — терпеливые труженики, принявшие на себя наибольший объем внутригородских грузовых перевозок. Ослов использовали в самых разнообразных ситуациях. Летом с восходом солнца в Тбилиси на ослах в специальных корзинах везли зелень, овощи, фрукты, цветы. Зимой сотни ослов доставляли в город уголь и дрова (в зимнее время ежедневно привозилось до 1000 вьюков угля). Дрова и уголь везли в город и летом. Ослов охотно использовали тулухчи, продавцы молока и молочных продуктов, муки и зерна; на ослах перевозили также сено и хворост. Бывало, что из-под огромной кучи хвороста или сена виднелась лишь голова с длинными ушами. Некоторые

поставщики держали по пять — десять ослов, которых они каждый день пригоняли навьюченными в город. Тарой для перевозки грузов служили *хурджины* — специальные переметные сумы, мешки, корзины, для транспортировки вина — бурдюки. Помимо ослов для аналогичных целей использовали также мулов, лошаков, катеров [154].

Доставка грузов на дальние расстояния происходила главным образом на верблюдах. Многие караваны через Тбилиси направлялись по Военно-Грузинской дороге на Северный Кавказ. Отсюда большую часть товаров везли в Россию, а «русские» товары, поступавшие на Северный Кавказ, направлялись в Закавказье и Персию. Верблюдоводством в Закавказье занимались азербайджанцы, служившие одновременно и чарвадарами — погонщиками караванов. Каждый день такие караваны, по воспоминаниям современников, медленно, под тихий звон бубенцов, в сопровождении чарвадаров, закутанных в длинные черные бурки, двигались к тбилисскому майдану. Перевозка грузов караванами верблюдов сохраняла значение и в последней четверти XIX в., когда появилась железная дорога. Так, на станцию железной дороги в Тбилиси караваны доставляли пшеницу, здесь ее перегружали в вагоны для отправки в Батумский порт [155].

Помимо верблюдов, для перевозки товаров на дальние расстояния использовали также лошадей. Товары из Персии, например, доставляли в Тбилиси главным образом на лошадях. Такие караваны, как писали очевидцы, представляли красочное зрелище: все лошади были украшены кистями, бубенцами, колокольчиками. Лошадей и мулов использовали также для внутригородских перевозок, например для доставки воды. Навьючив на спину животного огромные кожаные тулухи с водой, тулухчи развозил ее с утра до позднего вечера [156].

Говоря о способах перемещения грузов в Тбилиси, нельзя вновь не упомянуть о муша, которые, как уже говорилось, нанимались для переноски тяжестей, а иногда и людей. Молочные продукты, уложив горшочки и кувшины в перекинутые через плечо хурджины, разносили мацонщики — продавцы молока и молочных изделий. Зелень, фрукты, сыр продавали на улицах Тбилиси кинто, разложив свой товар на большом деревянном подносе табахи, который носили на голове. Расхаживая по городским улицам, предлагали прохожим свой товар торговцы, специализировавшиеся на продаже самых разнообразных вещей: свежей воды, чая, мелочного товара и др. Во второй половине XIX в. в Тбилиси появились коробейники, торговавшие вразнос различными предметами. Это были русские, приходившие группами из некоторых губерний России. Проработав год, одна группа уходила, а вместо них появлялась другая группа торговцев. Во второй половине XIX в. вразнос торговали даже книгами. Грузины карачохели, нагрузив большую корзину самой популярной среди горожан литературой («Караманиани», сказки и т. п.), целый день ходили по улицам и дворам, доставляя свой «товар» в самые разные уголки Тбилиси [157].

Основным упряжным средством передвижения была двухколесная арба *(уреми)*, представлявшая собой грузинскую разновидность традиционного для всего Кавказа транспортного средства. В качестве тягловой силы в нее впрягали несколько пар буйволов, быков или волов, число которых могло доходить до шести. Колеса уреми имели спицы и подвижную ось. Для предотвращения несчастных случаев при крутых спусках и поворотах

применяли оригинальное приспособление: к концу арбы привязывали большие ветви, на которые клали камни, что при движении гасило излишнюю скорость. Погонщик устраивался на ярме, управляя скотиной при помощи палки. В таких арбах в город из близлежащих селений доставляли различные продукты: рис, муку, сыр, фрукты, овощи, брусковую соль, бурдюки с вином и др. Солому и сено перевозили в специально приспособленных для таких перевозок арбах *(садзне уреми)* [158].

В XIX в. в Тбилиси использовалось несколько видов двухколесных арб, отличавшихся от уреми и садзне уреми главным образом конструкцией колеса. Небольшие колеса без спиц, сделанные из цельного куска дерева и имевшие по внешней окружности железный обод, были характерны для так называемых греческих арб, встречаемых на улицах Тбилиси. Аналогичную конструкцию имели колеса в армянских арбах, отличавшиеся лишь еще большей массивностью и размерами. Подобные арбы со сплошным деревянным колесом были характерны и для приезжавших в Тбилиси осетин и дагестанцев [159]. Такие колеса очень глубоко врезались в землю, что приводило к постоянной порче дорог. Поэтому в 1860-х годах местная администрация повела борьбу с этим видом транспорта, предложив населению заменить их обычными повозками, а где это невозможно, сменить сплошные колеса на колеса обычного устройства со спицами или «хотя бы арбами грузинской конструкции» [160]. Однако даже весьма решительные меры кавказской администрации — обложение в случае отказа владельцев таких арб самым высоким «шоссейным сбором», запрет на движение по почтовым трактам и главным проселочным дорогам — не привели к полному исчезновению этого транспорта, который еще долгое время появлялся на улицах старого Тбилиси.

На арбах привозили товары не только из ближних, но и дальних районов Кавказа. В 1830 г., например, из с. Эндери (Дагестан) через Владикавказ в Тбилиси были привезены бурки и сукна, из крепости Грозной — бурки, из Моздока — тюки с «хлопчатой бумагой» (хлопковая ткань). Из России в Тбилиси также на арбах через Северный Кавказ везли самые различные товары. Такие караваны нередко включали более 50 арб. Однако в начале XIX в. грузы на арбах можно было доставлять только летом, да и то не на всех участках торгового пути. Из Грузии тюки товаров привозили в грузинское с. Степан-Цминда (совр. Казбеги), откуда осетины, занимавшиеся перевозкой грузов через горы, доставляли их через Крестовый перевал в с. Цми (Северная Осетия). Лишь с 1860-х годов на Военно-Грузинской дороге стало возможным постоянное движение колесного транспорта [161].

Для доставки в Тбилиси овощей, зелени и фруктов из окрестных садов и огородов использовалась маленькая двухколесная арба наподобие тачки, в которую впрягали осла или лошадь. Нанятый владельцем сада или огорода погонщик привозил свой товар в Тбилиси и оптом сдавал его бакальщику — владельцу фруктовой лавки. В середине прошлого века состоятельные кинто нередко имели до 10 таких тачек, которые обслуживались бедными кинто [162].

В арбе семья отправлялась на праздник, богомолье, в гости. В этом случае аробщик (груз. *меурме*) специально устраивал ее. Из гибких прутьев он делал над ней навес, который покрывал войлоком или ковром.

Затем в арбу клали сено, поверх него — одеяла и ковры, подушки и мутаки. В такой арбе (груз. *чардахиани уреми*) размещалось нередко 7—8 человек, причем в течение всего пути (иногда целого дня) им приходилось сидеть с поджатыми ногами. Арба двигалась медленно, меурме сидел на перекладине с длинным бичом и, покрикивая на буйволов, обычно затягивал заунывную песню. В Тбилиси и его окрестностях имелось немало крестьян, занимавшихся перевозками на арбах. Меурме имели одну-две арбы, одну-две пары волов или буйволов и ежедневно перевозили из села в город продукты и пассажиров. В первой половине XIX в. в качестве экипажей арбы использовали даже представительницы высших сословий. В торжественные дни визитов арба украшалась коврами, разноцветными тканями, кистями, над ней устраивали навес [163].

Основным способом передвижения людей по Тбилиси в начале XIX в. (не считая, конечно, пешего) была верховая езда, которая считалась особенно престижной в привилегированных сословиях города. Князья и дворяне носились по улицам, нимало не заботясь о том переполохе, который они вносили в среду своих пеших сограждан. Местные власти неоднократно пытались навести порядок в этом отношении, ограничив свободу и скорость перемещения конников. Однако долгое время усилия властей пропадали втуне, а улицы Тбилиси еще в 1830-х годах представляли, по свидетельствам современников, «сплошную скачку». «Бойкие джигиты в чохах, обложенных галуном и с откидными рукавами», носились взад и вперед на лихих карабахских конях, покрытых вышитыми чепраками и украшенных серебряной сбруей. Между прочим, верхом ездили не только мужчины, но и женщины, у которых был принят мужской способ посадки в седле, причем, судя по впечатлениям очевидцев, тбилисские амазонки ездили на коне не хуже многих джигитов. Часто на улицах Тбилиси появлялись конные азербайджанцы — мужчины и женщины, наезжавшие в город по торговым делам из области Борчало в Южной Картли, где были азербайджанские селения. Ослов в качестве верхового транспорта постоянно использовали тбилисские мальчишки [164].

В среде привилегированной части населения Тбилиси, причем исключительно женской, был распространен еще один способ передвижения — на тахтреванди. Этот своеобразный экипаж являл собой подобие порт-шеза или носилок. Со всех сторон он был затянут шелковой тканью и подвешивался между двумя шедшими параллельно лошадьми или лошаками. В тахтреванди было довольно тесно, поэтому сидеть в нем удавалось, только поджав под себя ноги [165].

Проникновение нововведений в тбилисский транспорт началось еще в 20-х годах XIX в., когда в городе стали появляться «европейские» экипажи — немецкие форшпаны, извозчичьи дрожки, коляски. К этому же времени относятся первые попытки организации в Тбилиси общественного транспорта. В 1824 г. группа предприимчивых горожан ввела в употребление пользование наемными экипажами — парными дрожками, которых первое время в городе было всего пятнадцать. Новый вид транспорта сразу же завоевал огромную популярность среди горожан, что повлекло за собой организацию соответствующего промысла. Уже через десятилетие по городским улицам двигалось множество экипажей, управляемых извозчиками, которые были одеты «по-кучерски... и с билетами на затылке,

наподобие московских» кучеров. Очевидцы отмечали активный процесс замены традиционного транспорта новым, происходивший в Тбилиси уже в первой половине XIX в. «Парные извозчики развозят по улицам ремесленников и простых бичо, кареты и коляски выписываются... из Москвы и Петербурга, и что сказал бы дед современного гражданина Тифлиса, увидя внука в коляске, запряженной щегольской парой, в русской сбруе, с русским кучером, дед, ездивший только верхом». В городе стихийно возникали стоянки, где в любое время можно было нанять дрожки: на Бирже, Армянском базаре, на площадях Эриванской, Мадатовской, Александровской [166].

В условиях Тбилиси дрожки оказались весьма небезопасным видом транспорта. Бывало, что на крутом подъеме седок вылетал на мостовую. Этому способствовало то частое обстоятельство, что в дрожки набивалось гораздо больше пассажиров, чем было положено. В этом случае они рассаживались друг у друга на коленях. Таким же образом располагались женщины, отправлявшиеся компаниями в баню; сзади, уцепившись за рессоры, на дрожках повисал сопровождавший женщин мальчик-слуга [167].

В пореформенное время в Тбилиси появились извозчичьи фаэтоны, запрягавшиеся парой лошадей. Содержание такого вида транспорта стало делом местных молокан. Цены на эти экипажи были высоки. Найм в воскресенье на целый день стоил 8 руб., в праздники цена значительно возрастала. Тем не менее в непродолжительное время фаэтоны стали неотъемлемым элементом тбилисского транспорта. В 1887 г. по официальным данным в Тбилиси насчитывалось 520 фаэтонщиков и владельцев дрожек [168].

В зимнее время в Тбилиси изредка выпадал снег. Если он сразу не таял и хоть сколько-нибудь задерживался на поверхности, на городских улицах появлялись сани. Впервые тбилисцы увидели их в 1830-х годах. Тогда они воспринимались как русская диковинка, покататься на которой было весьма дорогим удовольствием. Но уже в 1840-х годах сани стали обязательным атрибутом иногда заснеженных тбилисских улиц. При этом предприимчивые тбилисские извозчики, быстро оценив возрастающую популярность этого вида транспорта, но не имея в своем распоряжении настоящих саней, предлагали клиентам прокатиться в «санных экипажах» собственной конструкции. «Насилу догадался,— пишет очевидец, испытавший удовольствие прогулки в подобном экипаже,— что я еду в каком-то ящике на полозьях, к которому спереди привязаны два длинных полена вместо оглоблей. Честь и слава изобретательности тбилисских извозчиков!» [169]

В последней четверти XIX в. традиционные виды транспорта все больше уступают место новым. Была устроена конно-железная дорога из семи линий, прошедших по центральной части города. На Мтацминду в 1904 г. был проведен фуникулер; появились первые автомобили [170].

Через Куру и ее притоки в черте города были перекинуты мосты, из них старейшие Авлабарский, Воронцовский, Мухранский. В 1880-х годах через Куру имелось 10 мостов, в том числе 6 металлических (Большой Верийский, Михайловский, Воронцовский и др.), Малый Верийский мост был построен через р. Вере. Кроме того, были устроены 4 деревянных моста через глубокие овраги и речку Цхнети [171].

Помимо сухопутных средств связи и передвижения в Тбилиси использовались традиционные водные средства передвижения: плоты, паромы, лодки, каюки. Из боржомских и горийских лесов на плотах сплавляли лес. В 1864 г., например, в Тбилиси таким образом было доставлено до 3 тыс. плотов с лесными материалами. На плотах по Куре нередко переправляли продукты: муку, корзины с курами и птицей. Такой вид транспортировки был не очень надежным. Стремительное течение реки, уровень которой нередко сильно поднимался, зачастую опрокидывало плоты, губило весь товар и плотовщиков. Каюк, устроенный на канатах, служил в Тбилиси до конца 40-х годов основным видом пассажирского транспорта через Куру. Переправлялись также на лодках. В 1848 г. через реку был устроен «летучий паром». «Теперь,— отмечалось в тбилисских газетах,— разлив Куры и весной не помешает нам переправиться с одного берега на другой, и с лошадьми, и с экипажем. Быстрота реки, опасная для лодок, будет, напротив, служить единственной силой, двигающей паром». В конце XIX в. в Тбилиси работали два парома — Верийский и Дидубийский [172].

[1] АКАК. 1868. Т. II. С. 1046; ЦГВИА. ВУА. Д. 22660; Д. 22656; Кавказская летопись // К. 1875. № 136; *Корф Ф.* Воспоминания о Персии. СПб., 1838. С. 34; *Джанберидзе Н. Ш., Цицишвили И. Н.* Архитектура Грузии. М., 1976. С. 91.

[2] Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа... из путешествия акад. И. А. Гильденштедта. СПб., 1809. С. 182; ЦГВИА. ВУА. Д. 22660. Л. 2.

[3] ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 170. Л. 1; ЦГВИА. ВУА. Д. 22660. Л. 2; Д. 22656; *Месхиа Ш.* Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, 1957. С. 405.

[4] Воспоминания о Кавказе и Грузии // РВ. 1869. Т. 79. № 1-2. С. 401, 427; *Кишмишев С.* Тифлис. Личные воспоминания. Тифлис, 1909. С. 1.

[5] Топографическое описание нового плана г. Тифлиса 1828 г. // ОПИ ГБЛ. Музейное собрание. Ф. 178. Д. 8949; Обозрение Российских владений за Кавказом. Ч. 1. СПб., 1836. С. 143.

[6] АКАК. Т. 2. С. 1058.

[7] ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3950. Л. 42.

[8] Воспоминания о Кавказе и Грузии. С. 401; ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3950. Л. 3, 6, 7, 16.

[9] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2399. Л. 1 об.

[10] ЦГВИА. ВУА. Д. 22660; ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 183. Л. 1—6, 20; Ф. 1438. Оп. 1. Д. 522. Л. 2 об.

[11] ЦГВИА. ВУА. Д. 22662. План Тбилиси 1828 г.

[12] Топографическое описание...; ЦГВИА. ВУА. Д. 22663.

[13] ЦГИА ГССР. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 96. Л. 42.

[14] Топографическое описание...

[15] ЦГИА ГССР. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 132. Л. 17; Д. 522. Л. 8; Ф. 414. Оп. 1. Д. 34. Л. 13 об.; ЦГВИА. ВУА. Д. 4331.

[16] Хроника // НО. 1886. № 792; *Дункель-Веллинг.* Письма к петербургскому знакомому // К. 1853. № 53; *Георгеридзе Д. И.* Сады и парки Грузии. М., 1969.

[17] ЦГВИА. ВУА. Д. 2266; ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 22. Л. 32.

[18] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 9. Л. 84 об.; Тифлисский майдан // РХЛ. 1853. № 29; Майдан в Тифлисе // Азиатская Россия. М., 1905. С. 104.

[19] *Дункель-Веллинг.* Письма; Тифлисский майдан. С. 3—4; *Квирквелиа Т. Р.* Архитектура Тбилиси. М., 1985. С. 110.

[20] Тифлисский майдан. С. 4; Документы по истории Грузии (1862—1917). Т. 1. Ч. 2. Тбилиси, 1960. С. 65, 93—94; Хроника // ТЛ, 1887. № 282.

[21] Топографическое описание нового плана г. Тифлиса 1828 г. Л. 14 об.; Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 65; Хроника // ТЛ. 1887. № 195.

[22] Топографическое описание... Л. 13 об., 14 об.; ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 9. Л. 84 об.; Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 65, 93—94.

[23] Топографическое описание... Л. 20 об., 21; *Корф Ф.* Воспоминания о Персии. С. 38; *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 144; *Евлахов И.* Тифлисские караван-сараи // ЗКОИРГО. 1852. Кн. 1. С. 167—168.

[24] ЦГВИА ВУА. Д. 22660; Топографическое описание...; *Евлахов И.* Тифлисские караван-сараи. С. 168—171.

[25] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 10. Л. 196 об.

[26] *Цагарели А.* Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия... Т. 1. СПб., 1891. С. 188; Топографическое описание...; Тифлис по однодневной переписи 25 марта 1876 г. // ССК. 1880. Т. VI. С. 208.

[27] *Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1977. С. 49, 83; *Волков Н. П.* Из Владикавказа в Тифлис по Военно-Грузинской дороге. Владикавказ, 1908. С. 51; Хроника // НО. 1884, № 4.

[28] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 3. Д. 3505. Л. 1—57.

[29] ЦГИА ГССР. Ф. 21. Оп. 1. Д. 419. Л. 2, 3, 7; Ф. 205. Оп. 1. Д. 271. Л. 1—8.

[30] Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 62, 97; Топографическое описание нового плана г. Тифлиса 1828 г.

[31] ЦГИА ГССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1074. Л. 8; Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 187.

[32] Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 107.

[33] ЦГВИА. ВУА. Д. 2263; ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.

[34] ЦГИА Аз.ССР. Ф. 288. Оп. 1. Д. 131. Л. 25 об.; Ф. 291. Оп. 1. Д. 205. Л. 1, 9, 10; ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 763; Оп. 6. Д. 561. Л. 22, 23; Документы... Т. 1. Ч. 2. С. 306.

[35] АКАК. Т. XI. 1886. С. 964; ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2389. Л. 52; Хроника // К. 1887. № 48; Хроника // ТЛ. 1887. № 284.

[36] Хроника // ТЛ. 1887. № 259; Хроника // К. 1887. № 44.

[37] Хроника // К. 1889. № 10.

[38] Хроника // ТЛ. 1887. № 264, 206.

[39] ЦГИА ГССР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 7792. Л. 21 об., 24; Воспоминания о Грузии и Кавказе. С. 419; Хроника // К. 1849. № 21.

[40] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 130; Ответ из Тифлиса в Санкт-Петербург // ТВ. 1832. № 5.

[41] ЦГИА ГССР. Ф. 26. Оп. 2. Д. 1877. Л. 8 об., 9.

[42] *Лиданова Л.* В горах Кавказа. М., 1912. С. 147.

[43] ЦГИА ГССР. Ф. 205. Оп. 1. Д. 698. Л. 2, 5; Ф. 192. Оп. 8. Д. 170.

[44] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 10. Л. 192, 210.

[45] Там же. Ф. 192. Оп. 6. Д. 336. Л. 38—40.

[46] Географическое и статистическое описание Грузии... С. 182; *Цагарели А.* Грамоты... С. 188.

[47] *Меликсет-Беков Л. М.* Старый Тифлис по описаниям А. Негри и М. Медичи (1825—1830 гг.) // Arş. Тифлис, 1918. № 2-3. С. 107—109; Тифлис полвека назад // НО. 1885. № 614; *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Т. 1. СПб., 1857. С. 142, 143.

[48] *Чиковани Т. А.* Классификация и генезис закавказского жилища со ступенчатовенцеобразным перекрытием // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971.

[49] Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 111; *Пантюхов И. И.* О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896. С. 84; *Сумбадзе Л.* Архитектура народного жилища дарбази. Тбилиси, 1987; *Чубинашвили Г. Н.* Крестьянский дарбази в Дигоми // Пламя. Тифлис, 1924. № 5. Рисунки и обмеры выполнены в 1921—1922 гг. архитектором Н. Северовым.

[50] Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 112; *Сумбадзе Л.* Архитектура народного жилища... С. 17, 235—236; *Чубинашвили Г. Н.* Крестьянский дарбази в Дигоми. С. 14. Рис.

[51] *Сумбадзе Л.* Архитектура народного жилища... С. 235.

[52] *Сумбадзе Л.* Грибоедов о реконструкции Тбилиси // Сабчота хеловнеба. Тбилиси, 1969. № 8. С. 20 (на груз. яз.).

[53] *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Т. 1. С. 75.

[54] *Меликсет-Беков Л. М.* Старый Тифлис... С. 107; Тифлис в настоящее время // К. 1846. № 47.

[55] Хроника // ЗВ. 1848. № 14; Еще несколько слов о Тифлисе // Всемирный путешественник. Т. 1. СПб., 1869. С. 37; Хроника // К. 1851. № 58.

[56] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 185. Л. 258—259.
[57] Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2160. Л. 13—15, 23.
[58] Хроника // К. 1887. № 185.
[59] «Косовая» сажень — расстояние от пяты левой ноги до конца пальцев поднятой правой руки.
[60] ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3950. Л. 1—4.
[61] Там же. Д. 6091. Л. 7—8, 10—12, 17.
[62] ЦГИА ГССР. Ф. 209. Оп. 1. Д. 88.
[63] *Евлахов И.* Заметки о Тифлисе // К. 1846. № 23; Географическое и статистическое описание Грузии... С. 192; Хроника // К. 1853. № 9; *Беридзе В.* Архитектура Тбилиси. Тбилиси, 1960. С. 38; *Рябов Б. И.* Архитектура Тифлиса // Ars. 1918. № 1. С. 64; *Джанберидзе Н. Ш., Цицишвили И. Н.* Архитектура Грузии. М., 1976.
[64] Географическое и статистическое описание... С. 181.
[65] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1871. С. 143—144; Грузины // Народы России. СПб., 1880. С. 388; *Цинцадзе В.* Тбилиси. Архитектура старого города и жилые дома первой половины XIX столетия. Тбилиси, 1958. С. 98.
[66] Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 145; *Цинцадзе В.* Тбилиси... С. 97.
[67] *Евлахов И.* Заметки о Тифлисе; Хроника // К. 1847. № 3; *Цинцадзе В.* Тбилиси. С. 81.
[68] *Мелитаури К. Н.* Архитектура балконов жилых домов Тбилиси XIX в. // Автореф. канд. архитектуры. Тбилиси, 1955.
[69] *Чубинашвили Г. Н.* Крестьянский дарбази в Дигоми.
[70] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2159. Л. 1—5.
[71] Там же. Л. 6 об., 20.
[72] ЦГИА ГССР. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2546; Д. 2540.
[73] Там же. Ф. 192. Оп. 8а. Д. 10470; Ф. 204. Оп. 1. Д. 2542; Д. 2544.
[74] Там же. Ф. 192. Оп. 8а. Д. 10474; 10518.
[75] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6157. Л. 1 об., 40 об.
[76] Хроника // ЗВ. 1949. № 38.
[77] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6202. Л. 46—50; Ф. 1105. Оп. 1. Д. 50. Л. 26; Ф. 205. Оп. 1. Д. 1235; Д. 639; Хроника // К. 1854. № 5.
[78] ЦГИА ГССР. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 50. Л. 77 об.
[79] Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 102. Л. 2; Хроника // К. 1897. № 30.
[80] ЦГИА ГССР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1460. Л. 4 об., 5; Хроника // К. 1892. № 65.
[81] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6202; АКАК. Т. XII. С. 227.
[82] ЦГИА ГССР. Ф. 205. Оп. 1. Д. 632. Л. 11, 74, 76.
[83] Хроника // НО. 1874. № 12; Хроника // К. 1884. № 86; Объявления // ТЛ. 1887. № 262.
[84] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 10. Л. 236; Хроника // К. 1875. № 89; *Биленцов М.* Кое-что о Тифлисе (Воспоминания старожила) // К. 1858. № 2.
[85] Хроника // К. 1849. № 21; *Дагарели А.* Грамоты... Т. 1. С. 188.
[86] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6202. Л. 75—80; Хроника // ТЛ. 1902. № 40; *Верещагин В.* Путешествие по Закавказью в 1864—1865 гг. // Всемирный путешественник. Т. VII—VIII. СПб., 1870. С. 233.
[87] *Сумбадзе Л.* Архитектура народного жилища... С. 230.
[88] ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6202; Однодневная прогулка по Тифлису // ТВ. 1830. № 49.
[89] ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 10—15, 23, 27, 49.
[90] Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6202. Л. 74, 75, 80, 86; *Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. С. 38—39.
[91] *Сумбадзе Л.* Архитектура народного жилища... С. 144.
[92] Хроника // К. 1853. № 5; Очерки Тифлиса // К. 1846. № 9.
[93] Кюрси (курси) — отопительное устройство, распространенное в странах Передней Азии.
[94] Хроника // К. 1846. № 9; Хроника // НО. 1884. № 263; Хроника // ТЛ. 1888. № 14; ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 11, 27 об.
[95] Хроника // К. 1849. № 21; ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 27 об.
[96] ЦГВИА. ВУА. Д. 18481. Л. 95.
[97] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 185. Л. 1—33.
[98] Там же. Д. 74. Л. 1, 2; *Сливицкий И.* Цвет миндальных деревьев // К. 1850. № 23;

Пс...вский. Миндальные деревья // ТВ. 1828. № 13; *Эристов-Шервашидзе Н.* Книга о приданом царевны Нины Георгиевны (1791 г.). М., 1916. С. 25, 26.

99 *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 49; *Гватуа Н.* История костюма. Грузинский женский костюм XIX — начала XX в. Тбилиси, 1967. С. 20 (на груз. яз.).

100 *Евецкий О.* Статистическое описание... С. 49; *Гватуа Н.* История костюма... С. 23.

101 *Евецкий О.* Статистическое описание... С. 49.

102 *Меликсет-Беков Л. М.* Старый Тифлис... С. 107; *Гагошидзе Ю. М.* Украшения грузинской женщины. Тбилиси, 1981. С. 200, 201.

103 Обозрение Российских владений за Кавказом. Ч. 1. СПб., 1836. С. 239—240; Монастырь св. Давида // К. 1846. № 7.

104 Обозрение Российских владений за Кавказом. Ч. 1. С. 238; *Читая Г. С.* Этнографические параллели. 1. Грузинская обувь с носком // Сообщения Груз. филиала АН СССР. Т. 1. № 4. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).

105 *Пс...вский*. Миндальные деревья; Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 238, 239; *Сливицкий И.* Цвет миндальных деревьев; Хроника // К. 1850. № 80; 1887. № 162.

106 Воспоминания о Тифлисе. С. 68.

107 *Евецкий О.* Статистическое описание... С. 47.

108 Воспоминания о Грузии и Кавказе // РВ. 1869. Т. 79. С. 419.

109 ЦГВИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Л. 66, 75, 79—81; Народы Кавказа. Т. II. М., 1962. С. 514.

110 *Лисициан С. С.* Старинные пляски и театральные представления армянского народа. Т. 1. Ереван, 1958. Табл. II, III.

111 *Авакян Н. Х.* Об ареалах народного костюма армян (XIX — начало XX в.) // КЭС. VI. М., 1976. С. 198.

112 Воспоминания о Тифлисе. С. 68.

113 *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1. СПб., 1872. С. 12; *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Ч. 1. СПб., 1857. С. 41.

114 *Саминский Л.* В туземных синагогах Тифлиса // НВ. 1914. № 5. С. 31.

115 *Ган К. Ф.* Краткий путеводитель по Кавказу. С. 34; Хроника // ТЛ. 1889. № 31; *Янко.* Памяти Г. Н. Сундукианца. Кинто прежде и теперь // ЗР. 1912. № 102; Народы Кавказа. Т. II. С. 513.

116 *Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. С. 14, 15.

117 *Гватуа Н.* История костюма...; *Яшвили М. Д.* Из истории материальной культуры Грузии (XVII—XIX вв.). Тбилиси, 1976 (на груз. яз.); *Мачабели Н. К.* Из истории семейных отношений грузинского народа (институт приданого в Восточной Грузии). Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

118 *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Ч. 1. С. 77.

119 *Гватуа Н.* История костюма... С. 40.

120 Там же. С. 18; Тифлис // К. 1868. № 95.

121 *Гватуа Н.* История костюма... С. 38.

122 Хроника // К. 1868. № 95; ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 12—15, 25; Воспоминания о Тифлисе. С. 68; *Сл. И.* Гадание на армянском кладбище и гулянье в Ортачалах // К. 1851. № 68.

123 ЦГИА ГССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6, 202. Л. 19 об.

124 Там же. Л. 66, 75, 79—81.

125 *Вышеславцев Л.* Заметки русского о современной Грузии // Пантеон. СПб., 1855. Т. XXII. Кн. 7. С. 46.

126 *Бакрадзе Д.* Духан и пурне // К. 1851. № 19.

127 ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 33.

128 Документы по истории Грузии. Т. 1. Грузия в период буржуазных реформ (1862—1872). Ч. 2. Тбилиси, 1960. С. 64; Хроника // К. 1905. № 22.

129 ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 25.

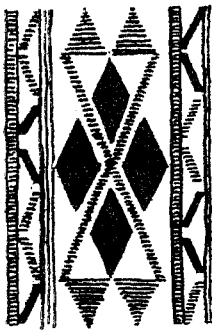
130 Там же. Л. 11, 23, 49; Документы по истории Грузии. Т. 1. Ч. 2. С. 303; Хроника // К. 1875. № 15.

131 *Чхетия И. К.* К истории Тбилиси // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 1. Тбилиси, 1938. С. 170; ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 11, 33 об.; Однодневная прогулка по Тифлису // ТВ. 1830. № 48.

132 ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 33 об.

133 Хроника // ТЛ. 1887. № 282.

134 *Чхетия И. К.* К истории Тбилиси. С. 170.
135 Однодневная прогулка по Тифлису.
136 Хроника // К. 1853. № 18.
137 ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 23, 33 об.; Майдан в Тифлисе // РХЛ. 1853. № 29.
138 ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 8. Д. 766. Л. 33.
139 Там же. Л. 27; О святках в Тифлисе и народном суеверии в Грузии // К. 1847. № 3.
140 Документы по истории Грузии. Т. 2. Ч. 2. С. 42.
141 Хроника // ТВ. 1887. № 163; 1888. № 167.
142 *Е. Т.-А.* Праздник в честь св. воеводы Сергия (Сурб-Саркис) у туземцев в Тифлисе // К. 1887. № 29.
143 Хроника // К. 1887. № 217.
144 *Романов И.* Новый год в Грузии // К. 1846. № 3; Хроника // К. 1887. № 65; *Чхетия И. К.* К истории Тбилиси.
145 *Е. Т.-А.* Великий пост у туземцев Тифлиса // К. 1887. № 49.
146 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 706. Л. 21.
147 *Вилельс Е.* Грузинские очерки и типы // К. 1849. № 16.
148 Хроника // К. 1847. № 16; *Вилельс Е.* Грузинские очерки и типы. № 17.
149 Хроника // К. 1887. № 9.
150 *Бакрадзе Д.* Духан и пурне.
151 Хроника // К. 1909. № 248; 1875. № 16, 23; 1911. № 3.
152 *Дюкруаси И.* Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края // ЗКОРГО. 1852. Кн. 1. С. 144—166; *Евлахов И.* Караван-сараи // Там же. С. 75.
153 ЦГВИА. ВУА. Д. 10; *Дюкруаси И.* Краткое описание... С. 144.
154 *Дункель-Веллинг.* Письма к петербургскому знакомому. III // К. 1853. № 67; Хроника // НО. 1886. № 1037.
155 Воспоминания о Тифлисе и его окрестностях // Вестник РГО. 1855. Кн. V. С. 69.
156 ЦГИА ГССР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1475. Л. 7.
157 Очерки Тифлиса // РХЛ. 1853. № 5; Очерки Кавказа // Север. СПб., 1888. № 41. С. 15; *Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1977. С. 58.
158 *Гегешидзе М. К.* Грузинский народный транспорт. 1. Тбилиси, 1956. Табл. 31 (на груз. яз.).
159 Там же. Табл. 63.
160 ЦГИА ГССР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 499 (1868 г.).
161 Хроника // ТВ. 1830. № 3, 15.
162 Обозрение Российских владений за Кавказом. Ч. 1. СПб., 1836. С. 241; *Сонгулашвили Д. М.* Огородничество в окрестностях Тбилиси (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1961. С. 21.
163 *Дановский В.* Грузинские типы // К. 1902. № 144; Армянский базар в Тифлисе в 1887 г. // ТЛ. 1887. № 159.
164 *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1. СПб., 1879. С. 9. Монастырь св. Давида // К. 1846. № 7.
165 Воспоминания о Кавказе и Грузии // РВ. 1869. Т. 79. С. 419; Монастырь св. Давида.
166 Впечатления и воспоминания покойника // Библиотека для чтения. 1848. Т. 86. С. 52; *Вышеславцев Л.* Заметки русского о современной Грузии // Пантеон. СПб., 1855. Т. XXII. Кн. 7. С. 42; Извозчики в Тифлисе // ТЛ. Иллюстр. прибавление. 1900. № 13.
167 *Зубов П.* Шесть писем о Грузии и Кавказе. М., 1834. С. 65, 419.
168 ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 34. Л. 15 об.
169 Зима в Грузии // ЗВ. 1848. № 3.
170 Тифлисский настольный календарь на 1894 г. Тифлис, 1893; *Ган К. Ф.* Краткий путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1911. С. 34.
171 ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.
172 Там же. Д. 10. Л. 202; Ф. 16. Оп. 1. Д. 7536. Л. 1; Документы по истории Грузии. Т. I. Ч. 2. Тбилиси, 1960. С. 54, 93, 98.



Глава четвертая

СЕМЬЯ И ДОМАШНИЙ БЫТ

На тип, структуру, численность и другие характеристики тбилисской семьи непосредственное влияние оказывали особенности формирования городского населения, в частности социально-демографические показатели миграционных потоков, вливавшихся в Тбилиси на протяжении всего XIX в. Главная черта — в город переселялись преимущественно не семьи, а одиночки или часть семьи, два-три ее члена. Как следствие этого был фиксируемый официальной статистикой значительный процент проживавших в Тбилиси одиноких людей и неполных семей.

Сохранению значительного числа одиночек способствовала также резкая диспропорция в половом составе мигрантов: мужчины значительно преобладали над женщинами. Диспропорция сильно увеличивалась и за счет сезонного отходничества, основной контингент которого составляли мужчины, приходившие в Тбилиси на заработки.

На всем протяжении XIX в. преобладающим типом семьи среди тбилисских горожан была малая, т. е. состоящая из двух поколений родственников — родителей и детей. Уже первые статистические материалы начала века, фиксирующие количественный и родственный состав тбилисских семей, дают основание для этого утверждения. Так, наиболее ранние сведения подобного рода содержит список армянских переселенцев, обосновавшихся в 1804 г. в Гаретубани и на Авлабаре (табл. 1). Максимальную долю в этой группе составляли семьи из 3—5 человек (228 семей, около 59%). Довольно значительна группа семей из двух человек (38; 9,8%). Число семей в 6—9 человек 94 (24,3%). Семьи в 10 и более человек составили 22 (5,6%). В то же время архивные материалы свидетельствуют, что структура малых семей часто бывала сложной, так как помимо родителей и детей они включали кого-либо из родственников: одного из родителей главы семьи или его жены, его неженатых братьев, иногда племянников (в случае, если дети по каким-либо причинам лишались родителей). Но встречались и неполные малые семьи, чаще всего из-за отсутствия одного из родителей.

Достаточно полную картину структуры тбилисской семьи дают документы камерального описания 1824 г. Подавляющее большинство грузинских семей составляли простые малые, одно-двухпоколенные семьи, включавшие супругов или родителей и детей. Нередки были неполные семьи,

причем отсутствовать могли как отец, так и мать. Неполные семьи иногда демонстрировали достаточно редкие сочетания: два брата, дядя с племянником. Встречались более сложные по родственному составу и, следовательно, более многочисленные малые семьи, в которых жил кто-либо из родственников главы семьи или его жены.

Интересным фактом, зафиксированным материалами камерального описания 1824 г. (табл. 2, 3), является наличие в Тбилиси некоторого числа семей, структура которых соответствовала большесемейной организации. В качестве примера можно привести данные о семье жителя Тбилиси грузинского казенного крестьянина, состоявшей из 18 человек. В нее входили глава семьи (58 лет), его жена (33 года), сын (2 года), дочери (16 и 11 лет); кроме того, членами семьи были четыре брата ее главы — 50, 43, 39 и 30 лет. Все братья были женаты и трое из них имели потомство. У жены старшего из женатых братьев (33 года) было двое детей: двухлетний сын и 13-летняя дочь; жена второго брата (19 лет) имела сына шести лет и пятилетнюю дочь; у жены третьего брата (17 лет) детей еще не было. В камеральных списках 1824 г. фиксируются еще три грузинские семьи численностью в 10, 14 и 15 человек, которые, как и предыдущая, по своей структуре напоминали большие братские семьи.

Большесемейные структуры встречались и у армянского населения города. Хотя в процентном отношении они значительно уступали малым семьям, тем не менее примеры больших семей у армян весьма выразитель-

Рис. 23. ГРУЗИНСКАЯ СЕМЬЯ. Фотография конца XIX в.

Таблица 1*. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЕЙ АРМЯН ПО ДАННЫМ 1804 Г.

	абс. число	%
Всего семей	384	100
В т. ч. из:		
1 человека	2	0,5
2 »	38	9,8
3 »	65	16,8
4 »	80	20,8
5 »	83	21,6
6 »	37	9,6
7 »	34	8,8
8 »	13	3,3
9 »	10	2,6
10 »	7	1,8
11 »	5	1,3
12 »	4	1,0
13 »	2	0,5
14 »	—	—
15 »	2	0,5
16 »	—	—
17 »	—	—
18 »	1	0,2
19 »	1	0,2

* Рассчитано по: ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 185.

Таблица 2*. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЕЙ ГРУЗИН ПО ДАННЫМ 1824 Г.

	абс. число	%
Всего семей	302	100
В т. ч. из:		
1 человека	6	1,9
2 »	41	13,5
3 »	47	15,5
4 »	72	23,8
5 »	64	21,1
6 »	30	9,9
7 »	15	4,9
8 »	14	4,6
9 »	3	0,9
10 »	4	1,3
11 »	2	0,6
12 »	—	—
13 »	—	—
14 »	2	0,6
15 »	1	0,3
16 »	—	—
17 »	—	—
18 »	1	0,3

* Рассчитано по: ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1424.

ны. Так, Папа Соипов был главой четырехпоколенной семьи отцовского типа. С ним жили его отец (93 года), сыновья Осип (33 года) с женой 21 года, Оганез (30 лет) с женой 26 лет, неженатый Симон (18 лет); младшее поколение семьи Соипова представляли два сына Оганеза (4 года и 1 год).

Большие семьи встречались в Тбилиси и позднее, численность их была также невелика. Камеральные описания 1848 г. (табл. 4) довольно часто фиксируют большесемейные структуры, т. е. факты совместного проживания и ведения хозяйства братьями с их женами и детьми. Однако при подсчете численности подобных семей оказывается, что они редко превышали 10 членов. В этих условиях армянская семья Габриэла Шадинова заметно выделялась своей многолюдностью. Самому Габриэлу было 45 лет. С ним жили его сыновья (8 и 14 лет), брат Давыд (44 года) с сыном Василием (6 лет), племянники Иван (20 лет), Луарсаб (18 лет), Язон (10 лет), видимо сыновья умершего или находившегося в отходе другого брата главы семьи. В семье было также 11 женщин, родственные связи которых с главой в документах не обозначены [1].

В качестве иллюстрации численного состава тбилисской семьи можно привести материалы камерального описания 1848 г. Для подсчета нами

Таблица 3*. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЕЙ АРМЯН ПО ДАННЫМ 1824 Г.

	абс. число	%		абс. число	%
Всего семей	437	100	6 человек	61	13,8
В т. ч. из:			7 »	41	9,3
1 человека	21	4,6	8 »	22	5,0
2 »	58	13,2	9 »	14	3,2
3 »	66	15,0	10 »	6	1,3
4 »	74	17,9	11 »	3	0,6
5 »	68	15,5	12 »	3	0,6

* Рассчитано по: ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1424.

были взяты данные по 428 грузинским и 428 армянским семьям. Как видим, подавляющее большинство в группе грузинских семей — семьи численностью в 2—5 человек (333, или 77,8%). У армян семьи того же численного состава фиксируются в 298 случаях (69,6%). Семей численностью в 7—8 человек у армян оказывается больше.

Таблица 4*. ТБИЛИССКАЯ СЕМЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ 1848 Г.

	Грузины		Армяне	
	абс. число	%	абс. число	%
Всего семей	428	100	428	100
В т. ч. из:				
1 человека	9	2,0	13	0,3
2 »	93	21,7	68	15,8
3 »	92	21,7	73	17,0
4 »	78	18,2	86	20,0
5 »	70	16,2	71	16,5
6 »	44	10,2	48	11,2
7 »	22	5,1	34	7,9
8 »	10	2,3	21	4,9
9 »	4	0,9	4	0,9
10 »	1	0,2	4	0,9
11 »	2	0,4	1	0,2
12 »	2	0,4	1	0,2
13 »	1	0,2	1	0,2
14 »	—	—	1	0,2
15** »	—	—	1	0,2
19 »	—	—	1	0,2

* Рассчитано по: ЦГИА ГССР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 23886. Л. 1—130

** Семьи численностью в 16—18 человек в обеих группах отсутствуют.

Таблица 5*. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЕЙ ГРУЗИН ПО ДАННЫМ 1866 Г.

	абс. число	%		абс. число	%
Всего семей	114	100	7 человек	6	5,2
В т. ч. из:			8 »	10	8,7
1 человека	8	7,0	9 »	6	5,2
2 »	13	10,5	10 »	3	2,6
3 »	22	19,2	11 »	1	0,8
4 »	15	13,1	12 »	3	2,6
5 »	9	7,8	13 »	1	0,8
6 »	17	15,0			

* Рассчитано по: ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 5. Д. 283.

Камеральное описание немецкой колонии «Тифлис», составленное в 1853 г., дает представление о численности и структуре семьи жителей города немецкого происхождения. В колонии жили 56 семей (одиночек не было), которые по числу членов распределялись следующим образом: семей из 2 человек было 8 (14,4%), из 3 человек — 3 (5,3%), из 4 человек — 11 (19,6%), из 5 человек — 8 (14,2%), из 6 человек — 6 (10,7%), из 7 человек — 3 (5,3%), из 8 человек — 7 (12,5%), из 9 человек — 3 (5,3%), из 10 человек — 3 (5,3%), из 11 человек — 2 (3,5%), из 12 и 13 человек — по одной семье (соответственно по 1,7%). Наибольшая доля (33%) приходилась на категорию семей из 4—5 человек. В подавляющем большинстве это были малые двухпоколенные семьи.

Рассмотренные материалы позволяют говорить о существовании двух больших семей среди немецкого населения колонии «Тифлис». Одну семью братского типа возглавлял младший из братьев 26 лет. Членами этой семьи были его жена, мать (58 лет), сын, а также старший брат (30 лет) со своей семьей — женой и тремя детьми; здесь же проживал двоюродный брат главы семьи (24 лет). Другая большая семья в 13 человек была отцовского типа. Ее членами были родители (отец 57 лет и мать 51 года), их пять сыновей возрастом от 10 до 31 года, три дочери и семья старшего сына, состоящая из жены и двух дочерей [2].

Данные камерального описания 1866 г. вновь засвидетельствовали преобладание среди коренных жителей Тбилиси малой, в основном двухпоколенной семьи, а также значительное число одиночек среди жителей города. У грузин (табл. 5) в этот период основную группу составляли малые семьи из 2—4 человек (около 48% в подсчитанной группе). Продолжали сохраняться большие семьи. В этой же группе таких семей было девять: шесть братского и три отцовского типов, что составило 8,4% от общего числа семей. Интересны данные о большой семье Майсурадзе. Она состояла из главы (40 лет), его жены, трех сыновей и пяти братьев (20, 15, 13, 12, 11 лет), из которых старший был уже женат и имел двоих сыновей. Другая большая семья Косашвили была отцовского типа. Она состояла из главы (51 год), его жены, пяти сыновей и семьи старшего сына (20 лет). Характерно, что в некоторых братских семьях объединялись не родные, а двою-

Таблица 6*. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЕЙ ГРУЗИН И АРМЯН ПО ДАННЫМ ПОСЕМЕЙНЫХ СПИСКОВ 1886 Г.

	Грузины		Армяне	
	абс. число	%	абс. число	%
Всего семей	407	100	407	100
В т. ч. из:				
1 человека	103	25,3	35	8,5
2 »	67	16,4	78	19,1
3 »	68	16,7	78	19,1
4 »	65	15,9	64	15,7
5 »	36	8,8	53	13,0
6 »	26	6,3	48	11,7
7 »	23	5,6	26	6,3
8 »	9	2,2	16	3,9
9 »	3	0,7	6	1,4
10 »	3	0,7	1	0,2
11 »	2	0,4	1	0,2
12 »	1	0,2	—	—
13 »	1	0,2	—	—
14 »	—	—	—	—
15 »	—	—	1	0,2

* Рассчитано по: ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1639, 1642; Ф. 192. Оп. 5. Д. 314, 315.

родные братья. В то же время в 1860-х годах доля больших семей среди грузинского населения по сравнению с 1848 г. сократилась, что было связано с процессом распада этого типа семей.

Данные посемейных списков 1886 г. (табл. 6) по грузинскому населению Тбилиси показывают, что основную долю в нем составили семьи из 2—4 человек — всего 200 семей, т. е. около половины общего числа семей подсчитанной группы. Велика доля одиночек — 22,8%, что объясняется большим числом в данной группе категории «временнопроживающих». У армян основной процент составили семьи из 2—6 человек — 321 семья (78,8%). В обеих группах имелись семьи из 10 человек и более: у грузин — 7 семей (1,2%), у армян — 3 семьи (0,7%).

Материалы посемейных списков 1886 г. дают сведения по русским жителям города (табл. 7) и, как указано в документах, по «русскоподданным мусульманам» (табл. 8).

Как видим, русские семьи по численному составу не отличались от грузинских и армянских: основную часть их составляли семьи из 3—5 человек (48 семей, 45,7%). Довольно значительна доля одиночек и семей из 2 человек — 19,4%. Семьи в 10 и более человек представлены единично (8; 7,6%). Подавляющее количество семей — малые, двухпоколенные, включавшие родителей и детей, реже кого-нибудь из родственников или свойственников жены или мужа. Большие семьи среди русских жителей Тбилиси

Таблица 7*. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЕЙ РУССКИХ ТБИЛИСИ (1886 г.)

	абс. число	%		абс. число	%
Всего семей	104	100	8 человек	5	4,8
В т. ч. из:			9 »	5	4,8
1 человека	8	7,6	10 »	—	—
2 »	12	11,5	11 »	2	1,8
3 »	15	14,4	12 »	—	—
4 »	16	15,3	13 »	2	1,8
5 »	17	16,3	14 »	2	1,8
6 »	9	8,6	15 »	1	0,9
7 »	9	8,6	16 »	1	0,9

Рассчитано по: ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1639. Л. 1—61.

встречались редко. Единичные примеры известны, в частности, среди русских молокан. Так, семья Портновых состояла из 11 человек. Глава Александр Данилович (27 лет), с которым жили его 4 брата — Степан (22 года), Григорий (21 год), Иван (18 лет), Семен (16 лет), сестра (20 лет), мать 56 лет, жена главы семьи (26 лет) и дочь (9 лет). Два брата — Степан и Григорий — были женаты (возраст жен — 18 и 16 лет). Рядом жила другая семья Портновых из 9 человек. Ее глава Иван Степанович (20 лет), двоюродный брат Александра Даниловича, братья главы семьи — Василий (18 лет), Федор (14 лет), малолетний брат (2 года), мать (40 лет), сестры (11 лет и 1 год), жена главы семьи (18 лет). Рядом с названными семьями жили еще три семьи Портновых, состоявшие из второго поколения ранее отделившихся родных братьев [3].

Ситуация с «мусульманскими» семьями близка к рассмотренной. И в этой группе преобладали небольшие по численности малые семьи из

Таблица 8*. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЕЙ «МУСУЛЬМАНСКОГО» НАСЕЛЕНИЯ ТБИЛИСИ (1886 г.)

	абс. число	%		абс. число	%
Всего семей	86	100	7 человек	6	8,0
В т. ч. из:			8 »	4	5,3
1 человека	11	14,6	9 »	3	3,4
2 »	11	14,6	10 »	—	—
3 »	11	14,6	11 »	—	—
4 »	13	17,3	12 »	—	—
5 »	16	21,3	13 »	1	1,1
6 »	9	12,0	14 »	1	1,1

* Рассчитано по: ЦГИА ГССР. Ф. 192. Оп. 5. Д. 314. Л. 1—26.

3—5 человек (40 семей; 46,5%), еще больший процент, чем у русских, составляли одиночки и семьи из 2 человек (22; 25,5%). Большие семьи среди мусульманской части населения Тбилиси не зафиксированы.

Как уже отмечалось, структура и численность семьи в отдельных социальных группах населения Тбилиси в основном не имели какой-то специфики и существенных различий. Исключение, видимо, составляли лишь «временнопроживающие», среди которых преобладали одиночки. Некоторые особенности имели семьи отдельных этноконфессиональных групп. Видны, например, различия между русскими молоканами и русскими православными: для молокан характерна бóльшая численность семьи и даже наличие трех- и четырехпоколенных семей. В то же время в среде католиков — грузин и армян, как и в среде православных и григориан, преобладающей была семья из 2—5 человек [4].

Процесс распада сохранившихся в Тбилиси больших семей был достаточно интенсивным уже в дореформенное время. Во всяком случае, камеральное описание 1866 г. фиксирует много отцовских и братских больших семей, разделившихся в 1840—1860 гг.[5] В большинстве такие «дочерние» семьи поселялись рядом, иногда даже в одном дворе, но в отдельных домах. По камеральному описанию 1864 г. в списке «казенных обывателей», жителей 4-й части первого квартала Тбилиси, названо 8 таких недавно разделившихся больших семей. К этому времени распалась семья грузин Бабакашвили, включавшая семьи четырех родных братьев. Вновь возникшие четыре малые семьи образовали самостоятельные хозяйства, но поселились рядом. Грузинская семья Махарадзе включала главу семьи (Георгий, 54 года) и двух его сыновей, из которых старший (21 год), как и младший брат Георгия, выделился. Раздел произошел также в большой братской семье грузин Харазишвили, состоявшей из семей четырех родных братьев (32, 30, 29, 24 года), ранее живших в одном доме и одним хозяйством. С разделом у них появились свои дома и в хозяйственном отношении они стали самостоятельными, однако, поселившись рядом, «дочерние» семьи сохраняли территориальное единство.

Процесс распада больших семей не миновал и армянское население Тбилиси. К 1864 г. на малые семьи распалась семья Глаха Абрамова: из пяти сыновей, живших с ним, два (33 и 27 лет) выделились в самостоятельные хозяйства. В камеральном описании 1864 г. записаны и другие, еще неполностью распавшиеся армянские семьи, как, например, Агаджановых. Глава семьи (53 года) до раздела жил с пятью сыновьями, из них Николай (23 года) и Егор (25 лет), имевшие семьи, выделились, имели свои хозяйства, но жили рядом с отцовским домом. В эти же годы распалась большая семья Дандуровых. Сам бывший глава (61 год) жил с женой и тремя сыновьями (22, 20 и 15 лет), его старшие сыновья — Давыд (29 лет) и Иван (27 лет) имели свои семьи и жили собственными домами, но рядом с отцовским домом. Вся семья Дандуровых переселилась в Тбилиси из с. Ахалкалаки Горийского у. в 1859 г. Таким образом, буквально за 6 лет (до камерального описания 1866 г.) Дандуровы, обосновавшись в городе как большая отцовская семья, распались на три малые семьи.

Большие семьи могли распадаться не сразу. Например, зафиксированная материалами 1886 г. большая семья армян Наримановых еще сохранялась, но часть ее членов уже выделилась, образовав малые семьи.

Глава семьи Иван Артемович (70 лет) жил с женой (45 лет), четырьмя сыновьями (30, 28, 18, 15 лет) и дочерью (13 лет). Двое сыновей уже были женаты и имели по одному ребенку, но продолжали жить вместе с отцом. Старший сын Степан (53 года) выделился давно. С ним жили его жена (43 года), пять сыновей (23, 21, 14, 11, 9 лет), три дочери (15,16, 18 лет) и мать Степана (65 лет), т. е. первая жена Ивана Артемовича.

Разделившиеся семьи стремились по возможности сохранить территориальное единство. Часто они продолжали жить в своем старом доме. Так, в 1886 г. семьи недавно разделившихся казенных крестьян Андрея и Геурка Юсуповых жили в одном каменном двухэтажном доме на Авлабаре. Уже разделившиеся семьи казенных крестьян Дмитрия, Абрама и Алексея Чиковановых (Чиковани) также жили в одном доме, который собирались расширить, достроив второй этаж. Однако в большинстве случаев выделившиеся после раздела семьи занимали отдельные дома, хотя и расположенные в близком соседстве. Правда, с годами совместное поселение выделившихся малых семей стало затруднительным, поскольку Тбилиси в 70—80-х годах плотно застроился и найти рядом свободные участки земли было невозможно. Тем не менее, даже если не удавалось сохранить территориальное единство, идеологическое единство сохранялось. Оно включало осознание всеми членами родственных семей своего кровного родства, взаимопомощь и взаимовыручку в известных случаях жизни. Таким образом, группы тбилисских семей были объединены специфическими отношениями, которые можно квалифицировать как патронимические.

Изучение ряда документов дало возможность выявить патронимические отношения некоторых известных в Тбилиси католических семей. Так, патронимия Зубаловых включала две семьи общей численностью 17 человек — Константина (10 человек) и Ивана (7 человек). Патронимия Исарловых состояла из 7 семей братьев и сестер (28 человек): Луки (5 человек), Якова (5 человек), Варвары (5 человек), Фелотины (8 человек), Егора (3 человека), Михаила (2 человека), Иосифа (бессемейного). Из трех семей братьев и сестер состояла патронимия Джимшеровых. Она включала семьи Марии (10 человек), Степана (4 человека) и Александра (3 человека). Патронимия Гургеновых также состояла из трех семей (25 человек): Якова (7 человек), Артема (8 человек), Иосифа (10 человек), патронимия братьев Сафаровых объединяла 5 семей (22 человека) в 2, 3, 3, 7 и 7 человек и т. д.[6]

Главой семьи по традиции был мужчина: муж, отец, дед, сын, брат. Нередко семью возглавлял несовершеннолетний сын или брат, хотя с ним жили его мать или старшая сестра. Семьи, в которых главами были мальчики 12—14 лет, жившие со своими матерями, малолетними братьями и сестрами, в камеральных описаниях Тбилиси прошлого века встречаются часто. Отмечены также семьи, в которых главами были трех-четырехлетние сыновья, «по малолетству» жившие со своей матерью, с матерью и сестрой. Подобные семьи с главой — несовершеннолетним мальчиком были известны в разных этнических и социальных группах Тбилиси. У азербайджанцев, например, в 1886 г. в одной из семей главой был 8-летний мальчик (с ним жили его мать — вдова, 41 год, и сестра 12 лет). У русских и немецких колонистов нередки были семьи, возглавляемые 12—14-летними мальчиками. В немецкой семье Ланг, состоявшей из трех братьев 12,

10 и 9 лет, их старшей сестры (33 года) и ее дочерей (11 лет и 2 года) главой был записан 12-летний брат [7].

В большинстве главой семьи считался старший по возрасту мужчина. Однако так бывало не всегда. Известны случаи, когда большие братские семьи возглавлял не старший, а второй брат, что, вероятнее всего, объяснялось его хозяйственными способностями (может быть, физической немощностью старшего брата). Такая же замена происходила, если старший брат находился вне дома на сезонных работах. Примером может служить семья грузин Мосулишвили. В 1880-х годах она включала семьи родных братьев Василия (43 года), Иосифа (40 лет) и Ильи (36 лет). Василий и Илья долгие годы работали во Владикавказе (повар и портной). Большой семьей в отсутствие старшего брата управлял Иосиф; семьи же отходников жили вместе, не выделяясь [8].

Однако известны (хотя и нечастые) факты, когда во главе семьи была женщина, как правило, вдова. Такие семьи встречаются уже в документах 1820-х годов. Из 210 семей мокалаков (грузин и армян), например, 10 семей возглавляли женщины-вдовы. Помимо них в этих семьях были дети, иногда мать или свекровь вдовы. Бывали редкие исключения, когда вдова возглавляла семью при взрослых сыновьях. В камеральном описании 1824 г. семья тбилисских мокалаков (армяне) из 5 человек состояла из вдовы, трех ее сыновей (19, 16 и 6 лет) и матери вдовы. Главой семьи записана вдова. Вместе с тем в этом же списке названа другая армянская семья из 7 человек, включавшая 5 братьев (15, 14, 9, 8, 5 лет), сестру (13 лет), их мать (43 года). Главой семьи записан старший из сыновей. Такого же рода сведения дают посемейные списки 1886 г. Так, в грузинской семье, состоявшей только из женщин: вдовы (30 лет), ее двух дочерей (16 и 12 лет), свекрови (80 лет) — главой считалась вдова. Таким образом, главами семей становились вдовы, если в семье были только женщины, несовершеннолетние дети, а также глубокие старики. Но бывали, хотя и редкие, исключения. Например, в грузинской семье, состоявшей из вдовы (68 лет), двух дочерей и зятя, выходца из Телави, внука и внучки, главой семьи считалась вдова, но не зять [9].

Главой грузинской семьи Ломидзе была Екатерина Соломоновна (35 лет), вдова тбилисского гражданина, она имела в Тбилиси дом, занималась хозяйством. В семье, кроме нее, было еще 4 человека: свекровь (75 лет), два сына и дочь. В армянской семье Абгаровых главой семьи записана вдова (57 лет), жившая с сыном 19 лет. Главой другой армянской семьи Тамасовых была вдова Варвара Артемьевна (70 лет). С ней жили ее незамужние дочери (35, 30 и 28 лет). Мужчин в семье не было. Однако во главе семьи не всегда была старшая женщина. Например, одну армянскую семью возглавляла вдова (33 года), с которой жили ее сыновья (14 и 15 лет), дочери (17 и 11 лет), ее мать 60 лет [10].

Редкие примеры, когда во главе семьи была женщина, встречаются среди всех этнических групп населения Тбилиси. Среди греков в посемейных списках 1886 г. отмечены единичные примеры таких, как правило, малочисленных семей. Например, мать (вдова) 40 лет жила с сыном 14 лет и считалась главой этой семьи. Другая греческая семья включала вдову — главу семьи, жившую со взрослыми сыновьями 19 лет и 22 года. Такие же примеры характерны для еврейского населения Тбилиси. Семья

Елизаветы Адамовны Центнер, тбилисской гражданки, вдовы, 45 лет, включала помимо нее сыновей Авигдера (Владимира) (17 лет), Маркуза (14 лет), Моисея (12 лет). Отмечены такие семьи и среди немцев-колонистов. Так, семью Штарк возглавляла вдова 71 года, имевшая двух сыновей. Старший находился в Петербурге, младший с женой и дочерью жил со своей матерью. Другую немецкую семью из 6 человек также возглавляла женщина (53 лет), вдова статского советника, с ней жили ее три сына и две дочери.

Таким образом, к 1886 г. число семей, возглавляемых женщинами (только вдовы), явно возросло по сравнению с более ранним периодом. Из подсчитанных, например, 499 семей податного сословия грузин, армян, русских и немцев в 38 семьях главами были женщины, в том числе у армян — в 24 семьях, у грузин — в 12, у русских и греков — в одной (число русских и греков в этой группе невелико). Такие семьи насчитывали чаще всего 2—4 человека и состояли из главы (вдовы), ее детей, ее младших брата и сестры, матери или свекрови. Крайне редко, но бывало, что вдова возглавляла двухпоколенную большую семью, в которой с ней жил ее сын со своей семьей [11].

Иногда при разделах больших семей одну из вновь возникавших семей возглавляла женщина, как правило, вдова. В этом отношении примечательна судьба большой армянской семьи Кананановых, разделившейся до 1880-х годов после смерти главы семьи. В посемейных списках 1886 г. отмечены уже 4 семьи Кананановых, выделившихся из большой семьи. Главой одной из таких семей стала вдова главы большой семьи Варвара Машковна Кананова, 60 лет, жившая с двумя младшими сыновьями (19 и 20 лет). Другая семья Кананановых состояла из ее старшего сына Николая (44 лет), его четырех детей и жены; во главе третьей семьи был ее второй сын Салифан (38 лет), с ним жили двое детей и жена. Четвертая семья Кананановых состояла из третьего сына Варвары Кананановой Георгия (29 лет) и его жены [12].

Внутрисемейные отношения в семьях тбилисцев строились на патриархальных основах: члены семьи подчинялись ее главе, младшие — старшим, женщины — мужчинам. Молодая невестка, только вошедшая в семью мужа, была обязана следовать целому ряду запретов (избеганий). Она не должна была разговаривать со свекром, свекровью, старшими братьями мужа до рождения у нее первенца [13]. Конечно, такого рода традиции даже в первой половине XIX в. выполнялись далеко не во всех тбилисских семьях. В разных социальных группах процесс ослабления норм семейных традиций происходил различными темпами. Поэтому традиционные внутрисемейные отношения в большой многопоколенной семье, в составе которой были старшие, строились на более патриархальных началах, чем в малочисленных одно-двухпоколенных семьях, включавших мужа, жену и детей. В них эти отношения носили уже другой характер, а в выполнении, например, традиций избегания не было необходимости в силу отсутствия в семье свекра, свекрови и братьев мужа. Различной была также степень выполнения этих традиций в семьях разных социальных групп. В некоторых семьях привилегированных сословий, стремившихся европеизировать свой домашний быт, обучавших детей русскому, французскому и иным языкам, европейским бальным танцам и музыке, разрешавших дочерям

присутствовать в различного рода многолюдных собраниях, в застольях с мужчинами, не состоявшими с ними в родстве, многие традиции быстро отмирали.

Другое дело такие социальные слои городского населения, как ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, тем более недавние выходцы из сельских местностей, бывшие основными носителями народных традиций. В их среде традиционность быта сохранялась более ощутимо. Хотя следует отметить, что данная ситуация была более характерна для дореформенного времени, тогда как в пореформенный период происходило сильное ослабление патриархального быта в тбилисской семье во всех социальных слоях общества.

Традиция определяла разные нормы поведения в семье и обществе для мужчины и женщины. У последней оно было весьма сдержанным, у первого — более эмоционально-открытым. Достаточно сдержанны (особенно в первой половине XIX в.) были взаимоотношения мужа и жены на людях. В 1770-х годах Языков, живший в те годы в Тбилиси, отметил в своих воспоминаниях: «Если муж с женой на улице встретится, то не остановится...» За бесчестье считалось, отмечал он далее, если с женщиной «публично» заговорит мужчина [14].

Взаимоотношения в тбилисской семье, положение женщины во многом отражались в имущественных правах членов семьи. Имущество большой семьи было коллективным и включало недвижимое и движимое. Последнее состояло из имущества личного (одежда, оружие) и общесемейного (утварь, посуда, постельные принадлежности). У грузин по обычному праву и законам царя Вахтанга недвижимое имущество (земля, дом) наследовали только мужчины — сыновья, внуки, братья, племянники. Женщины не считались наследниками, но они владели приданым *(мзитеви)*, которое включало *сатавно* (груз., букв. «капитал», в его составе бывали деньги, скот) и собственно приданое, которое складывалось из имущества, даваемого девушке ее родителями, различных подарков, суммы, получаемой при обряде *пириссанахави* (груз., букв. «лицезрение»), когда жених и все присутствующие на свадьбе в первый раз видели невесту.

Приданое готовили заранее на средства родителей девушки. Мзитеви, как отмечали современники, придавалось большое значение. Перед обручением семьи жениха и невесты договаривались о денежном приданом, а также о разном имуществе, которое давалось за девушкой: одежде, украшениях, утвари, постельных принадлежностях. Все приданое фиксировалось в специальном списке, и доверенное лицо жениха (чаще сваха) принимало приданое по списку. Если чего-либо недоставало, то это обычно грозило отказом жениха от венчания [15]. За исключением одежды, все остальные вещи приданого становились собственностью всей семьи. Сатавно же полностью принадлежало женщине, пополнялось ее личным трудом, и никто, даже муж, не имел права пользоваться сатавно или пользовался им с ее разрешения.

Конечно, состав приданого разительно отличался у девушек из грузинского царского дома, из семей князей, крупных дворянских фамилий и рядовых горожанок. Состав только «малого» приданого дочери царя Ираклия II Ануки Батонишвили с трудом уместился, как пишет Гришашвили, на 16 страницах убористого текста.

Недвижимое имущество в приданое не входило. Однако во второй половине XIX в. в Тбилиси по архивным документам известны факты, когда дочь после смерти отца получала свою долю недвижимого имущества — землю, дом, лавку, которым она могла распоряжаться по своему усмотрению и даже продать, в чем, вероятнее всего, следует усматривать уже влияние российского законодательства. Вместе с тем в первой половине XIX в. в Тбилиси при разделе больших семей по вопросам наследования в полной мере еще действовал медиаторский суд, избиравшийся в каждом конкретном случае членами данной семьи. Так, в 1869 г. родные сестры Анна Кепинова и Шушана Каламкарова получили в наследство недвижимое имущество (землю и дом) после смерти своего отца Ивана Султанова. Вдова, полковница Екатерина Узнадзе, урожденная Хородинова, получила полагающуюся ей часть недвижимого имущества, оставшегося после смерти ее отца Якова Хородинова. Эта доля включала 200 кв. саженей пустопорожней земли, одну лавку и караван-сарай; все имущество находилось в Тбилиси. Известны также факты дарения в составе приданого недвижимого имущества. Такой случай, в частности, отмечен для армян в одном из документов от 1836 г. «Тифлисский житель, казенный крестьянин Арутин Мартирусов, сын Габоев, подарил я в приданое дочери моей Яхсум Арютиновой, по мужу Тер-Арутиновой, собственно принадлежащий мне дом, состоящий города Тифлиса 1-й части во 2-м квартале, граничущий с востока с моим же домом... стоящий двести рублей серебром». В азербайджанских семьях Тбилиси по шариату ближайшими наследниками отца были сыновья и дочери. Первые получали вдвое более дочерей; вдова получала 1/8 долю имущества по смерти мужа [16].

Вообще, судя по архивным документальным материалам второй половины XIX в., жители Тбилиси, в том числе женщины, владели самым различным недвижимым имуществом: домами, хозяйственными постройками, лавками, садово-огородными и земельными участками, находившимися как в черте города или его предместий, так и в других районах Кавказа за пределами Грузии. Недвижимую собственность они могли продать, завещать, подарить. В азербайджанских семьях, например, мать могла завещать своей дочери недвижимое имущество, которым она владела. В этом случае собственность ее дочери не могла продаваться. Даже в случае отсутствия письменного духовного завещания дочь все равно получала свою долю. Муж имел право продать недвижимую собственность своей жены только лишь по ее доверенности. В мусульманских семьях по шариату собственностью женщины считался также *кебин* — часть брачного выкупа, даваемого жене на случай развода. В 80-х годах существенно изменилось правонаследование в среде немецких колонистов, среди которых распространились не принятые ранее посемейные разделы недвижимого имущества (прежде всего земли) на произвольное число участков. Ранее земля делилась только на две равные доли для старшего и младшего сыновей, средний же получал лишь долю из движимого имущества отца и обычно становился ремесленником. Если в немецкой семье не было мужчин, то недвижимое имущество получали вдова и дочери [17].

Мужчины. Мужчина традиционно считался главой семьи, что налагало на него определенные обязанности и давало большие права в семье. Обязанности мужчины в семьях разного социального статуса сильно различа-

лись. Если в семьях привилегированных сословий населения главным занятием мужчин (если не единственным) были разнообразные военные, физические упражнения (джигитовка, скачки, стрельба), охота, большое место в повседневной жизни занимали мужские компании, беседы, кутежи, то для трудового люда главным было зарабатывать на жизнь, заниматься хозяйством — ремеслом, торговлей, своим небольшим подсобным хозяйством (сад, огород). В такой семье глава с раннего утра до позднего вечера проводил время на базаре, где помещалась его мастерская или лавка, духан или пурнэ, работал в предместьях города, в садах, где обрабатывал свой или по найму чужой садовый участок. Проработав всю неделю, обычно отказывая себе во всем, скромно питаясь в семье хлебом, сыром и зеленью, труженик в воскресенье или в праздник позволял себе хорошо одеться, покутить с друзьями, потанцевать, побыть с компанией в садах или в духане. И так до следующего раза. Часть своего времени тбилисец отдавал различным формам традиционного досуга: борьбе, игре в мяч, слушанию сазандаров и ашугов, встречам со знакомыми и друзьями. Таким образом, дома мужчина находился очень мало. Обязанностью главы семьи было не только заработать на жизнь, но и доставить домой продукты, воду, топливо. Судя по имеющимся сведениям, мужчина в тбилисской семье мало занимался воспитанием своих детей.

Рис. 24. ИОСИФ БЕРУТЧЕВ. Фотография Д. Ермакова. Вторая половина XIX в.

В XIX в., с созданием в Тбилиси различных административных и общественных учреждений Кавказского края, некоторые представители привилегированных сословий начали служить, были организованы грузинская, армянская и мусульманская дворянские дружины. Большое значение придавалось общественной деятельности — участию в городском управлении, судопроизводстве, в органах управления Кавказским краем; весьма почетным в дворянско-княжеской среде считалась служба в армии. В течение XIX в. в среде просвещенной части тбилисского общества происходила значительная переориентация в занятиях мужчин. В Тбилиси появились литературные салоны, были открыты школы, гимназии, стали издаваться газеты и журналы на грузинском, армянском, азербайджанском, русском языках, возникли театры, всевозможные общества. Все это коренным образом меняло традиционный быт мужского населения города, роль мужчины в семье.

Несмотря на некоторые различия в социальных группах, психологи-

ческий портрет мужчины—жителя Тбилиси, например грузина, характеризовался целым рядом общих черт, отмечаемых всеми современниками. Это большая открытость, которая вообще была характерна для всего жизненного уклада тбилисцев, общительность, веселость. Грузин не мог обедать дома один, ему необходимы были общество, музыка, песни, танцы. Он устраивался для обеда в городском саду, на плоской кровле или в духане и обязательно в компании. Тбилисца — хозяина дома отличало широкое гостеприимство даже по отношению к незнакомому гостю. Это подчеркивал, в частности, Ольшевский, бывший в Тбилиси в 1830—1840-х годах. В дом, где был мужчина, можно было смело войти незнакомым людям, «зная наверное, что веселый и добродушный грузин нисколько не обидится посещением незнакомцев, а гостей, которых ему бог послал... примет с открытым сердцем, познакомит со своим семейством, дочерей или сестер заставит плясать лезгинку, а сам, распевая под звуки чунгура, станет петь и до нельзя поить своих новых друзей» [18].

Женщины. Главной целью создававшейся семьи считалось прежде всего продолжение рода. Поэтому во многом положение женщины не только в семье, но и в обществе зависело от наличия у нее детей. Бездетность женщины воспринималась как несчастье, избавиться от которого было первейшей необходимостью. В Тбилиси, как и везде в Закавказье, женское население прибегало к различного рода приемам, выполнение которых, по народным воззрениям, могло помочь деторождению. Часть таких приемов была вполне рациональна и связана с традиционной медициной, часть — с разнообразными представлениями местного населения. Так, св. Давид считался покровителем семейного счастья, поэтому хождение женщин (главным образом молодых и тем более бездетных) на богомолье к храму на Мтацминда было одной из обязательных и широко распространенных традиций. Не менее распространенным было богомолье к церкви св. Георгия в Уздо, считавшегося покровителем бездетных. Грузинки и армянки, приходившие сюда в праздник не только из Тбилиси, совершали различного рода обряды: пили воду из местного источника, считавшегося священным, навешивали на ветви находившегося здесь «священного» дерева лоскутки, нитки, куклы. Считалось, что с этими предметами здесь остаются различные болезни [19].

После свадьбы, особенно до рождения первого ребенка, молодая невестка не должна была разговаривать со старшими родственниками мужа, следуя обычаю избегания, «служить мужу и родне его и молчать, молчать, пока у нее родится ребенок». Избегание иногда продолжалось несколько лет, в течение которых муж отвечал на вопросы, адресованные его жене, последняя же могла объясняться со старшей родней мужа только жестами. Так описывали современники положение грузинской женщины даже в 80-х годах XIX в. Однако при этом отмечалось, что данный обычай «ооослаб, особенно в городах» [20]. По-разному он выполнялся и в разных социальных слоях населения Тбилиси, наконец, в разных по своим особенностям семьях. В малой, малочисленной семье — муж, жена, дети — многие традиции, в том числе обычай избегания, были предельно ослаблены или даже не выполнялись. Конечно, иначе было в больших семьях, где имелись старшие родственники мужа. Здесь следование таким традициям было обязательным. Избегание для невестки проявлялось и в неко-

торых других традиционных запретах. Так, в начале XIX в. какое-то время (сроки неясны) невестка не могла после свадьбы выходить на улицу, причем в полной мере такой запрет соблюдался и в семьях привилегированных слоев населения Тбилиси. Первое время после замужества невестка должна была носить покрывало. С рождением первенца нормы избегания смягчались, а с течением времени необходимость следования им и вовсе отпадала.

Рис. 25. МАИКО ОРБЕЛИАНИ. Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы.

В быту тбилисцев в первой половине XIX в. сохранялись и другие запреты. Не принято было чужим входить в дом, если в данный момент в нем не было мужчины. Нарушившую это правило грузинку или армянку ожидало осуждение со стороны соседей, знакомых, родственников. В первой половине XIX в., выходя на улицу, грузинка закутывалась в большое белое покрывало, оставляя открытым только лицо или одни глаза . Даже в баню, как вспоминают современники, женщины старались пойти утром, вернуться в сумерках или к ночи, чтобы их никто не увидел. Муж с утра уходил на базар, где он торговал, занимался ремеслом, встречался со своими друзьями. Весь день он находился вне дома, домой же возвращался лишь вечером. Женщины оставались одни. По воспоминаниям современников, много времени они уделяли своему туалету, косметике, занимались с ходившими по домам разносчиками, приносившими различные косметические средства (менее состоятельные делали их сами), ткани, детали туалета. Конечно, на плечах женщины в бедной семье были разнообразные домашние дела: она и готовила пищу, и убирала дом, и стирала, и смотрела за детьми. Однако, как отмечали современники, большинство работ по хозяйству, даже в семьях ремесленников, мелких торговцев, выполняли мужчины, «жена же думала лишь о нарядах, развлечениях в праздники, встречах с соседками». В таких описаниях, думается, есть доля преувеличения. Женщина не только участвовала в ведении хозяйства, на ней лежало воспитание детей, она выходила за покупками, особенно в предпраздничные дни, перед Новым годом [21].

В Тбилиси женщины не занимались полевыми, садовыми, огородными работами, домашними ремеслами, за исключением вышивания и вязания. В первой трети XIX в. современники писали, что в городе «все почти женщины занимаются узорчатым шитьем золотом, серебром и шелком». Вышивали детали головных уборов, лечаки, пояса, кисеты, платки, детали тради-

ционного костюма, чепраки. Некоторые грузинки и армянки из неимущих семей, преимущественно вдовы, жили на средства, получаемые ими от продажи своих вышивок.

Ограничение социальной активности женщины только сферой домашних работ было характерно в Тбилиси в первой половине XIX в. для всех этнических групп. Описывая семью греческого казенного крестьянина Иоакима Панавы, жителя Тбилиси, включавшую также его жену и троих детей, один из официальных документов отмечает, что сам Иоаким «упражняется в резании камней», а жена — «в домашних хозяйственных работах» [22].

Особенности городского хозяйства, возможность приобрести необходимые продукты, одежду, обувь, утварь на базаре (в отличие от сельской женщины) освобождало горожанку от приготовления сыра, масла, нередко даже выпечки хлеба, поскольку готовый хлеб либо продавался, либо его можно было заказать. Можно было даже заказать какие-то кушанья в пурнях, например, где по желанию заказчика запекали мясо, готовили различные блюда. Таким образом, тбилисская женщина была освобождена от многих тягот по приготовлению пищи. Для нее большие хлопоты наступали лишь в праздничные дни, когда традиция требовала некоторых специальных блюд, сладостей. Однако и здесь в городе масса продавцов (особенно кондитеров, в основном персов) снабжала тбилисцев необходимым, т. е. заботы хозяек сводились к покупке этих сладостей и фруктов, что было нетрудно при их изобилии на тбилисских базарах, приготовлению гозинаки, которые обязательно делала под Новый год каждая семья, и выпечке ритуальных хлебцев.

Женщина, таким образом, хозяйствовала дома. Но нужда в деньгах заставляла ее выходить за пределы своего дома. Рукодельницы продавали свои изделия, женщины подрабатывали также сватовством, знахарством, гаданием. С годами у женщин появились новые сферы приложения сил: появились учительницы, акушерки, прачки, огородницы, молочницы, многие женщины поступали в услужение в состоятельные семьи, занимались поденной работой [23].

Другой важнейшей функцией женщины в семье было воспитание детей. Но, как отмечают бытописатели прошлого, с раннего детства мальчики во многом были предоставлены самим себе, находились целый день на улице, участвовали в разных традиционных играх и состязаниях. Девочки приучались с детства к домашней работе и нормам поведения, принятым в женской части тбилисского общества.

Семейная жизнь тбилисской женщины с точки зрения европейца была скучна. Она не разделяла с мужем его многочисленные развлечения. Однако в жизни тбилисской горожанки было немало такого, что скрадывало однообразие быта. Как и большинство женщин, большое удовольствие грузинки и армянки находили в разговорах, встречах с соседками, подругами. «Женщины большие балагурки, не прочь посплетничать и будут говорить целый день без устали»,— отмечали современники. Летом к вечеру семья располагалась на плоской кровле, на балконе или у дверей своего дома, обсуждая новости дня, общаясь с соседями, старшие женщины любили рассказывать о былом. Вообще балконы и плоские кровли становились для женщин основными пунктами наблюдения за жизнью города.

Девушки, собираясь вместе, под звуки дайры, димплипито танцевали «лезгинку». Зимой женщины большей частью находились дома, греясь вокруг кюрси или горящего мангала [24].

Любимым развлечением женщин было посещение бани — своеобразного женского клуба, где они проводили долгие часы. Другим выходом в свет были храмовые и иные праздники; летом с наступлением жары женщины выезжали в загородные сады. По воспоминаниям современников, женщинам не было чуждо стремление к образованию и, например, грузинки весьма охотно «занимались словесностью». Конечно, образование и даже простая грамотность далеко не всегда были доступны тбилисской женщине. Но в привилегированных слоях местного общества женщины в большинстве были грамотны [25].

С изменением социально-экономической обстановки (особенно в пореформенное время) наметились существенные перемены в семейном быту и положении женщины: ослаблялись некоторые традиции, и прежде всего обычай избегания, общая замкнутость женского быта. Ранее всего это коснулось привилегированных слоев тбилисского общества. Процесс «европеизации» бытовой культуры Грузии, особенно в городах, в Тбилиси проявлялся не только в сфере материальной культуры, но весьма ощутимо в семейном и общественном быту. Активизации этого процесса в последней трети XIX в. способствовало усиление разнообразных контактов с Россией и странами Западной Европы, проявлявшихся, в частности, в развитии некоторых нетрадиционных форм духовной культуры: театра, различных общественных организаций, обществ, светской печати, учебных заведений. Многое стало меняться уже в 1820—1840-е годы. «В новом городе,— писал один из бытописателей в 1830-е годы,— в среде грузинского и армянского дворянства некоторые усвоили костюм и образ жизни европейский». Такую же ситуацию отмечал Ольшевский, подчеркнувший, правда, что в 1830-е годы это были единичные факты. Четыре или пять «первоклассных грузинских фамилий,— писал он,— одели своих дочерей в модное французское платье и дали им оттенок европейского воспитания... За переменой обуви последовало изучение французской кадрили и русского языка...» [26].

Итак, изменению внешнего облика — смене костюма — сопутствовало изменение традиционной системы воспитания девочек. И все-таки в первой трети XIX в. такие изменения были характерны для сравнительно небольшой части тбилисского общества, прежде всего для крупных дворянских фамилий, представительницы которых носили «европейский» наряд, посещали общественные гулянья, балы. Влияние процесса «европеизации» на духовную сферу культуры тбилисских женщин выражалось в разных формах. Это и изучение французского, русского и иных «иноземных» языков, «европейское» музицирование, в том числе исполнение русских салонных романсов, «европейских» бальных танцев, распространение нетрадиционных норм этикета и общения, форм досуга и времяпрепровождения. Литературный салон, званый обед на «европейский» манер, прогулки по Головинскому проспекту и Михайловской улице, посещение маскарадов, театров, в том числе спектаклей местной грузинской драматической труппы. Одним словом, в светском обществе Тбилиси уже часто можно было встретить многих «образованных и прелестных», как писали современни-

ки, местных женщин [27]. Известное смягчение традиционных норм семейного быта наблюдалось также в семьях, где один из супругов был русский [28].

Однако большая часть тбилисских женщин сохраняли свой традиционный костюм, скрывались от посторонних мужчин, имели особые комнаты, куда «кроме женщин, мужа и ближайших родственников» никому не разрешалось входить.

В первой трети XIX в. в Тбилиси появились литературные салоны, оказавшие немалое влияние на положение грузинской женщины. В 1820-е годы наиболее популярным был литературный салон князя Александра Чавчавадзе — поэта, государственного и общественного деятеля, европейски образованного, салон которого стал центром тогдашней культурной жизни Тбилиси. Обе дочери Александра Герсевановича — Екатерина и Нина — получили европейское образование, знали французский и русский языки, играли на фортепьяно, прекрасно пели романсы, имели возможность присутствовать на званых обедах. А. С. Грибоедов описал в своем письме к Ф. В. Булгарину один из таких обедов, происходивший в доме его «старой приятельницы» П. Ахвердовой (урожденной Арсеньевой), где присутствовали обе дочери Александра Чавчавадзе. Старшая, Екатерина, исполняла романсы под аккомпанемент фортепьяно. На этом вечере А. С. Грибоедов объяснился с Ниной Чавчавадзе и сделал ей предложение. В 1840-х годах славился литературный салон Мананы (Маико) Орбелиани. В ее салоне собирался весь цвет местной и приезжавшей в Тбилиси интеллигенции. Здесь бывали Николоз Бараташвили, М. Ю. Лермонтов, который на обороте рукописи стихотворения «Спеша на север издалека...» написал имя красавицы Маико.

Накал общественной жизни, появление газет, журналов на местных языках, театральных кружков, вокруг которых группировалась просвещенная молодежь, в том числе молодые женщины, широкое общение молодежи — все это несомненно оказывало большое влияние на семейно-бытовую сферу тбилисцев, на положение женщины. В прошлое уходили многие семейные традиции, и в некоторых слоях населения (в основном в среде дворянства, состоятельного купечества, позднее среди разночинцев) жизнь молодого поколения, женщин уже не замыкалась рамками семьи. В 1871 г. одной из основательниц грузинского любительского театрального кружка стала грузинская актриса Бабо Херхеулидзе, представительница местной аристократии. Она была одной из первых, кто преодолел традиционное представление о недопустимости появления на сцене грузинской женщины. С ней вместе выступали дочь Дмитрия Кипиани Елена и дочь Александра Казбеги Ольга, а также несколько молодых людей [29]. В конце XIX — начале XX в. большой популярностью в Тбилиси пользовался «Тифлисский кружок», который устраивал маскарады, елки (в них участвовали женщины и дети), «семейные вечера», благотворительные спектакли [30].

В 1870-е годы десятки женщин были заняты в общественном производстве. К концу XIX в. их число возросло, многие девушки и женщины работали на тбилисских фабриках, например на обувной фабрике Адельханова.

Дети. По традиции мальчики и девочки в тбилисской семье воспиты-

вались по-разному. Мальчик до 7 лет рос свободно, проводя все возможное время вне дома, на улице. Примерно с семилетнего возраста начиналось активное приобщение детей к будущей сфере их социальной деятельности, в частности основная масса горожан отдавала своих сыновей в обучение какому-нибудь ремеслу. В 12—14 лет мальчик уже участвовал в торговле, продавая, например, в разнос чашками холодную воду, в лавках и на базаре был зазывалой, начиная свой трудовой день вместе со взрослыми с 4 часов утра, работал на небольших фабриках Тбилиси; встречались 14-летние муши. Одним словом, тбилисский мальчишка довольно рано начинал зарабатывать на жизнь.

Свободное время мальчики проводили в основном вне дома. «Я не видел здесь (в Тбилиси.— *Авт.*) ни перекрестка, ни лавки, ни улицы, ни крыши дома, ни берега реки, ни площади, ни ключевого резервуара, на котором бы оборванные грузинские, армянские ребятишки не играли почти главной роли» [31]. Мальчики были непременными участниками всех городских праздников и увеселений, в частности зачинателями и активными зрителями криви (кулачный бой), кееноба (традиционный тбилисский карнавал). Среди тбилисских мальчишек были популярны игры в мяч, палочки, «бабки», любимым развлечением была борьба. Много неприятных минут тбилисским обывателям доставляла стрельба из рогаток, которой занимались местные мальчишки, часто выбиравшие мишенью окна домов [32].

На улицах города в какой-то мере мальчики воспитывались и нравственно, познавали народные традиции, впитывали национальный фольклор, участвуя в карнавальных шествиях кееноба, в танцах, слушая мествире, ашугов и сазандаров. В основном на городских улицах и площадях, в городской толпе во многом познавались традиционные нормы общественного поведения.

Процесс социализации девочек был иным. До 7 лет она воспитывалась матерью дома и вообще содержалась более строго, чем мальчик. Затем девочку отдавали специальной женщине (*остати* — груз., букв. «мастер») для обучения грамоте и рукоделию, иногда с этой целью ее отдавали в какой-нибудь монастырь. В привилегированных сословиях домашнее обучение было более разносторонним и девочка не только овладевала начатками грамоты, но была довольно образованным человеком к моменту замужества. Об этом свидетельствует, например, набор книг, обязательных в приданом девушки из семьи состоятельных грузин. Это бывали «Риторика», «Грамматика», «Диалектика», «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели), «Тамариани», «Караманиани»*, книги «сказочного содержания для приятного времяпрепровождения». В приданое давались чернильные приборы, обычно дорогие. В приданом царевны Нины, дочери грузинского царя Георгия, был чернильный прибор «из золота и эмали», привезенный из Индо-Китая. В составе приданого девушек из знатных фамилий обязательны были богато инкрустированные, привезенные из других стран (Франция, Индо-Китай) нарды и, что особенно интересно,

---

* «Тамариани» — сборник хвалебных стихотворений о деяниях грузинской царицы Тамар и ее мужа Давида Сослана, созданный поэтом XII в. Чахрухадзе. «Караманиани» — рыцарско-приключенческий роман, переведенный с персидского Давидом Орбелиани во второй половине XVIII в.

шахматы, которые в представлении тогдашнего грузинского общества являлись обязательной частью «разумного» досуга грузинок [33].

Уже в 1820-х годах в состоятельных и знатных семьях тбилисцев появились гувернеры и гувернантки (главным образом из иностранцев), обучавшие детей (в том числе и девочек) русскому и французскому языкам, бальным танцам, «европейскому» этикету, игре на фортепьяно, которая в высшем обществе постепенно вытеснила традиционные формы музицирования; популярным стало исполнение салонных романсов. Но в какой-то мере национальная специфика воспитания детей даже в привилегированных сословиях сохранялась; девочек обучали рукоделию — вышиванию, изготовлению разных бытовых вещиц из бисера, игре на традиционных музыкальных инструментах, мальчиков учили верховой езде, стрельбе и т. п. Сохранялись и традиционные формы проведения досуга юношеством, хотя последние в течение XIX в. пополнились новыми формами (балы, приемы, официальные обеды, маскарады, на которые стало принятой нормой вывозить девушек) [34].

В народной среде у девочек круг развлечений и мера участия в них был более ограничен по сравнению с мальчиками. В большинстве случаев они были безмолвными наблюдателями состязаний, игр, уличных карнавалов. Правда, девочки, девушки имели возможность собраться на плоских крышах домов, на балконах, чтобы потанцевать лекури или просто побеседовать, поглядеть на городскую толпу; они ходили с подругами и старшими женщинами в бани, участвовали в типично женских развлечениях, таких, как гадания, например *вичаки*, качались на качелях на масленицу. С годами эти традиции (особенно в привилегированной части тбилисского общества) менялись.

Помимо домашних форм воспитания все большее значение приобретали общественные формы. В Тбилиси были открыты Закавказский девичий институт, заведение св. Нины, гимназии, в том числе женские, воскресные школы, профессиональные школы, городские начальные училища, реальные училища, духовные семинарии, музыкальные школы, рисовальная школа, танцкласс. В 1876 г. например, в закрытых учебных заведениях Тбилиси воспитывались 331 грузин (в том числе 31 женщина), 343 русских (74 женщины), 152 армянина (25 женщин), 34 «татарина», 29 греков, 7 осетин и др. Юношей посылали учиться в Петербург, Москву, Дерпт и даже за границу для получения университетского образования. Чаще всего это были дети из дворянских семей или семей богатых купцов. Дети ремесленников иногда посылались в Москву и Петербург для обучения некоторым нетрадиционным ремеслам. В 1880-е годы на городские средства существовала женская профессиональная мастерская, в которой девушки обучались рукоделию. Правда, как сетовал корреспондент газеты «Новое обозрение», их не обучали традиционным приемам вышивания тавсакрави, лечаки, башлыков и т. д. В начале XX в. в Тбилиси был организован детский клуб, в котором, по мысли его создателей, дети приобщались бы «к разумным и полезным развлечениям и здоровым играм». Конечно, такого рода заведения в основном были доступны только детям из состоятельных семей, дети же из народа рано начинали работать [35].

И все-таки в народной системе воспитания к началу XX в. произошли огромные изменения, что проявилось прежде всего в крепнувшем пред-

ставлении о необходимости широкого обучения детей. В этом отношении показателен один, но весьма важный факт, относящийся к 1905 г. В апреле тбилисские ремесленники-каменщики на своем собрании постановили ходатайствовать перед властями об обязательном бесплатном обучении детей до 16 лет «на счет казны без различия национальности, пола и вероисповедания на родных языках» [36].

Школьное образование, распространение грамотности во многом способствовали появлению в Тбилиси нового типа юношества. О подобных изменениях свидетельствует, например, один любопытный факт, о котором написал корреспондент газеты «Каспий». В Тбилиси в 3-й мужской гимназии после окончания «литературно-вокального утра» на эстраду вышел юноша из старших классов, который, обратившись к присутствующей аудитории, упрекнул ее «в непростительной забывчивости 25-летнего дня кончины благодетеля человеческого рода великого Маркса... Можно было бы сказать много,— продолжал юноша,— но правительство препятствует этому» [37].

Брак. Характеризуя брачный институт среди населения Тбилиси, кратко остановимся на условиях вступления в брак. У грузин, например, они определялись согласием родителей, возрастом, религиозной принадлежностью брачащихся, умственным и физическим состоянием. Брачный возраст устанавливался в 14—15 лет для юношей и 12—13 лет для девушек. Однако фактически в брак вступали (особенно мужчины) позднее.

У грузин и армян действовали экзогамные запреты: запрещались браки между родственниками по отцу и матери, между однофамильцами, по молочному родству и свойству, т. е. строго воспрещалась женитьба на невестке или свояченице; дети от такого брака считались незаконными.

Проследить брачный возраст населения Тбилиси по этническим группам дают возможность материалы камеральных описаний. По данным 1841 г. для мужчин (грузины и армяне) характерны в основном поздние браки — преимущественно в возрасте старше 30 лет, первые браки у мужчин отмечены и в возрасте 40—50 лет. Более низкий брачный возраст был у женщин, которые выходили замуж в 18—20 лет, а нередко в 12—15 лет, отмечен один случай выдачи замуж в 10 лет. Выявляется также значительная разница в возрасте между мужем и женой, нередко составлявшая 15—20 лет и более [38].

Наличие в тбилисском обществе традиции ранних браков заставило устроителей переписи 1876 г. изменить возрастной рубеж между категориями «дети — взрослые», принятый в других районах Российской империи (с 16 лет), и считать его в Тбилиси с 12-летнего возраста. Действительно, такой подход был вынужденной мерой, поскольку в Тбилиси случаи выхода замуж в 12—13 лет были «далеко не редким явлением»: по данным переписи 1876 г. таких браков среди девушек — жительниц Тбилиси отмечено 10; браков в 13—14 лет — 35; в 14—15 лет — 120; 15—16 лет — 189; в 16—17 лет — 265. В 12—17-летнем возрасте перепись зафиксировала 12 вдов [39].

Эти данные дополняются другими статистическими материалами второй половины XIX в. В ведомости по г. Тбилиси за 1887 г. всего зафиксировано 636 браков. Документ отражает значительную разницу в брачном возрасте между женщинами и мужчинами. Так, в возрасте 14—16 лет у муж-

чин не отмечено ни одного брака, у женщин их 103, в том числе 16 браков в 14 лет, 29 — в 15 лет и 58 — в 16 лет. В 17—18 лет у мужчин зафиксировано всего лишь 5 браков, у женщин — 107. Наибольшее число браков за этот год у женщин зарегистрировано в возрасте 19—20 лет (168), в мужской группе в этом возрасте вступили в брак только 14 юношей. Затем у мужчин до 30 лет отмечено постепенное возрастание числа браков: в 21 год вступили в брак 3, в 25 лет — 22, в 30 лет — 210 мужчин. У женщин этот же возрастной отрезок выглядит несколько иначе. После 20 лет (131 брак) прослеживается уменьшение числа браков. В 23 года вышли замуж 7 женщин, в 24—10, в 25 лет — 9 женщин и т. д. Но в возрасте 30 лет у женщин вновь заметен скачок вверх — вступили в брак 104 женщины, что, видимо, можно расценить как совершенно новую традицию. В возрастной когорте 31—39 заключили брак всего лишь 19 женщин, а у мужчин 100. Новый рост числа заключенных браков падает на возрастную когорту 40—50 лет. У женщин в этом возрасте отмечено 29 браков, у мужчин — 85 браков. В значительной части (особенно у женщин) это вторые браки. Документ приводит данные по вторым бракам — 123, в том числе у 76 мужчин и у 47 женщин. Отмечено даже 9 третьих браков (у 7 мужчин и 2 женщин). Среди мужчин зафиксировано 34 брака в возрасте 50—60 лет[40].

Думается, что отмеченная ситуация — высокий брачный возраст среди мужчин Тбилиси — связана с активными миграциями в город в течение всего XIX в., составом мигрирующих (в основном мужчины), бытовой неустроенностью переселенцев. Все это в какой-то мере создавало большие жизненные сложности и затрудняло ранние браки среди мужчин.

В Тбилиси практиковались вторые и даже третьи браки. По данным 1899 г., например, число вторых браков в городе составляло 134— у мужчин и 117 — у женщин, число третьих браков — 21 (12 у мужчин и 9 у женщин), т. е. из общего числа заключенных в этом году браков (1,5 тыс.) вторые браки составляли 251 (16,6%) и третьи — 21 (1,4%). Вторые и третьи браки заключались как вдовами и вдовцами, так и разведенными. Довольно часто разводы совершались среди мусульман Тбилиси. У шиитов, например (азербайджанцы и персы) за 1864—1866 гг. было заключено 102 брака, расторгнут 31 брак. Причины развода были самые различные: бесплодие женщины, отъезд на долгий срок мужа (как бывало в семьях персов-отходников, женившихся на местных азербайджанках), предосудительное поведение жены. Один из таких случаев описывается в документе за 1825 г., направленном экзарху Грузии от крестьянина-имеретина, переселившегося со своей женой в Тбилиси. Жена, прожив с ним «в законном браке» более 10 лет, пишет крестьянин, оставила его и «предалась распутству». В 1825 г. его жена жила в Елисаветполе, посему крестьянин просил развестись с ней и вступить в новый брак. Такое разрешение, как видно из документа, было получено. Иногда причины развода бывали самые курьезные. В одном из официальных документов описывается процедура развода местной азербайджанки и жившего в Тбилиси казанского татарина-суннита. В качестве причины развода жена предъявила следующее: незнание ею языка казанских татар, среди которых она живет с мужем [41].

Традиционно развод воспринимался местным обществом крайне отрицательно (особенно в отношении женщины), что проявлялось иной раз в самых резких формах. Такие факты имели место в быту города даже в

последние десятилетия XIX в. Один из корреспондентов газеты «Кавказ» подробно описал случай, связанный с разводом в армянской семье. Несмотря на уговоры родных и мужа, женщина, ушедшая к другому мужчине, не захотела вернуться к мужу, объяснив такое решение «своей ненавистью к нему». Поэтому состоялся развод, происходивший в армянской консистории в Тбилиси. Супруги были приглашены в консисторию, около которой собралась огромная толпа. По выходе из консистории, как пишет корреспондент, на женщину набросилась толпа, которая «заплевала ее с головы до ног... бакальщики, мясники и прочие торговцы забрасывали ее всякой гнилью и гадостью». Полиция с трудом вырвала ее и отправила в фаэтоне, который толпа сопровождала свистками, бранью, забрасывала отбросами [42].

Семейная обрядность. Возможности добрачного знакомства у тбилисской молодежи хотя и были ограничены, но не сводились к минимуму, так как молодые люди обоего пола могли видеться во время общегородских праздников, гуляний и увеселений. Однако формальное знакомство юноши и девушки и даже их взаимная склонность не играли решающей роли в выборе брачного партнера. Матримониальная судьба детей была всецело в руках родителей, и случаи, когда первое знакомство будущих супругов происходило, например, только во время обряда обручения, были вполне обычными и заурядными.

Основной формой заключения брака у грузин и армян было сватовство. Встречались, хотя и редко, случаи насильственного похищения девушек. Данные этого рода имеются, например, в отношении мусульманского населения города. Так, тбилисский житель, некий Муса Касим Иса-оглы, суннит, в 1859 г. насильно похитил несовершеннолетнюю девицу шиитку Мединy. Жених и дядя увезенной девушки обратились к официальным властям с просьбой забрать у похитителей Медину и арестовать виновного. Однако, как пояснили заявителям, следствие по этому делу могло быть проведено только по просьбе самой девушки или ее родителей, но не жениха и дяди. В данном случае в иске было отказано, поскольку ни сама девушка, ни ее родители не обратились к властям. Похититель же показал, что «шариатским решением он оправдан и Медина присуждена законною его женою» [43].

Но похищения были весьма редкой для Тбилиси XIX в. формой заключения брака. Как было сказано, тбилисские свадьбы совершались по сватовству. Сватовство являлось характерной чертой и сельского свадебного цикла. Здесь функции сватов брали на себя обычно близкие родственники жениха. Это обыкновение частично сохранилось и в Тбилиси, но в подавляющем большинстве случаев браки в Тбилиси совершались при посредничестве свах (груз. *мачанкали*), что было спецификой брачных обычаев горожан.

Тбилисские свахи составляли своеобразную профессиональную прослойку, так как единственное занятие мачанкали состояло именно в «приискании женихов и невест», чем они и зарабатывали себе на жизнь [44]. Жених (груз. *непе*, *мепе*, букв. «царь») сватался, чаще всего не видя невесты (груз. *дедопали*, букв. «царица»), которая в свою очередь не видела жениха и повиновалась приказу родителей. Если сватовство (груз. *мачанклоба*) было удачным и родичи жениха благосклонно относились к возможности

будущего брака, происходил своеобразный обряд «смотрения невесты», также специфический элемент тбилисской городской свадьбы, на что уже обратил внимание В. Дж. Итонишвили [45]. Смотрины происходили обычно в бане, где можно было придирчиво оценить качества молодой девушки. Так, свахи самым внимательным образом осматривали невесту, стараясь не пропустить какого-нибудь физического недостатка, старались рассмешить ее, чтобы увидеть зубы [46].

После удачного сватовства и осмотра невесты назначали день обручения (груз. *нишноба*), на которое приглашали самых близких родственников обеих сторон. Как было сказано, бывало, что только в этот момент жених и невеста впервые видели друг друга. Жених передавал невесте знак обручения (груз. *нишани*) — какую-нибудь дорогую (смотря по достатку) вещь, обычно ювелирное украшение. Передавая нишани, жених целовал невесту [47].

Через некоторое время после нишноба в доме невесты происходило официальное знакомство жениха со всеми ее родственниками. Родители девушки на эту встречу специально приглашали своих родных и родичей жениха. У грузин этот обряд назывался *сидзис нахва* (смотрины зятя). Эти собрания бывали очень многолюдными. Каждый из присутствующих должен был преподнести жениху какую-нибудь дорогую (обычно серебряную) вещь, причем ее стоимость зависела от степени родства дарителя и жениха. Один из почетных гостей собирал подносимые подарки, громко объявляя, что подарено и имя дарителя, сопровождая это какими-нибудь полагающимися по данному случаю словами. Жених и невеста во время сидзис нахва сидели рядом на тахте, покрытой дорогими шелковыми тканями. Все даримые вещи ставились перед молодыми. Гостей угощали сладостями, орехами, фруктами; около полуночи начинался ужин.

В период между сидзис нахва и свадьбой (груз. *корцили*) готовили приданое девушки. Его размер и состав устанавливался и выяснялся сватами еще во время сговора. В составе приданого были не только необходимые для женщины одежда, украшения, головные уборы, предметы утвари, нередко книги, но и денежная сумма, у состоятельных — прислуга, в дореформенное время — крепостные крестьяне. День свадьбы объявлялся только тогда, когда оговоренную сумму вручали жениху или его родственникам. В составе приданого полагались также подарки родным жениха — свекру, свекрови, сестре и др. Популярными в качестве такого подарка были дорогие шелковые персидские шали.

У местных мусульман был принят кебинный брак. Установленная обеими сторонами денежная сумма (кебин) обозначалась в брачном договоре. У состоятельных она достигала 100, 150 и более рублей серебром [48].

Во всех социальных и этнических группах тбилисцев свадьба считалась важнейшим жизненным актом, поэтому ее старались справить по возможности торжественно и богато. С расходами в этих случаях не считались. Это был также яркий, веселый праздник с танцами и музыкой. Поскольку грузинские и армянские свадьбы были очень многолюдны, с обильным разнообразным угощением, множеством взаимных одариваний, то любая свадьба, даже самого бедного человека, требовала немалых средств. Обязательны для традиционной свадьбы были сазандары, ашуги, музыканты, без которых не было возможно свадебное веселье.

К свадьбе тщательно готовились. Шили новую одежду, убирали дом, заготовляли необходимые припасы для застолья. Основная свадьба происходила в доме жениха. За день до свадьбы подруги и *мдаде* (посаженная мать) вели невесту в баню; жених посещал баню в день свадьбы в сопровождении посаженного отца и *макари* (дружки).

Гостей на свадьбу приглашали письменно и устно. В 1840-х годах состоятельные и привилегированные семьи, приглашая на свадьбу, рассылали специальные билеты, отпечатанные на веленевой бумаге. Грузины и многие тбилисские армяне текст печатали по-грузински [49].

Свадьбу справляли в доме жениха. Но если молодой входил в семью невесты — единственной дочери на правах примака (груз. *зедасидзе*), то в этом случае свадьбу устраивали в доме родителей девушки. Но в обычных случаях в доме невесты делали лишь небольшое угощение для поезжан, обязанностью которых было отвести невесту в церковь и доставить ей *h̄алави* (груз.) — свадебный подарок жениха. Есть сведения, что h̄алави в первой половине XIX в. приносил невесте священник. Налави в это время в состоятельных семьях включал катиби (иногда «европейский» салоп), дорогие шелковые шали, женские украшения, различные галантерейные мелочи. Все дары укладывались на поднос (груз. *хонча*), на котором устанавливали 4 восковые свечи, перевитые розовыми лентами, и клали две головки сахара. Кроме h̄алави, по традиции жених в день свадьбы отправлял в дом невесты на подносах лаваши, а также бурдюк вина. Налави поезжане обычно приносили за час до венчания, причем в дом невесты шла целая процессия: поезжане с зажженными восковыми свечами и хонча в руках, сазандари, зурначи. Поскольку эта церемония происходила обычно поздно вечером, то гам и музыка производили на улицах Тбилиси основательный шум. По традиции из h̄алави, принесенного невесте, одну головку сахара и две свечи возвращали жениху. Считалось, что тогда его супружеская жизнь будет счастливой.

Обычай приношения h̄алави в высших и средних слоях тбилисского общества стал исчезать уже к 1840-м годам. Вместо него жених за несколько дней до свадьбы делал невесте какой-нибудь подарок, как подчеркивалось, такой же, как и в любой «европейской» свадьбе. Но в низших социальных слоях населения Тбилиси h̄алави сохранялся еще длительное время.

Свадебное веселье в доме жениха начиналось еще задолго до прихода невесты. Поскольку свадьба происходила вечером, то площадку около дома ярко освещали факелами, в комнатах горели плошки с нефтью. У дома собиралась масса народа, в том числе мальчишки, внимательно наблюдавшие свадебную церемонию. Шумно играли зурна, димплипито, дайра. Гости — мужчины и женщины находились в разных помещениях. На женской половине представительницы прекрасного пола угощались орехами, миндалем, сладостями и в меру возможностей веселились, танцевали. Все начинали хлопать в ладоши, и одна из женщин трижды в танце обходила комнату. Подойдя к девушке или молодой женщине, она жестом приглашала ее на танец, сама же возвращалась на свое место. Вторая девушка начинала танцевать, повторяя всю церемонию. Таким образом танец продолжался до тех пор, пока все присутствовавшие в комнате гостьи не проходили по 2—3 круга. Помимо танцев, женщины проводили время за разными играми. Играли, например, в лото, ставшее очень популярным в

Тбилиси в середине прошлого века. По наблюдениям современников лото составляло «для здешних дам первейшее и главнейшее занятие. Не может собраться их более трех, чтобы не сесть за эту игру». На мужской половине также подавали угощение, длинный стол был полон разнообразных блюд. Помимо этого, мужчины развлекались, слушая пение сазандаров либо других музыкантов, игравших на зурне и дайре. Жених находился с гостями на мужской половине [50].

Между тем в доме невесты после короткой молитвы священника ее вели в церковь, где уже ждал жених. Это было нововведением в городской свадебной церемонии грузин и армян, поскольку по сельской традиции полагалось, чтобы жених в сопровождении дружек верхом приезжал за невестой в ее дом. В свадьбе привилегированных сословий Тбилиси этот обычай уже не выполнялся, хотя среди ремесленников, в среде городской бедноты ему еще продолжали следовать. Даже в последние десятилетия XIX в. жених заезжал за невестой, чтобы вместе прибыть в церковь [51].

В церкви совершался обряд венчания, который был центральным актом городской свадьбы. В первой половине XIX в. венчание в Тбилиси устраивали в полночь, свадебное же застолье происходило глубокой ночью. Официальные власти относились к этому крайне отрицательно. В 1827 г., например тогдашний главноначальствующий на Кавказе генерал Паскевич писал грузинскому митрополиту Ионе: «Заметив, что в Тифлисе часто совершаются браки в глубокую полночь, и считая это неприличным, я прошу ваше высокопреосвященство сделать распоряжение, дабы священнослужители не венчали в церквах позже 9-ти часов вечера, исключая только такие случаи, когда вам будет угодно разрешить кого-либо венчать и позже означенного времени, известив о том предварительно полицию» [52].

Обряд венчания продолжался около часа. Новобрачные были в венцах (груз. *гвиргвини*): на невесте он был в виде патриаршей митры из золотистой парчи, на женихе — в виде круга с кистями и был сделан из золотых нитей. В армянской свадьбе при последних словах обряда венчания священник соединял руки новобрачных бумажным шнуром *(нарот)*. Концы его он скреплял воском, на котором отпечатывал крест.

Из церкви молодые после поздравлений всех присутствующих под звуки зурны возвращались в дом жениха. При входе их встречал посаженный отец с обнаженной шашкой, острием которой он упирался в косяк двери, под шашкой проходила невеста, а молодой должен был разбить положенную на пороге стеклянную тарелку. В комнате новобрачных встречали родители жениха. Молодых угощали щербетом, дав отпить его из серебряной чаши, а затем усаживали рядом на тахте. После этого начинался обряд лицезрения невесты *пириссанахави* (груз.; арм. *ерестеснел*). Родственники жениха и все гости начинали подносить невесте подарки. В богатых семьях дарили золотые монеты, жемчуг, бриллиантовые украшения. Наиболее дорогой подарок подносил посаженный отец, несколько меньшей ценности — родители жениха, далее — близкие и дальние родственники. После пириссанахави начиналось веселье, длившееся иной раз до утра. Звучала музыка — зурна, барабан, начинались танцы, сазандары ублажали гостей своим искусством. Танцующих гости обязательно одаривали серебряными монетами (обряд *шабаши*). Этот обряд сохранился до конца XIX в. в сельской свадьбе, но в Тбилиси шабаши уже не было

даже в 40-х годах, а выполняли его, как отмечают современники, лишь в самых низших слоях местного общества. Во время свадебной трапезы мужчины и женщины пировали отдельно. Невеста в эти часы пребывала на женской половине, жених находился с мужчинами. Свадебное торжество в общей сложности могло продолжаться три дня [53].

Летом застолье могли устраивать не в помещении, а во дворе дома и даже на лоне природы в загородных садах. Иногда же тбилисцы бывали свидетелями из ряда вон выходящих свадеб, которые устраивались ...на Куре. Из шести связанных плотов сооружали большую площадку, на которой ночью пировали новобрачные, гости, макари, священник, расположившись вокруг горящего костра; на плотах танцевали, готовили шашлык, ловили сетями из Куры рыбу, чтобы тут же ее приготовить, бросив в котел с кипящей водой [54].

У армян на второй день после свадьбы, если у жениха незадолго до свадьбы умер отец, то все гости — мужчины и сам молодой шли на его могилу, где происходил своеобразный обряд, запечатленный тбилисским художником начала XX в. Вано Ходжабеговым: жених должен был станцевать на могиле отца, его окружали веселящиеся друзья, играющие зурначи [55].

Одним из важнейших актов тбилисской свадьбы был перенос приданого в дом жениха. Этот момент ярко описал И. Гришашвили в своих воспоминаниях. «Тебе, вероятно,— пишет он,— приходилось встречать на улицах зурну, играющую свадебную песню, и маленького мальчика с зеркалом, прижатым к груди, следующего за музыкантами. За мальчиком идут двое юношей, на голове у каждого — по паре подушек, подушки перевязаны голубыми лентами. Затем еще двое юношей несут по паре мутак в пестрых шелковых чехлах и аккуратно сложенное шелковое одеяло. Потом ты бы увидел мужчин, следующих друг за другом, они несут таз для варенья, ящик со всякой мелочью, шкаф, комод, тюк и, наконец, пару кроватей с ковром, на котором вытканы львы... Эта процессия переносит в дом жениха основное приданое. Остальная мелочь по списку укладывается в сундуки и связывается» [56].

Внимательный наблюдатель тбилисского быта, И. Гришашвили замечает новые веяния, которые проникают в свадебные обычаи, например возрастание экономического значения приданого. «Погоня за приданым,— пишет он,— чуть не эпидемией стала, особенно в простонародной среде. Уже ничего не значило быть нареченной. Нареченная — не жена еще. Мужья требовали взяток. Так и стали называть приданое — взяткой...» В городском фольклоре появилось множество песен на тему приданого современных женихов и невест. Гришашвили приводит одно из таких стихотворений:

Невесту я сосватаю
Кривую и горбатую,
Пускай она глупее всех,
Пускай страшна, как смертный грех,
Пускай она убогая,
Рябая, кособокая,
Но есть приданое за ней,
Ей-богу, я женюсь на ней!

Пускай моя красавица
Дерется и кусается...
И обратит в страдание
Мое существование,—
Но есть приданое за ней,
Ей-богу, я женюсь на ней!

В одном из стихотворений подобного рода содержится совет «мамашам» не посылать сватов, если невеста не заимела новый дом и «ванну мраморную» из Европы [57].

Уже в 1830-е годы свадебные обряды в привилегированных слоях населения Тбилиси претерпели некоторую модификацию. Свадьба армян, например, как характеризует ее один из очевидцев, была «совершена по древним обрядам армянской церкви», в пиршестве же соблюдалась «вся утонченность европейских обычаев». Когда молодые вышли из церкви, впереди процессии шло духовенство с иконами. В дом новобрачные должны были войти, пройдя под перекрещенными саблями. Танцы, видимо, исполнялись не только традиционные, но и «европейские», поскольку бытописатель подчеркивает «похвальный пример» хозяина дома, женившего своего сына и подававшего своим согражданам пример «благородного соревнования в полезной переимчивости европейских обычаев». В доме хозяина звучала «европейская» музыка, младшая дочь хозяина и дети гостей из коренных жителей «составили французскую кадриль» [58].

Со временем свадебный цикл тбилисцев все более менялся в сторону некоторого упрощения, утраты традиций и появления новаций. Но при всем при этом свадьба оставалась одним из самых ярких, многолюдных праздников, который старались отметить пышно и богато. В дальнейшем во время свадьбы перестали устраивать спортивные состязания, скачки, традиционную музыку заменил рояль, под звуки которого исполнялись «европейские» бальные танцы вместо традиционного лекури, яркую народную одежду и гарцующих на конях участников свадебной процессии сменил кортеж европейских экипажей, черные фраки и сюртуки.

Родильный цикл, как и другие семейные циклы, в жизни тбилисцев был несколько упрощен по сравнению с общепринятым в сельских местностях. Однако основные традиции этого цикла долгое время сохранялись и в городе, хотя к концу XIX в. изменение социально-бытовых условий все более способствовало трансформации родильных обычаев и обрядов.

Как и везде в Грузии, в Тбилиси женщина рожала в присутствии всех знакомых женщин. Один из бытописателей прошлого века вспоминал, что, прогуливаясь по Тбилиси, он неоднократно встречал грузинок, спешивших по приглашению на родины. «В Грузии — писал он,— всякая беременная женщина по существующему обыкновению обязана мучиться и родить в присутствии всех знакомых ей замужних женщин» [59].

При приближении родов муж роженицы оповещал всех родственниц и близких женщин о предстоящем событии, причем такое оповещение происходило в любое время суток, даже ночью. Женщины быстро собирались в доме и устраивались в комнате, где находилась роженица; девушки и мужчины при родах присутствовать не имели права. Более того, считалось, что им нельзя даже находиться в доме во время родов, поэтому мужчи-

ны — члены семьи обычно из дома уходили. В комнате, где была роженица, пришедшие молодые и пожилые женщины усаживались на полу на коврах, обсуждая различные вопросы, связанные с родами: например, где следует после родов поставить кровать, на которой должна лежать роженица. Около нее постоянно находились повивальная бабка и две-три молодые женщины [60].

Повитуха — главное лицо при родах, специально приглашалась к роженице. Родильный дом, который во второй половине XIX в. уже имелся в Тбилиси, среди местного населения не пользовался популярностью и оно предпочитало при родах хорошо испытанные старинные средства (по данным переписи 1876 г. в родильном доме находилось всего 3 новорожденных). В семье при трудных родах применялись разнообразные средства, которые, по народным воззрениям, могли помочь роженице. Повитуха била ее по животу и по груди, с помощью присутствующих женщин поднимала роженицу и трясла. Если роды не наступали, хотя сроки их проходили, применяли следующее средство. Во двор приводили буйвола или быка, и повитуха заставляла беременную женщину несколько раз пролезать под ногами животного. Подобные «средства» иногда применялись и в конце XIX в.

Авторитет повивальной бабки был настолько высок, что если семья и хотела пригласить врача при трудных родах, повитуха обычно была против, утверждая, что роженица «одержима чертями» и ей нужны другие средства. Одним из таких «средств» было приглашение муллы. Подобный эпизод описал очевидец, когда армянская семья по настоянию повитухи пригласила муллу [61].

Как только раздавался крик новорожденного, повитуха с криком «черо гайхаре» (груз., «дом, радуйся») вбегала в помещение, где находился отец младенца, брала его за правое ухо и поздравляла с сыном и благополучными родами. Отец новорожденного и все присутствующие должны были одарить повитуху, дав ей несколько золотых монет. Такой дар назывался *самахаробло* (груз., букв. «подарок за радостную весть»). Затем присутствовавшие при родах женщины поздравляли хозяина, желали новорожденному всех благ, богатства, красоты и т. п. Отец новорожденного и бывшие с ним мужчины выпивали за здоровье роженицы и сына, закусывая сладостями. Приняв поздравления, новоиспеченный отец шел в комнату к жене, благодарил ее, целовал новорожденного.

Сразу же после рождения ребенка обмывали водой, разбавленной виноградным вином. Обмывая новорожденного, приговаривали: «Медведь — худой, ты — толстый» (груз.: датви — мчле, шен — мсукани). У армян голову и тело новорожденного повитуха посыпала солью, которая считалась оберегом. По поверью, соль делала новорожденного красивым и крепким. Для оповещения родных и знакомых, не присутствовавших при родах, отправляли специального посыльного, который за принесенную радостную весть получал самахаробло.

Такая радостная суматоха происходила в случае рождения сына. Рождение девочки встречали более сдержанно. Обычно к отцу даже не являлись с оповещением о благополучных родах. Муж сам догадывался в конце концов и принимал утешения и заверения, что в следующий раз у него непременно родится сын [62].

Младенца полагалось укладывать в деревянную люльку, всегда ярко окрашенную, имевшую отверстие для стока мочи. Такие люльки и в конце XIX — начале XX в. были традиционны для значительной части тбилисцев. Спустя несколько дней после родов отец ребенка устраивал в честь новорожденного праздник *дзеоба* (груз., букв. «праздник сына»), на который приглашались родственницы и знакомые женщины, включая девушек. В комнате, где лежала роженица, в течение нескольких дней в ее присутствии веселились: девушки танцевали, играли, все угощались сладостями. Женщины, не участвовавшие в танцах, устраивались на ковре, поджав ноги, и играли в популярное в Тбилиси лото. В соседней комнате находился сазандар, исполнявший грузинские и персидские песни и игравший на чонгури или тари; на дайре и димплипито музыканты исполняли народные танцы. Бывало, что на дзеоба приглашали также мужчин, которые угощались отдельно от женщин и, конечно, не входили в комнату роженицы [63].

В течение недели роженицу посещали родные, знакомые женщины и девушки, проводя целые дни и ночи у ее постели. Всех посетительниц угощали вареньем, сладкой водкой или ликером. Роженица после родов находилась в постели три недели (если рождался сын, то еще три дня), потом вставала, но не выходила из дома. Всего по традиции со дня родов она должна была находиться дома 40 дней. В последний сороковой день роженица шла в баню, затем в церковь «для принятия молитвы от священника» [64].

Через несколько дней после дзеоба происходили крестины (груз. *натлиоба*). Крестный отец (груз. *натлиа*) во время крестин держал правую руку священника и так произносил «аминь». Как отмечали современники, у грузин полагался не только крестный отец, но и крестная мать. По окончании обряда крещения крестный отец обязательно делал подарок матери своего крестника. В менее состоятельных семьях ритуал крещения был обставлен далеко не так пышно. Накануне крещения комната тщательно убиралась, в день крестин приглашенные гости — священник, несколько друзей отца ребенка, чаще его собратья по ремеслу — рассаживались на тахте. Крестным отцом старались пригласить какого-нибудь богатого человека, торговца, подарок которого семье крестника привозился заранее. Чаще это бывала целая арба, нагруженная вином, курами, поросятами, баранами. Родители крестника были обязаны по обычаю в первый же праздник после крестин одарить крестного. На Новый год, например, посылали сладости, головку сахара, сладкие напитки, а состоятельные — также какую-нибудь серебряную или золотую вещь, на Пасху отсылали барашка, головку сахара, какую-либо дорогую вещь [65].

Ребенка кормила мать или его отдавали кормилице. Кормилицами нередко становились осетинки, приходившие в Тбилиси на заработки из сел Ксанского ущелья, а также русские крестьянки. В 1880-х годах родильный приют акушерок М. И. Форастяновой и Д. З. Хизановой в Сололаках на Садовой улице производил осмотр кормилиц. Вообще в пореформенное время в Тбилиси появились некоторые возможности использовать при родах профессиональных врачей и акушерок, но, как отмечалось, основная масса коренного населения города и в конце XIX в. при родах пользовалась традиционными средствами родовспоможения [66].

Обычаи родильного цикла у других этнических групп Тбилиси фактически не освещены в известных нам источниках.

Обряды похоронно-поминального цикла в Тбилиси в разных этнических и социальных группах в первой половине XIX в. в полной мере сохраняли традиционный облик. Цикл включал: предпохоронный период; собственно похороны; послепохоронный период. Последний включал тризны, происходившие в течение года: сразу после похорон, на седьмой и сороковой день, в годовщину, а также установленные обычаем способы и формы выражения траура.

У грузин умершего обмывали, одевали в лучшие одежды и клали на тахту. В ближайшие 2—3 часа специальный посланник устно или письменно (последнее в дореформенное время делалось только в богатых, привилегированных семьях) извещал знакомых и друзей о кончине члена семьи. Все приходившие в дом покойного по обычаю должны были как можно сильнее выражать свою скорбь: женщины (простоволосые) били себя в грудь, царапали лицо, мужчины приходили с бритыми бородами, стояли с непокрытой головой; полагалось очень громко, с криками оплакивать умершего. Выражая соболезнование и являясь на похороны, старались одевать самые плохие, старые одежды черного цвета из бязи или хлопчатобумажной ткани.

В день похорон происходило основное оплакивание, включавшее элементы самоистязания. Главным лицом в этом ритуале была специально приглашаемая профессиональная плакальщица *мсудрави*. «Обязанность эта в Грузии нелегкая,— отмечали современники,— требующая громадного навыка и... артистического умения. Плакальщица — своего рода импровизатор скорби, горя и слез». Плакальщицами обычно были уже пожилые, однако бодрые женщины. Они постоянно носили черные платья, на голове — белые косынки, поверх их длинные черные шали, концы которых завязывались на шее. Одним словом, всем своим внешним видом плакальщицы демонстрировали, что они служительницы печали.

Во время похоронной церемонии мсудрави усаживалась среди группы родственников покойного и, раскачиваясь из стороны в сторону, начинала причитать. Она говорила о покойном, о его всевозможных достоинствах и добродетелях. Умело воздействуя на слушателей, мсудрави вызывала всеобщую скорбь, исторгая у присутствующих слезы и рыдания. Такое оплакивание происходило примерно в течение получаса, после чего мсудрави сидела молча, вздыхая, опустив голову на грудь, пока все не успокаивались. В течение одного дня обряд оплакивания совершался 2—3 раза. Мсудрави за свой труд, смотря по достатку хозяев, получала 2—3 руб., несколько чуреков, часть барана, кувшин вина. Кроме того, до дня похорон она кормилась в доме покойного за счет его родных. Угощать же в течение нескольких дней до похорон полагалось не только плакальщицу, но и всех присутствующих и приходивших в дом, что, естественно, было весьма обременительным делом для семей большинства горожан. Когда гроб несли на кладбище, ритуальный плач повторялся [67].

Громкое оплакивание с элементами самоистязания было традиционным и для похоронного обряда тбилисских армян, которые также соблюдали обычай разорительных угощений всех родственников, друзей, зна-

комых, приходивших в течение нескольких недель в дом умершего с выражением соболезнования. Полагалось также обеспечивать родственников траурной одеждой. Уже во второй половине XIX в. местные иерархи григорианской церкви попытались бороться с этими обычаями. Так, глава тбилисской армянской епархии епископ Аристакес 22 марта 1887 г. пригласил представительниц местного привилегированного сословия армянского общества в помещение училища при армянской церкви Сурб-Нишан и обратился к ним с речью, в которой объяснил всю бесполезность этого обычая и «просил содействия», чтобы в случае смерти кого-либо семья бы жертвовала на различные благотворительные цели, а не следовала разорительным обычаям. Как отмечает сообщивший об этом событии корреспондент газеты «Кавказ», «присутствовавшие дамы высказались его преосвященству в смысле исполнения его желания» [68]. Однако, как и следовало ожидать, среди большинства горожан этот обременительный обычай сохранялся до конца XIX — начала XX в.

Что касается других обычаев похоронно-поминального цикла, то многие из них исчезли или модифицировались в пореформенное время. Исчезло широкое массовое оплакивание. Перестали приглашать мсудрави, и к концу XIX в. этот обычай сохранялся лишь в среде простого городского люда. Постепенно уменьшались расходы на поминальное угощение, сокращалось количество присутствующих на похоронах, происходило уменьшение сроков между кончиной и погребением до 1—2 дней (реже до 3—4 дней).

В привилегированных слоях тбилисского общества вошло в обычай извещать о смерти членов семьи, публикуя траурные объявления в местных газетах. При этом сообщалось о дне отпевания, времени выноса тела и месте погребения. Объявлением в газете было принято оповещать о времени и месте литургии, которую служили в церкви на 40-й день и в годовщину смерти, а также о панихиде на могиле покойного. Такие объявления помещались в газетах от имени родных покойного, перечислявшихся поименно: жена (муж), дочери, сыновья, зятья, невестки и т. п. Сроки между кончиной и погребением зависели не от этнической, а от социальной принадлежности умершего. Поэтому в привилегированных слоях тбилисского общества погребение чаще всего совершали на 3-й день (реже на 4-й день) после кончины [69].

Как пример подобных траурных объявлений приведем одно, помещенное известной грузинской семьей Эсадзе 20 октября (2 ноября) 1909 г. в газете «Кавказ». «17 октября в цвете лет после тяжелой болезни скончался в Тифлисе преподаватель артиллерии, математики и физики Иркутского юнкерского училища подполковник артиллерии Спиридон Спиридонович Эсадзе». О кончине извещали мать покойного, вдова Софья Михайловна Эсадзе, урожденная княгиня Аргутинская-Долгорукова и братья покойного — Борис, Семен и Георгий. Панихида устраивалась ежедневно в 7 час. вечера в собственном доме на Кочубеевской, 12. Вынос тела из квартиры в Александро-Невский военный собор 20 октября в 12 часов дня; погребение на старом Верийском кладбище.

Основная масса горожан — ремесленники, рабочие, мелкие торговцы — извещали родных и друзей о кончине члена семьи, как и ранее, устно.

Похороны человека, популярного в Тбилиси, пользовавшегося всеоб-

щим уважением и почетом, бывали обычно очень многолюдными. Приходили не только родные и соседи, но и все, кто знал или слышал о достоинствах и заслугах покойного. Так, тысячная толпа, и прежде всего тбилисские кинто, хоронила Абрагунэ, человека, весьма популярного при жизни среди определенных социальных слоев тбилисского населения.

Погребения совершались в соответствии с религиозной принадлежностью умерших на одном из многочисленных тбилисских кладбищ: православных (Кукийском, Верийском, Авлабарском), григорианских (Авлабарском, Верийском, Ходживанкском), католическом и мусульманском в Сололаках, еврейском или в оградах церквей и соборов соответствующих конфессий. Представителей высшего грузинского дворянства везли хоронить в их родовые поместья, как, например, жительницу Тбилиси княгиню Дэспинэ Амилахвари, похороненную в с. Каспи [70].

Однако нередки были и отклонения от установленных правил и православный оказывался на григорианском, а григорианец — на православном кладбище. Вообще в похоронных обрядах жители Тбилиси далеко не всегда придерживались традиций ортодоксальной религии. Нередко григорианское духовенство участвовало в погребении православного и, наоборот, православное — в погребении армянина. Похороны обычно собирали людей самых разных национальностей и религиозной принадлежности. Один из бытописателей прошлого века, описавший происходившие 13 января 1887 г. похороны русского Григория Кузьмича Смирнова, жителя Песков, отметил, что его хоронила огромная толпа около 5 тыс. человек, состоявшая не только из русских (преимущественно молокан), но также грузин, армян и «татар». Грузины из уважения к покойному, как пишет корреспондент газеты «Кавказ», после погребения собрались около могилы с зурной и кахетинским вином, которым полили землю [71]. Иосиф Гришашвили так описал похороны известного тбилисского ашуга, одного из творцов городской народной поэзии Азира (Абрама Абрамишвили). «Умер Азира. Он посвятил свою жизнь дайре и чианури, и дайра и чианури провожали его в последний путь. Его ученики на могиле покойного устроили пир — именно пир, а не плачевную тризну! ...И ученики Азира на его могиле играли любимые мотивы учителя, чтобы тень мастера благословила их. Затем, согласно старому обычаю, они сложили на могиле музыкальные инструменты, поклялись хранить строгие заветы учителя и с зажженными факелами в руках вернулись в дом Азира». Здесь они ночевали 40 дней и ночей, чтобы не потух очаг его дома [72].

Помимо кладбищ было принято хоронить также в оградах городских церквей и в самих церквах. В 1878 г. кавказским наместником тбилисской администрации был сообщен список лиц, погребение которых разрешалось в церквах или церковных оградах. Это были лица, которые принадлежали «к родам, имеющим при церквах этих фамильные склепы», или предки которых когда-либо сделали пожертвования в пользу церквей и таким образом «приобрели себе и потомкам право на погребение в церквах или оградах». Среди них в Тбилиси названы князья Джамбакуриан-Орбелиани, имевшие право захоронений в Сионском соборе, Бунчиевы — в Анчисхатском соборе, Иоселиани — в Сололакской Вознесенской церкви, Грибоедовы — в церкви св. Давида, князья Баратовы, Орбелиани, Церетели — в ограде Дариановского монастыря и др.[73]

Судя по материалам второй половины XIX в., срок между кончиной и погребением в Тбилиси был довольно длительным и составлял у христианского населения города от двух до четырех дней. Если кто-либо в семье умирал к концу года, то родственники старались непременно похоронить до наступления Новогоднего праздника. Если же человек умирал накануне или в самый Новый год, то хоронили после 1 января. Христиане хоронили в гробу. Правда, судя по описаниям Языкова 70-х годов XVIII в., по крайней мере в то время это была привилегия отнюдь не всех социальных слоев. «Если умирал из «первейших князей»,— пишет он,— то его хоронили в гробу», а прочих князей и поселян «без гробу опускают в землю» [74].

В мусульманских похоронах также был принят обряд оплакивания. Женщины, находившиеся в помещении, где был покойный, плакали, рыдали, кричали, самые близкие (сестры, вдова, племянницы) с распущенными волосами били себя ладонями по лицу, кулаками в голову и грудь, рвали на себе волосы, царапали лицо, грудь и шею. Родственницы постоянно целовали руки, ноги, голову покойного. Иная картина была на мужской половине дома, где находились родные и друзья покойного. В молчании мужчины сидели на полу на ковре, поджав ноги, перебирая четки и время от времени вздыхая. В соответствии с шариатскими нормами погребение происходило очень быстро: покойника предавали земле в день смерти до захода солнца. Умершего в одежде на матраце, на котором он лежал, мулла и несколько присутствующих клали на табуд (подобие невысокого ящика на носилках), стоявший во дворе дома. Табуд с телом накрывали шелковым покрывалом желтого цвета и несли на кладбище [75].

Обязательным элементом в похоронных обрядах мусульман-шиитов был конь. Процессия, направлявшаяся из дома умершего на кладбище, имела следующий вид: впереди вели коня, его седло было покрыто дорогим чепраком, конь имел богатую серебряную уздечку, на седле висели одежда и оружие покойного: дорогая чоха красного цвета, богатый кинжал, ружье, шашка, пистолет; черную папаху надевали на высокую луку седла. За конем несли пять «значков» (алам), сделанных из шелка зеленого, голубого, черного или иного цвета и прикрепленных к небольшим палкам. Девять человек несли небольшие деревянные подносы с разнообразным угощением для устраиваемой на могиле трапезе. Угощение обычно различалось в зависимости от возраста умершего. На похоронах молодого человека подавали только финики, на похоронах старика — более обильное угощение; если умирал ребенок, то угощение состояло из сухих фруктов, миндаля, фиников. Четыре человека, меняясь, несли тело; за ними и вокруг шли мужчины; женщины двигались вдалеке позади процессии, причем с половины пути до кладбища они возвращались в дом.

На кладбище тело вносили в специальное помещение для омовения (азерб. *мюрдашарханэ*), где тело омывали и пеленали в *кяфан* — простую белую ткань. Состоятельных поверх ткани заворачивали в *халаты* — широкую белую ткань, исписанную стихами из корана. Халаты привозили из Мекки, поэтому эта ткань была редка и быть похороненным в ней считалось очень почетным. Омовение совершал специальный человек *(мюрдашар)*, мулла читал во время омовения Коран. Если хоронили женщину, омовение совершала женщина, она же читала суры Корана.

Из мюрдашарханэ покойного выносили завернутым в халяты. Табуд подносили к могиле, ахунд начинал читать молитвы, и все присутствовавшие молились. По окончании молитвы совершались похороны. Могилу засыпали землей, поверх ее накладывали кучу камней, которые приносили все присутствующие. Ритуал похорон завершался угощением, происходившим здесь же на кладбище [76].

У грузин после захоронения на могиле также совершалась тризна. Она сопровождалась музыкой — игрой на зурне, могилу поливали вином. В календаре христианской церкви имелись официальные дни поминовения усопших. Православная церковь этот день отмечала весной в первые дни Фоминой недели после Пасхи. По обычаю в этот день на кладбище собиралось множество народа, приходили компаниями, принося с собой угощение: закуски, вино, кутью, яйца и разные блюда — остатки пасхального угощения. Грузины и армяне, кроме того, резали на могилах баранов, тут же жарили шашлык, угощались сами и угощали нищих, масса которых собиралась на кладбище в этот день. Компании приносили с собой зурну, дудуки, гармонику. В хорошую погоду, по описаниям современников, поминки на кладбищах превращались в веселое гуляние и даже «в бесшабашный разгул» [77].

На пасхальной неделе поминовение усопших отмечала и григорианская церковь. Кроме того, эта церковь отмечала день поминовения усопших в июле (праздник *мерелоц*). В этот день в Крцанисскую армянскую церковь с раннего утра собирались богомольцы, в церкви служили литургию. В городе закрывали большинство лавок, в полдень масса тбилисцев собиралась на армянском Ходживанкском кладбище. До поздней ночи в садах и духанах Ортачала и Крцаниси кутили компании, слышались звуки зурны и шарманки, пение сазандаров [78].

Поминальными днями были также седьмой, сороковой и годовщина, сопровождавшиеся у христиан литургией (кроме седьмого дня); в доме покойного собирались близкие, устраивалось угощение.

В день погребения мусульмане специального поминального угощения не устраивали и никого не приглашали на вечер. Но если кто-либо приходил, того принимали, угощали; вечером обычно собиралось довольно много народа. Через неделю вдова и женщины из родни шли в баню для очищения и по возвращении домой принимали посторонних женщин.

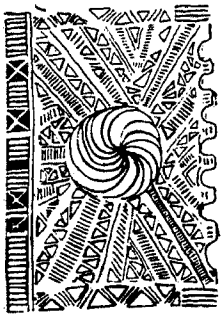
В течение 40 дней каждую пятницу родные и знакомые, посторонние женщины приходили к вдове и вместе с ней оплакивали покойного. На 40-й день вдова с женщинами шла на кладбище к могиле мужа. Здесь они читали Коран, оплакивали умершего и возвращались домой, где устраивали угощение. После этого необходимо было сходить в баню, как считалось, для окончательного очищения. Такой же ритуал совершался в годовщину, но в нем участвовали только мужчины, которые посещали могилу после обеда, женщины же — до обеда. На могиле читали Коран и оплакивали покойного [79].

Угощение, подаваемое в траурные дни, составляли только постные блюда. Вообще со дня кончины члена семьи все близкие переставали есть скоромное, даже рыбу. Постная пища оставалась единственной в течение всего срока траура для близких покойного (целого года), вдова обычно соблюдала траур многие годы, иногда всю жизнь. В течение этого

времени обязательным было ношение черной одежды; помимо пищевых, выполнялись и другие запреты: табуировались любые развлечения, участие в праздниках и различного рода увеселениях [80].

[1] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2388 б. Л. 17, 167.
[2] Там же. Оп. 2. Л. 2083. Л. 17 об.
[3] Там же.
[4] Там же и Ф. 1645. Оп. 1. Д. 47.
[5] Для характеристики процесса распада больших семей использованы следующие материалы: ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 2. Д. 393. Л. 37—171; Д. 396. Л. 38, 41, 95; Д. 408; Ф. 192. Оп. 5. Д. 292. Л. 45—82; Д. 318. Л. 73—75; Ф. 16. Оп. 1. Д. 6157. Л. 4 об.; Ф. 8. Оп. 1. Д. 2159. Л. 5, 6; Оп. 3. Д. 1642. Л. 220—229; Д. 1640. Л. 48—49; Д. 7695. Л. 1.
[6] ЦГИА ГССР. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 47. Л. 1—5.
[7] Там же. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2389. Л. 14, об.; Ф. 192. Оп. 5. Д. 314. Л. 4 об.
[8] Там же. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1642. Л. 149 об., 228 об., 272.
[9] Там же. Оп. 1. Д. 858. Л. 13, 39, 76 об., 96 об.; Ф. 192. Оп. 5. Д. 314; Д. 318. Л. 149, 231.
[10] Там же. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1642. Л. 33, 81, 96.
[11] Там же. Ф. 192. Оп. 5. Д. 314. Л. 266, 268; Ф. 254. Оп. 3. Д. 1642. Л. 186, 192.
[12] Там же. Ф. 192. Оп. 5. Д. 314.
[13] Монастырь св. Давида // К. 1846. № 7.
[14] *Цагарели А.* Грамоты и другие исторические документы... Т. 1. СПб., 1891. С. 189—190.
[15] Хроника // ТЛ. 1888. № 197.
[16] ЦГИА ГССР. Ф. 119. Оп. 1. Д. 94. Л. 3; Д. 90. Л. 1 об.; Ф. 205. Оп. 1. Д. 102. Л. 3; *Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1977. С. 35.
[17] ЦГИА АзССР. Ф. 291. Оп. 2. Д. 714.
[18] *Ольшевский М. Я.* Кавказ с 1841 по 1866 г. // РС. 1894. Т. 82. С. 426—427.
[19] *Е. Т. А.* Великий пост у грузин // К. 1887. № 49.
[20] *Желиховская В.* Кавказ и Закавказье. СПб., 1885. С. 49.
[21] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. Кн. 2. СПб., 1871. С. 145; *Зубов П.* Шесть писем о Грузии и Кавказе. М., 1834. С. 68.
[22] ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1601. Л. 2.
[23] Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. // ССК. 1880. Т. VI. С. 172.
[24] *Евлахов И.* Заметки о Тифлисе // К. 1846. № 23; *Зубов П.* Шесть писем... С. 68; *Романов.* Новый год у грузин Тифлиса // К. 1846. № 3.
[25] Письма Х. Ш. . . . к Ф. Булгарину, или поездка на Кавказ // СА. 1828. № 8. С. 151.
[26] *Ольшевский М. Я.* Кавказ... С. 87.
[27] *Зубов П.* Шесть писем... С. 70; Воспоминания о Кавказе и Грузии // РВ. 1869. Т. 79. № 1—2. С. 435—436.
[28] Однодневная прогулка по Тифлису (из писем Гр... Гор... к А. Н. М. в Москву) // ТВ. 1830. № 48.
[29] *Шадури В. С.* Выдающиеся деятели русской культуры о Грузии. Тбилиси, 1958. С. 7; *Савинов А. Н.* Г. Гагарин. М., 1950. С. 31; *Богомолов И.* Из истории грузино-русских литературных взаимосвязей. Тбилиси, 1967. С. 24.
[30] Хроника // К. 1905. № 4.
[31] *Вердеревский Е. А.* От Зауралья до Закавказья // К. 1855. № 61.
[32] ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 497. Л. 170; Ф. 1. Оп. 1. Д. 193, Л. 93; *Евлахов И.* Муша // К. 1851. № 95.
[33] *Эристав-Шервашидзе Н.* Книга о приданом царевны Нины Георгиевны. М., 1914.
[34] ЦГИА ГССР. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 522; Хроника // К. 1893. № 161; *Чхетия И. К.* К истории Тбилиси // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 1. Тбилиси, 1938. С. 174.
[35] Тифлис и его окрестности. Тифлис, 1890. С. 43; По Кавказу // Каспий. 1908. № 32; Хроника // НО. 1884. № 30; Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 98.
[36] Хроника // К. 1905. № 102.
[37] Хроника // Каспий. 1908. № 32.
[38] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 1864. Л. 4, 5, 14, 15.

[39] Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 81.
[40] ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 1. Д. 34. Л. 51—52.
[41] ЦГИА АзССР. Ф. 288. Оп. 1. Д. 71. Л. 7, 9, 57; ЦГИА ГССР. Ф. 414. Оп. 2. Д. 3. Л. 529 об.; Ф. 4890. Оп. 1. Д. 1920. Л. 1 об.
[42] Хроника // К. 1897. № 74.
[43] ЦГИА АзССР. Ф. 289. Оп. 1. Д. 3. Л. 81 об.
[44] *Дановский В.* Грузинские народные типы. Мачанкали (сваха) // К. 1902. № 188.
[45] *Итонишвили В. Дж.* Некоторые свадебные обычаи старого Тбилиси. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
[46] *Гришашвили И.* Литературная богема... С. 43.
[47] *Кишмишев С.* Тифлис 40-х годов // К. 1894. № 64.
[48] Там же; *Е. Т. А.* Великий пост у грузин...
[49] Свадьба в Тифлисе // К. 1849. № 21; *Кишмишев С.* Тифлис 40-х годов.
[50] Свадьба в Тифлисе; *Кишмишев С.* Тифлис 40-х годов; *Итонишвили В. Дж.* Некоторые свадебные обычаи...
[51] Хроника // ТЛ. 1887. № 254.
[52] АКАК. 1878. Т. VII. С. 245.
[53] Грузины // Народы России. СПб., 1880. С. 395—396; *Кишмишев С.* Тифлис 40-х годов; Свадьба в Тифлисе.
[54] *Гришашвили И.* Литературная богема... С. 39; Майдан в Тифлисе // Азиатская Россия. М., 1905. С. 116.
[55] *Ходжабегов Вано.* Зарисовки старого Тифлиса // Пламя. Тифлис, 1923. № 2. С. 20.
[56] *Гришашвили И.* Литературная богема... С. 38.
[57] Там же. С. 35.
[58] Ответ из Тифлиса в Санкт-Петербург // ТВ. 1832. № 6.
[59] Однодневная прогулка по Тифлису.
[60] *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса. СПб., 1881. С. 59; *Гнилосаров.* Об обрядах, употребляемых грузинами при рождении, женитьбе и похоронах // Сб. газеты Кавказ. 1846. № 1. С. 182.
[61] Тифлис по однодневной переписи... 1876 г. С. 98; Хроника // ТЛ. 1889. № 179; Хроника // К. 1889. № 197.
[62] *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса... С. 62; *Лисициан С. С.* Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС. I. 1955. С. 241.
[63] *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Ч. 1. СПб., 1857. С. 87; *Пантюхов И. И.* О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896. С. 84.
[64] *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса. С. 64.
[65] Хроника // Иллюстр. прибавление к ТЛ. 1902. № 40; *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса. С. 63.
[66] Объявления // К. 1884. № 85; Объявления // ТЛ. 1887. № 266.
[67] *Дановский В.* Грузинские народные типы. Мсудрави (женщины-плакальщицы) // К. 1902. № 187.
[68] Нравы. Арютин Арютинович Архи-Хапалов (Из писем Гр. Гор-ва к А... Н... М. в Москву) // ТВ. 1830. № 25; Записки Н. Н. Муравьева-Карсского // РА. 1886. Кн. 3. № 11. С. 330; Хроника // К. 1887. № 83.
[69] Объявления // К. 1909. № 218, 227, 248, 249, 289; Объявления // НО. 1893. № 3193.
[70] Объявления // К. 1909. № 227.
[71] Похороны Кузьмича // К. 1887. № 13; Хроника // НО. 1884. № 30.
[72] *Гришашвили И.* Литературная богема... С. 57.
[73] ЦГИА ГССР. Ф. 12. Оп. 8. Д. 113. Л. 1—4.
[74] *Цагарели А.* Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия... Т. 1. С. 188.
[75] *Егоров П.* Погребение мусульман в Тифлисе // К. 1851. № 62.
[76] Там же.
[77] Хроника // К. 1888. № 118; 1890. № 94.
[78] Хроника // ТЛ. 1889. № 187; 1891. № 173; Хроника // К. 1889. № 112, 188.
[79] *Егоров П.* Погребение мусульман в Тифлисе.
[80] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 1. СПб., 1869. С. 443; *Желиховская В.* Кавказ и Закавказье. С. 59.



Глава пятая

ДОСУГ. ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Праздничная жизнь Тбилиси XIX — начала XX в. составляет особую, самобытную главу этнографии города. Традиционные праздники и развлечения были неотъемлемой чертой образа жизни горожан. Однако анализировать соответствующий материал довольно сложно. Более того, простое описание праздничных обыкновений тбилисцев представляет весьма нелегкую задачу, так как население города имело сложную структуру, что определяло предельное разнообразие внутреннего содержания и внешней формы праздников и развлечений у разных этнических, конфессиональных, социальных, профессиональных и иных групп населения, не говоря уже о том, что в традиционной культуре отдыха и праздника немалое значение имели половозрастные различия участников соответствующих действий.

В праздично-досуговой сфере бытовой культуры тбилисцев в XIX — начале XX в. мы различаем два пласта. Первый — это традиционные праздники и обряды календарного цикла, которые, будучи строго привязанными к более или менее четко фиксированным датам, равномерно распределялись в течение года. Второй пласт — досуговый. Отдых этого типа эпизодически вкраплялся в бытовую повседневность, позволяя индивиду вне праздничной стихии добиться жизненно важного эффекта — отдыха от будничных забот, смены психологических установок, достижения определенных социальных целей.

Специфика поведенческих стандартов индивидов в обоих случаях была различной. Праздничное поведение характеризовалось активным включением человека в общее действо. Последнее, будучи в подавляющем большинстве случаев строго ритуализованным, соответствующим образом детерминировало и поведение индивида — участника традиционного праздника. Разнообразные формы досуга не требовали столь жесткой поведенческой регламентации. Конкретные действия индивидов могли варьировать в достаточно широких пределах, хотя и здесь были возможны определенные поведенческие стандарты, сформировавшиеся на общем фоне этнокультурного и социального быта Тбилиси XIX — начала XX в.

В бытовой повседневности тбилисцы находили многообразные возможности отдохнуть и развлечься, причем многие формы организации общественного досуга преемственно сохранялись с давних времен. Так, в первой

половине XIX в. важным центром общественной жизни города была площадь, расположенная перед губернаторским дворцом. В свое время здесь была резиденция грузинских царей и по заведенному обыкновению сюда ежедневно стекались сотни людей, развлекавшихся беседой, обменом новостями и ожидавших каких-либо известий из царских покоев. Среди тбилисцев эта площадь получила название «Салакбо», что в переводе с грузинского приблизительно означает «место говорения». Это название в общем точно передавало ее основную функцию и роль в общественной жизни города.

После 1801 г. Салакбо полностью сохраняла свои функции. С утра до вечера площадь была заполнена толпами тбилисцев, оживленно беседующих друг с другом на самые разнообразные темы. Здесь узнавались последние новости, обсуждались всем известные события, смаковались слухи, а то и просто велись дружеские беседы. Именно отсюда, с Салакбо, всевозможные рамбавиа [1] распространялись по городу, волнуя и будоража тбилисцев.

Однако Салакбо играла важную роль и в экономической жизни города. Немало коммерческих сделок заключалось именно здесь. Салакбо привлекала людей самого разного социального положения. Современники отмечали, что на Губернаторской площади можно было встретить людей всех званий и сословий, вплоть до представителей высшего грузинского дворянства [2].

Бытовая повседневность тбилисских улиц также время от времени предоставляла горожанам маленькие развлечения. По улицам ходило немало мествире, шарманщиков и музыкантов, которые, получив соответствующую плату, а иногда и просто в ожидании ее всегда были готовы продемонстрировать свое искусство [3].

Горожане любили отдыхать, наблюдая за жизнью реки, особенно с высоты тбилисских мостов. «Нередко приходится быть нам свидетелями,— писал корреспондент газеты «Кавказ»,— как сплошная масса всевозможных классов публики осаждает перила Михайловского моста, наблюдая за тем, что происходит на Куре. В некоторых случаях — это тонет лошадь или буйвол, в других внимание публики привлекает появление лодки, весьма редкой в нашей быстротечной Куре, а в большинстве случаев — это купальщики или пловцы» [4].

Вообще купание было достаточно распространенным видом летних развлечений тбилисцев. В знойные дни берега реки были усеяны купальщиками, желавшими охладиться в водах Куры. Еще в 1850-х годах в черте города были построены купальни, в которых для посетителей были предусмотрены минимальные удобства: досчатые мостки, подобие кабин, огороженных непрозрачной материей. Несмотря на постоянные жалобы горожан на дороговизну входных билетов, купальни редко пустовали. Впрочем, немало купающихся бывало и на открытых местах.

Много развлечений доставляли тбилисцам заснеженные улицы города. Эти короткие часы настоящей зимы давали тбилисцам возможность развлечься катанием на санях. Несмотря на неказистость и неудобство иных из них, сооружаемых порой на скорую руку, тбилисские жители были весьма охочи до подобных развлечений [5].

Любимым времяпрепровождением тбилисцев были прогулки в город-

ских садах — европейское обыкновение, довольно быстро завоевавшее популярность. С устройством в 1830-х годах сада Муштаид, замыкавшего Михайловскую улицу, он стал любимым местом отдыха тбилисцев. Представители высших сословий пешим прогулкам предпочитали поездки в экипажах или верхом по единственной аллее парка; остальная публика гуляла. В дальнейшем сады и парки были открыты в различных частях города, однако Муштаид оставался наиболее популярным местом отдыха и гуляний горожан.

Посетителей в городских садах ждало немало развлечений. Здесь играли военные оркестры, устраивались концерты, различные представления, летние «маскарады». Именно в городских садах проходили гастроли заезжих артистов. В 1880-х годах в Муштаиде некий предприимчивый тбилисец Лордкипанидзе организовал специальное увеселительное заведение под названием «Трамвай». Прекрасно разбиравшийся во вкусах завсегдатаев Муштаида, Лордкипанидзе умело строил программы своего заведения, нанимая для выступлений перед публикой артистов легкого, развлекательного жанра. Привлекал публику Лордкипанидзе и такими развлечениями, как устройство фейерверков и различного рода диковинок типа «светящихся воздушных шаров». В своем «Трамвае» он устроил читальню, где посетители могли бесплатно читать все выходившие в Тбилиси газеты [6].

Одним из традиционных развлечений тбилисцев в теплое время года был выезд на гуляние в загородные сады, зеленой стеной окружавшие Тбилиси. Традиционными местами отдыха считались местечки Ортачалы и Крцаниси, славившиеся своими роскошными фруктовыми садами, густые виноградники на берегу р. Вере. До 1840-х годов популярным местом гуляний были также сады в Сололаках, уничтоженные впоследствии строительной деятельностью М. С. Воронцова.

По воскресеньям, а также непременно в дни больших праздников, приходившихся на летнее время, тбилисцы уже с утра, нередко пешком, отправлялись из жаркого и пыльного города, чтобы провести предстоящий день на свежем воздухе. За город уезжали семьями либо дружескими компаниями. Часто на воскресные гуляния отправлялись амкарские цехи в полном составе во главе со своим устабаши. К намеченному дню покупали вскладчину продукты, вино. В день гуляния амкары собирались вместе и под звуки зурны, с развернутыми цеховыми знаменами проходили по улицам Тбилиси, возвращаясь в город уже поздно вечером. В загородных садах устраивали свои очередные ригис-пури (букв. «хлеб — соль») тбилисские купцы. Отдыхающие располагались в облюбованных местах, разостлав на земле ковры и подушки. Обычное времяпрепровождение заключалось во взаимных беседах, гастрономических удовольствиях, все это перемежалось песнями и танцами и т. д.

Освободившись от домашних дел, тбилисцы, особенно женщины, любили посидеть вечерами на плоских крышах своих домов. Отсюда в праздничные дни женщины следили за оживленной толпой на улицах. На крышах в такие дни танцевали, пели песни.

У мужчин имелись свои пристрастия в проведении досуга. Немало свободного времени они проводили в духанах, которые являлись своего рода увеселительными заведениями для низших слоев города. Духан обычно никогда не пустовал, с утра до вечера здесь толпился народ. Особенно

Рис. 26. ТРАДИЦИОННЫЙ ТАНЕЦ. Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы.

многолюдно здесь бывало по воскресным и праздничным дням, когда простой тбилисский люд, освободившись от будничных тягот и забот, устремлялся в ближайший духан, чтобы предаться веселью и развлечениям. Звуки зурны, димплипито и тари вплетались в царивший в духане шум и гам. Постоянные клиенты хозяина обслуживались в отдельном помещении, здесь же собирались на пирушку дружеские компании.

Часто для развлечения посетителей духанщики держали в своем заведении какую-нибудь диковинку. В одном из духанов, например, хозяин держал довольно крупного медведя. Зверь часто убегал, устраивая переполох среди жителей близлежащих домов. Об этом поведала газетная хроника [7]. Дружеские беседы посетителей духана часто прерывались для пения и танцев либо, что также бывало, для выяснения отношений.

Городские хроники тбилисских газет полны сообщений о драках и побоищах, имевших место в том или ином духане, о количестве раненых или даже убитых. Неоднократные попытки властей добиться прекращения работы духанов в ночное время ни разу не приводили к действенным результатам [8]. У духанщиков было немало способов, как мирным путем избежать выполнения распоряжений властей. Как только наступало 11 часов вечера, входные фонари перед духанами тушили, ставни и двери плотно

притворяли, в то время как внутри ничто не меняло обычного течения вещей.

Часто между духанщиками и полицейскими устанавливались дружеские и взаимовыгодные отношения. Газета «Тбилисский листок» жаловалась, что «многие городовые с наступлением сумерек бросают свои посты и проводят время в духанах и трактирах» [9]. Многие подобные заведения славились как пристанища свободных художников, поэтов, музыкантов, как, например, духан знаменитого Абрагунэ, у которого, по словам И. Гришашвили, кормилась вся тбилисская литературная богема. Здесь проводились импровизированные поэтические состязания, пели знаменитые ашуги, играли любимые тбилисцами сазандары. Завсегдатаями духанов были Нико Пиросмани, Иэтим Гурджи. Один расписывал в духанах стены и вывески, другой там же создавал свои стихи. Духаны были очень интересной, колоритной принадлежностью старотбилисского быта.

Одним из любимых развлечений и форм проведения свободного времени жителей, особенно жительниц, Тбилиси было посещение бань. Обильные серные термальные источники в городе были давно уже освоены, их посещение стало стойкой традицией для жителей Тбилиси. Так называемых больших бань в Тбилиси имелось несколько, причем самые знаменитые именовались по именам владельцев: Сумбатовские, Бебутовские, Зубаловские, Орбелиановские. Однако подлинными владельцами бань были ловкие и предприимчивые дельцы, которые снимали бани в аренду у князей Сумбатовых, Орбелиани, Бебутовых и др.

Архитектура банных сооружений была специфически «восточной»: низкие, приземистые здания с полукружиями куполов, имевших отверстия посередине, через которые внутрь помещения поступал свет. Внутреннее устройство бань было единообразным: все пространство разделялось на небольшие комнаты, одна из которых представляла предбанник, а другая — собственно ванную, точнее, небольшой сложенный из тесаного камня бассейн, куда по специально проложенному руслу поступала вода.

Христиане и мусульмане держались в банях обособленно, купаясь в разных бассейнах. Считалось недопустимым появляться в банном помещении совершенно голым, поэтому посетители обязательно прикрывались полотенцем. Бани были платными, цена определяла удобства, предоставляемые купальщикам. Наиболее дешевые номера, которые занимал обычно простой тбилисский люд, вообще были лишены каких бы то ни было удобств. Здесь одной и той же ванной-бассейном пользовались одновременно все посетители. Если учесть, что вода в ванне менялась не так уж часто, то говорить о соблюдении каких-либо санитарно-гигиенических норм не приходится. В несколько лучших условиях находились посетители более дорогих номеров, которые платили за удовольствие попасть в малолюдный номер. Здесь к их услугам были специальные терщики *джамадары*, которые помогали посетителям мыться и делали по их желанию своеобразный массаж. Сначала посетитель минут 10 сидел в бассейне. Выйдя из него, он ложился на низкую деревянную лавку и поступал в полное распоряжение массажиста. Массаж состоял из нескольких операций. Начинался он с «правления членов», заключавшегося в вытягивании, разминании и растирании мышц и суставов; порой для достижения нужного эффекта джамадар употреблял всю свою силу, вскакивая даже кли-

Рис. 27. НАРОДНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ: бой баранов.
Рисунок Н. Негадаева. Вторая половина XIX в.

енту на спину. Ф. Корф, который во время своего пребывания в Тбилиси в начале 1830-х годов лично на себе испытал все удовольствие местных бань, так передал свои впечатления: «Парильщик берет вас и обращается с вами, совершенно как с какой-то вещью, ворочая вас во все стороны по своему произволу, вытягивает вам руки и ноги, ломает их в суставах, трет, жмет, колотит по спине, по груди, по бокам, заставляет вас принимать самые странные положения . . . кажется, не остается ни одной целой косточки, а между тем, ничего не бывало. Вы не только не чувствуете ни малейшей боли, но напротив, рады попросить его начать снова всю эту комедию» [10].

После «правления членов» наступал черед следующей операции: тело энергично растирали куском полотна. После этого джамадар мыл клиента с мылом, применяя при этом весьма эффектный прием, о котором также упомянул восхищенный Ф. Корф [11]. В полотняный мешок клали мыло. «Мешок надувался через специальное отверстие, после чего под действием воздуха на поверхности выступала мыльная пена, которая, как снег, опускалась на тело клиента, окутывая его. Все это делалось необыкновенно быстро». Растерев клиента и смыв мыльную пену двумя-тремя тазами воды, джамадар вновь приглашал его погрузиться в бассейн. Это было последним удовольствием. Выйдя из бассейна, клиент принимал из рук служителя широкое покрывало, накидывал его на тело и следовал в предбанник одеваться.

Во время массажа в бане сохранялась благоговейная тишина, прерываемая только хлопками джамадаров. Хлопок означал, что клиенту

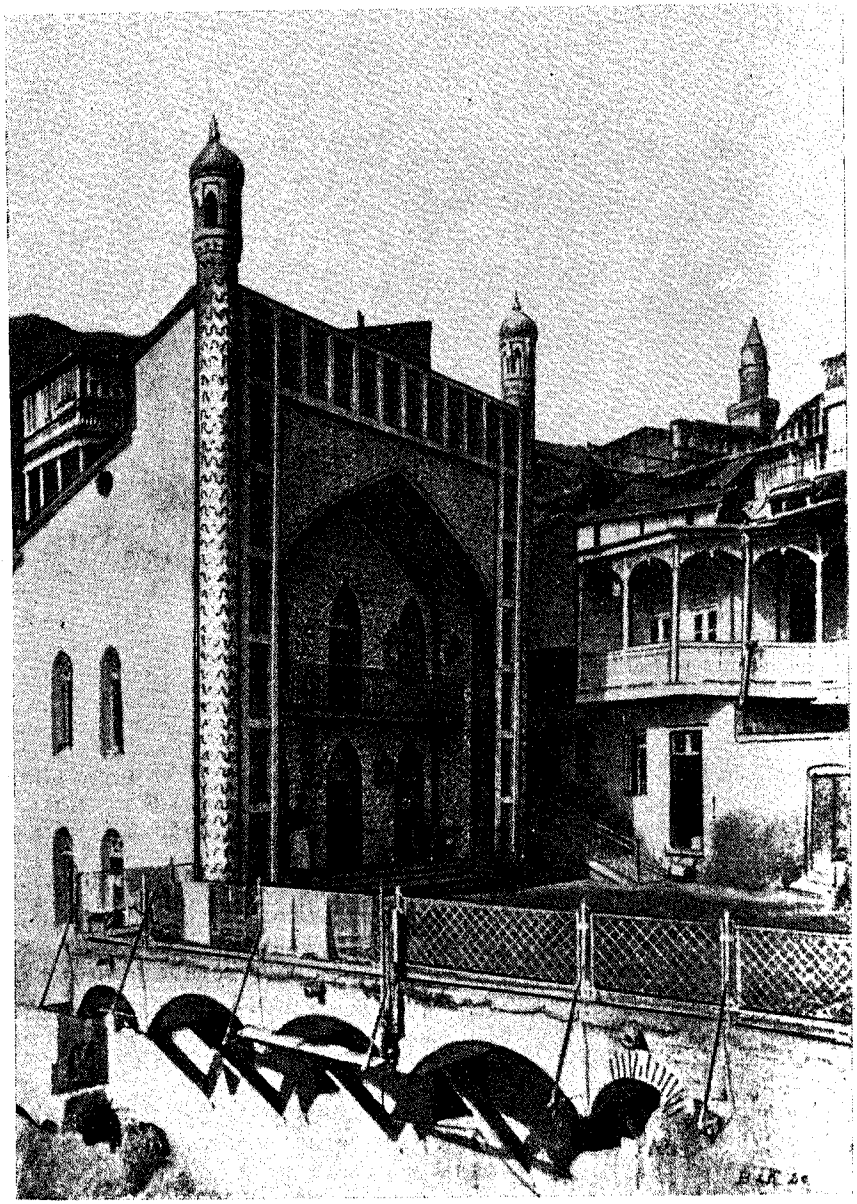
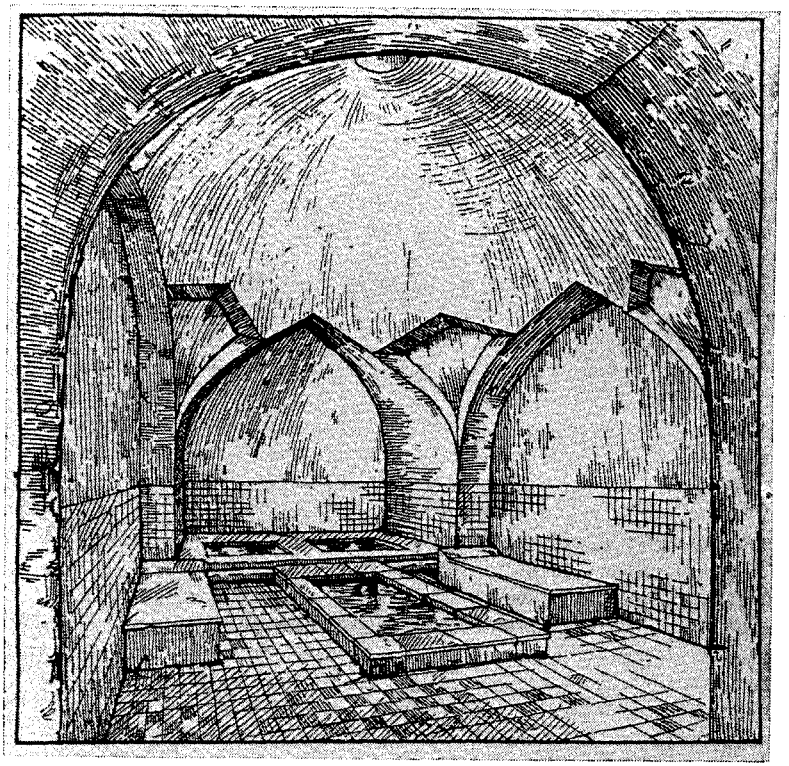
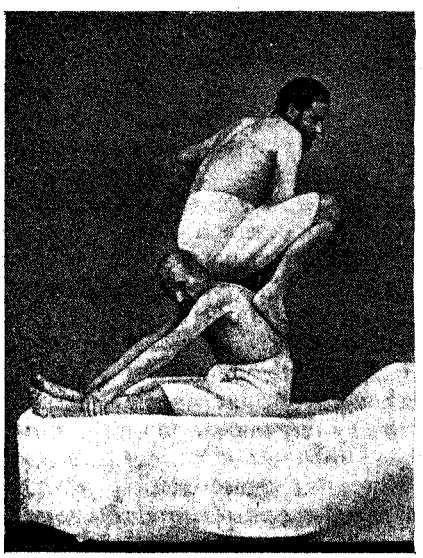
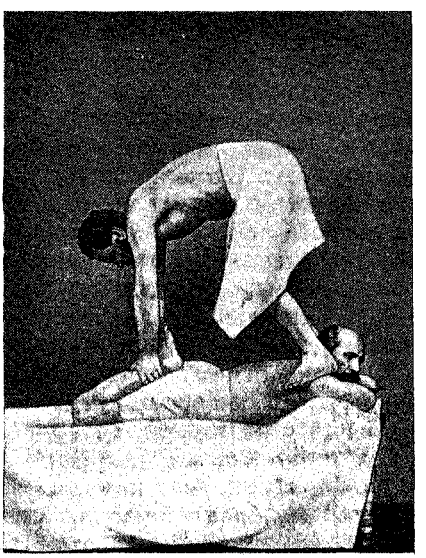


Рис. 28. ТБИЛИССКИЕ БАНИ: Орбелиановские бани; внешний и внутренний вид; терщик и его клиент. Фотографии конца XIX в.







необходимо перевернуться и предоставить умелым рукам массажиста другую часть своего тела. В предбаннике посетители могли получить и другой вид обслуживания, например покрасить бороду в черный цвет.

О достопамятных тбилисских банях и кудесниках-джамадарах считали своим долгом упомянуть все путешественники, оставившие письменные свидетельства своего пребывания в городе. Наиболее известное из этих свидетельств принадлежит А. С. Пушкину («Путешествие в Арзрум»).

Для жительниц Тбилиси посещение бани было не просто обыкновенной житейской необходимостью, но способом развлечься, отдохнуть, приятно провести время. Знакомые женщины часто ходили в баню вместе. Для состоятельных горожанок поход в баню был сродни торжественному ритуалу. После долгих сборов госпожа выходила из дома в окружении многочисленных служанок, которые несли все, что могло понадобиться их госпоже. Процессию возглавлял мальчик-слуга (бичи), также несший что-либо из принадлежностей туалета знатной дамы. В предбаннике на разостланных коврах служанки раскладывали дорогую парфюмерию госпожи: белила, краски, хну; на отдельном ковре — съестные припасы. Затем госпоже помогали раздеться, аккуратно раскладывая каждую вещь, чтобы можно было полюбоваться обилием и богатством ее убранства. После этого служанки раздевались сами и вся компания спускалась в бассейн.

После бассейна тело умащивали ароматическими снадобьями, госпоже укладывали волосы и одевали ее. Заканчивался ритуал обильной трапезой. Все это время госпожа развлекалась беседой со своими приятельницами. Случалось, что женщины проводили здесь полдня [12].

Любимым развлечением девушек и молодых женщин были гадания. Преимущественно в армянской среде было распространено гадание *вичаки*, которое устраивали обычно перед праздником Вознесения. Гадание могло происходить в чьем-либо доме либо на армянском Ходживанкском кладбище, куда теплыми ночами собиралась молодежь, жаждущая приподнять завесу, скрывающую будущее.

К гаданию нужно было соответствующим образом приготовиться. Одной из девушек поручалось наполнить сосуд водой из Куры. В ночь перед гаданием его оставляли под открытым небом. Непосредственно перед вичаки сосуд украшали цветами, после чего девушки бросали в воду различные вещицы: золотые кольца, серьги, наперстки, ключи и т. д. Каждая вещица как бы символизировала свою хозяйку, но можно было загадать и на кого-либо из своих близких — брата, отца и т. д.

Для проведения вичаки обычно приглашали пожилую женщину, которая знала особые ритуальные стихи *джан-гюлюм* (азерб., букв. «душа-цветок»). Гадательница произносила стих, объясняла его смысл, после чего из сосуда вынимали предмет. Смысл стиха-предсказания предназначался для владельца данного предмета или же для лица, которому он был посвящен. Для извлечения предметов из сосуда обычно приглашали девочку, первенца у родителей, которую по этому случаю наряжали невестой, закрывая лицо вуалью [13].

Непременными участниками праздничных увеселений тбилисцев были мествире, бродячие музыканты и стихотворцы-импровизаторы. По наблюдениям современников, это были выходцы преимущественно из картлийских деревень, причем люди не первой молодости. За соответствующую

плату они показывали свое умение на свадьбах, различного рода праздничных увеселениях и т. д. Мествире составляли неотъемлемую принадлежность старого тбилисского быта. Выступая обычно в одиночку, но иногда и по двое, они развлекали горожан на улицах города и особенно на городских праздниках, когда веселящиеся тбилисцы охотно внимали творчеству бродячих музыкантов.

Искусство мествире состояло в соединении музыки и импровизированного стихотворного текста. Аккомпанируя себе на ствири [14], этот грузинский менестрель пел о любви, дружбе, разлуке. Однако мествире мог петь и о другом. Так, излюбленными темами их песен были исторические легенды, особенно про подвиги народного героя Арсена Марабдели; часто основой текста являлись сюжеты из священного писания.

Расхаживая среди гуляющей или пирующей публики, мествире мог подойти к какой-нибудь группе людей или же к конкретному человеку и без приглашения начать свою песнь, зная, впрочем, что всегда найдет отклик у тбилисцев, а следовательно, и вознаграждение. Часто импровизатор пел на заказ, и импровизация отражала ситуацию и индивидуальные черты заказчика. Мелодекламация могла длиться довольно долго, мествире успевал спеть о всех достоинствах человека: о его доброте и щедрости, о выгодных жизненных переменах, его ожидающих, и т. д. Выступая на свадьбе, мествире воспевал красоту и пригожесть невесты, храбрость и мужество жениха, желал молодым счастья, многочисленного и здорового потомства. По окончании импровизации мествире уже прозой договаривал последние здравицы и пожелания, после чего музыканту полагалось дать вознаграждение. Иногда его песни носили явно шутливый оттенок, а само выступление сопровождалось элементами клоунады. Это также бурно приветствовалось и одобрялось публикой [15].

В Тбилиси была еще одна разновидность народных музыкантов — сказители ашуги. Ашуги несомненно обладали даром поэтического творчества, их произведения, дошедшие до нас, являются великолепными образцами музыкально-поэтического фильклора старого Тбилиси. Часто ашуги были слепцами от рождения. Это и предопределяло род их занятий; с детства они ориентировались на песнопения как единственный способ выразить себя и заработать на жизнь. В дни праздников ашуги располагались где-нибудь на людном месте и начинали свою песнь. В отличие от мествире, которые всегда были готовы угодить сюжетом публике или заказчику, репертуар ашугов был более традиционным. Многие их песни являлись пересказом сюжетов героического эпоса «Кёр-оглы». Перед ашугом обычно был разостлан платок, куда слушатели бросали вознаграждение певцу [16].

В дни праздников немало потешали тбилисцев мастера народного цирка — *джамбази* и *масхари*. Джамбази были по преимуществу персы. Они выступали главным образом в роли акробатов, развлекая публику умелым исполнением всевозможных гимнастических трюков; наибольшей популярностью пользовались хождение на ходулях и эквилибристика на канате. Ни один праздник не обходился без того, чтобы в каком-нибудь подходящем месте (в первой половине века — даже на Эриванской площади) не устраивали представления: между двумя шестами натягивали канат и джамбази начинал выступление. Одежда джамбази всегда была яркой,

Рис. 29. МЕСТВИРЕ. Рисунок В. Верещагина. 1860-е годы.

чтобы смельчак хорошо был виден. На плечи и на грудь джамбази были нашиты небольшие кожаные мешочки, в которых находились *джадо* — амулеты, долженствующие предохранить джамбази от падения с головокружительной высоты.

Начиная представление, джамбази предварял его рядом ритуальных действий. Он нарочито медленно поднимался по одному из концов каната к вершине шеста. Достигнув высшей точки, джамбази преклонял колено, целовал канат, затем, поклонившись сбежавшейся на представление толпе, вооружался шестом-балансиром и приступал к демонстрации своего искусства. Последнее заключалось в хождении по канату взад и вперед, разнообразных подпрыгиваниях, наконец, в исполнении подобия некоего танца под аккомпанемент зурны, на которой играл масхари — помощник джамбаза. Масхари все это время находился на земле. Одетый нарочито нелепо, масхари контрастировал со смельчаком джамбази. Джамбази был серьезен, масхари корчил рожи, смешил публику; первый играл со смертью последний комично повторял его движения на земле. Впрочем, оба персонажа представления имели у тбилисцев огромный успех.

В 1850-х годах большой популярностью среди тбилисцев пользовался джамбази Абела Ревазов, который веселил публику своей феноменальной способностью ловко ходить на высоких ходулях. Очевидцы описывали, что Абела мог совершать на них гигантские прыжки, перепрыгивать через высокий забор, даже танцевать лезгинку [17].

Мастеров хождения на ходулях в Тбилиси было, видимо, немало, и каждое их выступление собирало толпы зрителей. Так, газета «Закавказский вестник» в одном из номеров сообщала, что «в первое воскресенье после святой недели по улицам Тифлиса на двух саженных ходулях шагал грузин под звуки неистовой зурны и барабанный бой, сопровождаемый толпой народа» [18].

Одним из наиболее популярных традиционных развлечений тбилисцев были кулачные бои *кривши*. В первой половине XIX в. это было общегородское удовольствие, привлекавшее огромные массы народа. Твердо уста-

новленных мест для проведения криви не было. Бывало, что криви проводили прямо на городских улицах, но чаще, когда было слишком много участников, бой происходил за городом на достаточно просторной площадке. Обычно это была территория за Авлабаром или Сололаки, около Сурб-Карапетского оврага, близ старого Армянского кладбища. Криви проводился не стихийно, а в соответствии с определенным сводом правил, которого играющие неизменно придерживались. Играющие разделялись на две партии по территориальному принципу: одну группу составляли жители Гаретубани, другую — жители старого города. К первой примыкали жители Вере и Чугурети, они назывались бойцами верхнего квартала, ко второй — жители 6, 5 и 7-го участков, они назывались бойцами нижнего квартала. По традиции обе партии избирали себе покровителя и защитника в лице какого-нибудь известного в городе человека. В 1840-х годах эту миссию охотно брали на себя князья Арчил Мухранский и Д. О. Бебутов, которые всегда лично присутствовали на криви, а в молодые годы принимали участие в сражениях [19]. Что касается самих сражающихся, то обе партии могли похвастаться известными бойцами, отличавшимися редкостными силовыми качествами.

Бой начинался не сразу. Заняв удобную позицию, обе партии присматривались друг к другу, приглашая противную сторону начинать первой. При этом каждая партия вышучивала другую, громко отпуская едкие замечания, часто весьма оскорбительного свойства. Удачные шутки вызывали смех у зрителей, что вынуждало противников продолжить состязание в остроумии.

Напряжение участников и нетерпение зрителей нарастало. От каждой партии на поле начинали появляться смельчаки, которые открыто задирали противников, подбадривали своих товарищей. Иногда криви взрослых предшествовала кулачная схватка мальчиков. По примеру своих отцов и старших братьев они также делились на две группы и устраивали между собой жаркий поединок. Обычно это было последним сигналом к началу настоящего криви. Когда перевес одной из групп мальчиков становился явным, соответствующая партия взрослых участников боя бросалась на помощь, накатываясь на стоявших в другой стороне поля противников.

Приведем свидетельство очевидца, эмоционально описавшего ход сражения. «То с той стороны толпа народа хлынет вперед, поражая всех налево и направо, то с другой встречала ее свежая опора и в свою очередь теснила, ниспровергала нападающих, пока не была остановлена новыми силами, сформировавшимися позади своей линии для удержания натиска неприятеля. Таким образом тысячи разъяренного народа, при ужасных криках, наступали, отступали, волновались вдоль оврага; только и было видно, как работали кулаки, да зачастую окровавленные несчастные бойцы, с выбитыми зубами и шишками на лбу, выходящие и на четвереньках выползающие из боя» [20].

Правилами криви разрешалось применять не только кулаки, но и оружие, в частности деревянные сабли, которые могли иметь при себе участники. Есть сведения, что сражавшиеся метали в противников камни, причем иногда при помощи хитрого приспособления типа пращи. Обычно обстрел противника применялся перед началом криви, но часто бойцы

хватались за камни, будучи в положении проигрывающих, так как единственным средством остановить наступательный порыв победителей была бомбардировка их булыжниками в упор — прием, безусловно, опасный, но часто весьма эффективно выводивший противника из строя. Предвидя возможность такого поворота в ходе сражения, участники кривы зимой обычно надевали на себя бурки, которые смягчали удары от сыпавшихся камней. Но летом, когда участники кривы выступали налегке, у них не было и этой защиты. Накал сражения мог достигнуть и такого уровня, что участники порой хватались за кинжалы.

Городское начальство крайне неодобрительно относилось к кривы и неоднократно предпринимало попытки запретить его проведение. Особенно упорную борьбу администрация вела с кривы в 1840-х годах. Большое раздражение начальства вызвал кривы, проводившийся 7 ноября 1843 г., после которого было издано официальное распоряжение, предупреждавшее тбилисцев, что «если на будущее время один только камень будет пущен в народе, то тамаша [груз. «игра»] единыжды навсегда воспретится и народ лишится увеселения» [21]. Тем не менее на кривы, имевшем место в следующем же месяце, 12 декабря 1843 г., бойцы вновь воспользовались булыжниками. Тифлисский полицеймейстер доносил вышестоящему начальству, что «на бывшей 12 числа сего декабря тамаше бросаемы были камни и дрались большими палками или дубинами» [22]. В ответ на это начальник гражданского управления генерал-лейтенант Гурко специальным распоряжением объявил, что «отныне сборища народа под названием тамаши решительно воспрещаются».

Однако грозный тон этого распоряжения большого эффекта не возымел. Кривы проводился в городе и позднее, тем более что пользовался негласной поддержкой наместника на Кавказе князя М. С. Воронцова, питавшего слабость к подобного рода зрелищам. За свою слабость М. С. Воронцов поплатился, так как ему пришлось объясняться с самым высоким петербургским начальством, до которого докатились слухи о последствиях кулачного боя, состоявшегося в Тбилиси 4 февраля 1851 г. В донесении III отделению некий ретивый тбилисский чиновник из полицейского ведомства сообщал, что «около 3-х часов пополудни (4 февраля 1851 г.— *Авт.*) несколько тысяч туземцев — жителей г. Тифлиса, разделившись на две партии, вступили в кулачный бой, сопровождаемый бросанием всевозможной величины камней и поранением друг друга палками, который продолжался до 7-го часа вечера, но совершенно прекращены беспорядки около 9 часов... Не только улица, где происходила драка, но даже и смежные с нею были покрыты грудами камней и кирпичей с разобранных крыш прилегающих к ним зданий... 5 человек было убито, 300 ранено... Говорят, что драка сия была дозволена его сиятельством наместником Кавказа как местный обычай, который, впрочем, неоднократно был воспрещаем прежними главноуправляющими». Получив донесение из Тбилиси, III отделение потребовало от М. С. Воронцова объяснений, дав понять, что данным делом заинтересовался император. М. С. Воронцов был вынужден сообщить, что запретил проведение кулачных боев в городе, однако просил об их дозволении за городской чертой. «Совершенное запрещение тамашей...— писал он царю,— сильно опечалит всех здешних жителей, привыкших из рода в род к этому любимому их веселью, которое так тесно

связано с характером народным, личною храбростию, свойственной грузинам, которое их делает столь способными до войны вообще...» Николай I наложил на донесение Воронцова резолюцию: «За городом дозволять, но с тем, чтобы, кроме рук, других орудий в драке не употреблять и всегда под надзором полиции и кончать по данному от оной знаку, когда слишком разгорячатся» [23].

Криви продолжало оставаться любимым развлечением тбилисцев еще долгое время. Проводился криви обычно по воскресеньям и обязательно в большие праздники. Самое же большое сражение устраивали на масленицу. Криви мог продолжаться весь день, и только опускавшиеся сумерки прекращали игрища, и разгоряченные бойцы разбредались, кто по домам, кто по духанам.

Другим популярным развлечением тбилисцев были конные состязания, известные под названием *джирити*. Излюбленным местом проведения джирити была вначале Губернаторская площадь (Салакбо). В день проведения джирити сюда стекалось огромное количество народа, желавшего посмотреть на увлекательнейшее зрелище. Будущие участники состязаний, в основном грузинские дворяне, выезжали в самых лучших своих одеяниях и на лучших конях, чтобы продемонстрировать свое искусство.

Джирити включало несколько видов конных состязаний, многие из которых были глубоко традиционными и разыгрывались в городе еще при последних грузинских царях. Так, на длинном шесте устанавливали какой-нибудь предмет, например чашу. Всадники должны были на полном скаку меткими выстрелами сбить ее. Устраивалась также своеобразная игра в мяч. Разделившись на две партии, участники вооружались специальными приспособлениями — длинными шестами с плетеными лунками на концах. Цель игры заключалась в том, чтобы мяч захватить в лунку и вывести на свою сторону.

На джирити являлись известные своей ловкостью наездники, которые развлекали собравшихся зрителей головокружительными номерами, как, например, князь Ясе Андроников, который, скача во весь опор через площадь, имевшую в поперечнике около двухсот шагов, успевал вынуть из-под себя седло, поднять его для всеобщего обозрения над головой и, круто повернув коня в обратную сторону, водворить седло на место, подтянув подпруги [24].

Другим излюбленным местом проведения джирити были Ортачала, причем самые крупные состязания проводились здесь на праздник Вознесения. Однако со второй половины XIX в. джигитовка, хотя и оставалась неизменной принадлежностью народных празднеств, но все более тускнела, утрачивала свою массовость.

Еще одним любимым развлечением была борьба *чидаоба*, без которой редко обходился какой-нибудь праздник. Традиции борцовского единоборства пришли в Тбилиси из сельского грузинского праздничного быта, где этот вид развлечения был весьма популярен. На селе в состязаниях выступали *мочидаве*, главные участники этого сельского увеселения. В Тбилиси мочидаве превратились в борцов-профессионалов, для которых участие в публичных схватках стало основным источником добывания средств к жизни.

Первоначально в Тбилиси борьбу устраивали в Дидубе за садом Мушаид. Посмотреть на поединки собиралось до 10 тыс. человек. Начинавшаяся схватка (еще не на арене) быстро привлекала зрителей, моментально собиравшихся в большой круг, образовывавший нечто вроде арены. Сразу же выискивались несколько распорядителей, которые устанавливали порядок, легкими ударами палок по коленам загоняя не в меру разгоряченных зрителей за пределы круга. Борцы бывали соответствующим образом одеты: широкие шаровары, на ногах чусты или же вообще босые. На голое тело надевалась расстегнутая чоха, рукава которой закатывались к плечам; полы чохи для удобства движений подтыкали у пояса.

Во второй половине XIX в. у мочидаве появились своеобразные «менеджеры», которые проводили поединки на потребу публики на специально устроенных для этого аренах. Одна из первых подобных арен появилась в саду «Италия» на Михайловской улице. Позднее подобные заведения были построены и в других городских садах. Здесь выступали обычно по несколько пар борцов, причем начинали представление молодые, еще мало кому известные бойцы, а завершали опытные, искусные мочидаве, ради которых собственно и собирались зрители.

Тбилисские мочидаве были в основном выходцами из Мегрелии и Имерети — сильные, здоровые, молодые мужчины от 20 до 35 лет, обладавшие к тому же завидной ловкостью. Выйдя на середину арены, борцы некоторое время в упор разглядывали друг друга, ожидая нападения противника и в свою очередь примериваясь к первому броску. Наконец, мочидаве схватывали друг друга, и борьба начиналась. Каждое движение борцов, удачный выпад, обозначившийся перевес одного из участников — все это живо переживалось зрителями, однако какого-либо бурного проявления чувств до поры до времени не допускалось. Весь ход поединка сопровождался лишь сдержанным гулом толпы. Но окончание единоборства — а им считалось повержение одного из противников на спину, причем победитель должен был некоторое время удерживать поверженного в таком положении — встречалось взрывом неистовых криков и рукоплесканиями [25].

У тбилисцев были свои популярные мочидаве, которые пользовались особенной любовью зрителей. В 1890-х годах, например, таковым был легендарный Кула Глданели, приобретший невероятную славу после того, как в публичном поединке победил заезжего силача Ступина, выступавшего в представлениях цирка братьев Никитиных. В то же время тбилисцы были требовательными зрителями и не прощали борцам — даже своим любимцам — ни малейших погрешностей. Гнев тбилисцев испытал на себе сам Кула Глданели, когда на одном из представлений в саду «Италия» зрителям показалось, что знаменитый борец сделал что-то не по правилам. Толпа стала шумно требовать повторения поединка. Между тем Кула и его сторонники скрылись. Разъяренные зрители «начали ломать решетки арены, срывать доски и скамейки и швырять в арену». Для наведения порядка потребовалось вмешательство полиции, которой, впрочем, тоже досталось, так как одни «стали бросать в полицию камнями, другие бросились на них с дрючками и палками» [26].

Судя по сообщениям городской хроники тбилисских газет, подобные инциденты происходили довольно часто, причем более всего доставалось

цирковым зданиям, которые обычно разносились в щепы. Так, зрители, недовольные ходом борьбы между «Эсебуа, имеретином, и татарином Акты Айлугом», стали требовать выдать деньги обратно, а затем «начали ломать арену, скамейки, галерею для зрителей и вообще что попадалось под руки» [27]. Газета «Тифлисский листок» поведала о другом происшествии, когда гнев зрителей вызвал отказ некоего «пурщика» от поединка с Кула Глданели. «Толпа остервинилась, — писал хроникер,— бросилась со своих мест, изломала барьер, искромсала места для сидения». Беспорядки продолжались весь день и «прекратились сами собой с наступлением вечера» [28]. Несмотря на подобные эксцессы, представления борцов оставались одним из самых популярных зрелищ, и тысячи тбилисцев заполняли многочисленные цирковые арены, открытые в городских садах.

Со второй половины века традиционные виды общественных развлечений стали тесниться новыми. Европеизация Тбилиси коснулась и этой сферы городской жизни, быть может даже в значительной степени. Еще в 1850-х годах в Тбилиси начали приезжать первые цирковые труппы, которые сразу же привлекли внимание местных жителей. Так, неизгладимое впечатление на тбилисцев произвели представления, которые давала в 1855—1856 гг. в шапито на Головинском проспекте труппа акробатов во главе со своей примой — наездницей Матильдой. Последняя приводила публику в восторг не только своим искусством верховой езды, но и эффектным выходом на арену в грузинском национальном костюме, каковое обстоятельство газета «Кавказ» сочла необходимым специально отметить в своей корреспонденции [29].

С тех пор гастроли цирковых трупп стали обыденным явлением в Тбилиси. В летний сезон их съезжалось в город по нескольку. Располагаясь большей частью в каких-либо городских садах, они броскими афишами зазывали тбилисцев на свои представления, сулив купившим билеты захватывающее зрелище. Гастролировавший, например, в Тбилиси в 1864 г. цирк Сюлье давал зрителям гала-представление — римские скачки. Труппа восточных гимнастов, посетившая Тбилиси в 1887 г., исполняла различные гимнастические номера, причем, судя по отзывам прессы, тбилисцам особенно запомнился один из молодых артистов, прозванный «человек-змея».

Рекламные объявления в местных газетах дают примерное представление о том, что предлагалось тбилисцам для развлечения в минуты отдыха. Так, театр собак Паттека демонстрировал в 1875 г. «Фриду», которая играла с публикой в домино и решала арифметические задачи. Некий г-н Эпман в том же году привез в Тбилиси свой музей восковых фигур. Среди прочих экспонатов был представлен умирающий Наполеон, который «тяжело дышит и время от времени открывает глаза, бросая прощальные взгляды на мир»; «роскошная фигура вышедшей из морской пены Венеры», 300-летний крокодил, «сирена — половина рыба, половина женщина и разные другие редкости». Остается только гадать, как выходил из положения директор гастролировавшего в Тбилиси Эдем-театра, предлагавший увидеть «сожжение живой дамы до скелета и загадочное оживление ее, а также отрезание головы любому человеку из публики».

Сообщения городской хроники оставили свидетельства о других развлечениях, привлекавших внимание тбилисцев. Так, в апреле 1896 г.

отважная девица Ольга Древницкая совершала полеты на воздушном шаре. Полет, правда, окончился неудачей: шар, поднявшись на высоту 150 сажень, остановился, а затем стал медленно опускаться. В конце концов воздухоплавательница оказалась в одном из протоков Куры, откуда была извлечена спасательной лодкой. Тем не менее восторгу и ликованию зрителей, которые, как сообщала газета «Кавказ», усеяли «циклодром, прилегающие к нему улицы, Верийский мост и подъем, ближайшие и даже дальние возвышенности и крыши домов», не было предела, причем «измокшую воздухоплавательницу» встретили громкими аплодисментами [30].

* * *

Однако основной праздничный цикл тбилисцев подчинялся годовому календарю. У каждой этнической группы были свои праздники. Поэтому, накладываясь один на другой, выстраиваясь в последовательной очередности, они образовывали сплошную цепь праздничного действия, что порождало у иных наблюдателей впечатление, будто в Тбилиси всегда какой-нибудь праздник, а тбилисцы знают лишь одну заботу — повеселиться.

Годовой праздничный цикл тбилисцев-христиан открывал Новый год. Это был один из самых ожидаемых, самых шумных и веселых тбилисских праздников. Подготовку к нему хозяйки начинали обычно загодя. Считалось необходимым, чтобы в день Нового года в доме все сверкало чистотой. Поэтому в последних числах декабря тбилисские женщины обычно были заняты генеральной уборкой: комнаты и балконы многократно убирались, кухонная посуда и утварь сверкали, постельные принадлежности и ковры с тщанием вытряхивались и выбивались.

Немало времени тбилисские женщины проводили в эти дни на базарах, где бойко шла предпраздничная торговля. К новогоднему празднику полагалось приготовить ряд традиционных яств. Некоторые из них имели ритуальный характер. Так, непременно выпекали *басила* — хлеб, в центральной части которого лепили из теста человеческую фигуру. Басила посвящался св. Василию, праздник которого православная церковь отмечала 1 января. Выпекали также специальные фигурные сладкие хлебцы, символизировавшие основные занятия домочадцев. Искусные хозяйки могли изобразить книгу, топор, ножницы, пяльцы, иголки и другие предметы. Непременной принадлежностью праздничного новогоднего угощения были сладости и фрукты: гозинаки, мед, яблоки, изюм, орехи, миндаль и др.

В новогоднюю ночь надо было исполнить ряд ритуальных действий, чтобы в предстоящие 12 месяцев обеспечить семье счастье и благоденствие. Прежде всего полагалось, чтобы двери, какая бы ни стояла на дворе холодная погода, были открытыми, чтобы счастье, которое в новогоднюю ночь разгуливает по улицам, могло беспрепятственно войти в дом. К праздничной ночи было необходимо сложить на балконе или в ином месте дома небольшую поленицу, обязательно из ивы или орехового дерева. Количество дров в поленице (это могли быть просто срезанные ветки этих деревьев) соответствовало числу домочадцев. В определенный час каждый из них брал полено или ветвь и, войдя в комнату, бросал в очаг. Вероятно, данный обряд символизировал единство семьи, олицетворением которого являлся очаг с пылающим в нем огнем.

В новогоднюю ночь по всему Тбилиси гремели выстрелы. Хозяин дома и домочадцы мужского пола считали необходимым хотя бы раз выстрелить в воздух, имея в виду при этом весьма важные для себя последствия: каждый был уверен, что пуля попадает в ведьм, злых духов и прочую нечистую силу.

Обычай новогодней стрельбы вызывал серьезное беспокойство у тбилисской администрации, которая грозными распоряжениями неоднократно пыталась ее запретить. Однако большого успеха в этом полицейские чины не имели, и судя по донесениям околоточных надзирателей, еще в 1910-х годах разгоряченные праздничным весельем тбилисцы палили в воздух до самого рассвета. Под этот шум заснуть не было никакой возможности, да и спать в новогоднюю ночь не полагалось, так как можно было «проспать» свое счастье, а также лишиться своей доли ума, которая в этот день «раздавалась» на небесах. Кроме того, на рассвете необходимо было исполнить еще один важный ритуал. На небольшом столике *табла* укладывали басила, всевозможные сладости, фрукты, а по четырем сторонам зажигали свечи, специально отлитые хозяйкой. Хозяин или кто-нибудь из домочадцев обходил с табла все комнаты дома, подсобные помещения и т. д. Человека, выполняющего эту миссию, называли *меквле* (груз. «пролагающий след»). Считалось, что следом за ним ступает ангел, который принесет всем счастье, а дому — благополучие.

Первый день Нового года также был заполнен всевозможными обрядовыми действиями. Так, у армян-ремесленников существовал обычай, по которому, входя в первый день Нового года в свои лавки, они прежде всего ударяли чем-нибудь о прилавок, кузнецы же — трижды молотом о наковальню. Объяснение этого обычая кроется в известном мифологическом сюжете об Артавадзе, который злыми духами каджи был прикован цепями к горе Масис. Весь год Артавадз пытается освободиться из ужасного плена. В этом ему помогают две огромные собаки, которые беспрестанно лижут сковывающие Артавадза цепи. К новому году цепи настолько истончаются, что Артавадз уже близок к своей цели. Но допустить его освобождения нельзя, так как озлобленный Артавадз может уничтожить мир. Новогодний обычай как раз и был призван предотвратить это несчастье: от ударов о прилавок, а еще действеннее — о наковальню, цепи вновь утолщались и еще год можно было прожить спокойно.

В первый же день Нового года тбилисцы наносили друг другу взаимные визиты. Особенно важное, ритуальное значение придавалось первому визитеру. Это должен был быть добрый знакомый семьи, искренне расположенный к своим друзьям. Пришелец обычно одаривал детей семьи фруктами и сластями; в ответ он также получал сладкое угощение, как правило, гозинаки, и обязательно чашу с вином или водкой. По традиции в первый день Нового года амкары организованно являлись с поздравлениями к своему устабаши и приносили яблоко с воткнутыми в него серебряными монетами. Своеобразное обыкновение было заведено у тулухчи. В день Нового года они обходили своих клиентов, вручая им яблоко. Последнее полагалось вернуть с воткнутыми в него серебряными монетами разного достоинства (в зависимости от достатка хозяев).

С раннего утра 1 января праздник из домов выплескивался на разукрашенные улицы Тбилиси. Особенно красочно в этот день выглядели

лавки персов, торговавших сладостями. Каждый хозяин старался самым необыкновенным образом украсить свой прилавок, привлечь покупателей красочностью и фантастичностью сооружений, создаваемых из продаваемого товара. Здесь можно было увидеть причудливо уложенные горки яблок, груш, сказочные замки, воздвигнутые из леденцов, муляжи лимонного дерева с насаженными на ветвях всевозможными фруктами.

В день 1 января тбилисцы старались обязательно выйти из дому. Мужчины прогуливались по улицам, встречались и беседовали со знакомыми; женщины большей частью располагались на плоских крышах домов, откуда хорошо просматривались близлежащие улицы и все мимо проходящие. Очевидцы отмечают необыкновенное оживление в городе в этот день. Музыка, пение, танцы, дружеские пирушки продолжались до самого вечера [31].

В то же время в день новогоднего праздника ряд действий подлежали запрету. Так, приходя в гости, нельзя было оставаться на обед; это грозило годовым отсутствием в доме. В этот день ничего нельзя было одалживать, ибо вместе со взятой вещью из дома может уйти благосостояние. Возвращаясь домой, нельзя было приносить с собой что-либо горькое.

Не успевали из памяти изгладиться впечатления новогоднего праздника, как христианское население города начинало готовиться к новому торжеству. 6 января (ст. ст.) праздновалось крещение, которое обычно проводилось в Тбилиси пышно и торжественно. Подготовку к этому празднику также начинали заранее. Как известно, накануне крещения христианской церковью соблюдался пост, поэтому к разговлению тбилисцы старались запастись мясом, обычно свининой, при этом особенно желательным считалось иметь на праздничном столе свиную голову. Вечер накануне 6 января бывал весьма оживленным. Как писал очевидец, горожане «с раннего вечера ходят группами по лавкам и домам с поздравлениями, выражаемыми специально для этого дня приготовленными песнями» [32].

Вообще вечер накануне крещения считался у тбилисцев сверхъестественным, необыкновенным. Считалось, что в какой-то миг около полуночи вода в Куре останавливается. Если в этот момент зачерпнуть воду, то капельки чудесным образом превратятся в жемчужины. Однако это предприятие было сопряжено с немалым риском и отважиться на него мог только безусловно смелый и решительный человек. Тбилисцы верили, что дэвы, живущие на дне Куры под Авлабарскими мостами, всеми способами постараются помешать смельчаку: они поднимают неимоверный шум и крик, а также начинают закидывать человека камнями. В этот момент нужно проявить выдержку и хладнокровие и ни в коем случае не оглянуться; считалось, что в противном случае можно окаменеть на месте.

Однако «чудеса» крещенской ночи на этом не кончались. Тбилисцы были уверены, что в эту ночь под Авлабарским мостом некая змея играет драгоценными камнями. Кто сможет завладеть хотя бы одним камнем, тому на долгие годы обеспечено счастливое и безбедное существование. Много было и других счастливых примет в эту чудесную ночь. Именно в ночь на крещение происходило редчайшее событие — открывались «небесные врата». Здесь надо было не теряться и успеть обратиться к горним силам с насущной просьбой: исполнение было гарантировано.

День 6 января начинался торжественной службой во всех православ-

ных приходских церквах, откуда крестные ходы стекались к одному из тбилисских соборов, где с участием экзарха проводилась главная литургия. Последняя до 30-х годов прошлого века, совершалась в Сионском соборе, впоследствии — в Квашветской Георгиевской церкви. Перенос места крещенской службы был связан с изменением «места Иордани», которое православное духовенство устраивало на Куре. Первоначально церемония водоосвящения устраивалась на Песках на левом берегу Куры. С постройкой в 1851 г. Михайловского моста православное духовенство начало устраивать эту церемонию неподалеку от него, поэтому главная литургия была перенесена в Квашветскую церковь [33].

О совершении главного церемониального действия — водоосвящения народ извещался сигнальной ракетой и пушечным залпом. В тот же миг десятки людей бросались в Куру, чтобы искупаться в ее «освященных» водах, причем ежегодно находились отчаянные смельчаки, кидавшиеся в реку с высокого левого берега. Некоторые погружались в Куру верхом на коне.

По совершении водоосвящения у тбилисцев было принято выпускать на волю специально принесенных голубей, а также стрелять в воздух [34]. Зачастую в крещенский праздник происходили трагические случаи, особенно с купальщиками, многие из которых не выплывали из холодной и быстрой Куры.

Присутствовавшие на церемонии старались прикоснуться к освященной воде: умывались ею, обливали друг друга, наполняли водой объемистые сосуды, которые уносили домой. Здесь «крещенская» вода находила самое широкое применение. Брызнув ею на платок, протирали им глаза оставшимся дома членам семейства, старики окропляли ею свои четки. Крещенская вода считалась «верным средством» от женского бесплодия (для чего нужно было выкупаться в ней). Принесенную в день 6 января «из Иордани» воду использовали для крещения младенцев (иногда до нескольких месяцев откладывая проведение обряда, дабы иметь возможность исполнить его в день церковного праздника). По сведениям, относящимся, вероятно, к 1820—1830-м годам, «святая» вода находила и такое применение: хозяин дома взбирался на крышу и через свето-дымовое отверстие лил ее внутрь жилища в сосуд с закваской теста, который держал кто-либо из домочадцев [35].

Верующие григориане устраивали крестный ход отдельно от православных. Армяно-григорианская Иордань традиционно сооружалась на берегу Куры у Мадатовского острова. Ежегодно от ограды Ванкского собора до ритуального места строили временный деревянный мост, по которому следовало духовенство и толпы простого люда. По совершении торжественной литургии в Ванке процессия медленно двигалась к Куре. Здесь ее уже ожидали тысячи горожан.

Важным персонажем крестного хода у армян был так называемый *кнкайр* (арм. «крестный отец»), который нес крест. Миссия кнкайра считалась весьма почетной, и ее выполнение поручалось кому-либо из представителей социальной верхушки тбилисских армян.

По завершении крестного хода и водоосвящения священники имели обыкновение обходить дома своего прихода. К их приходу на стол ставили солонку с солью, серебряную посуду с водой, закваску в глиняной кваш

не. Священники освящали дом, домочадцев, выставленные на столе предметы и по завершении этой церемонии отправлялись в соседский дом. Тбилисские армяне придавали большое значение этой церемонии, так как считалось, что освящение принесет в дом достаток и изобилие.

Примечательной особенностью крещенских праздников в Тбилиси была их массовость, причем в них принимало участие не только христианское население города, но и мусульмане, которые с охотой и интересом наблюдали за православным и армяно-григорианским крестными ходами, не чуждались нахождения неподалеку от места церемонии, а порой искренне разделяли суеверные представления христиан относительно «чудес» крещенской ночи и освященной речной воды.

В январском праздничном календаре Тбилиси были еще две памятные даты, которые, правда, отмечались только грузинским населением города. 14 января грузинская церковь праздновала день св. Нины, просветительницы Грузии. Согласно поверью, в IV в. знатная каппадокианка Нина, исполняя повеление явившейся к ней в видении Божьей матери, прибыла в Грузию, где начала проповедовать христианство. Одна из самых почитаемых грузинских святых, в день 14 января она собирала в Сионский собор огромную массу богомольцев, которые стремились лицезреть величайшую реликвию — крест просветительницы, представлявший собой две виноградные лозы, крестообразно скрепленные волосами, по преданию, самой Нины. После литургии крест выставляли на всеобщее обозрение и толпы тбилисцев осаждали собор, чтобы увидеть или даже прикоснуться к святыне.

В январе грузинская церковь праздновала день еще одного святого — Або Тбилели (Або Тбилисского), жизнь и подвиг которого традиция прямо связывала с Тбилиси. По канонической версии, юноша Або — перс по национальности — принял христианство и не отрекся от него, несмотря на пытки и мученическую смерть, на которую обрекли его арабские завоеватели города. Для грузин, особенно тбилисцев, Або был весьма почитаемым святым [36].

В одну из суббот конца января — начала февраля григорианская церковь отмечала передвижной праздник св. Сергия (Сурб-Саркис). В Тбилиси праздничные действия концентрировались в церкви во имя этого святого, расположенной в Харпухах. Празднику предшествовал довольно строго соблюдавшийся армянским населением недельный пост, запрещавший еду в дневное время и допускавший потребление растительной пищи лишь по наступлении сумерек.

Святой Саркис считался одним из самых могущественных святых, поэтому многие обращались к нему в эти дни с различными просьбами, особенно касающимися исцеления от различных недугов. С этой целью еще за несколько дней до праздника в ограде Сурб-Саркисской церкви появлялись палатки богомольцев, которые по обету проводили там пост, иногда целыми семействами. В ночь на праздник армянские юноши и девушки не упускали возможность увидеть во сне спутника жизни. В пятницу вечером пеклись специальные соленые лепешки, которые тут же съедались с намерением вызвать жажду. Считалось, что тот, кто явится во сне и даст напиться, определен судьбою в женихи или невесты.

В день самого праздника к церкви Сурб-Саркиса являлись не только

армяне, но и весьма почитавшие св. Саркиса грузины и даже мусульмане. В этот день считалось необходимым отведать *пахлыдз* — специальное ритуальное блюдо, которое армянские хозяйки готовили из молотой пшеницы, перемешивая ее с медом, изюмом и миндалем [37].

Следующим тбилисским праздником была масленица (груз. *квелиери*). Масленичные игры и веселья пользовались популярностью, в них принимали участие все жители города независимо от вероисповедальной принадлежности. Поэтому в погожие февральские дни праздника на всех тбилисских улицах, в домах горожан царило веселое оживление, подогреваемое вдобавок и надвигавшимся суровым христианским постом, во время которого тбилисцы по необходимости отказывались от развлечений.

Подготовка к любому празднику начиналась, естественно, на кухне. Масленица не была исключением. Тбилисские женщины запасались нужными продуктами, чтобы напечь всевозможных сладостей: булочек *назуки* и слоеную *каду*, которую грузинки называли также *шиос-када* по имени св. Шио (его праздник отмечался в масленичный четверг). В день св. Шио имел место любопытный обычай изгнания из дома мышей, распространенный в грузинских деревнях, но строго соблюдаемый и тбилисскими грузинами. Хозяйка, взяв в одну руку приготовленную по случаю сдобную булку, а в другую — веточку шиповника, обходила те места в доме, которые могли облюбовать мыши: сараи, чуланы, полки с продуктами — и произносила заклинание. После этого булка и ветка вручались одному из младших членов семьи, обычно мальчику, который стремглав несся подальше от дома. При этом он ни в коем случае не должен был оборачиваться, так как в противном случае все могло пойти насмарку и мыши вновь вернуться. Найдя укромный уголок, посланец втыкал ветку в землю, а булку съедал, после чего со спокойной душой возвращался домой в полной уверенности, что всех мышей выпроводил вон [38].

Одним из самых излюбленных масленичных развлечений тбилисцев были качели, которые устраивались практически в каждом дворе. Однако считалось, что это забава для девушек, поэтому на качелях можно было увидеть только молодых горожанок, празднично одетых и распевающих песни с обязательным припевом «квелиери, квелиери». Качели бывали двух видов. *Саканела* (груз.), *члорти* (арм.) были рассчитаны на одного человека. На веревке, крепко привязанной к балке, устраивалось сидение из куска старого ковра или подушки. Девушки поочередно садились на эти качели, раскачиваемые двумя подружками. Другой вид качелей и грузины и армяне называли *букна*. При их устройстве две веревки завязывались на балке на таком удалении друг от друга, что между ними можно было положить доску. На доске могли сидеть несколько девушек, причем качели раскачивали две девушки, стоявшие на концах доски. Масленичное качание на качелях имело, видимо, и ритуальное значение. Считалось, что если девушка не покачается в эти дни на качелях, то это сулит ей большие неприятности.

Если женская молодежь развлекалась качелями, то женщины постарше занимали свои обычные позиции на балконах или на крышах домов, где проводили время в угощениях и беседах. Часто подобное времяпрепровождение прерывалось звуками бубна и хлопанием в ладоши. Это означало, что прекрасный пол танцует популярную «лезгинку» [39].

Мужское население Тбилиси развлекалось в эти дни на Авлабаре или в Куки на многочисленных пустырях, где устраивались обычные на масленицу кулачные бои. К концу XIX в. из-за преследования властей кулачные бои перестали проводиться, но другие традиционные развлечения фиксировались еще в 1880—1890-х годах. Так, на масленицу тбилисцы были не прочь поиграть в *чаличи*: одна группа играющих становилась в центр круга и всеми способами увертывалась от сильнейших ударов жгутом, которыми их осыпала другая половина играющих; через некоторое время играющие менялись местами. Было еще одно развлечение, заключавшееся в том, что играющие перебрасывались друг с другом мячом. При каждом броске нужно было крикнуть во всю силу легких «квелиери» и посильнее запустить мяч в партнера.

Сами тбилисцы сознавали, что в масленичные дни их шутки и веселье иногда переходили известные границы. Кое-кто находил удовольствие в том, чтобы, набив мешки мусором или золой, кидать их на головы прохожих, крикнув при этом «квелиери». Рассерженный корреспондент газеты «Кавказ», вероятно, сам не избежавший подобной «шутки», с возмущением писал, что «эти проделки сопровождаются неистовым криком, остротами и неприличными шутками». Недаром в среде армянского населения города ходила пословица: «В дни масленицы ум наш вон из головы», а сами масленичные дни получили название «гжи-орер» — дни сумасшедшего [40].

Непременными участниками праздничных масленичных гуляний были мествире, чье искусство в эти дни было особенно желанным, а также *берики* (груз. «ряженый») — мальчишки, одетые в вывороченные шубы. Они пели, плясали, выделывали замысловатые акробатические фигуры, получая с веселившихся прохожих известное вознаграждение. Берики допускались в женские компании, которые потешались над их проделками и подбадривали мальчишек возгласами «дато, дато» (медвежонок). При этих словах берика к всеобщему удовольствию начинал различными ужимками копировать поведение лесного зверя, что вызывало восторг у присутствовавших [41].

Последним всплеском праздничного веселья в Тбилиси перед наступлением великого поста был шумный массовый карнавал *кееноба*. Он проводился в следующий за масленицей понедельник, похищая таким образом у церкви первый «постный» день. Традиция проведения кееноба пришла в Тбилиси из гущи народной грузинской культуры. В специальной литературе убедительно показано, что в своей первооснове это был весенний аграрный праздник, типологически близкий широко известным у ряда народов мира обрядово-ритуальным комплексам, символизировавшим воскрешение природы и плодоносящих сил земли. Об этом свидетельствовали фаллические атрибуты участников, их одеяния из вывороченного наружу меха, сексуально-эротические действия и т. д.[42]

Однако к XIX в. древняя семантика праздника в значительной мере была утрачена, в Тбилиси же он наполнился совершенно новым содержанием, в котором, без сомнения, нашли отражение некоторые факторы исторического прошлого Грузии. По крайней мере, тбилисцы были уверены, что празднование кееноба было установлено в честь победы, некогда одержанной грузинским воинством над персидскими полчищами. По

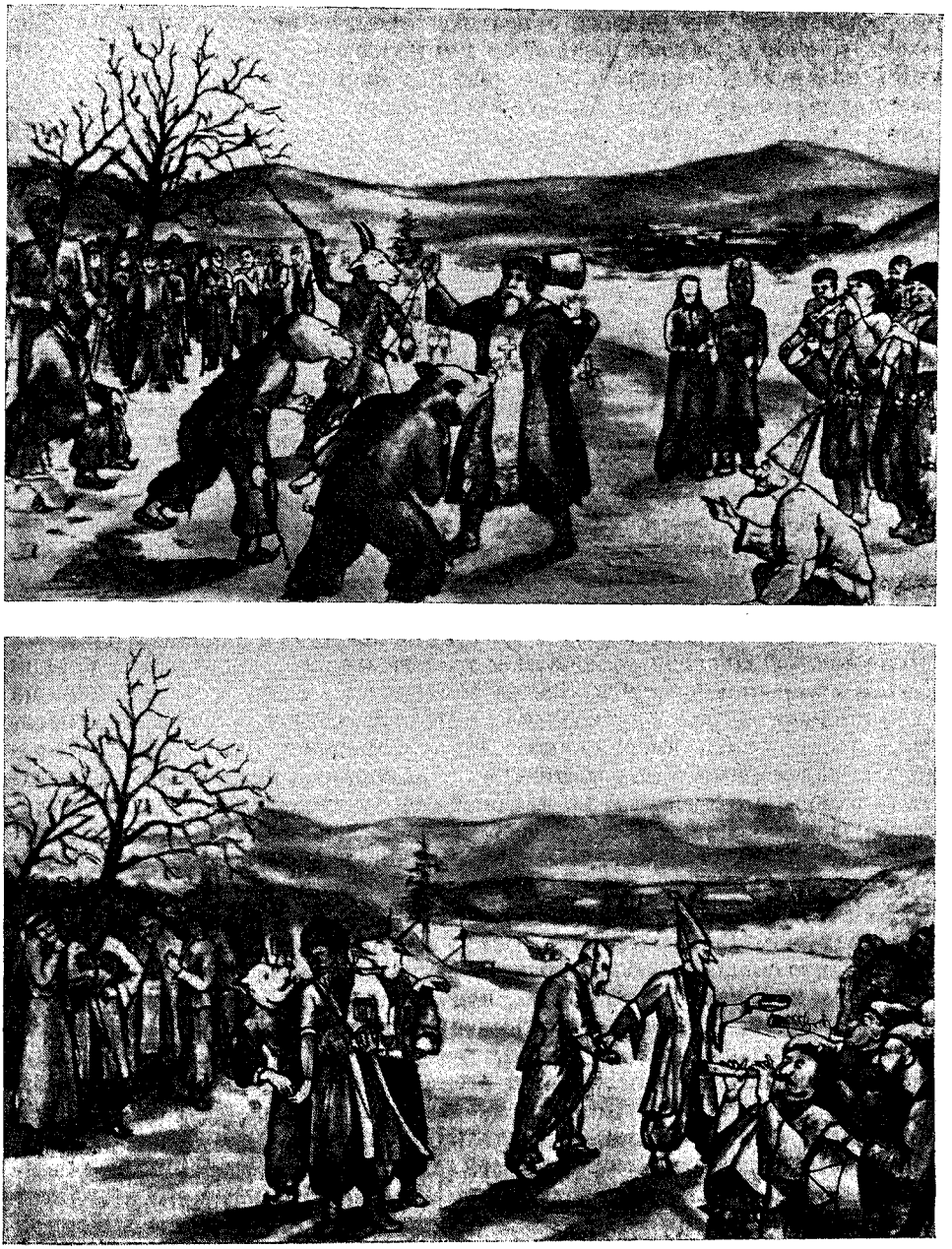


Рис. 30. КЕЕНОБА. Народный тбилисский карнавал. Рисунок второй половины XIX в.

преданию, последним удалось захватить город, но впоследствии враг был разбит, причем в битве был захвачен сам персидский шах. Его обрядили в шутовской наряд, вымазали лицо сажей и возили на осле по городу под смех и улюлюканье толпы. В конце концов шаха сбросили в Куру, а тбилисцы в память о достославной победе стали ежегодно проводить веселый праздник, который в игровой форме воспроизводил перипетии борьбы с персами.

Действительно, ранние свидетельства о праздновании кееноба в Тбилиси рисуют развернутые действия, главное содержание которых составляло противостояние грузинского и персидского «войск». Приготовления к празднику начинались с раннего утра. В условленном месте собиралась «инициативная группа». Она выбирала *кеени*, которому предстояло играть одну из самых значительных ролей в предстоящем празднике. Кеени должен был изображать персидского «шаха», соответственно приближенные кеени — а их было немало — изображали шахскую свиту. Свита состояла из жены шаха (эту роль, как и все остальные, исполняли мужчины), везира, «казначея» и других персонажей. Карикатурность образа шаха передавалась его одеянием: вывороченный наизнанку тулуп (связь кееноба с земледельческой обрядностью), войлочный колпак, лицо вымазанное сажей. В самые разнообразные костюмы была одета и свита, сопровождавшая шаха, и его «гарем».

Выстроившись в определенном порядке, процессия выходила на городские улицы. Впереди обычно двигался везир с деревянной шашкой наголо на осле. Последнего искали долго и тщательно, так как осел должен был быть старым и облезлым. За везиром двигался кеени, восседая либо на таком же осле, либо на буйволе или верблюде. За ним следовали «красавицы-жены» и вся остальная свита. По мере продвижения процессия обрастала народом, шум и гам постепенно усиливались, так как среди участников было много музыкантов, игравших на зурне, ствири, нещадно колотивших в димплипито и т. д.

Процессия часто останавливалась. Хозяин каждой лавки должен был почтить кеени низким поклоном и энной суммой денег, которую собирал сопровождавший кеени сборщик. Аналогичные знаки уважения выказывали «шаху» и все проходящие мимо. При этом если кеени или свите казалось, что с «шахом» обошлись не очень почтительно, то под хохот толпы с наглецом тут же расправлялись, подчас весьма сурово: осыпали тумаками, раздевали, валяли в грязи, выворачивали карманы с последующей конфискацией содержимого и т. д.

Непременной принадлежностью кееноба был кулачный бой, как бы продолжавший аналогичные масленичные развлечения. При этом бойцы разделялись на две партии, символизируя сошедшиеся в сражении грузинские и персидские войска. При всей серьезности, с которой разгоряченные участники боя сходились между собой, окончательный его результат был предрешен: к обоюдному удовольствию победителем всегда выходила «грузинская» партия.

Персонажи кееноба не оставались неизменными. Новые жизненные реалии проникали в народное действо, являлись легко узнаваемыми. Так, в свите кеени стал появляться закованный в кандалы арестант, которого вела стража. Судья — тоже новый персонаж — временами останав-

ливал шествие и, громогласно перечислив «повинности» арестанта, объявлял приговор: «ссылка на каторгу в Сибирь» [43].

С течением времени первоначальный характер тбилисского кееноба стал меняться, все более упрощаясь. С одной стороны, территориальный и демографический рост Тбилиси сделал невозможным проведение общегородского карнавала. Поэтому во второй половине XIX в. обычным явлением стали несколько шествий. Например, в 1886 г. было устроено целых пять шествий: одно проводилось в центральной части города, а остальные в районах — на Авлабаре, в Куки, Сололаки, Харпухи. С другой стороны, во второй половине XIX в. отношение городских властей к кееноба резко изменилось. Если раньше оно было весьма терпимым, более того, кееноба поощрялась, например, личным присутствием высших чинов кавказской администрации (Цицианов, позднее Воронцов [44]), то впоследствии власти стали преследовать кееноба, полагая, что без нее будет спокойнее. Обязав устроителей карнавала ежегодно обращаться в полицию за разрешением, власти старались ограничить праздник. В 1893 г. тбилисцам было разрешено устроить шествие только в трех районах города: на Вере, Авлабаре и в Ортачалах, причем только до 12 часов дня. На следующий же 1894 г. полиция и вовсе запретила кееноба. Гонения властей на кееноба вызывали неудовольствие как простого люда, так и грузинской общественности. Для последней с ее актуализированным национальным самосознанием кееноба стала символом народной культуры.

С наступлением великого поста тбилисцы вынужденно отказывались от празднеств и развлечений. Лишь при самом окончании великого поста, в среду на страстной неделе, грузинское и армянское население города веселилось на кудианоба. Этот праздник проник в Тбилиси из села, и в основе его лежали народные грузинские демонологические представления. По поверью, в среду на страстной неделе все злые силы мира (груз. *кудианеби*, букв. «хвостатые») собирались вместе с единственной целью — посильнее повредить людям. Поэтому считалось совершенно необходимым принять ряд ответных действий. Для этого с наступлением сумерек в каждом тбилисском дворе разводили костер *чиакокони*, через который каждый домочадец должен был перепрыгнуть не менее трех раз. Прыжки сопровождались обязательным произнесением магической формулы «ари-урули-урули-урули-кудианебса», а также ружейными выстрелами, долженствующими поразить всех хвостатых. Кто прыгать не мог, тот носился по двору с зажженными пучками соломы. Верным средством против хвостатых считался также шиповник, ветками которого крестообразно закрывали окна и дымовое отверстие бухари — это лишало силы зла всякой возможности проникнуть в дом. Было также известно, что кудианеби боятся острых предметов, поэтому на одежду накалывали иглы, булавки, шпильки, выполнявшие в этот день роль оберегов; с этой же целью на ночь у двери ставили шампур. Солоно в этот день приходилось кошкам. Дело в том, что они были излюбленным видом «транспорта» для кудиенеби, которые разъезжали по своим черным делам не иначе, как оседлав этих тихих животных. Поэтому в среду на страстной неделе все владельцы кошек тщательно закрывали их в домах, не выпуская наружу, боясь, чтобы они не стали добычей коварных кудианеби. Несмотря на столь мрачные поверья, связанные с кудианеби, сам день праздника был очень веселый. Яркие

костры, праздничный шум, игры с перепрыгиванием через пламя — все это были неизменные атрибуты «страстной среды». Тбилисцы как бы предвкушали окончание унылых и скучных великопостных недель и наступление нового цикла праздничных увеселений, связанных с Пасхой [45].

С первого дня великого поста в тбилисских домах, обычно на балконе или каком-нибудь другом видном месте, вывешивали великопостное пугало (груз. *бобола*). Оно представляло собой обыкновенную луковицу, но больших размеров, в которую втыкали семь куриных перьев или какой-нибудь другой домашней птицы. Число семь символизировало количество великопостных недель, и по прошествии каждой из них из бобола вынимали по одному перу. Когда бобола лишалась последнего пера, то означало окончание мрачных великопостных недель, пугало со смехом выбрасывали вон со двора [46].

Однако еще задолго до христианской пасхи наступало праздничное ликование у тбилисских мусульман, так как обычно на начало марта выпадали три праздничных дня мусульманского Нового года — Новруз-байрам. По заведенному обыкновению все тбилисские шииты, а среди них было немало персидскоподданных, собирались утром у резиденции персидского консула. Амкары-персы являлись строем во главе с устабаши, с развернутыми знаменами и в сопровождении музыкантов. К поздравлявшим выносили большой чан с шербетом и сладости для угощения присутствующих. Затем выходил консул, который, обращаясь к собравшимся с приветственным словом, поздравлял правоверных с наступлением Нового года. Весь оставшийся день, как и два последующих, шииты проводили во взаимных посещениях и гуляниях в тбилисских садах [47].

Тем временем в Тбилиси наступали пасхальные торжества. Вся пасхальная неделя в Тбилиси была обычно заполнена различными праздничными действиями. Большинство из них было связано с официальными церковными установлениями. Сама Пасха, как обычно, встречалась торжественными молебнами в тбилисских церквах, всегда собиравших огромные скопления народа. Но праздники продолжались и далее. Именно в эти пасхальные дни многие тбилисские церкви отмечали свои храмовые праздники. Так, в самый день Пасхи вечером справлялся праздник армянской Норашенской церкви. На следующий день, в понедельник, грузинские богомольцы отправлялись в Коджоры, чтобы принять участие в храмовом празднике местной Уздойской Георгиевской церкви; вечером того же дня грузины стекались к Анчисхатскому собору, а армяне — к Сурб-Нишанской церкви, храмовые праздники которых отмечались в первый понедельник после Пасхи. Во вторник было вновь два праздника: грузинской Троицкой церкви и армянской Джиграшенской церкви. Прихожане являлись обычно в праздничной одежде. Выполнив полагающиеся по случаю церемонии и отбыв положенное время в церкви, все устраивались затем в ограде, где немедленно начинались пляски и пение под аккомпанемент зурны, ствири и димплипито.

На пасхальной неделе, а именно во вторник, жительницы Тбилиси отмечали праздник *додооба* — день св. Додо. Ритуальная церемония проводилась на скалистом месте на Авлабаре, уступом возвышавшемся над Курой. В скальной породе было много расщелин и небольших пещер. В одной из них, по преданию, жил св. Додо, один из сподвижников св.

Давида Гареджийского, удалившийся впоследствии вместе со своим учителем в Гареджийскую пустынь.

В этот день к пещере св. Додо двигалась вереница женщин, которым предстояло преодолеть трудный и опасный путь по узкой тропинке, пролегавшей над бушующей Курой. Однако дело, по которому женщины спешили к св. Додо, было весьма важным. Обычно к святому месту приходили те, у которых кто-либо из близких был вдалеке от дома, в тюрьме или в плену. Считалось, что св. Додо покровительствовал несчастным. В этот день можно было узнать о судьбе близкого человека по поведению ящериц, в обилии населявших скальные расщелины. Каждая женщина, посещавшая в этот день пещеру св. Додо, приносила с собой кусочек сахара. Кинув его на камни, она ожидала, когда одна из ящериц приблизится к нему и начнет лакомиться. Став на колени, женщина внимательно наблюдала за юрким животным, обращая к нему свою просьбу. Если ящерица смотрела женщине прямо в глаза, это считалось хорошим предзнаменованием, предвещавшим скорое возвращение отсутствовавшего [48].

В XIX в. обряд кормления ящериц стал в Тбилиси по существу главным содержанием празднования дня св. Додо, что даже отразилось в народном названии праздника — *джоджооба* (от груз. *джоджо* —«ящерица»), вытеснившем в обиходном употреблении его первоначальное название. Праздник джоджооба заканчивался массовым гулянием тбилисцев по улицам, прилегавшим к району пещер.

Пасхальная неделя завершалась еще двумя праздниками. Вечером в первое воскресенье после Пасхи армянское население города торжественно отмечало храмовый праздник Ванкского собора, а днем все тбилисцы без различий вероисповедания веселились на традиционном городском празднике Квирацховлоба (груз. «животворное воскресение»). Воскресенье после Пасхи православной церковью считалось днем апостола Фомы, поэтому веселый праздник Квирацховлоба был формально соотнесен с именем этого святого. Праздник проводился обычно в Куках, где находился небольшой холм (Красная горка) с сохранившимися развалинами церкви, как утверждало предание, во имя св. Фомы. В день праздника вереницы тбилисцев тянулись по направлению к кукийскому предместью и по обилию толпы можно было подумать, что весь Тбилиси куда-то переселяется. Достигнув Красной горки, горожане оставались здесь уже до вечера, проводя время во всевозможных развлечениях. Описывая Квирацховлоба 1854 г., корреспондент газеты «Кавказ» отмечал: «...тут (на празднике.— *Авт.*) не обошлось ни без зурны, ни без сазандаров, ни без джигитов, ни без плясок, ни без приятельских кружков, живописно расположившихся на лужайке перед кувшином вина и грудами сыра, лавашей и ароматических трав» [49].

Развлечения на Квирацховлоба были еще более разнообразными. Джигитовка, например, включала следующую игру: лихой наездник врезался на коне в группу всадников. Последние обрушивали на смельчака град палочных ударов, от которых тот должен был увернуться, показав ловкость и умение управлять конем.

Ни одна Квирацховлоба не обходилась без традиционного кулачного боя. Правда, со временем городские власти, зная обыкновение тбилисцев сходиться по праздникам в жестоких схватках, стали чинить всевозмож-

ные препятствия этим играм. Газета «Кавказ» писала о праздновании Квирацховлоба в 1890 г.: «Несмотря на огромную массу собравшихся со всего города кинто, которые несколько раз составляли в разных местах партии для традиционного в этот день кулачного боя, порядок не был нарушен благодаря бдительности полиции и нарочно наряженных сюда казаков» [50].

Во второй половине XIX в. во время Квирацховлоба на Красной горке стали устраивать качели, карусели, балаганные представления.

Празднование Пасхи ассоциировалось у тбилисцев с приходом весны, поэтому именно в пасхальную неделю горожане впервые выезжали на гуляния в загородные сады. К этому времени обычно уже цвел миндаль. Распускавшийся одним из первых, миндаль являлся как бы символом весны; гулявшие за городом тбилисцы украшали его цветами свой наряд и в таком виде с песнями и плясками возвращались с наступлением сумерек домой [51].

7 мая девушки совершали любопытный обряд. В этот день они собирались вместе, как правило, во дворах или на плоских крышах домов и, коротая время за плясками, пением, веселой беседой, поглядывали при этом на небо. По поверью, к вечеру 7 мая должен был пойти дождь. Этому дождю приписывали необыкновенное свойство благотворно влиять на рост волос, поэтому с первыми каплями дождя девушки, распустив волосы, подпрыгивая непременно на одной ноге, весело выкрикивали: «Швид маисис цвима» (груз., букв. «дождь седьмого мая») [52].

Обычно на один из весенних месяцев выпадало празднование мусульманской общиной города подвижного праздника Рамазан-байрам, которым завершался 30-дневный пост рамазан. Сунниты и шииты праздновали рамазан в один день, однако торжественный намаз совершали отдельно. По сложившейся в Тбилиси традиции, из года в год торжественное молебствие сунниты во главе с закавказским муфтием суннитского учения совершали на главной аллее Ботанического сада, а шииты — на обширной площадке, находившейся на территории мусульманского кладбища; шиитским намазом руководил шейх-уль-ислам шиитского учения [53].

После пасхальных торжеств следующим праздником, для которого было характерно всеобщее участие тбилисцев-христиан, было Вознесение (груз. Амаглеба, арм. Амбарцум). Этот праздник приобрел в Тбилиси специфические черты. В частности, у местных армян он был больше известен под названием Телетоба, поскольку именно в этот день справлялся храмовый праздник Георгиевской церкви, находившейся в с. Телети неподалеку от Тбилиси. Данная церковь пользовалась большим почитанием в армянской среде, так как по преданию в ней находились мощи святого, привезенные некогда из Армении. Большая часть тбилисских армян отмечала праздник Вознесения именно в Телети. Еще задолго до праздника территория вокруг церкви была заполнена толпами народа, проводившего здесь порой по нескольку дней во исполнение различных обетов, данных св. Георгию, либо надеясь на его помощь в исцелении от недуга. По внешнему виду богомольцев можно было понять, с какой целью прибыли они в Телети: пришедшие по обету были обычно босыми, пройдя таким образом весь путь от Тбилиси; надеявшиеся на исцеление одевались, как правило, в белые одежды.

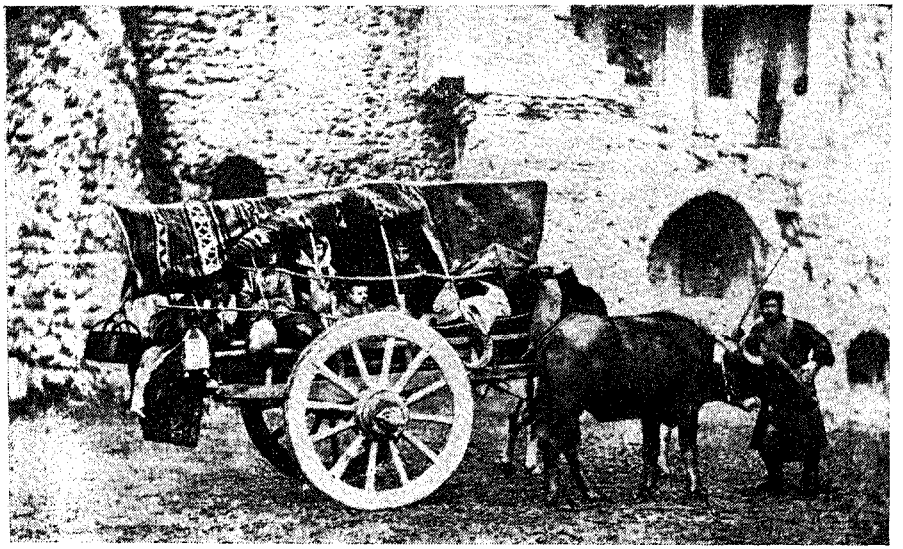


Рис. 31. ПРАЗДНИЧНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН: выезд грузинской семьи за город; Мцхетоба. «Фотографии Д. Ермакова. Конец XIX в.

Распространенным обычаем на Телетоба был троекратный обход церкви. При этом набожные женщины тянули за собой бумажную нить белого цвета обязательно собственноручного изготовления, обвивая ею со всех сторон церковное здание. Причудливое переплетение христианства и язычества можно было наблюдать и в обязательных жертвоприношениях, совершавшихся у стен церкви. Жертвенным животным — это был, как правило, мелкий рогатый скот — давали полизать соль, незадолго до этого освященную священником, и тут же закалывали. Мясо раздавали присутствовавшим. К вечеру Телетоба превращался в обыкновенный народный праздник с обязательными музыкой, пением, танцами, продолжавшимися до глубокой ночи.

В это же время другая часть тбилисцев, не отправлявшаяся на рассвете в Телети, развлекалась в Ортачалах. По устоявшейся городской традиции, день Вознесения тбилисцы встречали именно здесь. Атрибуты праздника также были традиционными, в частности ежегодно устраивавшаяся в этот день конная игра джиритоба, неизменно привлекавшая всеобщее внимание. Праздную публику развлекали сазандари, джамбази, масхари и другие обязательные персонажи тбилисских праздников [54].

В первый четверг после Вознесения грузины, а вместе с ними и все другие жители города отмечали весьма популярный в Тбилиси Мтацминдский праздник. Центром праздника была церковь св. Давида, расположенная на склоне Мтацминда (Святой горы). Святой Давид, именем которого была освящена мтацминдская церковь, являлся героем одной из самых популярных исторических легенд, восходивших к начальным годам христианизации Грузии. Согласно этой легенде, Давид был одним из 13 сирийских пилигримов, пришедших в Грузию проповедовать христианство. Оказавшись в Тбилиси, Давид выбрал для поселения тихое и уединенное место на горе, где выстроил себе скромное жилище. В это время некая девица греховно забеременела и, будучи вызванной в суд, требовавший, чтобы она назвала имя соблазнителя, оклеветала Давида. Явившийся на суд Давид, приложив руку к животу лживой девицы, громко спросил: «Я ли твой отец, дитя?», на что из утробы раздался голос младенца: «Нет, нет». Нечестивица тут же разрешилась от бремени камнем. На том самом месте, где проходил достопамятный суд, была впоследствии воздвигнута церковь, получившая название Квашветской (от груз. *ква* — камень, *швети* — родила).

Что касается Давида, то городская тбилисская легенда наделила его впоследствии способностью исцелять бесплодных женщин, которые и прибегали к помощи святого. Особенно массовое паломничество женщин наблюдалось в церкви св. Давида в день Мтацминдского праздника, когда сотни богомолок, многие из которых были босы, с утра поднимались на Мтацминду, чтобы выполнить данный св. Давиду обет. У самой церкви выполнялся ряд несложных обрядов. Один из них заключался в том, что женщины обвивали здание церкви хлопчатой нитью, трижды обходя вокруг строения. Девушки устраивали гадания о возможности ближайшего замужества: к северной стене церкви прикладывали камешки. Если камешек прилипал или во время молитвы слышался шорох падающих со скалы камней, то это считалось хорошим предзнаменованием, падение же камешка означало, что с исполнением желания придется повременить.

В праздник у стен церкви св. Давида можно было видеть, естественно, не только женщин, так как по традиции на склонах Мтацминды в этот день стихийно возникало массовое гуляние с неизменными тбилисскими атрибутами: музыкой, пением сазандаров, обилием лавок со всевозможной снедью. В первые десятилетия XIX в. Мтацминдский праздник не обходился без кулачного боя, ставшего в последующие десятилетия уже редкостью [55].

В скором времени тбилисцы отмечали еще один праздник, связанный с именем другого сирийского пилигрима — св. Иоанна Зедадзнийского. По преданию, Иоанн был старейшиной сирийских миссионеров. Прибыв в Грузию, он поселился недалеко от Тбилиси, в районе нынешнего Мцхета, на горе Зедадзени, где на месте разрушенного им языческого капища воздвигнул обитель, ставшую одним из центров христианской проповеди. В позднейшую эпоху здесь была выстроена церковь, которая ежегодно 7 мая праздновала день св. Иоанна Зедадзнийского. Этот праздник привлекал массы тбилисцев, причем среди паломников отмечались не только грузины, но и представители русского населения города, среди которых культ св. Иоанна распространился довольно сильно.

Праздничное оживление на улицах Тбилиси чувствовалось еще за день до праздника, так как многие выезжали в Зедадзени накануне, чтобы утро встретить уже на святом месте. Часто выезжали семьями, поэтому рассаживание домочадцев в арбы, массовое движение последних по тбилисским улицам, шум, крики и т. п. свидетельствовали об экстраординарности предстоявшего события. Многие отправлялись в Зедадзени пешком, порой босыми, во исполнение обета, данного святому. Святой Иоанн слыл исцелителем всяких недугов, в частности детских, поэтому на празднике можно было видеть множество детей, одетых в белые одежды и нестриженных. Последнее обязательно входило в обетное обещание и свято выполнялось родителями, дозволявшими прикоснуться ножницам цирульника к волосам ребенка только после Зедадзнийского праздника.

Сам Зедадзнийский праздник не выделялся чем-то особенным из общего ряда аналогичных праздников, активными участниками которых были тбилисцы. Синкретизм христианства с языческой обрядностью ярко проявлялся и здесь. Прибыв в Зедадзени, паломники совершали установленные обычаем жертвоприношения мелким рогатым скотом, мясо которого тут же шло на угощение присутствовавших. К вечеру праздник являл собой веселое гуляние. «Огромное пространство, занятое богомольцами, превратило пустыню в самое оживленное место»,— писал корреспондент газеты «Кавказ», присутствовавший на празднике 7 мая 1890 г. [56] Более красочно и эмоционально финальную часть праздника описал другой очевидец, побывавший в Зедадзени за сорок четыре года до этого. «Вокруг храма по скатам горы по всем возможным направлениям виднелись разноцветные кружки веселых лиц, праздничных костюмов... вино полилось рекой... под оглушительные залпы ружейных выстрелов, неистовые крики бойцов и мирные напевы импровизатора-сазандара, поющего про удаль грузинского Ринальдо Ринальдини — знаменитого разбойника Арсена. Мало-по-малу разгул начал стихать, и пестрая вереница народа потянулась обратным путем» [57].

В конце мая — начале июня тбилисскими католиками справлялся

праздник «дня тела Господня». Малочисленность католической общины Тбилиси не позволяла этому празднику стать заметным событием городской жизни, тем не менее его проведение не проходило незамеченным. Особенно красочным бывало шествие торжественной процессии, направлявшейся по завершении обедни из костела к католическому кладбищу на Сололакском склоне. Шествие открывала колонна мальчиков в белых одеяниях, за которой под балдахином следовал глава закавказского католического духовенства. На кладбище проводился обряд чтения евангелия. Отрывки текста зачитывались сначала на латинском языке, а затем на грузинском, армянском и польском, что символизировало наличие в Тбилиси трех этнических общин, исповедовавших католицизм. Остальное христианское население города, а также мусульмане активного участия в празднике не принимали, оставаясь лишь зрителями, правда, всегда охотно наблюдавшими за разворачивающимся действием [58].

В июле наиболее заметным праздничным событием было Преображение. С особой торжественностью оно отмечалось армянами в Сурб-Карапетской церкви, чей храмовый праздник приходился именно на этот день. Оттого и само Преображение (арм. Вардавар) было известно в Тбилиси под названием «Сурб-Карапет».

Сурб-Карапетская церковь находилась между Куки и Авлабаром на Чугуретской возвышенности, поэтому наибольшее количество участников праздника составляли именно жители этих районов. Примечательной особенностью праздника было преимущественное присутствие на нем женщин. Многие из них, как это было заведено у тбилисских жительниц, проводили в ограде церкви целую ночь, выполняя данный по какому-либо случаю обет. В день самого праздника вокруг церкви устраивалось гуляние с танцами, в которых принимали участие не только армяне, но и тбилисцы других вероисповеданий. Кто лично не принимал участия в веселье, оставался его усердным наблюдателем: все крыши и балконы близлежащих домов бывали обычно усыпаны кукийцами и их знакомыми, специально приехавшими из других районов города, чтобы посмотреть на сурб-карапетское веселье [59].

В августе православные и григориане отмечали один из самых значительных праздников христианского церковного календаря — Успение. Так как в разных конфессиональных традициях этот праздник приходился на разные дни, то веселое оживление в городе царило в продолжении нескольких дней.

Первыми Успение отмечали армяне, у которых этот праздник приходился на 13 августа. Центром праздника становилась Петхаинская церковь, расположенная высоко на склоне Сололакского хребта. Последний уже накануне в ночь расцвечивался тысячами огней от мерцавших свечей, фонарей и плошек, которые по традиции зажигали верующие и устанавливали на всем протяжении длинного и крутого подъема к Петхаину. В день праздника дорога, ведущая из города к церкви, представляла сплошную вереницу людей, либо поднимавшихся, либо спускавшихся вниз после богомолья и совершения главного ритуального действа — лобызания иконы Божьей матери, ежегодно выставлявшейся у алтаря. Привлекая огромные массы народа, Петхаинский праздник как бы демонстрировал все разнообразие социальных типов старого Тбилиси. Это было

подмечено и достаточно образно описано одним из наблюдателей праздника. «Пестрые, блестящие золотом тасакрави, воздушные личаки, белые чадры, лохмотья калеки-нищего, бараний папах купца, войлочная шапочка армянина-кро, эполеты офицера и черкеска бичо мелькают беспрестанно перед глазами, пестрят и оживляют картину, освещенную светом, льющимся из церкви, огнями плошек и смоляных бочек» [60]. Завершался Петхаинский праздник обычными для Тбилиси массовыми развлечениями, включавшими танцы, песни, импровизации сазандаров и т. д.

Через два дня после григориан, 15 августа, Успение отмечали православные жители Тбилиси. Ко дню Успения были приурочены престольные праздники двух особо чтимых в Грузии храмов: Сионского собора и Марткопского монастыря, которые таким образом традиционно становились центрами проводившихся торжеств.

Стечение народа к ограде Сионского собора начиналось обычно накануне праздника. Внутренний двор и все прилегающие улицы заполнялись верующими, которые, отдав дань сионским святыням, устраивались группами, угощаясь прихваченной из дома едой. Атмосфера праздника была весьма далека от церковной, так как даже в самой ограде собора не возбранялось петь, плясать, проводить различного рода игры.

Не менее многолюдно Успение отмечалось в Марткопском монастыре. Расположенный неподалеку от Тбилиси, Марткопи был одним из самых посещаемых набожными пилигримами культовым местом, куда тбилисцы старались попасть на престольный праздник местного собора. Поэтому значительная часть горожан накануне 15 августа снималась с места и отправлялась в Марткопи. Вереницы тбилисцев, тянущихся в эти дни из города, представляли собой весьма колоритное зрелище. Как обычно, многие отправлялись семьями, многие во исполнение обета брели босыми; те, кто побогаче, неслись в экипажах, немало было верховых.

Самым почитавшимся местом в Марткопи была могила с останками св. Антония. Один из 13 сирийских отцов, поселившийся, по преданию, в Марткопи, Антоний вел благочестивую жизнь, исцелял больных, творил другие чудеса. Моление на его могиле было обязательной частью обрядовых действий марткопских пилигримов. Прибыв на место, они устраивались прямо под открытым небом либо в импровизированных палатках, которыми оказывались усеяны монастырские окрестности.

Народное веселье начиналось обычно во второй половине дня. Прибывшие издалека пилигримы устраивались здесь надолго. Привезенные с собой запасы еды и вина поглощались за дружескими пирушками, прерывавшимися только для обычных танцев и песен. Марткопский праздник привлекал немало музыкантов, уличных акробатов, которые в этот день изрядно зарабатывали, развлекая присутствующих. Переночевав в Марткопи под открытым небом (летняя погода позволяла сделать это прямо на земле), паломники разъезжались по домам, тбилисцы же возвращались в город [61].

В месяце мохаррам (по мусульманскому лунному календарю) тбилисские шииты отмечали большой культовый праздник в память мученической смерти одного из самых почитаемых своих святых — имама Али и его сыновей Хасана и Хосейна. В эти дни жизнь шиитской общины города как бы замирала. Прекращалась всякая экономическая активность, по-

вседневная обыденность нарушалась, полностью подчиняясь культовым установлениям. Шииты, одетые в темные одежды, собирались в мечетях, домах, которые по случаю украшались траурными материями. Во время сборов происходили беседы о св. имаме Али и его сыновьях, причем один из присутствовавших, хорошо знакомый с историческими подробностями битвы при Кербеле, во время которой погиб имам, выступал в роли рассказчика. Эмоционально переданные подробности мученической смерти святых доводили слушателей до экзальтации, сопровождавшейся рыданиями, разрыванием одежды. Апогея праздник достигал в день ашуры, когда в процессии шиитов разыгрывались сцены битвы при Кербеле, смерти имама и его сыновей. При этом неоднократно отмечались случаи саморанений и самоистязаний [62].

14 сентября православное население города отмечало праздник Вознесения. В этот день отмечался и храмовый праздник Алавердского собора. Хотя собор был расположен достаточно далеко от города (в Кахети) и поездка туда была сопряжена со многими сложностями, тем не менее ежегодно десятки тбилисцев отправлялись в дальний путь, чтобы принять участие в многолюдном празднике, привлекавшем не только окрестное грузинское население, но и дагестанцев, осетин, кистов [63].

Но если в Алаверди из-за дальности расстояния могли отправиться не все, то 1 октября Тбилиси заметно пустел: тбилисцы выезжали в Мцхета на так называемый Праздник хитона Господня. Древняя легенда гласила, что житель Мцхета некий Элиоз присутствовал на Голгофе во время распятия Иисуса Христа. Став обладателем хитона, который был на Иисусе, Элиоз вернулся домой, где был встречен своей сестрой (по другой версии — дочерью) Сидонией. Моментально уверовав в учение Христа, Сидония прижала хитон обеими руками к груди и скончалась, причем изъять хитон из рук покойной никому не удалось. Сидония была погребена вместе с ним, а над ее могилой впоследствии вырос огромный кедр. Легенда гласила далее, что святая Нина — первая проповедница христианства в Грузии — приказала воздвигнуть на месте погребения хитона храм, причем кедр был срублен и использован для здания храма в качестве опорного столба. В скорости от этого столба стала истекать мирра, обладавшая чудесным свойством исцелять немощных людей. Построенный же на достопамятном месте Мцхетский храм, официально посвященный 12 апостолам, стал более известен под именем Светицховели (груз., букв. «животворящий столп»).

Во внешней атрибутике праздник Мцхетоба не отличался от аналогичных престольных праздников, входивших в праздничную жизнь тбилисцев, однако Мцхетобу называли праздником праздников. Немалую роль в этом сыграл, конечно, тот факт, что он проводился в древней столице Грузии и у стен Светицховели. Этот храм играл важную роль в исторической памяти грузин. Он был связан с начальными этапами распространения христианства, там были похоронены многие видные деятели грузинской истории, в частности глубоко почитавшийся царь Грузии Ираклий II.

Выезд в Мцхету совершался накануне. Добирались на арбах, дрожках, фаэтонах, верхом. Современники отмечали, что в дни праздника в Тбилиси невозможно было достать экипаж, так как все были разобраны для поездки в Мцхету. С постройкой железнодорожного пути между Тбилиси и

Мцхета тбилисцы могли доехать туда поездом. Однако немало тбилисцев отправлялись в Мцхета пешком. Прибывающие становились перед храмом, произносили ритуальную формулу: «Свети цховело, шентан салоцват мовело», после чего трижды обходили здание храма. К вечеру 30 сентября ограда Светицховели и прилегающая к храму территория были заполнены паломниками. В близлежащих домах, естественно, мест всем не хватало, поэтому подавляющее большинство прибывших тбилисцев располагалось на открытом воздухе. К вечеру разыгрывалось настоящее народное гуляние: гремела музыка, отовсюду неслись звуки песен, в свете разжигавшихся костров начинались танцы. Мцхетоба не обходилась без борьбы чидаоба и других традиционных увеселений. Утром 1 октября начиналась официальная часть: торжественное богослужение, ритуальное лобызание икон. Но праздничный накал уже снижался. Паломники начинали постепенно разъезжаться, и к вечеру Мцхета пустела [64].

Последний предновогодний праздник в Тбилиси был посвящен св. Георгию и отмечался 10 ноября. Святой Георгий был одним из самых популярных святых среди христианского населения Тбилиси. Праздников в честь этого святого было великое множество, в частности среди армянского населения пользовался большой популярностью телетский праздник, проводившийся в день Вознесения. Ноябрьский же праздник больше отмечался грузинской общиной города. Центром проведения праздника была Георгиевская Квашветская церковь, расположенная в центре города рядом с Головинским проспектом. Непременной принадлежностью праздника были жертвоприношения, которые проводились прямо в церковной ограде; жертвенное мясо заворачивали в тонкие лаваши и тут же раздавали присутствовавшим.

Новые веяния в какой-то мере затронули и праздничный цикл тбилисцев, который пополнялся нетрадиционными праздниками. Так, появилась традиция отмечать памятные даты, юбилеи исторических лиц и событий. Революционная стихия принесла с собой обыкновение проводить маевки. В начале века большую популярность приобрело празднование «дня белой ромашки», который отмечался 20 апреля. Этот праздник проник в Россию из Европы и стал, в частности, известен в Грузии. Его целью было проведение милосердных акций в помощь больным туберкулезом. Характерные черты праздника во всех странах были интернациональными. В Тбилиси, как и в других городах, здания украшались белыми цветами, флагами, гирляндами зелени; повсеместно продавались букеты белых цветов, тбилисцы украшали ими свой костюм. Деньги, собранные от продажи цветов, шли на нужды больных и медицинских учреждений [65].

[1] Рамбавиа — так тбилисцы шутливо называли экстраординарные слухи, занимавшие в данный момент город.

[2] Однодневная прогулка по Тифлису // ТВ. 1830. № 48; *Берзенов Н.* О быте грузин старого времени // К. 1858. № 86.

[3] Привлекали внимание и уличные пожары. В каменной застройке Тбилиси они возникали довольно редко и именно поэтому вызывали всеобщий интерес и ажиотаж. Так, среди тбилисцев надолго сохранились воспоминания о грандиозном пожаре, охватившем в 1855 г. огромное здание караван-сарая Тамамшева. Пожар наблюдали тысячи горожан в течение нескольких часов. Газета «Кавказ» в своей корреспонденции о пожаре, уничтожившем в 1887 г. здание знаменитого «Трамвая»

Лордкипанидзе, упомянула «многочисленных зрителей, мчавшихся в фаэтонах на загородный пожар» (Хроника // К. 1887. № 157).

4 Там же. 1888. № 177.
5 Зима в Грузии // ЗВ. 1848. № 3.
6 Хроника // К. 1885. № 183.
7 Там же. 1891. № 291.
8 Там же. 1887. № 8.
9 Хроника // ТЛ. 1888. № 20.
10 *Корф Ф.* Воспоминания о Персии. СПб., 1838. С. 31.
11 О тифлисских банях // К. 1868. № 141; *Корф Ф.* Воспоминания о Персии. С. 31, 35.
12 *Корф Ф.* Воспоминания о Персии. С. 35.
13 Впчаки // К. 1849. № 20; *И. Сл.* Гадание на армянском кладбище и гуляние в Ортачалах // К. 1851. № 38; *Е. Т.-А.* Праздник Вознесения господня у армян // К. 1889. № 132.
14 Ствири — грузинский народный духовой инструмент.
15 *Дановский В.* Грузинские народные типы. Мествире (народный импровизатор) // К. 1902. № 131.
16 *Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1977.
17 *Н. Б.* Абела. Красная горка. Землетрясение. Седьмое мая // ЗВ. 1853, № 18.
18 Хроника // ЗВ, 1848, № 21.
19 Генерал-лейтенант князь Давид Осипович Бебутов // ВС. 1890. Т. 55, № 6.
20 Кулачный бой в Тифлисе // К. 1846, № 1.
21 ЦГИА ГССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8061. Л. 4.
22 Там же.
23 ЦГИА СССР. Ф. 1268. Оп. 5. Д. 109. Л. 2, 3, 10, 11.
24 Письма Х. Ш. . . . к Ф. Булгарину, или поездка на Кавказ // СА, 1828. № 8; Однодневная прогулка по Тифлису...
25 *Дановский В.* Грузинские народные типы. Мочидаве (борцы) // К. 1902. № 137.
26 Хроника // К. 1893. № 147.
27 Хроника // ТЛ. 1889. № 237.
28 Там же. 1891. № 155.
29 Хроника // К. 1856. № 7.
30 Там же. 1896. № 90.
31 *Романов И.* Новый год у грузин // К. 1846. № 3; *Евлахов И.* Новый год в Тифлисе // ЗВ (неофиц. часть). 1847. № 1; *Е. Т.-А.* Новый год у туземцев в Тифлисе // К. 1887. № 1; *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса. СПб., 1881; *Е. В[ердеревский].* О народных праздниках и праздничных обыкновениях населения за Кавказом и преимущественно в Тифлисе // КК на 1855 г. Тифлис, 1854.
32 *Е. Т.-А.* Рождество и крещение господне у туземцев в Тифлисе // К. 1887, № 5.
33 *Кишмишев С.* Тифлис 40-х годов // К. 1894. № 60.
34 Хроника // К. 1898. № 6.
35 Народы России. Грузины. СПб., 1880. С. 394.
36 См.: *Кекелидзе К. С.* Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. 12. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
37 К. 1858. № 7; 1892, № 32; Хроника // ТЛ. 1890. № 23; *Е. Т.-А.* Праздник в честь св. воеводы Сергия (Сурб-Саркис) у туземцев в Тифлисе // К. 1887. № 29.
38 *Е. В[ердеревский].* О народных праздниках...
39 *Е. Т.-А.* Масленица у туземцев в Тифлисе // К. 1887. № 43.
40 К. 1887. № 37.
41 *И.* Масленица у грузин // К. 1846. № 6; *Басхаров Г. И.* Письма из Тифлиса; *Е. В[ердеревский].* О народных праздниках...; *Е. Т.-А.* Масленица у туземцев в Тифлисе.
42 См., например: *Рухадзе Дж.* Грузинский народный праздник. Тбилиси, 1966.
43 *Е. Т.-А.* Кееноба у туземцев в Тифлисе // К. 1889. № 49; *Е. В.* Кееноба // ТЛ. Иллюстр. прибавление. 1889. № 5.
44 Наместник князь М. С. Воронцов, например, особенно любил кееноба и собственноручно бросал в толпу горсти серебра, когда ко дворцу подвозили на ослах мнимого шаха и его гарем.
45 *Берзенов Н.* Кудианоба // К. 1850. № 33; *А. Е.* Страстная неделя в Тифлисе // ТЛ, 1891, № 89.
46 *Е. Т.-А.* Великий пост у туземцев Тифлиса // К. 1847. № 49.
47 Хроника // К. 1884. № 72.

[48] *Б.* Заметки тифлисского фельетониста // К. 1855. № 26; *Е. Т.-А.* Неделя св. Пасхи у армян и у грузин в Тифлисе // К. 1883. № 112.
[49] Хроника // К. 1854. № 30.
[50] Там же. 1890. № 92.
[51] *Е. Т.-А.* Неделя св. Пасхи...
[52] Там же; *Н. Б.* Абела. Красная горка...
[53] Хроника // К. 1887. № 151; 1891. № 110; 1894. № 89.
[54] *Дзюбинский К.* Гуляние в Ортачалах в праздник Вознесения 5 мая 1855 г. // К, 1855. № 37; *Е. Т.-А.* Праздник Вознесения господня у армян.
[55] ...ъ...*й.* Монастырь св. Давида // К. 1846. № 7; *Берзенов Н.* Мтацминдский праздник (24 мая 1851 г.) // К. 1851. № 43; *Е. Т.-А.* Праздник св. Давида в Тифлисе // К. 1888. № 152.
[56] Хроника // К. 1890. № 125.
[57] *Чиляев М.* Зедадзенский монастырь // ЗВ (часть неофиц.). 1846. № 13.
[58] Хроника // К. 1894. № 82.
[59] *Е. Т.-А.* Праздник Преображения господня у армян (Вардавар) // К. 1888. № 201; «Вардавар» и «Мерелоц» // ТЛ. 1889. № 162.
[60] *Сливицкий М.* Праздник в Петхаине // К. 1850. № 65.
[61] *Зубарев Д.* Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // РВ. 1841. Т. 2; Несколько слов о грузинских праздниках вообще и по случаю Марткобского // ЗВ. 1848. № 34.
[62] Хроника // К. 1887. № 245; Письма Х. Ш. ... к Ф. Булгарину. Подробное описание праздника см.: *Гоциридзе Г. Ш.* Мусульманский праздник «Мохаррам» в Тбилиси. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
[63] *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. 1842—1867. Ч. 1. СПб., 1879.
[64] *Мревлов С.* Праздник Светицховели в Мцхете // К. 1856. № 82.
[65] Хроника // К. 1911. № 80; 1912. № 85.

Глава шестая

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Основная специфика этнокультурных процессов, протекавших в Тбилиси в XIX — начале XX в., определялась фактом многонациональности города. Полиэтничность была исторической традицией Тбилиси. Уже на самых ранних этапах своей истории здесь наряду с коренным этносом — грузинами жили представители многих других народов. Однако ни один из предшествующих периодов не знал такого этнического и конфессионального многообразия, как Тбилиси на протяжении прошлого века. Являясь центром Кавказского края, широко известным своей многонациональностью и веротерпимостью, Тбилиси обладал мощной силой миграционного притяжения, стягивавшей в город многочисленных переселенцев. Последние образовывали в структуре населения Тбилиси компактные этнические общины, каждая из которых вносила свой национальный вклад в формирование своеобразного облика древнего города.

Конечно, не все этнические общины обладали одинаковым «удельным весом» в этнокультурном поле Тбилиси. Многое зависело от численности носителей данной этнической традиции. Наиболее крупные этнические общности Тбилиси образовывали грузины, армяне, русские, персы. Представители других этносов были гораздо менее многочисленны, хотя их наличие в составе населения Тбилиси также было существенным фактором его этнографического бытия.

Важное значение имела длительность проживания той или иной группы в городе. Наиболее давние традиции в этом отношении, помимо, естественно, грузин, были у армян, первоначальная дата поселения которых в городе отстояла от исходной точки нашего исследования на несколько столетий. Это наложило существенный отпечаток на культурно-бытовой облик данной этнической группы тбилисского населения, сформировавшейся под влиянием глубоких и всесторонних связей с бытовой культурой грузинского народа. Другие этнические массивы появились в Тбилиси в основном в XIX в., но, подчиняясь конкретной исторической ситуации, практически сразу же вступали в широчайшие этнические контакты, увеличивая и обогащая национальный плюрализм старого Тбилиси.

Этнические процессы теснейшим образом связаны с социально-экономическими параметрами общества. За рассматриваемый период Тбилиси

пережил динамичную историческую эволюцию: встретив начало XIX в. в обличье позднефеодального города в его специфическом, «восточном» варианте, в век XX он вступил как один из крупных капиталистических центров Российской империи со всем клубком противоречивых тенденций, характерных для урбанизированных поселений этой стадии формационного развития.

Таким образом, Тбилиси представлял сложный социальный и этнокультурный организм, в котором постоянно активно взаимодействовали разные этносы, культурно-бытовые традиции, языки. Этносоциальные процессы, протекавшие в Тбилиси в XIX в., были сложны и многогранны. При некоторых общих тенденциях, в одинаковой мере охватывавших все этнические массивы его многонационального населения, они имели специфические последствия для каждого из них, взятого в отдельности. Рассмотреть их во всей совокупности, с учетом всех деталей и конкретных проявлений, в данный момент не представляется возможным. Это дело будущих углубленных и целенаправленных исследований. Однако некоторые, наиболее характерные тенденции можно обобщить уже на материалах настоящего исследования.

Тбилиси — древняя столица Грузии. Расположенный в историческом центре страны — в Картли, он неизменно питался соками родной культуры, находясь в активном взаимодействии с окружавшим его миром традиционной грузинской культуры. Данное обстоятельство в значительной мере облегчало включение в городское население и последующую натурализацию мигрантов из сельских областей Грузии. Фактор миграции был весьма существенным в историческом процессе формирования грузинской части населения Тбилиси, которая в первое время по численности значительно уступала некоторым группам иноэтничного происхождения.

В формировании грузинской общины города принимали участие выходцы из разных этнографических зон Грузии. Нахождение Тбилиси на территории Восточной Грузии делало естественным наличие в городе картлийцев и кахетинцев. Но было немало мигрантов и из областей Западной Грузии — Имерети, Рачи, Гурии, Мегрелии; немногочисленная, но постоянная группа горцев — тушин, хевсуров, проживавших в Тбилиси, дополняла «географию» мест выхода тбилисских грузин.

Городская действительность не способствовала сохранению в бытовом поведении мигрантов этноспецифических черт. Если недавние переселенцы зримо выделялись на общем фоне горожан своим внешним видом — папанаки у имеретин, башлыки у гурийцев и мегрелов и т. д., то очень скоро подобные детали одежды исчезали. В беднейших слоях населения это могло идти до полного размывания этнических традиций в одежде (например, солдатские шинели, которые облюбовали себе имеретины-муша); в высших сословиях отмечается престижный переход на стандарт восточногрузинского одежного комплекса (каба — куладжа), который, впрочем, шел параллельно с европеизацией костюма грузинской знати, особенно интенсивно проходившей уже с 1840-х годов.

Среди грузин-тбилисцев — выходцев из разных этнографических зон были сильны земляческие связи. По крайней мере наблюдавшаяся сопряженность некоторых профессиональных занятий тбилисских грузин с их локальным происхождением явно говорит о существовании налаженной

взаимоподдержки и помощи именно по этому признаку. Так, большинство тбилисских муша были имеретины; имеретины же часто нанимались садовниками. Вероятно, ранее прибывшие помогали устраиваться новопоселенцам, оказывая им при этом всяческое содействие.

В то же время активно шли этноинтеграционные процессы, причем отсутствие заметных диалектальных различий в разговорном грузинском языке в значительной степени облегчало их протекание. Исключение составляли мегрелы, которые, как известно, говорят на языке, отличном от грузинского. Однако мегрельские мигранты несомненно владели грузинской разговорной речью в объеме, достаточном для повседневного общения в грузинской языковой среде.

В то же время протекавшие в Тбилиси социально-политические процессы, а именно проникновение в различные функциональные сферы русского языка, возраставшая полиэтничность Тбилиси, делали необходимым владение грузинами другими языками, в частности русским, который достаточно широко включился в языковую компетенцию грузинского населения Тбилиси, хотя и в разной степени в разных социальных группах.

Этноязыковые процессы среди грузинского населения Тбилиси отражены в различного рода статистических материалах. В частности, данные посемейных списков 1886 г. [1] свидетельствуют, что в подавляющей массе грузинского населения Тбилиси позиции грузинского языка были стабильны. Его назвали в качестве родного («домашнего») представители основной части грузин разных социальных и профессиональных групп. Распространение русского среди грузин было ограничено преимущественно привилегированными слоями населения. Практически все представители этой прослойки назвали русский языком, которым они свободно владеют. В этой же прослойке наряду с грузинским и русским отмечалось знание западноевропейских языков, чаще французского и немецкого. Столь широкая языковая компетенция была, естественно, социально обусловлена, так как дети дворянско-княжеской верхушки имели возможность получить соответствующее образование в средних, а затем высших учебных заведениях, в частности в самом Тбилиси, а также в Петербурге, Москве, Дерпте, куда особенно часто выезжала на учебу грузинская молодежь.

Материалы посемейных списков 1886 г. дают достаточно разнообразную картину уровня грамотности среди тбилисского населения. Для представителей грузинских привилегированных сословий было характерно всеобщее владение письменностью на родном языке. Кроме того, в этой социальной прослойке было достаточно развито владение письменной речью на двух и даже более языках. Распространенными сочетаниями были грузинский и русский, к которым часто присоединялось знание письменности на одном из западноевропейских языков, чаще французском.

Владение письменной грузинской речью было распространено и в среде грузин-мокалаков, «почетных граждан», эпизодически встречалось в среде ремесленников, рабочих, крестьян, хотя основная их часть оставалась неграмотной. Правда, в последней трети XIX в. в народных массах все более заметно ощущалось стремление к образованию. Лица, умеющие писать не только на грузинском, но также на русском и даже западноевропейских языках, появились в среде состоятельных купцов и ремесленников.

Другую крупную этническую группу Тбилиси составляли армяне. Армянская община была одной из наиболее давних. Первые поселенцы — выходцы из Ани были приняты царем Давидом IV Строителем, широко поощрявшим из экономических соображений иммиграционное движение. С тех пор присутствие армянского этнического элемента в столице Грузии было постоянным; причем армяне заняли достаточно высокие позиции в социальной структуре городского населения, получив от грузинских царей звания первостепенных мокалаков и даже княжеские титулы.

Многовековое соседство с грузинской бытовой культурой не прошло бесследно для тбилисских армян. Во всем их культурно-бытовом облике произошли глубокие изменения, выразившиеся прежде всего в практически полной языковой ассимиляции. Грузинский язык у них обслуживал не только сферу делового общения, но и стал «домашним» языком, посредством которого происходила первичная социализация индивидов. Значительное сближение с грузинской бытовой культурой прослеживается и в других сферах. Одежда тбилисских армян была полностью идентична традиционному восточногрузинскому костюмному комплексу. Большие параллели обнаруживаются в пище, в ряде существенных элементов соционормативной культуры.

Однако, несмотря на столь глубоко зашедшие ассимиляционные процессы, до конечного их результата — смены этнического самосознания — дело не доходило. Главным этнодифференцирующим фактором — и фактором весьма сильным — была конфессиональная принадлежность армян, подавляющее большинство которых стойко придерживалось григорианства. Религия не давала им раствориться в окружающем православном населении, подчеркивала этнокультурное своеобразие местных армян, во многом поддерживала чувство этнического самосознания.

XIX век внес значительные изменения в этнокультурное развитие тбилисской армянской общины. Сильный миграционный поток армян, постоянно увеличивавший их численность в городе, ощутимо разнообразил местный культурно-бытовой фон. С одной стороны, иммигранты-армяне из внутренних районов Грузии — Картли, Кахети — несли с собой этнографический комплекс, в достаточной мере близкий их грузиноязычным тбилисским соплеменникам. Проживая в течение нескольких столетий среди компактного грузинского населения, эти анклавные группы армянского этноса достаточно сильно подверглись ассимиляции, в том числе языковой. Например, прошение авлабарских жителей-армян, «издревле», как они пишут, поселенных в этих местах, поданное в 1880-х годах местной администрации, было подписано ими по-грузински. Интересны в этом плане и документальные материалы о семье армяно-католиков Гукасовых. Ведя переписку о получении наследства, оставленного умершим братом, который жил в Ост-Индии, все Гукасовы подписывались только по-грузински. Документы были составлены на английском языке и заверены патером их приходской церкви по-латыни [2].

С другой стороны, с начала XIX в. в Тбилиси постоянно иммигрировали армяне из разных мест Закавказья и Передней Азии — носители разных локальных форм армянской бытовой культуры и языка. Вступая в контакт с грузиноязычной культурой Тбилиси — как собственно грузинской, так и армянской, эти группы армян-переселенцев вынуждены были

приспосабливаться к новым условиям, в частности в речевом поведении. Так, в первой половине века иммигранты достаточно успешно осваивали грузинский язык, становясь армяно-грузинскими билингвами. Языковые процессы среди армянской общины города можно проследить, проанализировав данные тбилисской статистики, главным образом материалы 1886 г.

Эти данные позволяют сделать вывод, что языковая компетенция армянского населения города зависела от самых разных моментов: социального положения, времени проживания в Тбилиси, исходных районов миграций данной группы армянского населения. Так, функционирование армянского языка в качестве родного зафиксировано в разных слоях горожан: ремесленников, рабочих, а также причисленных к категориям мокалаков и «почетных граждан». Без сомнения, это относительно недавние мигранты, лица, переселившиеся в Тбилиси на протяжении XIX в. из районов с компактным армянским населением — Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерний, а также из-за пределов Российской империи, в частности из Турции.

Армяне, назвавшие родным языком грузинский, представляли ту часть общины, которая подверглась сильной ассимиляции во многих сферах бытовой культуры, в том числе пережила процесс языковой ассимиляции. Это были давние жители города, являвшиеся тбилисцами на протяжении нескольких поколений, либо выходцы из внутренних районов Грузии, где армяне были давними насельниками некоторых районов.

К концу XIX в. в Тбилиси проживало немало армян, назвавших в качестве родного языка русский. Переход на русский язык был характерен главным образом для семей привилегированных сословий, особенно тех, члены которых имели возможность получить образование в российских учебных заведениях. Русский назвали родным языком также армянские семьи — недавние выходцы из России, например из Ростова-на-Дону (Ново-Нахичевани).

Статистические материалы позволяют проследить за процессом смены языковой компетенции даже в пределах одной семьи. Так, глава армянской семьи князей Тумановых Софья Абрамовна (60 лет) считала родным языком армянский, ее сыновья и дочери (в возрасте 27—30 лет) родным языком назвали русский. Общение всей семьи происходило на русском, который знала и старшая княгиня. Среди таких же семей с двумя «домашними» языками — это были преимущественно армянский и русский — числились Хосроевы, Калантаровы, Аргутинские-Долгорукие. Аналогичная ситуация была характерна для крупнейших мокалаков, например Тамамшевых.

Уже из приведенных выше фактов видно, что в армянской среде значительное развитие получило многоязычие. Владение вторым и даже третьим языками было настолько свободным, что многие из опрошенных по переписи 1886 г. называли их в качестве «домашних». Армяне с родным армянским языком чаще всего называли «домашним» грузинский и русский либо один из них, грузинофоны — русский. Были и другие сочетания. Выходец из Эриванской губ., например, назвал своими «домашними» языками армянский, русский и «татарский» (несомненно азербайджанский). В привилегированных семьях было распространено знание европейских языков.

Не менее многообразна ситуация в армянских семьях с языком письменности. Здесь также можно выделить несколько позиций. Первая — владение письменностью на родном языке, т. е. армянском. Вторая — знание письменности на одном из неродных языков — на грузинском, русском, персидском (выходцы из Персии). Третья позиция — владение письменностью на двух языках со следующими вариантами: на армянском и русском, грузинском и русском, армянском и грузинском, русском и каком-либо западноевропейском языке (французском, немецком и т. д.). Четвертая позиция — владение письменностью на трех и более языках. В ней также отмечено несколько вариантов. Это русский, грузинский, армянский; русский, грузинский, французский; русский, армянский, грузинский, французский; русский, грузинский, «татарский» (выходцы из Ахалцихе); «татарский», армянский, грузинский; русский, грузинский, армянский, французский, немецкий, персидский; русский, французский, немецкий, латынь, грузинский.

Обозначенные позиции и варианты были характерны главным образом для представителей привилегированных сословий, частично для мокалаков, «почетных граждан» Тбилиси. Некоторые варианты (армянский и грузинский, редко армянский и русский, грузинский и русский) встречались в среде ремесленников, крестьян, мещан, однако подавляющая часть этих сословий (особенно женщины) была неграмотна.

В среде привилегированных сословий владение письменностью на названных языках в разных половозрастных группах проявлялось различным образом. Для большинства представителей старшего поколения армян было характерно владение письменностью на армянском и грузинском (или на одном из них), для младшего поколения, как правило,— письменность на нескольких языках, в том числе армянском (или грузинском), русском, одном из западноевропейских языков. В качестве примера можно привести отдельные армянские семьи. Е. А. Тамамшева, армянка, 65 лет, жившая с сыном 20 лет, своим «домашним» языком считала армянский, языком письменности были армянский и грузинский. Ее сын (также с родным языком армянским) владел письменностью на нескольких языках: армянском, русском, французском, английском, испанском. Для Кусикова, армянина, дворянина, 42 лет, «домашним» языком был армянский, языками письменности — армянский, грузинский, русский, «татарский», французский, английский; для его жены, армянки, 25 лет, также с родным языком армянским,— армянский, грузинский, русский, французский, английский. Князь К. А. Бебутов, армянин, 38 лет, с «домашним» языком армянским, владел письменностью на двух языках — армянском и русском; его мать, армянка, 66 лет, назвавшая родным языком также армянский, писала и на грузинском языке.

В целом процент грамотных в среде таких социальных групп армян, как мокалаки и «почетные граждане», был весьма высок. Для расчета мы взяли группу в 790 человек, из них грамотные составляли 244 человека (30,8%). Из них 85 человек (10,7%) владели письменностью на грузинском языке, 65 (8,2%) — на русском, 11 человек (4,5%) — на армянском, 3 человека (1,2%) — на грузинском и армянском, 42 (17,2%) — на трех языках: армянском, грузинском и русском, 20 человек (8,2%) — на русском и грузинском. Отдельные лица из рассмотренной группы владели

письменностью на четырех-пяти языках: русском, армянском, грузинском, французском; армянском, грузинском, русском, французском, немецком. В среде ремесленников, мелких торговцев, рабочих языковая ситуация была иной: большинство их было неграмотно, за исключением некоторых семей, в которых грузинской или армянской письменностью владел только глава семьи.

Мусульманская община Тбилиси этнически не была однородной. В нее входили персы, азербайджанцы, переселенцы из Дагестана, казанские татары, турки и др. Наиболее давними поселенцами из них были персы, которые в XIX в. составляли довольно значительный процент тбилисского населения. Культурно-бытовое развитие мусульман шло обособленно от остальных этнических частей населения города. Большую роль играла в этом религиозная принадлежность, жесткие исламоцентристские установки и шариатские нормы, накладывавшие известные ограничения на контакты с «неверными». Вследствие этого тбилисские мусульмане строго придерживались традиционных бытовых стандартов как в семейном быту, так и в общественном поведении. Столь же этноспецифичной была одежда мусульман, которая даже при тотальной европеизации, охватившей все слои мусульман (но особенно их привилегированную часть), долго сохраняла характерные детали. Точно так же долго сохранялся обычай крашения волос и бороды хной, по которому всегда можно было безошибочно узнать последователей ислама вплоть до 1900-х годов.

Стойкой сохранности этнических культурно-бытовых особенностей тбилисских мусульман, в частности персов, способствовали их постоянные и интенсивные связи с основным этническим массивом родного народа. Ежегодно в Тбилиси приходили сотни отходников из внутренних районов Персии, являвшихся, естественно, носителями полнокровной бытовой традиции. Для персов — постоянных жителей города — важным фактором, который несомненно влиял на поддержание этнокультурного самосознания, являлся их статус иностранноподданных. Являясь формально подданными шаха, персы и в этом отношении чувствовали свою обособленность от остальных горожан. Эти чувства поддерживались различного рода общественными акциями, вроде ежегодных собраний у резиденции персидского консула в Тбилиси, которые происходили по случаю общегосударственных праздников Персии, например дня рождения шаха.

Мусульманская община города не была консолидированным сообществом. Помимо этнических различий, глубокое отчуждение в среде ее членов возникало на религиозной почве. Принадлежность к двум враждебным друг другу течениям ислама — шиизму и суннизму провела достаточно резкую грань между персами и азербайджанцами-шиитами, с одной стороны, и остальными мусульманскими группами Тбилиси — с другой. Бытовая обособленность проявлялась во всем: шииты и сунниты имели разные мечети, разные участки на кладбище, полностью исключалось совместное проведение досуга или иных форм общественных контактов.

Несовершенство дореволюционной статистики не позволяет с достоверностью представить характер языковых процессов в среде тбилисских мусульман. В частности, все тюркоязычные народы (за исключением турок) в статистических материалах объединялись в одной графе «татары». В переписи 1876 г. в эту графу были отнесены азербайджанский, собственно та-

тарский, на котором говорили казанские татары, и, возможно, кумыкский языки.

Перейдем к русскому населению Тбилиси. Эпизодически компактные группы русских появлялись в Тбилиси еще во второй половине XVIII в. Это были главным образом солдаты и офицеры, входившие в русский экспедиционный корпус, который был введен в страну в соответствии с условиями Георгиевского трактата 1783 г. После присоединения Грузии к России русское население города начало быстро увеличиваться. По-прежнему в Тбилиси были расквартированы войска, но, кроме того, стала расти чиновничья прослойка, занимавшая высшие и средние звенья в системе местного административного управления. Однако примерно с 1820-х годов русская иммиграция стала заполнять и более низкие социальные ниши города. В Тбилиси оседали русские ремесленники, мастеровые. Этот слой усиленно пополнялся также отставными нижними чинами, которые по выходе в отставку оставались на постоянное местожительство в Тбилиси.

Обособленную группу русского населения составляли сектанты, среди которых преобладали молокане. Они сохраняли в бытовой практике специфические черты, характерные для этого религиозного толка.

Языковая компетенция русских, как правило, не выходила за рамки родного языка. Лишь в некоторых случаях отмечалось знание русскими грузинского, армянского, «татарского» (видимо, азербайджанского) языков. В привилегированных сословиях это были в основном западноевропейские языки (французский, немецкий).

Кратко охарактеризуем языковые процессы в других этнических группах населения Тбилиси. В отношении родного языка отмечается определенная закономерность, связанная главным образом с длительностью пребывания данных переселенцев в Тбилиси (или вообще в Грузии), с особенностями их исторических судеб. Среди жителей Тбилиси посемейные списки 1886 г. зафиксировали небольшую группу осетин (в категории временнопроживающих). Обращение к материалам по конкретным семьям показывает, что это были крестьяне Душетского и Горийского уездов, в городе занимавшиеся черными работами, нанимавшиеся в повара, прислугой и т. д. Некоторые из них имели семьи и жили в Тбилиси в течение многих лет. Часть осетин назвала «домашним» языком грузинский, часть — осетинский. Некоторые из них владели грузинской письменностью, немногие знали разговорный русский. По тем же данным 1886 г. в городе жили греки — давние переселенцы в Грузию. Большая часть их назвала родным языком грузинский или русский, единицы — армянский.

У немцев родным языком записан преимущественно немецкий, редко — русский, языком письменности в среде немецких купцов и мокалаков были немецкий и русский, среди дворян — русский, часть немцев — жителей Тбилиси была неграмотна. Судя по данным 1886 г., большинство немцев Тбилиси (за исключением представителей привилегированных сословий) русский язык в качестве второго не знали. Однако такие сведения вызывают сомнения в их точности. Не зная ни грузинского (а знание последнего не отмечено ни для одного местного немца), ни русского языка, в Тбилиси практически невозможно было существовать, так что слабое знание разговорного русского языка в качестве второго, т. е. языка общения, во всяком случае у мужчин имело место.

Все поляки знали русский, который назвали родным языком, небольшая часть представителей польской общины назвала «домашним» языком польский. Тем не менее и среди поляков отмечено знание русского в качестве второго. В качестве письменного языка среди них были распространены польский и русский, реже — один русский.

В среде еврейского населения Тбилиси выявляются следующие позиции: родной язык — еврейский, родной язык — русский. Обращают на себя внимание некоторые неточности переписных данных по вопросу о родном языке среди евреев. В Тбилиси жили представители различных этнографических групп еврейского народа. Наряду с европейскими евреями с родным языком идиш здесь проживали грузинские и горские евреи, которые говорят, как известно, на грузинском и татском языках. Но в переписных графах родной язык этих групп указан как еврейский. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с небрежностью переписчиков, которые не до конца разобрались с языковыми особенностями опрашиваемых. Большинство евреев Тбилиси знали разговорный русский язык, владели русской письменностью (только европейские евреи), а иногда письменностью на двух-трех языках: еврейском и русском, еврейском, русском и немецком.

Важнейшей стороной этнических процессов является межнациональная брачность. По материалам 1886 г. в Тбилиси фиксируются около 20 различных сочетаний межнациональных браков. Характерно, причем, что все они встречались в самых разных социальных прослойках горожан. Это грузино-армянские (здесь и далее первой названа национальность мужа), грузино-русские, армяно-грузинские, армяно-русские, армяно-«европейские» семьи, т. е. с женщинами — выходцами из стран Западной Европы (англичанками, итальянками, француженками и т. д.), русско-грузинские, русско-армянские, польско-грузинские, польско-русские, немецко-русские, немецко-европейские, т. е. с женщинами из других западноевропейских стран (Франции, Польши, Англии), между выходцами из западноевропейских стран, грузино-греческие, греко-русские, азербайджано-русские, азербайджано-персидские; последние заключались в основном между персами (персидскоподданными) и русскоподданными азербайджанками-шиитками. Чтобы получить разрешение на такой брак, в Шиитское духовное правление подавалось специальное прошение. Полученное разрешение утверждалось тбилисским губернатором. В одном из подобных документов от 1872 г. в связи с заключением брака персидскоподданного с местной мусульманкой говорилось, в частности: «Разрешить этот брак с тем только условием, что если Нур-Магомед-Насир-оглы по делам своим будет находиться более шести месяцев в отлучке, то жена его Зейнаб-Али-кизи имеет полное право просить о расторжении этого брака, согласно условию, которое будет значиться в брачном акте, и духовное правление в случае ее просьбы по этому предмету обязано выдать ее разводную» [2].

В национально-смешанных семьях создавалась любопытная ситуация с языками внутрисемейного общения. В таких семьях родные языки мужа и жены чаще всего совпадали, хотя супруги были различны по их национальной принадлежности. Посемейные списки дают целый ряд вариантов такой ситуации. Муж — армянин, жена — грузинка, их родной язык грузинский; муж — армянин, жена — русская, родной язык в этой семье

русский; муж — грузин, жена — русская, их родной язык также русский; муж — грузин, жена — армянка, в семье родной язык грузинский; муж — армянин, жена — итальянка (или полька), у них родной язык русский; муж — грузин, жена — гречанка, родной язык семьи русский. Редки случаи, когда родной язык мужа и жены не совпадал. Так, в армяно-грузинской семье дети были записаны армянами, у всех членов семьи родным языком был армянский, но родным языком жены главы семьи (грузинки) записан русский. Повседневное общение в семье происходило на русском языке, который знали все домочадцы. Во многих семьях, в которых жены были грузинки, родным языком семьи становился грузинский. Такие примеры известны, например, в среде армяно-католиков Тбилиси, где «домашним» языком назывался грузинский, указывалось также свободное владение русским языком.

Не менее интересен и другой аспект этнических процессов в Тбилиси — это национальность детей в национально-смешанных семьях. Обычно в таких семьях национальность детей записывалась по национальности отца, реже — по национальности матери. Так, в большинстве грузино-русских семей, даже с родным языком русским, дети были записаны грузинами. Тем более в армяно-грузинских семьях, в которых «домашним» языком считался армянский, дети были записаны армянами. Но все-таки случаи, когда детей записывали по национальности матери, встречались довольно часто. В ряде армяно-грузинских семей с родным языком грузинским дети были записаны грузинами. В некоторых армяно-русских семьях с родным языком русским дети считались в переписных листах русскими. Вот один из таких примеров. Семья А. А. Бастамова, глава ее мокалак, 56 лет, армянин, по вероисповеданию григорианин, «домашний» язык русский, «грамотен» на русском языке. Его жена русская, 37 лет; дети записаны русскими православными. В некоторых немецко-русских семьях с родным русским языком дети также были записаны русскими.

Примеры такого рода известны по данным 1886 г. и в семьях тбилисских азербайджанцев из привилегированных сословий. Так, Керим бен-Исрафилов, потомственный дворянин, 29 лет, «татарин», принял православие; жена русская, дети русские, «домашний» язык русский, глава владеет русской письменностью. Другая азербайджанская семья Михаила Николаевича Шарифова (Мегмет-бен), штабс-капитана, «татарина», также принявшего православие. Его родной язык русский, «грамотен» на русском, жена русская, дети записаны русскими.

Таким образом, как показывают материалы, главным фактором, определявшим выбор национальности детьми в национально-смешанных семьях, был господствующий язык внутрисемейного общения, язык, на котором происходила социализация и инкультурация подростков.

Интересно, что встречались семьи, в которых национальность части детей не соответствовала национальности ни отца, ни матери. Например, немецко-польская семья с домашним языком русским (у главы семьи немца второй «домашний» язык назван немецкий, по вероисповеданию лютеранин), его жена полька, католического вероисповедания, два сына записаны русскими, православными, дочери же (6 лет; 11 месяцев) записаны поляками католического вероисповедания.

Еще один важный аспект этнических процессов — соотношение этни-

ческого самосознания и родного языка. В рассмотренных нами группах по переписи 1876 г. в Тбилиси уже была заметна разница в численности населения по этим двум параметрам. Численность, например, лиц с родным языком грузинским была больше, чем грузин по самосознанию, на 1864 человека. Численность русскоязычного населения города превышала на 239 человек число русских по самосознанию. Аналогичные факты известны и в посемейных списках 1886 г. Чаще всего это наблюдается среди армян Тбилиси, сохранявших этническое самосознание, но утративших родной язык. Отмечены подобные случаи и в среде грузинского населения: грузины, но с родным языком русским, зафиксированы списками в среде привилегированного сословия.

Самосознание, как показывают материалы, было наиболее стойким этническим элементом. Даже семьи с родным языком русским сохраняли этническое самосознание. Нередки случаи, когда одна семья объединяла лиц разной этнической принадлежности не в результате этнически смешанных браков, а в силу происходивших в ней этнических процессов. Примером может служить семья Сакварелидзе. Глава — грузин, с родным языком русским, «грамотен» на русском и грузинском языках. Его жена грузинка, записавшая в качестве «домашних» языков русский, грузинский и французский, владела грузинской письменностью; его свояченица считала себя русской, родным языком ее был русский.

Важной стороной этнических процессов были случаи перехода жителей Тбилиси из одной конфессии в другую [3]. Конкретные причины смены вероисповедания были весьма разнообразны, однако в числе наиболее частых — желание вступить в межнациональный и межконфессиональный брак. В 1864 г., например, в православие перешли два лютеранина, два католика, три григорианина, пять мусульман. Только за 1899 г. было отмечено 12 случаев перехода в православие мусульман, двух несториан, одного григорианина, два факта возвращения в православие раскольников. Вообще документально зафиксировано множество такого рода фактов в самых разных конфессиональных общинах Тбилиси. В 1821 г., например, с марта по сентябрь были крещены армянин Хечо, нареченный Георгием; «татарин», крепостной дворянина Ениколопова Даргун, нареченный Константином, армянка Шушана, крепостная [4].

В православие нередко переходили раскольники. В 1868 г. в метрической книге Сионского собора записано, что «проживающий в г. Тифлисе... 19 лет от рождения, приехавший из Александропольского уезда сел. Воронцовки и исповедовавший молоканскую ересь Иван Яковлев Зотиков просвещен св. крещением и во св. крещении оставлен тем же именем...» [5] Часто отмечены случаи принятия евреями православной и григорианской веры. В 1887 г. проживавшая в Тбилиси жительница Киева, еврейка Каролина Гольденберг обратилась к официальным властям с ходатайством «о разрешении ей вместе с малолетним сыном принять св. крещение по обряду армяно-григорианской церкви». Из дальнейшего текста документа видно, что предполагался брак Каролины с армянином Иосифом Маркозовым, жителем Тбилиси.

В григорианскую веру переходили также мусульмане. В 1882 г. шиит Курбан Гасан-оглы подал прошение официальным властям о разрешении принять григорианскую веру. В григорианство переходили и мусульмане-

сунниты. В 1883 г., например, григорианскую веру приняли суннит Кейбуалла Аксанов, татарин, житель Нижегородской губ., и мусульманин Мамад Керим-оглы. В 1889 г. в греческой православной церкви был совершен обряд крещения над суннитами — турчанкой и ее шестью детьми. Как писала местная печать, эта женщина после смерти мужа осталась с детьми без средств к существованию. Ее семью все время поддерживала тбилисская «довольно многочисленная греческая колония». Турчанка, желая отблагодарить помогавших ей, решила с детьми креститься «дабы единством религии скрепить еще более устанавливающуюся уже нравственную связь с ними» [6].

Межнациональные и межконфессиональные браки были важной причиной перемены вероисповедания одного из супругов. Среди таких браков в Тбилиси преобладали традиционные для грузин и армян грузино-армянские браки: муж — грузин, жена — армянка, т. е. православных и григориан. Но уже в первой половине XIX в. появились иные межнациональные и этноконфессиональные сочетания: грузино-русские и русско-грузинские, армяно-русские и русско-армянские (православные — григориане), азербайджано-русские (мусульманин-православная). Зафиксированы также случаи браков однонациональных, но лиц разного вероисповедания, например армяне — григориане и католики, грузины — православные и католики [7].

Рассмотрим некоторые конкретные примеры вступления в брак армяно-католиков и армяно-григориан. В 1862 г. Тифлисская армянская епархиальная консистория доносила патриарху-католикосу всех армян Матеосу, что визитатор римско-католических церквей Закавказского края сообщил консистории о желании тбилисского жителя армяно-католика Степана Терунянца вступить в брак с девицей Наталией Григорьевой, армяно-григорианского вероисповедания, и запрашивал, не существует ли препятствий к совершению их брака в католической церкви, «на что согласна и невеста». Однако выяснилось, что «по церковному чиноположению» армянской церкви браки совершаются в церкви, к которой принадлежит невеста. Поэтому в случае заключения брака между армяно-григорианами (жена) и армяно-католиками (муж) такие браки должны совершаться только в григорианской церкви. Таким образом, консистория не была согласна в данном случае на заключение брака в католической церкви. Однако вопреки запрету такой брак был совершен патером в католической церкви Тбилиси, за что он был наказан соответствующими духовными властями. Из этого же документа видно, что подобные браки между армянами разных вероисповеданий не были единичны [8].

Дети же от подобных браков воспитывались в вере по выбору их родителей. Но выбор католического вероисповедания (что бывало неоднократно) всегда вызывал неудовольствие григорианского духовенства. Неоднократные запросы о правомерности такого рода фактов были объяснены следующим образом: только от лиц неправославного исповедания, вступавших в брак с лицами православной веры, по действующим законам требуется подписка об обязательном воспитании детей в православии. Во всех же остальных случаях выбор вероисповедания для воспитания детей родителями, принадлежащими к разным христианским исповеданиям, не ограничивался законом и предоставлял этот выбор самим родителям [9].

Однако такого рода требования не всегда исполнялись. В посемейных списках 1886 г. зафиксированы случаи, когда в ряде армяно-грузинских семей дети наследовали конфессию отца и записывались григорианами [10].

Но такие примеры все-таки более редки, так как православное духовенство и власти пристально следили, чтобы дети в конфессионально смешанных семьях (если мать была православной веры) исповедовали религию матери. В этом отношении показателен один эпизод. К 1819 г. относится переписка между экзархом Грузии и армянским архиепископом Нерсесом по поводу следующего случая. Побочная дочь князя Амилахварова Анастасия, православная (в документе греко-грузинского исповедания), была обвенчана с армянином Захарией Тархановым, сыном Коргановым. Духовные власти обязали через полицию предупредить армянина Корганова в том, «чтобы он не принуждал жену к принятию армянского вероисповедания ...и чтобы и сама [Анастасия] оставалась постоянно в греческом звании и имеющих родиться от нее детей воспитывала в оном» [11].

Аналогичных примеров в документальных материалах XIX в. много. В 1821 г. от перса Кусум-Таги-оглы, перешедшего в российское подданство, в канцелярию грузинского экзарха была дана подписка. В ней говорилось, что ее податель обязуется «не делать принуждения жене... Марии и родившимся от нее детям... Ивану, Георгию и Иосифу к оставлению исповедуемой ими греко-грузинской религии, а имеющим родиться впредь предоставляет полное право жене моей крестить и воспитывать их в том же христианском законе». Жена Касум-Таги-оглы Мария, грузинка, также дала клятву в соблюдении всех православных постановлений, а будущих детей крестить и воспитывать в исповедуемой ею христианской религии [12].

По данным посемейных списков 1886 г. в случае заключения брака армян с православными — грузинками или русскими чаще всего супруги сохраняли свое вероисповедание. Венчание же, видимо, происходило по григорианскому обряду [13].

Во второй половине XIX в. отмечены случаи перехода мусульман в католическое вероисповедание. Причиной этого шага были также межнациональные браки. Об одном из них сообщается в официальных документах 1872 г. Житель Тбилиси, мусульманин (видимо, шиит), коллежский секретарь Наги-бек Ростомбек Ростомбеков, 29 лет, обратился за разрешением к наместнику кавказскому перейти из мусульманства в католичество (римско-католичество). Разрешение было дано. С принятием крещения Наги-бек был наречен Николаем. Причиной такого шага, как выяснилось, было решение вступить в брак с дочерью губернского секретаря Паулиной Иосифовной Новоковской римско-католического вероисповедания. Брак был совершен в католической церкви Тбилиси [14].

В привилегированных сословиях азербайджанцев — жителей Тбилиси также известны случаи принятия православия в связи с вступлением в брак с православными (русскими). Дети от таких браков были записаны православными [15].

О том, что межконфессиональные и межнациональные браки в Тбилиси не были единичны, говорят и некоторые статистические данные. Только в 1864 г. помимо одноконфессиональных браков в Тбилиси было заключено 69 браков между православными и представителями других христианских исповеданий (григориан, лютеран, католиков и др.) и 75 браков с предста-

вителями «иноверческих исповеданий и раскольников» [16]. В 1874 г. официальные духовные власти Закавказского края разрешили «русскоподданным девицам» выходить замуж за турецко- и персидскоподданных мусульман.

Несмотря на некоторые ограничения в брачно-конфессиональных делах (эти ограничения далеко не всегда реально выполнялись), население Тбилиси отличалось значительной веротерпимостью и уважением к обычаям и нормам вероисповеданий других народов.

Следует сказать, что значительную веротерпимость демонстрировали и городские власти. Хотя известная подозрительность «отцов города» по отношению, например, к христианским сектам оставалась, в целом многоконфессиональному населению Тбилиси была обеспечена возможность свободного отправления религиозных культов. Более того, администрация часто шла на определенные издержки, если того требовали обстоятельства. Так, во время мусульманских праздников на основании соответствующих оповещений Закавказского мусульманского духовного правления местные власти освобождали лиц мусульманского вероисповедания от несения государственной службы, от занятий в учебных заведениях. В качестве примера можно привести предписание от 1889 г., которое было направлено, в частности, в Закавказский девичий институт, с предложением об освобождении от занятий его воспитанниц-мусульманок на время с 8 по 12 марта в связи с наступлением праздника Новруз-байрам. Специальные циркуляры посылались также в воинские части и тюрьмы [17].

Специальными исследованиями давно отмечено, что в городах этнические процессы протекают гораздо интенсивнее, чем в условиях сельской местности. В этом смысле город выступает как бы катализатором этнокультурного развития, активно влияя на важнейшие характеристики этнического организма. Данному обстоятельству в немалой степени способствует специфика бытового уклада урбанизированных поселений. Его главное отличие от сельского заключается не в том, что жизнь в условиях города, по расхожему представлению, характеризуется более убыстренными темпами; это первое, лежащее на поверхности определение мало способствует пониманию сущности проблемы. Главное заключается в том, что город ставит традиционную этническую культуру в новые условия материального и духовного бытия. Многие элементы сельской бытовой культуры оказываются в городе ненужными, теряют свою функциональность, замещаются новыми культурно-бытовыми стандартами.

Достаточно хорошо известно и другое. Города являются, как правило, многонациональными поселениями. Сосуществующие в них этнические традиции, представленные теми или иными национальными группами населения, не могут находиться в состоянии замкнутости и самоизоляции. Хотя сравнительный материал по этнографии городов мира дает немало примеров попыток подобного этнического поведения, тем не менее этот же материал показывает, что воздвигаемые между разноэтничными общинами барьеры, какого бы происхождения они ни были: социально-классовые, религиозные, идеологические — вряд ли были абсолютно непроницаемы для иноэтничных влияний даже в период наиболее сильного противостояния. Поэтому в городах происходят процессы взаимовлияния и взаимопроникновения национальных культур, что также является мощным рычагом

этнокультурного развития вовлеченных в соответствующие процессы этнических партнеров.

Существует представление, что город разрушает этнические традиции, лишает проживающие в нем национальные группы черт индивидуальности, создает безликий стандартизованный вариант городской бытовой культуры. Представление несколько одностороннее. Конечно, вымывание традиционных элементов культуры в какой-то степени происходит, это объективное следствие вовлеченности национальной культуры в урбанизационные процессы. Однако при этом не происходит потери объема бытовой культуры. Для нормального существования этноса, этнической группы, любого другого подразделения народа необходим полный набор жизнеобеспечивающих структур, образующих многообразие конкретных форм материальной и духовной культуры. В этом процессе может исчезать национально-этническое обрамление тех или иных элементов бытовой культуры. В ней активно могут зарождаться новации либо вследствие реализации внутренних импульсов развития, либо в результате прямого или опосредованного заимствования у иноэтничных соседей. Но в любом случае необходимый объем бытовой культуры остается неизменным, что позволяет данной этнической общности поддерживать психологическое представление о своей индивидуальности.

Одновременно город выступает творцом новых национальных традиций. Специфика урбанизационной деятельности создает формы материальной и духовной культуры, особенности ритуальных и поведенческих стереотипов, которые отсутствуют в структуре сельского быта. Таким образом, город усложняет национальную культуру, делает ее богаче, разнообразнее, дает возможность этносу освоить новые направления деятельности, которые в общеисторической перспективе способствуют его поступательному самодвижению.

Между городом и прилегающей сельской округой обычно существуют многообразные связи. В разные исторические периоды они бывают разнонаправленными. Начальные истоки городской культуры всегда уходят в толщу традиционной культуры этноса. Нарождающаяся городская культура как бы отпочковывается от родной почвы, но в первый период своего существования продолжает питаться ее соками. Так, грузинская культура Тбилиси сформировалась на картлийских традициях.

Однако со временем городская культура порождает собственные формы, которые в конце концов начинают оказывать влияние на мир традиционного сельского быта. Сначала это влияние ощутимо лишь в близлежащей округе, но вскоре с развитием городов, с увеличением численности урбанизированного населения оно распространяется на более широкие пределы, вплоть до того, что стандарты городской жизни становятся желанными, эталонными и престижными в глазах сельских обывателей. К концу XIX в. Тбилиси оказывал все более заметное влияние на сельскую культуру Грузии как в материальной сфере ее быта, так и в области духовного развития.

Огромную роль в этническом развитии грузинского народа сыграл тот факт, что Тбилиси в XIX в. стал средоточием интеллектуальных сил нации. Одна из главных задач, стоявших в тот период перед грузинской интеллигенцией, состояла в пробуждении национального самосознания на-

рода, в сплочении национально-патриотических сил, организации духовной борьбы против удушающего произвола царского административного режима. Главным средством для выполнения этих задач стала независимая грузинская пресса, выходившая в Тбилиси. Освященная идеями великого Ильи Чавчавадзе «Иверия», такие печатные издания, как «Дроэба», «Квали», «Цискари», «Сакартвелос моамбе», последовательно проводили идеи национального освобождения, утверждали приоритет народных интересов, в защиту которых высказывались все передовые деятели демократического движения Грузии.

Среди коренных вопросов, волновавших грузинскую общественность, значительное место занимали проблемы дальнейшего развития этнических традиций грузинского народа. Самые страстные выступления И. Чавчавадзе, Важа Пшавела, Акакия Церетели и других были направлены на сохранение родного языка, защиту национального достоинства, поддержку прогрессивных народных традиций, обоснование непреходящей ценности этнического наследия предков. Эта деятельность способствовала зарождению углубленного интереса к историческому прошлому родного народа, его культуре, что несомненно влияло на укрепление этнического самосознания грузин. Для деятелей национального движения Грузии народная, сельская культура стала символом их патриотических устремлений. Свою приверженность к национальным корням эти европейски образованные люди демонстрировали прекрасным владением родной речью, сохранением этнических бытовых реалий в своей повседневной жизни, а также, например, нарочитым участием в карнавальных действиях гонимого и преследуемого властями традиционного народного тбилисского праздника кееноба.

Тбилиси суждено было сыграть значительную роль и в национальных движениях ряда других народов Закавказья, в частности армян. Многочисленное армянское население города было весьма заметной частью армянской диаспоры. Именно в среде тбилисских армян зарождались многие культурные и идеологические движения, которые становились затем заметными событиями в жизни всего армянского народа. Наибольшее количество периодических изданий на армянском языке в XIX в. выходило в Тбилиси. «Мшак», «Мегу Айястани» и другие армяноязычные издания, несмотря на разность занимаемых общественно-политических позиций, не замыкались в узких интересах «своей» территориально-этнической группы, но отдавали свои страницы обсуждению самых жгучих проблем, стоявших перед всем армянским народом.

Армянская община города остро чувствовала свою сопричастность к судьбам соплеменников, проживавших в других регионах Кавказа и России. Местная армянская печать часто сообщала читателям о всех более или менее значительных событиях в жизни армянской диаспоры, причем тбилисцы обычно живо откликались на взволновавшие их факты. Так, известие о неожиданной вспышке армяно-азербайджанской конфронтации в Баку зимой 1905 г. произвело в Тбилиси удручающее впечатление. В память имевшихся жертв был объявлен траур. Армянское население города воздерживалось от участия в увеселениях, был отменен ряд публичных мероприятий, в церквах были проведены молебны.

Тбилиси стал значительным культурно-просветительным центром для армянского населения. Знаменитая духовная семинария Нерсисяна дава-

ла фундаментальные знания армянскому юношеству, причем здесь учились представители не только местных, тбилисских армян. Слава об этом учебном заведении распространилась далеко за пределы Тбилиси. Прислать сюда на учебу своих сыновей почитали за честь семьи как из коренной Армении, так и из других регионов, где волею судьбы были вынуждены обосноваться армянские мигранты.

В Тбилиси фактически началось планомерное историко-этнографическое изучение Армении. Основанный Е. Лалаянцем журнал «Азгагракан андес» («Этнографическое обозрение») публиковал ценнейшие материалы и исследования по культуре и быту армянского народа. Энтузиастами из тбилисских армян была сформирована небольшая, но весьма ценная коллекция этнографических предметов, которая впоследствии влилась в фонды Государственного исторического музея Армении в Ереване.

Говоря о социально-культурных процессах, протекавших в Тбилиси в прошлом веке, нельзя не отметить значительную общественную активность представителей местной многонациональной интеллигенции. В городе существовало огромное количество различных обществ, союзов, товариществ и т. д., специализировавшихся в самых различных областях социальной деятельности. Было очень много благотворительных организаций, ставивших целью оказание посильной помощи нуждающимся слоям городского населения. Излюбленной формой проведения благотворительных акций было устройство концертов, танцевальных вечеров, костюмированных балов, на которых производился целенаправленный сбор пожертвований. Газета «Кавказ», оповещая читателей об одном из подобных вечеров, которое устраивало Тбилисское благотворительное общество, отмечала, что вечер «обещает быть очень оживленным и красивым по разнообразию приготовляемых исторических и характерных костюмов»[18].

Тбилисские газеты обычно исправно уведомляли своих читателей о готовящихся благотворительных акциях, причем обязательно указывали, кто будет хозяйкой-распорядительницей. Эту почетную миссию обычно брали на себя дамы высшего тбилисского света, известные своей гуманитарной деятельностью. В начале века, например, в этом качестве часто выступали княгини Д. Р. Чавчавадзе, Ю. К. Туманова (Туманишвили).

Собираемые средства впоследствии направлялись на какое-либо конкретное дело либо шли на увеличение денежных фондов, находившихся на счету общества. Например, в Татьянин день 12 января 1904 г. в городе был устроен танцевальный вечер с концертным отделением «на усиление средств «Кавказского общества вспомоществования учащимся студентам» [19]. Та же газета дает возможность узнать еще об одном вечере, состоявшемся 27 марта 1911 г. В тот день во дворце наместника состоялся концерт грузинской духовной музыки, сборы от которого предназначались на «усиление средств Андреевского братства при духовной семинарии» [20].

Общества принимали и частные пожертвования. История тбилисской благотворительности знала немало подобных примеров. Например, умерший в 1897 г. И. Д. Худадов завещал Армянскому благотворительному обществу до 169 тыс. руб. Княгиня М. М. Туманова передала в апреле 1910 г. городу здание для устройства бесплатной столовой для бедных детей на Авлабаре; ежедневно в ней обедало 30—40 подростков из неимущих семей [21].

Активность на благотворительном поприще проявляло образованное в 1910 г. общество «Союз копейки». Газета «Кавказ» так описывала первые шаги нового общества: «В первый день Пасхи в десяти пунктах беднейших окраин Тифлиса было устроено разговенье на 1000 детей... С 21 ноября на 20 бездомных детей открыт постоянный приют на Греческой улице в Харпухе» [22]. И позднее тбилисская пресса охотно и подробно освещала деятельность «Союза копейки», снискавшего доброе имя своей гуманитарной деятельностью [23].

В Тбилиси существовало общество бесплатных и дешевых столовых и чайных, на средства которого содержались заведения для самых нуждающихся горожан. Так, известная в Тбилиси бесплатная чайная на Вере отпускала в год до 100 тыс. бесплатных обедов [24].

Часто благотворительные общества строились по этноконфессиональному признаку. Тогда, помимо чисто благотворительных целей, они выполняли роль своеобразных национальных организаций, в рамках которых происходило общение соотечественников. Таковы были Дамское евангелическо-лютеранское благотворительное общество, Мусульманское дамское благотворительное общество на Кавказе, Персидское благотворительное общество, Армянское женское благотворительное общество, Еврейское благотворительное общество, Благотворительное общество римско-католического Петропавловского костела и др.

Существовало немало организаций, ставивших целью проведение просветительской и образовательной работы среди населения. Таковы были грузинское общество «Образование», Общество по устройству народных чтений в г. Тифлисе и в Тифлисской губернии, Общество по распространению полезных знаний среди армян Тифлисской губернии, Тифлисское общество распространения грамотности среди грузинского населения и др.

Посильную просветительскую работу старались вести и другие общества. Так, «Союз русских женщин» выступил инициатором серии «музыкально-художественных вечеров с целью сохранения старины и возможно широкого ознакомления публики с нею». Каждый вечер посвящался какой-либо историко-этнографической области Кавказа или Грузии (например, Абхазии и Сванети). Во время вечеров демонстрировались картины и гравюры с изображением древних архитектурных сооружений, находящихся на данной территории, образцы одежды местного населения, предметы быта. Вечера завершались концертным отделением, во время которого исполнялись национальные мелодии [25].

Нельзя обойти вниманием насыщенную театрально-концертную жизнь Тбилиси. Тбилисская публика слыла большой ценительницей оперного искусства. Впервые город познакомился с оперой в 1847 г., когда на гастроли прибыла итальянская труппа, дававшая спектакли в театре караван-сарая Тамамшева. После постройки Казенного театра оперные спектакли стали давать на его сцене. Тбилисская опера соперничала с императорским Мариинским театром в Петербурге и Большим в Москве по оперативности постановок новейших оперных произведений. Афиша оперного театра была настолько разнообразна, что тбилисцы были обычно неплохо знакомы с мировым оперным репертуаром. Особенно любимой по традиции продолжала оставаться итальянская опера, более всего произведе-

ния Дж. Верди, которые, бывало, обретали жизнь на тбилисской сцене через год-два после премьеры на родине композитора.

Каждый год Тбилиси посещали знаменитейшие гастролеры в самых разных жанрах сценического искусства. В Тбилиси играли пианист К. Игумнов и знаменитый скрипач Е. Цимбалист, пела замечательная исполнительница русских песен Н. Плевицкая, танцевала прима-балерина императорских театров Е. Гельцер... Огромное количество восторженных рецензий в местной прессе свидетельствует о неизгладимом впечатлении, которое произвели на тбилисцев гастроли театра В. Комиссаржевской. Театры Тбилиси могли потрафить вкусам самой разнообразной публики. Безусловно находились любители и представлений, устраиваемых, например, в театре «Варьете» Горгиджанова, обосновавшегося в 1910 г. в Муштаиде.

[1] Приводимые в данной главе данные, а также все расчеты основаны главным образом на материалах посемейных списков 1886 г., хранящихся в ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1639, 1640, 1641, 1642; Ф. 192. Оп. 5. Д. 314, 311, 413. В тексте ссылки даются в основном на другие архивные и литературные материалы.

[2] ЦГИА АзССР. Ф. 290. Оп. 1. Д. 33. Л. 4. 6.

[3] Интересно, что при грузинских царях в Тбилиси существовал штраф саканоно, взимавшийся за перемену веры (см.: *Месхиа Ш. А.* Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, 1957. С. 312).

[4] ЦГИА СССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9574. Л. 1; Ф. 17. Оп. 1. Д. 2500. Л. 11; Ф. 1611. Оп. 1. Д. 64. Л. 1, 3; Ф. 488. Оп. 1. Д. 1402. Л. 13, 16; Д. 654. Л. 10, 11, 17; Хроника // К. 1891. № 322; 1892. № 302.

[5] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 1. Д. 903. Л. 31.

[6] Там же. Ф. 12. Оп. 7. Д. 1707. Л. 1, 2; Д. 252. Л. 1, 5, 14; Ф. 17. Оп. 1. Д. 2500. Л. 6, 11; Хроника // К. 1889. № 176.

[7] ЦГИА ГССР. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1641. Л. 2, 4, 46; Ф. 1645. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

[8] Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3503. Л. 1—2.

[9] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3340. Л. 1, 3, 6.

[10] Там же. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1640. Л. 11, 21, 22.

[11] Там же. Ф. 488. Оп. 1. Д. 339. Л. 5 об.

[12] Там же. Д. 654. Л. 33 об.

[13] Там же. Ф. 192. Оп. 5. Д. 311. Л. 94, 95; Ф. 254. Оп. 3. Д. 1641. Л. 10, 11.

[14] Там же. Ф. 1645. Оп. 1. Д. 173. Л. 7, 8.

[15] Там же. Ф. 254. Оп. 3. Д. 1641. Л. 2 об., 3, 6 об., 7.

[16] Там же. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1074. Л. 6.

[17] ЦГИА АзССР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 25; Оп. 2. Д. 886. Л. 1; Оп. 6. Д. 3307. Л. 25.

[18] К. 1887. № 16.

[19] К. 1904. № 9.

[20] К. 1911. № 6.

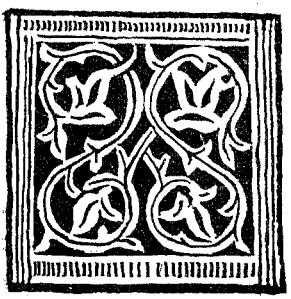
[21] Тифлисское армянское благотворительное общество. Отчет за 1901 г. Тифлис. 1902. С. 8.

[22] К. 1911. № 20.

[23] См., например: К. 1911. № 87.

[24] К. 1905. № 12.

[25] К. 1911. № 70.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование завершено. Мы исчерпали заявленный объем книги, поэтому вынуждены поставить точку. Однако тема отнюдь не исчерпана. Мы ясно осознаем, что нам удалось бросить лишь самый общий взгляд, лишь в самой малой степени прикоснуться к тому удивительному этнографическому калейдоскопу, к тем уникальным бытовым проявлениям, которые определяли неповторимое своеобразие старого Тбилиси. К сожалению, многие сюжеты по необходимости были очерчены нами лишь пунктирно, а многие вообще остались за пределами настоящей книги. Большое количество фактов, документов, исторических свидетельств по этнографии города задействовать пока не удалось — они еще нуждаются в тщательном анализе и обобщении; многое могут дать дополнительные поиски новых источников в архивохранилищах и библиотеках. Одним словом, будущего исследователя этнографии старого Тбилиси ждет кропотливая, но увлекательная и благодарная работа.

Нам же грустно расставаться со старым Тбилиси, с его жителями, с их колоритным бытом — конгломератом разнообразнейших традиций, нравов и обычаев многонационального города. Многонациональность оказалась самой характерной, стержневой особенностью тбилисской жизни. Она проявлялась прежде всего в наличии в городе этнических общин, количество которых в конце века в десятки раз превосходило этот показатель первых десятилетий XIX столетия. Конечно, этнические общины Тбилиси сильно различались по своим параметрам: по численности, времени проживания в городе, социальному статусу, культурному потенциалу. Однако независимо от этого каждая община вела полнокровное существование, внося свой индивидуальный вклад в формирование бытового облика старого Тбилиси.

Многонациональный характер города давал о себе знать на каждом шагу. Здесь приходили в соприкосновение разные языки и наречия, рядом, порой в нескольких шагах друг от друга, мирно соседствовали православные храмы, армяно-григорианские соборы, мечети, костелы, синагоги.

Этнические различия тбилисцев проявлялись в одежде, пище. Не менее ярко различия были заметны в обрядово-ритуальной сфере. Тбилисцы

разных национальностей по-разному справляли свадьбы, хоронили умерших; у каждой общины были свои праздники, знаменательные дни, которые отмечались всегда ярко и красочно. Тбилисцы разных национальностей по-разному реагировали на типичные бытовые ситуации, сугубо этничный характер носили их поведенческие стереотипы, в конкретных проявлениях которых отражалось живое разнообразие национальных характеров, психологии и мировосприятия.

Каждая этническая община обладала многовековым наследием исторической памяти, в которой были аккумулированы важные для национального самосознания идеи об общности исторических судеб «своей» группы, о ее насущных интересах, назревших потребностях. Сквозь призму исторической памяти преломлялись психологические установки на отношение к новой родине — Грузии и городу, в котором группа отныне проживала.

Говоря о национальных группах, об этнических общинах Тбилиси, мы ни в коей мере не считаем, да и материалы настоящего исследования, думаем, также не позволяют считать, что этнические деления тбилисцев были закреплены какими-то организационными структурами, что национальный плюрализм искусственно поддерживался мерами идеологического воздействия со стороны каких-либо общинных организаций. Правда, в ряде случаев религиозные власти выступали определенным цементирующим началом внутренней жизни общины (мусульманской или еврейской, например), тем не менее главным основанием этнической сплоченности национальных групп Тбилиси были естественные импульсы этнокультурного единства носителей данной бытовой традиции.

Этнические общины города не были замкнутыми сообществами. Хотя их внутренняя этническая и культурная целостность сохранялась на всем протяжении XIX в., они в то же время были открыты для внешних влияний, воспринимая в ряде случаев многие формы духовной и материальной культуры своих соседей. Для населения Тбилиси это всегда был всеобщий процесс, который во многом облегчался исторически сложившимися особенностями этнической топографии города. В Тбилиси были «национальные» районы, т. е. кварталы, заселенные преимущественно представителями одного народа (таковыми были армянский Авлабар, русские Пески, немецкая колония и др.). Однако, во-первых, их этническая обособленность была все же относительной, а во-вторых, специфика городской жизни, общие закономерности урбанизационных процессов ломали всякие общинные границы, сталкивали этнические традиции между собой, делали естественными процессы взаимовлияний и сближения культурно-бытовых особенностей жителей Тбилиси разного этнического происхождения.

Важно подчеркнуть, что это сближение не было односторонним процессом, когда уникальная палитра национальных культур деформируется, нивелируется и в конце концов заменяется неким всеобщим культурным стандартом. Отнюдь. Национальные традиции взаимодействовали легко, свободно. Заимствования в той или иной сфере бытовой культуры, часто сопровождавшиеся исчезновением соответствующих исконно-этнических реалий быта, не воспринимались национальным сознанием трагично, не вызывали в большинстве случаев отрицательных эмоций, не порождали

пуристических этнозащитных акций. Взаимовлияние этнических культур было естественным и закономерным результатом исторически сложившейся специфики тбилисской жизни.

Не все этнические общины города принимали одинаковое участие в этих процессах. Разные этнокультурные потенциалы национальных групп Тбилиси давали возможность в каждом конкретном случае выступать либо в роли передатчиков культурных традиций, либо в роли восприемников. Но, как было сказано, процесс обмена культурно-бытовым достоянием имел свои естественные, объективные пределы. Он не привел, да и не мог привести к тотальной нивелировке бытового облика горожан, сохранив удивительное разнообразие этнических вариантов тбилисской жизни, многообразие народных традиций.

Каждая национальная община внесла свой вклад в историю Тбилиси, в формирование многонационального гражданского сообщества его жителей. Это одна из самых светлых и прекрасных страниц истории древнего города. Из нее нельзя что-то изъять или вычеркнуть, о чем-то забыть или умолчать. В противном случае история Тбилиси обеднеет, а сам образ города померкнет, потеряет свою неповторимость, человечность, обаяние самобытности.

Однако можно с уверенностью сказать, что этого никогда не произойдет. Тбилиси никогда не отринет ни одного из своих сынов, всегда будет помнить о тех, кто жил на его земле и здесь же обрел вечный покой. Уникальная историческая черта грузинского национального характера — этническая толерантность, веротерпимость, приязнь ко всем национальным общинам, которые волею судьбы обрели в Грузии вторую родину,— ярко проявилась и осветила жизнь ее многонациональной столицы.

Старый Тбилиси стал ныне легендой. Впрочем, покров легендарности опустился на город уже давно, чуть ли не с начала нынешнего века, снискавшего себе печальную славу разрушителя этнической самобытности. Уже в 1920-х годах Иосиф Гришашвили мечтал прикоснуться к тбилисским легендам, пытался уловить дыхание старого города, услышать его песни, постичь поэтический фольклор. Поэт был мудр в своих исканиях. Ведь легенда никогда не бывает пустым вымыслом. Она всегда основана на были, ее истоки в реальной жизни, легендарные герои существовали, действовали, сражались. Легендарный сюжет всегда раскрывает глубинные нравственные основы человеческого бытия, тысячелетнюю мудрость народного миропонимания.

Легенды старого Тбилиси из этого круга. Поэтический мир благородных карачохели, бесшабашных кинто, волшебников-сазандаров, грустные образы героев Пиросмани, святые камни Сиони — это все легендарные символы ушедшей жизни древнего города. Еще век назад они были привычной повседневностью, составляя плоть и кровь шумной и горячей тбилисской жизни. Но сегодня, воплотившись в легенду, они лепят для нас яркий и неповторимый образ старого Тбилиси.

Образ Тбилиси неотделим и от его внешнего облика. Что мысленно рисуется при произнесении имени города? Кура, величаво несущая свои воды меж крутых берегов... Мтацминда — Святая гора, «самая поэтическая принадлежность Тифлиса», осеняющая мирный быт его жителей... резные балконы с деревянными узорами фантастической красоты... «Мне

Тифлис горбатый снится»,— сказал поэт, который всем сердцем полюбил древний город.

Каждый, кому судьба дарила встречу с Тбилиси, старался навсегда оставить с собой его неповторимый облик. Живописцы запечатлевали город на холсте, писатели воплощали его образ в художественных творениях, неутомимый Дмитрий Ермаков пытался в документальной статике фотографий остановить сиюминутные сценки тбилисской жизни. Но Тбилиси многолик и разнообразен: какая-то его ипостась, какая-то потаенная грань всегда оставалась скрытой даже для самого восторженного и пытливого взгляда.

И мы не смогли проникнуть в прошлое Тбилиси дальше известного предела. Он, вероятно, будет очевиден для читателя, поэтому мы с благодарностью примем замечания, уточнения, добрые советы. Мы завершаем наш труд с надеждой, что в скором времени найдутся новые энтузиасты, которые обратятся к изучению этнографического прошлого прекрасного города на Куре, чтобы можно было лучше и полнее понять и сопоставить легенды и были старого Тбилиси.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Р и с. 1. Жители Тбилиси: грузины; азербайджанцы; грек и армянин. Рисунки В. Верещагина. 1860-е годы (Всемирный путешественник. Т. 7-8. СПб., 1870). 30—31

Р и с. 2. Храмы Тбилиси: вверху — грузинская православная церковь. Фотография 1860-х годов (Im Istmus Kaukasus. Berlin, 1860); внизу — армянский Ванкский собор. Фотография конца XIX в. (*De Baye*. Tiflis. Souvenirs d'une mission. Paris, 1900. P. 14); справа — шиитская мечеть. Рисунок В. Верещагина. 1860-е годы (Всемирный путешественник. Т. 7-8. 1870). 42—43

Р и с. 3. Ремесленники и торговцы старого Тбилиси: горшечники (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-37529); продажа ковров (Гос. музей Грузии АН ГССР. Фотоотдел. Альбом 56. № 7764); лавка фонарщика (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Альбом 799. Ф-1-11233); мастерская кудильщиков (Гос. музей Грузии ГССР. Альбом 10. № 25); продажа чавашей (Там же. № 30); продажа винограда и дынь (Там же. Альбом 56. 8891). 58—63

Р и с. 4. Социальные типы горожан: кинто с фруктами (*Ростомов И. П.* Картвельское племя. Тифлис, 1896); кинто — продавец сыра (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-11235); муша — носильщик тяжестей. Рисунок 1880-х годов (Север. СПб., 1882. № 5). 64—65

Р и с. 5. Караван-сарай Арцруни. Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы (*Цинцадзе В.* Тбилиси. Архитектура старого города и жилые дома первой половины XIX столетия. Тбилиси, 1958. На груз. яз.). 67

Р и с. 6. Река Кура в жизни города: водовозы-тулухчи (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-11237); ловля рыбы на бурдюках (Гос. музей Грузии. Фотоотдел. Альбом 10. № 29); плавучие мельницы (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. О-25776); ловля рыбы с лодки (Там же. Альбом 519. Л. 7). 70—71

Р и с. 7. Часть старого города. Вверху древняя цитадель Нарикала. Фотография конца XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Альбом 767. Ф-1-10410). 89

Р и с. 8. Старый Тбилиси в районе минеральных бань. Фотография второй половины XIX в. (*Цинцадзе В.* Тбилиси. Архитектура старого города...) 91

Р и с. 9. Новый Тбилиси: Головинский проспект; Эриванская площадь. Фотографии Д. Ермакова. Конец XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-2-1082; Ф-1-37496). 93

Р и с. 10. Старый Тбилиси: Успенский тупик; Петхаинская улица и подъем. Фотографии второй половины XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-11240; Ф-1-12358). 98—99

Р и с. 11. Типы городской застройки: новые элементы в домостроительстве; дом на Мухранской улице с открытым двором; дом на Абас-

Абадской площади. Фотографии второй половины XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-12360). 110—111

Р и с. 12. Авлабарский мост. Фотография Д. Ермакова. Конец XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-14255). 113

Р и с. 13. Дарбази: внутренний вид дарбази семьи Поракишвили. Рисунок К. Цаара. 1903 г. (*Сумбадзе Л.* Архитектура грузинского народного жилища дарбази. Тбилиси, 1984. Табл. 4); внешний вид дарбази в Дигоми. Рисунок Н. Северова. 1920-е годы (Пламя. Тифлис, 1924. № 5). 115

Р и с. 14. Фасады новой застройки второй половины XIX в. (*Цинцадзе В.* Тбилиси. Архитектура старого города...). 117

Р и с. 15. Грузинка в традиционном покрывале «чадри». Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы (*G. Gagarin.* Le Caucase pittoresque. Paris, 1847. Tabl. 10). 127

Р и с. 16. Грузинка в шустаки. Рисунок начала XIX в. (*Гватуа Н. А.* История костюма. Грузинский женский костюм XIX — начала XX в. Тбилиси, 1967. На груз. яз. Табл. 2). 129

Р и с. 17. Грузинки в традиционной одежде. Фотографии второй половины XIX в. (*Гватуа Н. А.* История костюма... Табл. 50). 130

Р и с. 18. Грузинки в полутрадиционной одежде. Фотографии второй половины XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-16772). 132

Р и с. 19. Традиционная мужская одежда: князь Аргутинский-Долгоруков в парадном костюме (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-16747); дворянин, выходец из Имерети (Гос. музей Грузии АН ГССР. Альбом 61. № 57). Фотографии Д. Ермакова. Вторая половина XIX в. 133

Р и с. 20. На улицах Тбилиси: традиции и новации в одежде горожан (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф-1-37383); юноша в башлыке (*De Baye.* Tiflis. Souvenirs d'une mission. P. 37). Фотографии конца XIX в. 135

Р и с. 21. Азербайджанцы Тбилиси: представительница привилегированного сословия в традиционном костюме (ГИМ. ИЗО. 82846-КП-Ф-192); шиитское духовное лицо (*De Baye.* Tiflis. Souvenirs d'une mission. P. 24). Фотографии второй половины XIX в. 138—139

Р и с. 22. Средства передвижения и транспорт: слева — паром через Куру (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. 0-21190); перевозка дров на ослах (Там же. Ф-1-11555); справа — арба с бурдюками (Там же. 0-21180); на постоялом дворе. (Там же. Ф-1-16310). Фотографии второй половины XIX в. 154—155

Р и с. 23. Грузинская семья. Фотография конца XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов. Ф2-8854). 167

Р и с. 24. Иосиф Берутчев. Фотография Д. Ермакова. Вторая половина XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф2-8853). 179

Р и с. 25. Манко Орбелиани. Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы (*G. Gagarin.* Le Caucase pittoresque. Tabl. 15). 181

Р и с. 26. Традиционный танец. Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы (Копия из альбома Г. Гагарина. Гос. музей Грузии АН ГССР. Альбом 9. № 18073). 207

Р и с. 27. Народные развлечения: бой баранов. Рисунок Н. Негадаева. Вторая половина XIX в. (Пламя. Тифлис, 1924. № 5). 209

Р и с. 28. Тбилисские бани: Орбелиановские бани; терщик и его клиент. Фотографии конца XIX в. (*De Baye.* Tiflis. Souvenirs d'une mission. P. 41-43). 210—211

Р и с. 29. Мествире. Рисунок В. Верещагина. 1860-е годы (Всемирный путешественник. Т. 7-8). 214

Р и с. 30. Кееноба. Народный тбилисский карнавал. Рисунок второй половины XIX в. (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф1-2705). 227

Р и с. 31. Праздничная жизнь горожан: выезд грузинской семьи за город (ГИМ. ИЗО. Альбом № 42949); Мцхетоба (ЦГА кино-фотодокументов ГССР. Ф1-16760). Фотографии Д. Ермакова. Конец XIX в. 233

На переплете: Старый (Татарский) майдан. Рисунок Г. Гагарина. 1840-е годы (*G. Gagarin.* Le Caucase pittoresque. Tabl. 12).

Форзац 1: Вид на Тбилиси со стороны Куры. Рисунок 1860-х годов.

Форзац 2: Улица в Тбилиси. Рисунок Т. Горшельта. 1850-е годы (Всемирный путешественник. Т. 7-8. СПб., 1870).

Оборот форзаца: Ботаническая улица в старом городе. Рисунок 1870-х годов (Там же).

Контртитул: Храм Метехи на левом берегу Куры (*Квирквелиа Т. Р.* Архитектура Тбилиси. М., 1985. С. 146).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.
В — Возрождение. Тифлис.
ВЕ — Вестник Европы. СПб.
ЗВ — Закавказский вестник. Тифлис.
ЗКОИРГО — Записки Кавказского отдела императорского Русского Географического общества. Тифлис.
ЗР — Закавказская речь. Тифлис.
К — Кавказ. Тифлис.
КК — Кавказский календарь. Тифлис.
КЭС — Кавказский этнографический сборник. Москва.
МЭГ — Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси.
НВ — Новый восход. СПб.
НО — Новое обозрение. Тифлис.
ОИРЭФА — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Москва.
ОПИ ГБЛ — Отдел письменных источников Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
РА — Русский архив. СПб.
РВ — Русский вестник. Москва.
РГО — Русское Географическое общество. СПб.
РС — Русская старина. СПб.
РХЛ — Русский художественный листок. СПб.
СА — Северный архив. СПб.
ССК — Сборник сведений о Кавказе. Тифлис.
СЭ — Советская этнография. Москва.
ТВ — Тифлисские ведомости. Тифлис.
ТЛ — Тифлисский листок. Тифлис.
ЦГВИА. ВУА. — Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Фонд Военно-ученого архива.
ЦГИА АзССР — Центральный государственный исторический архив Азербайджанской ССР.
ЦГИА ГССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абхазы 29, 37
Австрийцы 41
Адыги см. Черкесы
Азербайджанцы 10, 11, 23, 28—30, 36, 37, 46, 72, 136, 138, 144, 157, 159, 174' 178, 188, 189, 248, 250, 251, 254; см-также Татары
Англичане 29, 40, 250
Арабы 14
Армяне 10, 11, 14, 19, 23, 28, 29, 31—36, 40, 41, 43, 44, 46—48, 65, 72, 73, 100, 119, 124, 127, 135, 136, 140, 141, 143, 146—148, 166—169, 171, 173, 175. 176, 178, 182, 185, 187, 189, 191, 193—195, 197, 199, 221, 222, 224, 225, 23, 231, 232, 236, 242, 243, 245—247, 250—254
Ассирийцы (айсоры) 29, 40, 43, 47, 48, 05

Бельгийцы 41
Болгары 29

Греки 11, 29, 31, 38, 40, 41, 43, 44, 50, 73, 81, 127, 175, 176, 186, 250, 251, 25
Грузины 11, 14, 15, 19, 21, 23, 28—36, 41, 43, 44, 46—48, 55, 65, 72, 73, 1003, 119, 124, 129—132, 134, 140, 141, 1433, 147, 148, 166, 167, 171, 173, 175—177, 180—183, 185—187, 191, 194, 195, 197—199, 201, 217, 221, 222, 226, 227, 230, 231, 238, 242—244, 250—254 — см. также гурийцы, имеретины, картлийцы (карталинцы), кахетинцы, мегрелы, рачинцы, тушины, хевсуры
Гурийцы 33, 243 — см. также Грузины

Датчане 41
Дагестанцы 10, 11, 21, 29, 37, 38, 136, 238, 248 — см. также Лезгины, Народы Дагестана

Евреи (евреи горские, евреи грузинские, евреи «европейские», евреи персидские) 23, 27, 29, 39, 40, 43, 51, 73, 137, 175, 250, 252

Имеретины 21, 32, 33, 55, 134, 188 — см. также Грузины
Ингуши 37
Испанцы 29
Итальянцы 29, 41, 250, 251

Казанские татары 11, 37, 38, 45, 188, 248, 249
Картлийцы (карталинцы) 32 — см. также Грузины
Кахетинцы 32 — см. также Грузины
Кистины 238
Кумыки 10, 37 — см. также Татары
Курды 29, 40, 52, 105

Латыши 29
Литовцы 29
Лезгины 10, 21, 29, 37, 38 — см. также Дагестанцы, Народы Дагестана

Мегрелы 32, 33, 243, 244 — см. также Грузины
Монголы 14
Мордва 29

Немцы 23, 28, 29, 40, 41, 43, 49, 50, 144, 170, 174, 176, 249—251
Норвежцы 41

Осетины 11, 29, 37, 43, 73, 158, 186, 196, 249

Персы 11, 29, 36, 43, 46, 69, 72, 73, 137, 188, 224, 242, 248, 250
Поляки 11, 29, 40, 41, 43, 47, 48, 250, 251

Рачинцы 65 — см. также Грузины
Румыны 29, 41
Русские 11, 23, 27—29, 38, 39, 41, 43, 44, 47—50, 73, 82, 90, 107, 119, 139, 153, 157, 160, 171—174, 176, 184, 186, 196, 199, 242, 249—254

Сербы 29

Татары 10, 11, 23, 28—30, 36—38, 43—46, 72, 136, 138, 144, 157, 159, 174, 178, 188, 189, 248, 250, 251, 253, 254 — см. также Азербайджанцы, Казанские татары, Кумыки
Турки 14, 29, 38, 46, 55, 92, 253
Тушины 33, 243 — см. также Грузины

Удины 29

Украинцы 39

Французы 11, 29, 41, 47, 48, 243, 250

Хевсуры 33 — см. также Грузины

Цыгане (цыгане «сербские», цыгане боша) 41

Черкесы 29, 37
Чехи 29
Чеченцы 29, 37
Чуваши 29

Шведы 29, 41
Швейцарцы 29, 40

Эстонцы 29

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	5
Глава первая.	МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ТБИЛИСИ	19
	Численность населения	20
	Социальный состав	24
	Динамика этнического состава населения	28
	Конфессиональный состав	41
Глава вторая.	ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРОЖАН	55
Глава третья.	МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	88
	Внешний вид города	88
	Жилище	108
	Одежда горожан	126
	Пища	142
	Транспорт	153
Глава четвертая.	СЕМЬЯ И ДОМАШНИЙ БЫТ	166
Глава пятая.	ДОСУГ. ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ	204
Глава шестая.	НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	242
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	261
	Список иллюстраций	265
	Список сокращений	268
	Указатель этнических названий	269

ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ АНЧАБАДЗЕ
НАТАЛИЯ ГЕОРГИЕВНА ВОЛКОВА

СТАРЫЙ ТБИЛИСИ

Город и горожане в XIX веке

Утверждено к печати
Ордена Дружбы народов
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства С. Н. Васильченко
Художник Т. Б. Лосина
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технические редакторы
Н. П. Кузнецова, И. Н. Жмуркина
Корректор Е. Л. Сысоева

ИБ № 46091

Сдано в набор 20.07.89. Подписано к печати 10.11.89. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская. № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,18. Усл. кр. отт. 22,37. Уч.-изд. л. 21,8. Тираж 8500 экз. Тип. зак. 155. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета по печати
113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6